

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Агапов В.С. – д-р психол. наук, проф.
Агранат Д.А. – д-р социол. наук, канд. юрид. наук, проф.
Азоев Г.А. – д-р экон. наук, проф.
Антоненко И.В. – д-р психол. наук, проф.
Верещагина А.В. – д-р социол. наук, проф.
Воронин В.Н. – д-р психол. наук, проф.
Грошев И.В. – д-р экон. наук, д-р психол. наук, проф.
Дубицкий В.В. – д-р социол. наук, канд. хим. наук, проф.
Ионцева М.В. – д-р психол. наук, проф.
Каменева Т.Н. – д-р социол. наук, проф.
Клейнер Г.Б. – д-р экон. наук, проф., чл.-корр. РАН
Ковалев В.В. – д-р социол. наук, проф.
Красовский Ю.А. – д-р социол. наук, проф.
Крупнов А.И. – д-р психол. наук, проф.
Кузнецов Н.В. – д-р экон. наук, канд. техн. наук, проф.
Ломовцева О.А. – д-р экон. наук, проф.
Магомедов М.А. – д-р экон. наук, проф.
Максимова С.Г. – д-р социол. наук, проф.
Митрофанова Е.А. – д-р экон. наук, проф.
Миценко В.В. – д-р экон. наук, проф.
Новиков В.Г. – д-р социол. наук, проф.
Райченко А.В. – д-р экон. наук, проф.
Сорокина Г.П. – д-р экон. наук, проф.
Строев В.В. – д-р экон. наук, проф.
Тихонова Е.В. – д-р социол. наук, проф.
Чудновский А.Д. – д-р экон. наук, проф.
Шапалова И.С. – д-р социол. наук, проф.
Эриашвили Н.Д. – д-р экон. наук, канд. юрид. наук,
канд. ист. наук, проф.

Журнал входит в Перечень ВАК рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по направлениям: 5.2.1 – Экономическая теория (экономические науки), 5.2.2 – Математические, статистические и инструментальные методы в экономике (экономические науки), 5.2.3 – Региональная и отраслевая экономика (экономические науки), 5.2.4 – Финансы (экономические науки), 5.2.5 – Мировая экономика (экономические науки), 5.2.6 – Менеджмент (экономические науки), 5.3.1 – Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки), 5.3.3 – Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика (психологические науки), 5.3.4 – Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки), 5.3.5 – Социальная психология, политическая и экономическая психология (психологические науки), 5.3.7 – Возрастная психология (психологические науки), 5.4.1 – Теория, методология и история социологии (социологические науки), 5.4.2 – Экономическая социология (социологические науки), 5.4.3 – Демография (социологические науки), 5.4.4 – Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки), 5.4.5 – Политическая социология (социологические науки), 5.4.6 – Социология культуры (социологические науки), 5.4.7 – Социология управления (социологические науки).

Главный редактор

В.В. Строев

Ответственный за выпуск

Л.Н. Алексеева

Редакторы

П.В. Колпанейцева, П.О. Кузнецова

Выпускающий редактор

и компьютерная верстка

Е.А. Гусева

Технический редактор

А.С. Тарасова

Зарегистрирован в Роскомнадзоре,
свидетельство ПИ № ФС77-1361 от 10.12.1999 г.
В запись о регистрации внесены изменения,
регистрационный номер ПИ № ФС 77-76215 от 12.07.2019 г.

На сайте «Объединенного каталога «Пресса России» www.pressa-rf.ru можно оформить подписку на 2023 год на печатную версию журнала «Вестник университета» по подписному индексу 42517, а также подписаться через интернет-магазин «Пресса по подписке» <https://www.akc.ru>

ЛР № 020715 от 02.02.1998 г.

Подп. в печ. 08.02.2023 г.

Формат 60×90/8

Объем 28,75 печ. л.

Бумага офисная

Печать цифровая

Тираж 1000 экз.

(первый завод 100 экз.)

Заказ № 138

Издаётся в авторской редакции

Ответственность за сведения,
представленные в издании, несут авторы

Все публикуемые статьи прошли
обязательную процедуру рецензирования

Издательство: Издательский дом ГУУ

(Государственный университет управления)

Адрес редакции:

109542, г. Москва, Рязанский проспект, д. 99

Тел.: +7 (495) 377-90-05

E-mail: ic@guu.ru

<http://www.vestnik.guu.ru>

Статьи доступны по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная, согласно которой возможно неограниченное распространение и воспроизведение этих статей на любых носителях при условии указания автора и ссылки на исходную публикацию статьи в данном журнале в соответствии с правилами научного цитирования <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

EDITORIAL BOARD

Agapov V.S. – Dr. Sci. (Psy.), Prof.
Agranat D.L. – Dr. Sci. (Sociol.), Cand. Sci. (Jur.), Prof.
Azoev G.L. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Antonenko I.V. – Dr. Sci. (Psy.), Prof.
Vereshchagina A.V. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Voronin V.N. – Dr. Sci. (Psy.), Prof.
Groshev I.V. – Dr. Sci. (Econ.), Dr. Sci. (Psy.), Prof.
Dubitsky V.V. – Dr. Sci. (Sociol.), Cand. Sci. (Chem.), Prof.
Iontseva M.V. – Dr. Sci. (Psy.), Prof.
Kameneva T.N. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Kleiner G.B. – Dr. Sci. (Econ.), Prof., RAS Corresponding Member
Kovalev V.V. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Krasovsky Yu.D. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Krupnov A.I. – Dr. Sci. (Psy.), Prof.
Kuznetsov N.V. – Dr. Sci. (Econ.), Cand. Sci. (Techn.), Prof.
Lomovtseva O.A. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Magomedov M.D. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Maximova S.G. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Mitrofanova E.A. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Mishchenko V.V. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Novikov V.G. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Raychenko A.V. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Sorokina G.P. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Stroev V.V. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Tihonova E.V. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Chudnovskii A.D. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Shapovalova I.S. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Eriashvili N.D. – Dr. Sci. (Econ.), Cand. Sci. (Jur.),
Cand. Sci. (Hist.), Prof.

The journal is part of the Higher Attestation Commission list of peer-reviewed scientific publications, in which are released the principals scientific results of dissertations for the Degree of Candidate of sciences, but also the Degree of Doctor of Sciences, the following areas are published: 5.2.1 – Economic theory (economic sciences), 5.2.2 – Mathematical, statistical and instrumental methods in economics (economic sciences), 5.2.3 – Regional and sectoral economics (economic sciences), 5.2.4 – Finance (economic sciences), 5.2.5 – World economy (economic sciences), 5.2.6 – Management (Economic Sciences), 5.3.1 – General psychology, personality psychology, history of psychology (psychological sciences), 5.3.3. Labor psychology, engineering psychology, cognitive ergonomics (psychological sciences), 5.3.4 – Pedagogical psychology, psychodiagnostics of digital educational environments (psychological sciences), 5.3.5 – Social psychology, political and economic psychology (psychological sciences), 5.3.7 – Age psychology (psychological sciences), 5.4.1 – Theory, methodology and history of sociology (sociological sciences), 5.4.2 – Economic Sociology (sociological sciences), 5.4.3 – Demography (sociological sciences), 5.4.4 – Social structure, social institutions and processes (sociological sciences), 5.4.5 – Political sociology (sociological sciences), 5.4.6 – Cultural sociology (sociological sciences), 5.4.7 – Sociology of management (sociological sciences).

Editor-in-Chief

V.V. Stroev

Responsible for issue

L.N. Alekseeva

Editors

P.V. Kompaneyceva, P.O. Kuznetsova

Executive editor and desktop publishing

E.A. Guseva

Technical editor

D.S. Tarasova

Registered in the Roskomnadzor
Certificate PI No. FS77-1361 from 10.12.1999
Changes have been made to the registration record
Registration number PI No. FS 77-76215 from 12.07.2019

LR No. 020715 from 02.02.1998
Signed to print 08.02.2023
Format 60×90/8
Size 28,75 printed sheets
Offset paper
Digital printing
Circulation 1000 copies
(the first factory 100 copies)
Print order No. 138

Published in author's edition

The authors are responsible for the information
presented in the publication

All published articles have undergone
a peer review procedure

Publishing: Publishing house
of the State University of Management

Editor's office:

109542, Russia, Moscow, Ryazansky Prospekt, 99
State University of Management
Tel.: +7 (495) 377-90-05
E-mail: ic@guu.ru
<http://www.vestnik.guu.ru>

The articles are available under the Creative Commons Attribution 4.0 International CC BY 4.0. This license allows reusers to distribute, remix, adapt, and build upon the material in any medium or format, so long as attribution is given to the creator. The license allows for commercial use.
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
УПРАВЛЕНИЯ

Жерегеля А.В. Особенности управления современной организацией при реализации стратегии цифровой трансформации	5
Мадьяров А.А. Корпоративная социальная ответственность в информационном обществе: особенности управления персоналом в XXI веке	14
Макрусов В.В., Бондаренко А.О. Комплексная методика анализа эффективности функционирования организационных структур управления в условиях оптимизации иерархии	23
Нечаева П.А., Юсупова Г.Р. Экспертная система управления данными о компетенциях современного менеджера	36
Пирогова Е.В. О концепции управления конкурентоспособностью высшего учебного заведения	48

СТРАТЕГИИ И ИННОВАЦИИ

Боженко Е.С., Николаева Д.М., Свистунова К.О. Определение пользовательских предпочтений поколений X, Y, Z на российском рынке мобильных приложений	56
Быковская Е.Н., Рыбина М.Н. Экспорт образовательных услуг: конкуренция в новых геополитических условиях	68
Иванов И.Н., Орлова А.В. Знания как основа формирования инновационного потенциала персонала организации	76
Коробейников Д.А. Модель цифровой экосистемы агропромышленного комплекса	83
Медведев В.В., Рагуткин А.В., Федченкова Ю.А. Национальная технологическая инициатива и современные экономические шоки	92

РАЗВИТИЕ ОТРАСЛЕВОГО
И РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Гатауллин Р.Ф., Чувапашева Э.Р. Обеспечение гомогенности в социально-экономическом развитии регионов на примере Республики Башкортостан	100
Степанов Н.С. Институты развития регионального управления новой модели экономического роста (территории опережающего развития, территории опережающего социально-экономического развития)	106

ЭКОНОМИКА: ПРОБЛЕМЫ,
РЕШЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аксентьев А.А. Перенос налоговых убытков на будущее: оценка отложенных налоговых активов	114
Горшкова А.А., Косинова М.И. Оценка возможностей функционирования кинокластера в Калининградской области	123
Дзюба А.П., Конопелько Д.В. Анализ факторов, влияющих на рост цен на электроэнергию (мощность) на энергорынке Сибирского федерального округа	132
Красных С.С. Влияние промышленного производства регионов Российской Федерации на показатели внешнеторговой деятельности	144

Кротенко Т.Ю. Инженерная экономика и стратегия инженерно-экономического образования	152
Спицина Д.В. Оценка экспорта высокотехнологичной продукции Российской Федерации в страны БРИКС и ЕАЭС	161
Тригуб Е.Ю. Перспективные направления совершенствования политики деофшоризации: мировая и российская практика	170

ОЦЕНКА ИНВЕСТИЦИЙ

Тернавченко К.О., Асеева В.В. Направления совершенствования механизмов обеспечения инвестиционной безопасности территории в условиях цифровой трансформации (на примере Краснодарского края)	179
---	-----

ФИНАНСЫ И БАНКОВСКОЕ ДЕЛО

Зотиков Н.З. Фискальная функция налогов, ее влияние на доходы бюджетов различных уровней	189
---	-----

СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
И ПРОЦЕССЫ

Захаров М.Ю., Шишкова А.В. Управление цифровой трансформацией образования как часть китайского национального проекта общества Всеобщего Единения	199
Татарнинова Е.А. Внедрение дистанционного обучения в систему профессионального образования как процесс самоорганизации и управления личными ресурсами обучающихся	207
Титор С.Е. Роль сети «Интернет» в современной жизни детей и подростков: анализ социологического опроса	213

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ
В ПСИХОЛОГИИ

Осипова А.В., Чернякевич Е.Ю. Исследование проблем в постановке целей студентами	222
--	-----

CONTENTS

CURRENT ISSUES OF MANAGEMENT

- A.V. Zheregelya**
Features of modern organization management when implementing a digital transformation strategy.....5
- A.A. Madyarov**
Corporate social responsibility in the information society: features of personnel management in the 21st century 14
- V.V. Makrusev, A.O. Bondarenko**
A comprehensive methodology for analyzing the effectiveness of organizational management structures' performance amidst hierarchy optimization..... 23
- P.A. Nechaeva, G.R. Yusupova**
Expert system for managing data on the competencies of a modern manager..... 36
- E.V. Pirogova**
On the concept of university competitiveness management 48

STRATEGIES AND INNOVATIONS

- E.S. Bozhenko, D.M. Nikolaeva, K.O. Svistunova**
Determination of generations X, Y, Z user preferences in the Russian mobile application market..... 56
- E.N. Bykovskaya, M.N. Rybina**
Educational services export: competition in new geopolitical conditions..... 68
- I.N. Ivanov, L.V. Orlova**
Knowledge as the basis for forming the innovative potential of the organization staff 76
- D.A. Korobeinikov**
Digital ecosystem model of the agro-industrial complex 83
- V.V. Medvedev, A.V. Ragutkin, Yu.A. Fedchenkova**
National Technology Initiative and modern economic shocks... 92

DEVELOPMENT OF INDUSTRY AND REGIONAL MANAGEMENT

- R.F. Gataullin, E.R. Chuvashaeva**
Ensuring homogeneity of regional socio-economic development: Republic of Bashkortostan case study..... 100
- N.S. Stepanov**
Institutes for the new model of economic growth regional management development (territories of advanced development, territories of advanced social and economic development)..... 106

ECONOMICS: PROBLEMS, SOLUTIONS AND PROSPECTS

- A.A. Aksent'ev**
Tax loss carryforwards: valuation of deferred tax assets 114
- A.A. Gorshkova, M.I. Kosinova**
Possibilities assessment of the film cluster in the Kaliningrad Oblast functioning 123
- A.P. Dzyuba, D.V. Konopelko**
Analysis of factors influencing the electricity (capacity) price growth in the energy market of the Siberian Federal District... 132
- S.S. Krasnykh**
Influence of industrial production of Russian regions on foreign trade indicators..... 144
- T.Yu. Krotenko**
Engineering economics and engineering economics education strategy 152
- D.V. Spitsina**
Assessment of Russian high-tech export to BRICS and EAEU countries 161
- E.Yu. Trigub**
Promising trends to improve the deoffshorization policy: world and Russian practice 170

INVESTMENT VALUATION

- K.O. Ternavshchenko, V.V. Aseeva**
Directions of the territory's investment security mechanisms improvement in the context of digital transformation: Krasnodar Krai case study..... 179

FINANCE AND BANKING

- N.Z. Zotikov**
Fiscal function of taxes, its impact on budget revenues at various levels..... 189

SOCIAL TECHNOLOGIES AND PROCESSES

- M.Yu. Zakharov, A.V. Shishkova**
Managing the digital transformation of education as part of the Chinese national project of a "Great Unity" society..... 199
- E.A. Tatarinova**
The introduction of distance learning into the system of vocational education as a process of self-organization and management of students' personal resources 207
- S.E. Titor**
The role of the Internet in the modern life of children and teenagers: analysis of a sociological survey 213

CURRENT TRENDS IN PSYCHOLOGY

- L.V. Osipova, E.Yu. Chernyakevich**
Researching problems in setting goals by students 222

Особенности управления современной организацией при реализации стратегии цифровой трансформации

Жерегеля Андрей Васильевич

Соискатель, ORCID: 0000-0002-1317-315X, e-mail: azhereg@yandex.ru

Научно-исследовательский институт образования и науки, г. Москва, Россия

Аннотация

В статье рассматриваются факторы, детерминирующие в современных условиях особенности управления организацией в процессе реализации стратегии цифровой трансформации, и дается их оценка. Приводятся результаты опроса сотрудников о готовности работать в цифровой среде при изменении бизнес-процессов. Анализируются условия развития цифровой трансформации современной организации и работы персонала, а также позитивные и негативные факторы, определяющие пролификацию данного процесса. Затронут аспект институционального поля новой управленческой парадигмы, определяющий резилентность новых форматов профессиональной деятельности в складывающейся цифровой реальности. Автором сделан вывод, что процесс цифровой трансформации как новой управленческой парадигмы, который, в отличие от традиционных подходов, предполагает фундаментальную перестройку существующей структуры, бизнес-процессов, организационно-управленческого механизма взаимодействия со всеми заинтересованными сторонами и обеспечивает трансформацию организации путем пересмотра культуры, стратегии, моделей, операций, продуктов, маркетинга, целей, в том числе и управления сотрудниками. В свою очередь, это потребует, с одной стороны, трансформации процесса технологизации управления интенсифицирующего взаимодействия с персоналом и создающего эффективные каналы коммуникаций, с другой стороны, каскадируемости управленческих процессов, формирующих и другие методы этого взаимодействия, оказывая положительное влияние, как на эффективность управленческих, экономических и организационных процессов, так и на качественное решение конкретных задач.

Ключевые слова

Бизнес-процессы, менеджмент, персонал, современная организация, стратегия, технологии, управление, управленческая парадигма, цифровая среда, цифровая трансформация, цифровизация

Для цитирования: Жерегеля А.В. Особенности управления современной организацией при реализации стратегии цифровой трансформации // Вестник университета. 2023. № 1. С. 5–13.

Features of modern organization management when implementing a digital transformation strategy

Andrey V. Zheregelya

Applicant, ORCID: 0000-0002-1317-315X, e-mail: azhereg@yandex.ru

Research Institute of Education and Science, Moscow, Russia

Abstract

The article examines the factors that determine the features of organization management in the process of implementing the digital transformation strategy in modern conditions, and gives their assessment. The results of a survey of employees on the issue of readiness to work in a digital environment when business processes change are presented. The conditions for the development of digital transformation of a modern organization and the work of personnel, as well as positive and negative factors determining the proliferation of this process are analyzed. The aspect of the institutional field of the new management paradigm, which determines the resilience of new formats of professional activity in the emerging digital reality, is touched upon. It is concluded that the process of digital transformation as a new management paradigm, which, unlike traditional approaches, involves a fundamental restructuring of the existing structure, business processes, organizational and managerial mechanism of interaction with all stakeholders and provides transformation of the organization by revising the culture, strategy, models, operations, products, marketing, goals, including employee management. In turn, this will require, on the one hand, the transformation of the technologization process of management, intensifying interaction with personnel and creating effective communication channels, on the other hand, the cascability of management processes that form other methods of this interaction, having a positive impact on both the effectiveness of managerial, economic and organizational processes, and on a quality solution of specific tasks.

Keywords

Business processes, management, personnel, modern organization, strategy, technology, management, management paradigm, digital environment, digital transformation, digitalization

For citation: Zheregelya A.V. (2023) Features of modern organization management when implementing a digital transformation strategy. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 5–13.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время концептом происходящих изменений являются технологии, оказывающие влияние на процессы управления современной организацией, включающие фундаментальную перестройку существующей структуры, бизнес-процессов, организационно-управленческого механизма взаимодействия со всеми заинтересованными сторонами, в том числе и управления персоналом [1; 2]. Более того, технологизация управления, с одной стороны, интенсифицирует взаимодействия с персоналом, создавая эффективные каналы коммуникаций, с другой стороны, каскадирует управленческие процессы, формируя и другие методы этого взаимодействия, оказывая тем самым положительное влияние как на эффективность управленческих, экономических и организационных процессов, так и на качественное решение конкретных задач [3; 4]. При этом значимым трендом является цифровизация, которая ускоряет происходящие в управлении процессы, формируя новые цифровые реальности [4; 5], обеспечивая тем самым трансформацию организации путем пересмотра культуры, стратегии, моделей, операций, продуктов, маркетинга, целей и т.д., а также посредством принятия и внедрения цифровых решений. Кроме того, цифровая трансформация современных организаций способствует развитию компетенций руководителей, связанных с умением работать с большими массивами данных, и формированию понимания изменения направления вектора деятельности организации, обеспечивающего их долгосрочную конкурентоспособность без существенных капиталовложений с целью получения и масштабирования большей прибыли.

ОСОБЕННОСТИ ВЛИЯНИЯ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ БИЗНЕС-ПРОЦЕССОВ ОРГАНИЗАЦИИ НА ПРИНЦИПЫ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕРСОНАЛА

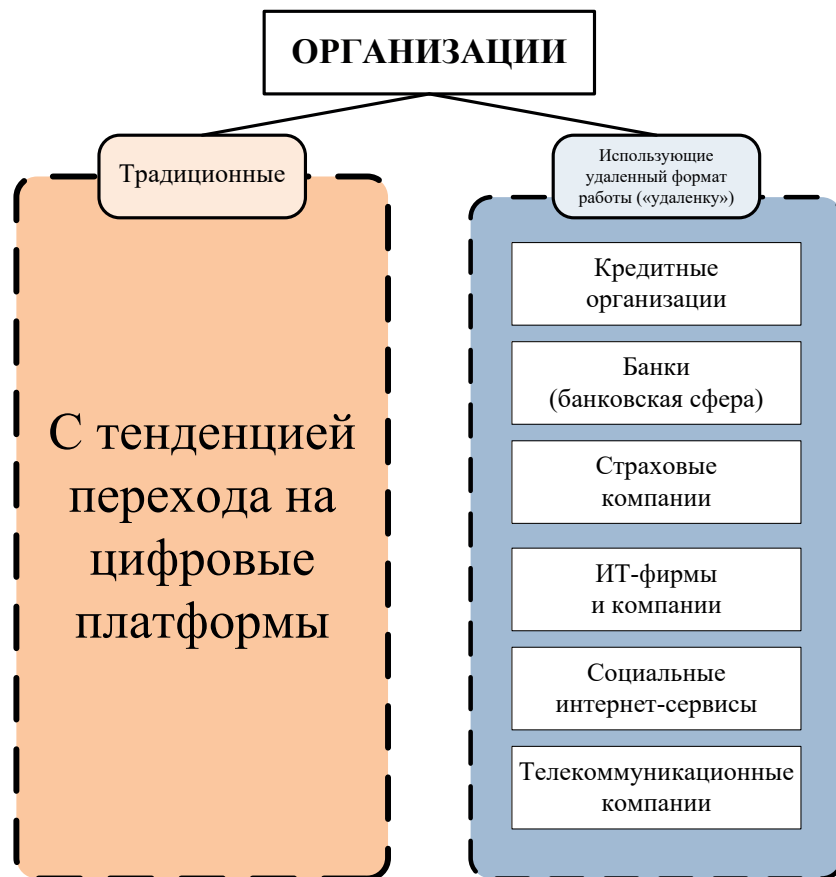
Однако с этими положительными тенденциями оптимизации и повышения эффективности электронных коммуникаций, появлением значительного числа каналов передачи информации, менеджментом цифровой трансформации бизнес-процессов организации как современной управленческой парадигмы, созданием новых ценностей для потребителя на базе интеграции кибер- и физического пространства и т.п., цифровая трансформация производства уменьшает воздействие человеческого фактора, унифицирует бизнес-процессы, обезличивает взаимодействие между сотрудниками. Ее результаты опираются на качественные входные данные, наличие релевантных ресурсов и корректную методологию преобразования информации [3; 6]. В итоге возникает социальная разобщенность, как между сотрудниками, так и среди сотрудников и руководителей, провоцируемая, в частности, изменением трудовых отношений, переходом на дистанционный (удаленный) формат работы (дистанционную форму занятости), переносом рабочих мест в места проживания сотрудников и, в целом, изменением принципов трудовой деятельности на основе процесса замещения привычного человеческого труда цифровыми институтами и решениями и т.д. [6].

Начиная с 2019 г. в России отмечается определенный тренд на удаленный формат работы. С введением в Трудовой кодекс Российской Федерации в 2013 г. новой главы 49.1, посвященной регулированию труда дистанционных работников, в российских законах появилось понятие дистанционного труда. С такими сотрудниками стали заключаться трудовые договора, которые содержали пункты о выполнении трудовых обязанностей не по месту нахождения организации, а по адресу места проживания работника в формате взаимодействия с работодателем посредством использования информационно-телекоммуникационных сетей. В таких трудовых договорах четко прописываются критерии выхода на работу (например, вход в корпоративную сеть в 9:00 и выход в 18:00), а также основания для расторжения соглашения (например, отсутствие связи с работодателем в течение 24 часов без уважительных причин в рабочий день). Порядок начисления зарплаты таким «удаленным» сотрудникам, согласно статье 132 Трудового кодекса Российской Федерации, ничем не отличается от порядка для остальных штатных сотрудников и производится в зависимости от квалификации работника, сложности выполняемой работы, количества и качества труда. Таким образом, законодательное и юридическое регулирование дистанционного труда не имеет каких-либо особенностей с точки зрения его резилентности. Опрос менеджеров по персоналу показал, что каждая четвертая российская компания имела в штате таких работников [7; 8]. Чаще всего среди дистанционно работающих сотрудников были:

- ИТ-специалисты;
- дизайнеры;

- специалисты по продажам;
- рекрутеры;
- проектировщики.

С точки зрения организаций, наиболее широко удаленный принцип работы в перспективе могут использовать современные предприятия, осуществляющие фундаментальную перестройку существующей структуры, бизнес-процессов, организационно-управленческого механизма взаимодействия со всеми заинтересованными сторонами (рис. 1).

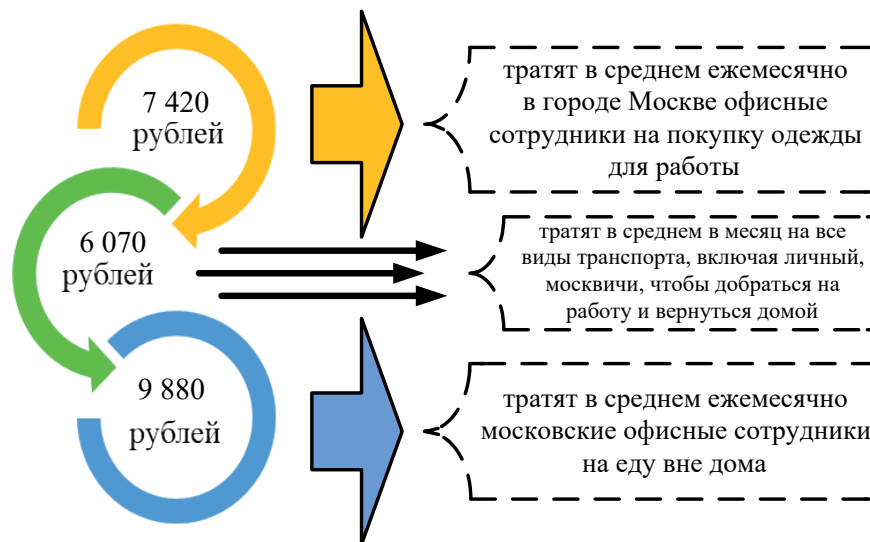
Составлено автором по материалам исследования

Рис. 1. Типология традиционных организаций и организаций, использующих удаленный формат работы

Результаты опроса штатных сотрудников крупных и средних российских компаний и организаций из сферы ИТ (информационных технологий), телекоммуникаций и банковского сектора о готовности работать в домашних условиях, даже при снижении зарплаты [8], показали интересную консигнацию. Большинство респондентов-сотрудников организаций и компаний ответили на вопрос утвердительно (58 %), однако 42 % сотрудников пока не готовы на такие условия своей профессиональной деятельности [9].

Можно сделать вывод, что работать на «удаленке» (из дома) для сотрудников выгодно. Подтверждением данного заключения служат результаты опроса 6 827 работников из шестнадцати российских городов-миллионников. В частности, рассматривая расходы на присутствие одного сотрудника в офисе, включающие в себя транспортные расходы (дорога к месту работы и обратно), расходы на прием пищи в течение рабочего дня (завтраки, обеды и прочее), одежду для офиса (дресс-код сотрудников), общая средняя сумма составила от 12 720 руб. (например, в Казани) до 19 570 руб. (в Москве) в месяц. На рисунке 2 представлены средние траты офисных сотрудников в Москве на основные расходные статьи.

Около половины всех затрат (основная расходная статья) составляют расходы на еду вне дома, затем – транспортные расходы, включая личный транспорт (примерно 25–30 %) и траты на дресс-код (покупка одежды для работы). Представленные данные соответствуют ценам 2019–2020 гг. В настоящее время можно полагать, что ценовой диапазон гораздо выше. Именно по этой причине сотрудники готовы работать из дома, чтобы избежать вышеперечисленных расходов, даже за более низкую зарплату.

Составлено автором по материалам источника: [9]

Рис. 2. Результаты опроса штатных сотрудников крупных и средних российских компаний и организаций из ИТ-сферы, телекоммуникаций и банковского сектора по средним тратам на основные статьи расходов

На рисунке 3 представлены проценты по шестнадцати городам-миллионникам тех респондентов, которые выразили согласие работать не в офисе, если заработная плата при этом будет ниже.

В самых дорогих городах – Санкт-Петербурге и Москве, а также Новосибирске – 30 %, 26 % и 24% респондентов соответственно готовы работать не в офисе, если заработная плата будет ниже как раз на сумму расходов на присутствие на рабочем месте в компании. В Перми было выявлено 7 % таких сотрудников (минимум среди шестнадцати городов-миллионников). Более того, среди участников опроса всего 23 % работников готовы трудиться из дома при условии, что потеряют в зарплате больше, но в пределах не более 20 %. В частности, в Волгограде и Воронеже таких 32 %, в Москве – 23 %, в Санкт-Петербурге – 19 % (минимум по выборке) [8].

С другой стороны, около 30 % сотрудников о затратах на присутствии в офисе вообще не думают, так как им просто нравится работать в офисе, а не дома – на «удаленке». Больше всего сторонников присутствия на рабочем месте в компании в Самаре (33 %) и Санкт-Петербурге (32 %), меньше всего – в Нижнем Новгороде (26 %), Казани (24 %) и Ростове-на-Дону (21 %).

Таким образом, удаленный режим работы для большинства сотрудников является дополнительным стимулом, который позволяет не только экономить деньги, но и не терять время на поездки в офис и обратно. Более того, по оценкам разных источников [8–11], затраты компании на обеспечение работы удаленных сотрудников в 1,5–1,8 раза меньше, чем на персонал, работающий в офисе.

Составлено автором по материалам источника: [9]

Рис. 3. Результаты опроса штатных сотрудников шестнадцати городов-миллионников, которые готовы работать не в офисе при меньшей заработной плате на величину расходов присутствия на рабочем месте в организации

Однако работодатели могут воспользоваться готовностью сотрудников работать на «удаленке» в своих целях. Речь может идти об уменьшении оплаты труда дистанционного работника. В частности, работодатель может использовать:

- категоризацию должности – руководители могут вводить разные категории одной и той же должности. Например, работающие в офисе сотрудники оплачиваются по первой и второй категории, а работающие дистанционно – по третьей (при идентичных обязанностях), с заведомо меньшей заработной платой;
- искусственное уменьшение круга профессиональных обязанностей – иногда работники на «удаленке» имеют меньший объем обязанностей (что закрепляется в соответствующих организационных документах) по сравнению с офисными сотрудниками на аналогичной должности и, следовательно, меньшую зарплату. Обязанности дистанционного и офисного работника часто различаются, что приводит к разнице в должностных грейдах (уровнях). Более того, даже в пределах одного должностного уровня зарплаты сотрудников могут различаться в границах зарплатной вики этого грейда, поскольку у работника на «удаленке» имеются дополнительные преференции в виде домашнего комфорта, отсутствия трат на пребывание в офисе, большей степени свободы и т.д. Это касается и дистанционных сотрудников из регионов;
- использование режима неполной занятости и почасовой оплаты дистанционных сотрудников;
- дробное использование удаленного формата работы – руководство может регулировать количество дистанционных рабочих дней (от нескольких рабочих дней/недель до всей(го) рабочей недели/месяца) исходя из стоящих задач и целей компании;
- привязка заработной платы нанимаемых удаленных сотрудников из других регионов к средней зарплате по региону их присутствия, где оплата труда ниже (в том числе и в случае филиальных представительств головной компании);
- удержание необходимых специалистов – в некоторых случаях удаленная работа становится способом удержания имеющихся высококлассных специалистов;
- уменьшение заработной платы дистанционным работникам по причине траты компанией финансов и времени для того, чтобы дистанционно контролировать их работу.

Важным условием развития дистанционного формата работы и его резилентности в новой цифровой реальности является умение руководителей находить нестандартные пути сплочения и мотивации сотрудников в условиях физического отсутствия коллектива. В таблице 1 представлена перспективность и жизнеспособность «удаленки» с выявлением ее позитивных и негативных составляющих.

Таблица 1

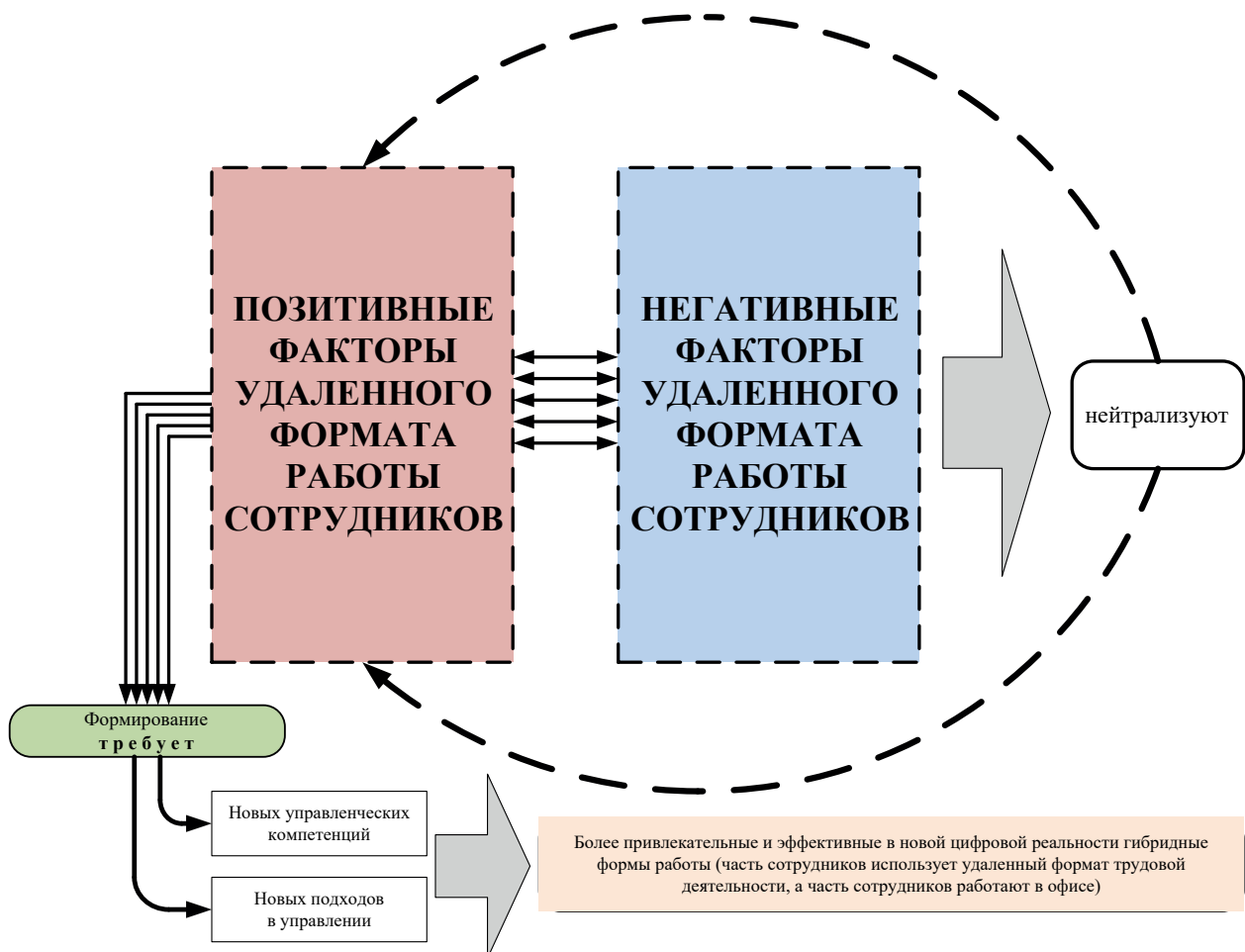
Жизнеспособность и перспективность удаленного формата работы

Преимущества удаленной работы (позитивные факторы)	Стресс-факторы «удаленки» (негативные факторы)
– возможность для сотрудников носить удобную одежду; – отсутствие необходимости тратить время на дорогу к месту работы и обратно; – гибкий график работы; – снижение частоты использования листов нетрудоспособности (ухода на больничный); – нейтрализация разницы в часовых поясах (для транснациональных компаний); – снижение затрат (экономия средств) на командировках (командировочные расходы); – эффект экономии на аренде помещений и других затратах	– эмоциональное, психическое и отчасти физическое истощение сотрудников; – рост количества больничных листов; – растущая неуверенность в своем будущем; – более высокий уровень выгорания сотрудников; – эмоциональная обедненность; – увеличение психологических проблем; – увеличение уровня стресса (особенно в виде экстренного перехода на удаленную работу); – экзистенциальная неопределенность из-за сложностей совмещения/разделения домашней жизни и рабочего времени в одном пространстве; – несправедливое обращение на работе; – ментальные особенности, оказывающие влияние на принятие удаленного формата работы; – неуправляемая рабочая нагрузка;

Преимущества удаленной работы (позитивные факторы)	Стресс-факторы «удаленки» (негативные факторы)
	– отсутствие регулярности общения с руководством/руководителем; – постоянно повторяющийся необоснованный временной цейтнот; – установка в местах проживания сотрудников оборудования для подключения к корпоративной сети; – плохая эргономика в домашнем офисе; – закупка дополнительных ноутбуков; – дефицит «живого» общения; – уменьшение эмоциональной вовлеченности сотрудников

Составлено автором по материалам исследования

Следовательно, практическая имплементация удаленного принципа работы характеризуется амбивалентными последствиями для деятельности сотрудников и руководителей, проявляясь в стресс-факторах, во многих аспектах нейтрализующих в определенной степени перспективность удаленного формата работы (рис. 4).

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 4. Модель взаимодействия позитивных и негативных факторов удаленного формата работы сотрудников

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, процесс цифровой трансформации как новой управленческой парадигмы [12], который, в отличие от традиционных подходов, предполагает фундаментальную перестройку существующей структуры, бизнес-процессов, организационно-управленческого механизма взаимодействия со всеми заинтересованными сторонами, обеспечивает трансформацию организации путем пересмотра культуры, стратегии, моделей, операций, продуктов, маркетинга, целей, в том числе и управления сотрудниками, путем принятия и внедрения цифровых решений.

Библиографический список

1. Грошев И.В., Коблов С.В. Цифровая матрица российской экономики. *Управление*. 2022;10(2):57–70. <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2022-10-2-57-70>
2. Добрынин А.П., Черных К.Ю., Куприяновский В.П., Куприяновский П.В., Синягов С.А. Цифровая экономика – различные пути к эффективному применению технологий (BIM, PLM, CAD, IOT, Smart City, BIG DATA и другие). *International Journal of Open Information Technologies*. 2016;(1):4–11.
3. Грошев И.В., Жерегеля А.В. Особенности взаимодействия в компаниях в условиях развития цифровизации. *Вестник университета*. 2019;(7):108–113. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2019-7-108-112>
4. Акперов И.Г., Мартынов Б.В., Прокопенко Е.С. Роль цифрового сознания в управлении изменениями. *Вестник университета*. 2022;(11):5–10. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2022-10-5-10>
5. Коблов С.В. Социальные вызовы при цифровой трансформации предприятий наукоемких отраслей. *Вопросы региональной экономики*. 2019;2 (39):29–35.
6. Жерегеля А.В. Особенности цифровизации взаимоотношений на промышленном рынке. *Вестник университета*. 2020;(1):12–15. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2020-1-12-15>
7. Коблов С.В. Цифровая трансформация как фактор адаптации персонала для реализации производственного потенциала в условиях пандемии. *Вестник университета*. 2021;(9):43–52. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-9-43-52>
8. Подцеров М., Бершидский М. Сотрудники российских офисов хотят работать из дома. *Ведомости*. Среда 12 февраля 2020. <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2020/02/12/822916-iz-doma> (дата обращения: 12.11.2022).
9. ПРОцифру. *Дайджест Комитета РСПП по цифровой экономике*. М.: Изд-во РСПП; 2021. 119 с.
10. Кармазин Т.И. Корпоративная культура на удаленке: крах или новый этап развития? *Business Excellence*. 2020;(12):41–46.
11. Кармазин Т.И. Ценности и ключевые компетенции в эпоху digital-социума. *Business Excellence*. 2019;(9):38–43.
12. Акперов И.Г. Цифровое сознание как детерминанта управленческой парадигмы в условиях цифровой экономики. *Интеллектуальные ресурсы – региональному развитию*. 2021;(2):242–246.

References

1. Groshev I.V., Koblov S.V. Digital matrix of the Russian economy. *Upravlenie / Management*. 2022;10(2):57–70. <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2022-10-2-57-70>
2. Dobrynin A.P., Chernykh K.Yu., Kupriyanovsky V.P., Kupriyanovsky P.V., Sinyagov S.A. The Digital Economy - the various ways to the effective use of technology (BIM, PLM, CAD, IOT, Smart City, BIG DATA, and others). *International Journal of Open Information Technologies*. 2016;(1):4–11.
3. Groshev I.V., Zheregelya A.V. Features of interaction in the companies in conditions of digitalization development. *Vestnik Universiteta*. 2019;(7):108–113. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2019-7-108-112>
4. Akperov I.G., Martynov B.V., Prokopenko E.S. The role of digital consciousness in change management. *Vestnik Universiteta*. 2022;(11):5–10. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2022-10-5-10>
5. Koblov S.V. Social challenges based on the digital transformation of high-tech enterprises. *Voprosy regionalnoy ekonomiki [Regional economic issues]*. 2019;2 (39):29–35.
6. Zheregelya A.V. Features of digitalization of relationships in the industrial market. *Vestnik Universiteta*. 2020;(1):12–15. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2020-1-12-15>
7. Koblov S.V. Digital transformation as an adaptation factor for personnel to realise productive capacity in a pandemic. *Vestnik Universiteta*. 2021;(9):43–52. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-9-43-52>
8. Podcerov M., Bershidskij M. Sotrudniki rossijskih ofisov hotyat rabotat iz doma [Employees of Russian offices want to work from home]. *Vedomosti*. Wednesday February 12, 2020. <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2020/02/12/822916-iz-doma> (accessed 12.11.2022).

9. PROcifru Dajdzhest Komiteta RSPP po cifrovoj ekonomike [*Pro-Digital Digest of the RSPP Committee on the Digital Economy*]. Moscow: RSPP; 2021. (In Russian).
10. Karmazin T.I. Korporativnaya kul'tura na udalyonke: krah ili novyj etap razvitiya? [Corporate culture at a remote location: collapse or a new stage of development?]. *Business Excellence*. 2020;(12):41–46.
11. Karmazin T.I. Cennosti i klyuchevye kompetencii v epohu digital-sociuma [Values and key competencies in the era of digital society]. *Business Excellence*. 2019;(9):38–43.
12. Akperov I.G. Cifrovoe soznanie kak determinanta upravlencheskoj paradigmy v usloviyax cifrovoj ekonomiki [Digital consciousness as a determinant of the Management paradigm in the Digital economy]. *Intellektualnye resursy – regionalnomu razvitiyu* [*Intellectual resources for regional development*]. 2021;(2):242–246.

Корпоративная социальная ответственность в информационном обществе: особенности управления персоналом в XXI веке

Мадыаров Азат Альбертович

Канд. социол. наук, MBA, бизнес-тренер
ORCID: 0000-0002-4911-7790, e-mail: am.1818@mail.ru

Московская бизнес школа, г. Москва, Россия

Аннотация

Усиление роли знаний в современном обществе актуализирует создание условий для формирования и перераспределения информационных ресурсов. Реализация принципов интернет-экономики оказывает позитивное воздействие как на экономические, так и на социальные показатели деятельности российских компаний. Положительный эффект проявляется не только в росте объемов выручки, но и в повышении корпоративной социальной ответственности. В этой связи особую значимость приобретает изучение методов менеджмента в телекоммуникациях и промышленном производстве – сферах, критически важных для экономики XXI в. Повышение ответственности персонала за счет роста его вовлеченности, который достигается наделением сотрудников дополнительными правами, способствует формированию коллектива с наиболее действенной и ценной для современной компании внутренней мотивацией. Происходит перераспределение операционной власти между группами влияния, и, как следствие, интересы всех исполнителей объединяются вокруг целей организации.

Ключевые слова

Корпоративная социальная ответственность, информационное общество, интернет-экономика, вовлеченность персонала, организационная демократия

Для цитирования: Мадыаров А.А. Корпоративная социальная ответственность в информационном обществе: особенности управления персоналом в XXI веке // Вестник университета. 2023. № 1. С. 14–22.

Corporate social responsibility in the information society: features of personnel management in the 21st century

Azat A. Madyarov

Cand. Sci. (Sociol.), MBA, Business Coach
ORCID: 0000-0002-4911-7790, e-mail: am.1818@mail.ru

Moscow Business School, Moscow, Russia

Abstract

The increasing role of knowledge in modern society actualises the creation of conditions for the formation and redistribution of information resources. Implementation of Internet economy principles has a positive effect on both economic and social performance indicators of Russian companies. The positive effect is manifested not only in the growth of revenue volumes of companies but also in their increasing corporate social responsibility. In this regard, the study of management methods in telecommunications and industrial production – sectors that are critical to the 21st century's economy – is of particular importance. Increasing employees' responsibility by elevating their engagement, which can be achieved through granting them additional rights, contributes to the formation of a team with such internal motivation that is most effective and valuable for a modern company. Redistribution of operational power between interest groups makes the interests of all performers unite around the goals of the organization.

Keywords

Corporate social responsibility, information society, Internet economy, employee engagement, organizational democracy

For citation: Madyarov A.A. (2023) Corporate social responsibility in the information society: features of personnel management in the 21st century. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 14–22.

ВВЕДЕНИЕ

Согласно Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг. (далее – Стратегия-2030) [1], развитие информационного общества напрямую зависит от качества информации и уровня ее применения. Доступность информационных ресурсов как ключевая характеристика такого общества кардинально меняет формат организационных взаимодействий. В этой связи образование новых механизмов организационного устройства становится одним из приоритетов реализации Стратегии-2030: предполагается ревизия используемых методов и инструментов менеджмента с точки зрения их влияния на экономические и социокультурные условия жизни граждан.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

В информационном обществе экономические стимулы перестают действовать как единственно верные и достаточные механизмы мотивации сотрудников. Основные факторы ее формирования принимают следующий вид:

- базовые потребности людей удовлетворены;
- экономического вознаграждения недостаточно для мотивации;
- наилучшим способом организации является не бюрократия, а адхократия;
- имеется способность к свободе в действиях, оценках и суждениях [2].

М. Бауэр, один из основателей международной консалтинговой компании McKinsey & Company, сформулировал ряд принципов современных лидеров [3].

1. Уважительное отношение к сотрудникам. Лидеры должны общаться с сотрудниками как с личностями, признавая их исключительность и ценность. Уважение и внимательность – это самая эффективная мотивация.

2. Развитие в сотрудниках уверенности в себе и самоуважения. От этого зависит способность персонала мобилизоваться, желание идти на риск, решительность в условиях возникновения новых возможностей. Применение данного подхода повышает привлекательность компании как комфортного, престижного места работы.

3. Воспитание последователей. Необходимо развивать потенциал сотрудников, вовлекая их в процесс принятия решений, предоставляя им больше полномочий, возлагая на них больше ответственности, стимулируя расширение их кругозора и используя регулярную ротацию. Лидер должен иметь установку на реальное содействие успеху других людей.

4. Построение партнерских взаимоотношений с сотрудниками. Осознание важности их активного участия в обеспечении устойчивого развития бизнеса связано с пониманием организационных основ деятельности компании в целом – общих целей и ценностей.

К. Клок и Дж. Голдсмит выделили признаки эпохи «менеджеров-динозавров»:

- эгоцентризм руководства и авторитарный стиль принятия решений;
- бюрократическую путаницу и потерю времени (бесцельные усилия);
- профессиональную и управленческую некомпетентность;
- отказ от сотрудничества и развития ответственных отношений [4].

По данным американской компании WorldBlu, которая была основана в 1997 г. и специализируется в области организационной демократии и ежегодно составляет список самых демократичных рабочих мест в мире, экономические субъекты, реализующие концепцию организационной демократии, приобретают ряд преимуществ [5].

1. На уровне организации происходит повышение производительности, рентабельности, продаж и эффективности, общей адаптивности. Так проявляется общеорганизационный эффект.

2. На операционном уровне происходит расширение возможностей для привлечения наиболее талантливых сотрудников, повышение уровня творчества и инноваций, общего уровня доверия к организации, уровня гражданской активности сотрудников в организационном сообществе. Речь идет об эффекте от функционирования системы управления персоналом, а именно от оптимизации HR-процессов.

3. На уровне потребительского рынка наблюдаются устойчивые темпы роста, увеличение доли рынка, лидерство в рейтингах обслуживания клиентов. Речь идет о клиентском эффекте.

Согласно модели В.И. Доминьяка [6], составляющие вовлеченности персонала таковы:

- эмоциональное отношение к организации, то есть верность, преданность, гордость, положительное отношение;
- разделение и принятие организационных ценностей, целей, норм, правил и решений;
- готовность прилагать усилия в интересах организации, работодателя.

Наделяя сотрудников определенной долей операционной власти и тем самым повышая их приверженность общим целям, компания обеспечивает создание ряда мотивационных механизмов, отвечающих требованиям информационного общества [7].

1. Имеется убежденность в том, что интересы руководства и работников могут и должны совпадать.
2. Организация является гармоничным и интегрированным объединением людей, в котором все сотрудники разделяют организационные цели и работают как одна команда.
3. Вовлекая сотрудников в процесс управления, организация достигает приверженности их «сердец и умов» целям организации.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Являясь безусловным лидером отрасли, ПАО «МТС» (далее – «МТС») демонстрирует не только финансово-экономические успехи на рынке связи. Согласно результатам исследования рейтингового агентства АК&М [8], по итогам 2018–2020 гг. «МТС» занимала 1-е место в рейтинге социальной эффективности крупнейших российских компаний, что является наглядной демонстрацией позитивного социального влияния ее деятельности. Кроме того, по данным журнала Forbes [9], «МТС» на протяжении нескольких лет входит в число лучших работодателей Российской Федерации (далее – РФ).

К приоритетам Стратегии «МТС» в области устойчивого развития и корпоративной социальной ответственности на период до 2025 г. относится следующая цель: «...вносить измеримый вклад в решение... социальных проблем общества» [10, с. 6]. Согласно стратегии, «МТС» ориентируется на необходимость вовлекать сотрудников на всех уровнях в процесс управления устойчивым развитием в составе единой потребительской бизнес-экосистемы. Претендуя на повышение своего влияния в информационном обществе, «МТС» становится как объектом для изучения и последующего тиражирования лучших практик управления устойчивым развитием, так и генератором идей по созданию новых общественных отношений в рамках Стратегии-2030.

Несмотря на различные кризисные явления последних лет, руководство других российских компаний также берет курс на устойчивое развитие. Если «МТС», по данным журнала «Эксперт» за декабрь 2021 г. [11], была на 12-м месте в рейтинге устойчивого развития, то другой лидер российской экономики, ПАО «ГМК „Норильский никель“» (далее – «Норникель»), занимал 5-ю строку рейтинга. Следует отметить, что одним из основных факторов, влияющих на общую оценку уровня развития компаний-участников рейтинга, является социальная политика и персонал. Речь идет о формировании кадрового резерва, социальном развитии, отсутствии текучести кадров, уровне вовлеченности персонала [12]. Известно, что, «по данным исследования «МТС», увеличение уровня вовлеченности на 1 % дает увеличение операционной прибыли на 5 %» [13, с. 101].

Внутренняя среда компаний-лидеров позволяет им обеспечивать необходимый уровень организационных взаимодействий. Происходит замещение устаревших практик более эффективными методами менеджмента цифровой экономики: «Реализация принципа „пиринга“ интернет-экономики в отношении „отказа от командно-административных ценностей“ (по Тапскотту) зависит как от готовности коллектива, так и от организационных условий» [14, с. 14].

Партнерство и сотрудничество становятся более востребованными, чем иерархия и эгоцентризм. «МТС» трактует ценностные ориентиры информационного общества с точки зрения обеспечения взаимной выгоды для всех участников стратегического процесса: внедряется принцип интернет-экономики «шеринг» [15], способствующий повышению интеллектуальной открытости компании.

МАТЕРИАЛЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Реализация принципов интернет-экономики позволяет «МТС» обеспечивать достижение трех основных целей устойчивого развития, связанных с управлением персоналом и принятых Организацией Объединенных Наций (далее – ООН) в рамках «Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» [16]:

- 1) обеспечения качественного образования;
- 2) содействия достойной работе;
- 3) уменьшения неравенства.

Компания «МТС» преобразовала цели в области устойчивого развития, разработанные ООН, в свои решения и мероприятия (критерии и показатели экоэффективности), связанные с реализацией концепции стратегического управления человеческими ресурсами по М. Армстронгу [17]. Изучение механизмов достижения целей необходимо для раскрытия особенностей управления персоналом в информационном обществе XXI в. (табл. 1).

Таблица 1

Анализ мероприятий компании ПАО «МТС» по достижению целей устойчивого развития в области стратегического управления человеческими ресурсами

Наименование цели	Решение/мероприятие	Содержание
<i>1. Обеспечение качественного образования</i>		
1.1 Развитие технологий дистанционного образования	3 самостоятельных образовательных направления	– корпоративный университет «МТС»; – коммерческий университет «МТС»; – платформа Smart University
1.2 Повышение цифровой грамотности человеческих ресурсов	Переобучение новым цифровым профессиям	Обучение бухгалтеров программированию и ИТ-специалистов – бизнес-анализу (бизнес-аналитики выполняют роль связующего звена между цифровыми и нецифровыми профессиями)
1.3 Практическая подготовка персонала	Качественное корпоративное обучение как часть ежедневных рабочих привычек	
<i>2. Содействие достойной работе</i>		
2.1 Развитие системы защиты и обеспечения трудовых прав работников	– двухуровневая система управления охраной труда; – функционирование Единой горячей линии для приема обращений сотрудников	– создание безопасных условий труда, предупреждение производственного травматизма; – организация обучения персонала правилам безопасного труда; – обеспечение оперативной обратной связи исполнителей с руководством
2.2 Социальная самореализация персонала	Корпоративное волонтерское движение «ПРОСТО дари добро!»	Поддержка долгосрочных проектов, способствующих решению острых социальных и экологических проблем
2.3 Предоставление персоналу социальных гарантий	Лидирующие позиции в рейтингах лучших работодателей России по версии Forbes [18]	Важную роль при формировании рейтинга Forbes [18] играют метрики, входящие в группу «Сотрудники»: «Зарплата» (средняя заработная плата), «Социальный пакет», «Условия труда»
<i>3. Уменьшение неравенства</i>		
3.1 Соблюдение прав различных категорий персонала на рабочих местах	– место в десятке лучших работодателей 2020 г. по версии Forbes [18]; – утверждение нормативных документов, регулирующих основные вопросы соблюдения прав сотрудников на рабочем месте	– одним из четырех параметров для формирования рейтинга Forbes [18] является то, как эксперты оценивают возможности профессионального развития сотрудников, вклад компании в развитие общества, соблюдение собственниками и руководством общепринятой деловой этики; – политика «Многообразие, равенство и инклюзивность»

Наименование цели	Решение/мероприятие	Содержание
3.2 Формирование корпоративной культуры разнообразия/развития	Соответствие HR-практик «МТС» ценностям информационного общества и принципам интернет-экономики: – обеспечение социальной стабильности в трудовых коллективах; – привлечение и удержание квалифицированного персонала; – создание комфортных условий труда и предоставление равных возможностей для реализации творческого потенциала сотрудников	– постоянное совершенствование социально-трудовых отношений в части социальной поддержки, возможностей для карьерного и личностного роста; – обеспечение эффективной и своевременной двусторонней коммуникации с персоналом; – регулярная оценка внутреннего климата с помощью социологических опросов; – функционирование сервисов психологической поддержки персонала; – формирование высокоэффективных коллективов
3.3 Соответствие структуры персонала структуре общества	«МТС» поддерживает сбалансированную по полу и возрасту структуру коллектива, что позволяет компании обеспечивать стабильность состава персонала, гарантирует здоровый внутрикорпоративный микроклимат и позволяет сохранять и передавать профессиональный опыт	

Составлено автором по материалам исследования и источников: [18; 19]

Таким образом, достижение компанией целей устойчивого развития способствует формированию информационного общества: используется набор инструментов для реализации принципов интернет-экономики. Очевидно, что руководство «МТС» – лидера в секторе телекоммуникаций РФ – уделяет особое внимание совершенствованию механизмов организационного взаимодействия, фактически отказываясь от принципов «менеджеров-динозавров», по К. Клоку и Дж. Голдсмицу [4], и реализуя 10 из 10 принципов организационной демократии, предлагаемых компанией WorldBlu [20].

1. «Цель и видение»: демократическая организация знает, для чего она существует и чего надеется достичь. Цели устойчивого развития «МТС» соответствуют повестке, принятой ООН.

2. «Прозрачность», то есть отказ от менталитета «тайного общества»: демократическая организация прозрачна и открыта для своих сотрудников. Цели устойчивого развития «МТС» открыты и доведены до всех сотрудников.

3. «Диалог и способность прислушиваться»: вместо односторонних нисходящих коммуникаций и монолога демократические организации выбирают диалог, развивающий внутренние связи. В «МТС» функционирует Единая горячая линия для приема обращений сотрудников [19].

4. «Справедливость и достоинство»: демократические организации не разделяют сотрудников на «своих» и «чужих». Обеспечивается эффективная и своевременная двусторонняя коммуникация с сотрудниками независимо от их принадлежности к организационной группе – организационному уровню, подразделению и т.п.

5. «Сочетание индивидуальной и коллективной работы»: в демократических организациях отдельный человек так же важен, как и команда в целом, то есть оцениваются и индивидуальные результаты сотрудников, и их вклад в достижение коллективных целей организации. «МТС» стремится к «созданию высокоэффективных коллективов» [19, с. 26].

6. «Децентрализация»: демократические организации перераспределяют лидерство и делегируют властные полномочия в масштабе всего предприятия. «МТС» видит своей целью «создание комфортных условий труда и предоставление равных возможностей для реализации творческого потенциала сотрудников» [19, с. 26].

7. «Ответственность»: в таких организациях ответственность сотрудников прозрачна. Открытость целей «МТС» для своих сотрудников обеспечивает как эффективное перераспределение полномочий, так и прозрачность оценочных процедур.

8. «Возможность выбора»: демократические организации процветают, когда предоставляют сотрудникам возможность выбора. «МТС» предоставляет сотрудникам возможность проявления своей инициативы и участия в различных проектах как внутри, так и вне организации.

9. «Честность»: присутствует понимание, что свобода требует дисциплины и сознательного выбора делать то, что правильно с моральной и этической точки зрения. «МТС» стремится к «поддержке долгосрочных проектов, способствующих решению острых социальных и экологических проблем» [19, с. 41].

10. «Осмысление и оценка», ведущие к постоянному совершенствованию: демократические организации заинтересованы в постоянном совершенствовании – не только ежеквартальном или ежегодном, но и ежедневном. «МТС» намерена проводить мероприятия по «постоянному совершенствованию социально-трудовых отношений в части социальной поддержки, возможностей для карьерного и личностного роста» [19, с. 26].

Стратегический процесс представляет собой последовательность этапов, итоговая реализуемость которых напрямую зависит от удовлетворения требований ключевых заинтересованных сторон [21]. В качестве контекста информационное общество способствует гуманизации инструментов менеджмента, актуализируя реализацию принципов интернет-экономики, повышая влияние персонала на эффективность деятельности организации в XXI в. Предпринимательское сообщество все чаще осознает свою ответственность перед сотрудниками как участниками цепочки создания потребительской ценности. Более того, от своевременных и осознанных действий персонала зависит качество организационных взаимодействий на корпоративном уровне и, как следствие, формирование информационного общества на мезо- и макроуровнях экономики.

Еще одним примером модернизации системы управления персоналом является компания «Норникель», которая по итогам 2019 г. стала лучшим работодателем РФ по версии журнала Forbes [22]. Однако после экологической катастрофы в мае 2020 г. «Норникель» выбыл из десятки лидеров, опустившись на 14-е место списка. Отвечая на вызовы информационного общества, в середине сентября 2022 г. глава и мажоритарный владелец «Норникеля» В.О. Потанин объявил [23] о революционных планах по увеличению доли сотрудников-акционеров предприятия до 25 % в рамках корпоративной программы «Цифровой инвестор», которая, как ожидается, будет действовать в 2023–2033 гг.

Необходимость совершенствования мер по вовлечению персонала ранее уже привела к решению о распределении акций среди сотрудников: в 1998 г. право персонала на владение акциями своей организации было закреплено Федеральным законом «Об особенностях правового положения акционерных обществ работников (народных предприятий)» [24]. Примером подобной организации является ЗАОр «Народное предприятие Набережночелнинский картонно-бумажный комбинат им. С.П. Титова». Однако и там, и в «Норникеле» существует ограничение на продажу акций действующими сотрудниками.

Стоит отметить, что народные предприятия используют особые методы менеджмента, которые позволяют им занимать лидирующие позиции по внедрению инновационных технологий в отрасли.

1. Формируется культура сотрудничества и взаимного доверия. На руководящие должности назначают сотрудников, доказавших эффективность своей работы. Происходит постепенное замещение сотрудников «избегательного» («люмпенизированного») и «инструментального» типов «профессионалами», «хозяевами» и «патриотами», по В.И. Герчикову [25].

2. Регулярно повышается квалификация как руководства, так и рядовых сотрудников. Для работников создаются конкурентные социальные условия. Кадровый состав является достаточно стабильным, что подтверждает заинтересованность персонала всех уровней в долгосрочных трудовых взаимоотношениях с организацией [26].

Смещение деловой активности в сторону сервисной экономики сопровождается не только общей цифровизацией, но и «экологизацией» корпоративных отношений: в настоящее время термин «озеленение» ассоциируется с переходом к новым методам взаимодействия. Этому способствует модель, в центре которой находятся сотрудники, связанные со знаниями: интернет-технологии + высококвалифицированные специалисты (рядовые сотрудники и менеджмент) + организационная демократия (вовлечение сотрудников в процессы принятия решений) = инновационная компания [14, с. 13].

Таким образом, человеческие ресурсы занимают центральное место в формуле развития, определяя критические факторы успеха компаний в большинстве отраслей экономики. Наблюдается тренд на формирование информационного общества посредством внедрения трех форм организационного устройства, обеспечивающих вовлеченность персонала:

- «организационной демократии» («МТС»);
- «народного капитализма» («Норникель»);
- «народного предприятия» (ЗАОр «Народное предприятие Набережночелнинский картонно-бумажный комбинат им. С.П. Титова»).

Методы менеджмента народных предприятий, наряду с принципами организационной демократии, становятся ориентиром для современных российских компаний, стремящихся к гуманизации управленческих механизмов и последующему тиражированию практик как повышения вовлеченности персонала, так и формирования информационного общества XXI в.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Цель, поставленная в Стратегии-2030 и связанная с формированием информационного общества, согласуется с общемировыми трендами. Как основа трансформации корпоративных отношений и общественных институтов, интернет-экономика переводит акцент с механистического накопления информации на творческое созидание знаний. Построение системы стратегического управления человеческими ресурсами в соответствии с Целями устойчивого развития, разработанными ООН, позволяет российским компаниям-лидерам обеспечивать собственный рост на организационном микроуровне и формировать информационное общество в масштабах всей страны. В этой связи результаты анализа инструментов корпоративного развития, представленные в данной статье, особенно важны для последующего изучения методов менеджмента XXI в.

Библиографический список

1. Президент Российской Федерации. Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы». <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919> (дата обращения: 15.11.2022).
2. Полякова Н.А. *XX век в социологических теориях общества*. М.: Логос; 2004. 384 с.
3. Бауэр М. *Курс на лидерство. Альтернатива иерархической системе управления компанией*. М.: Альпина Бизнес Букс; 2008. 200 с.
4. Клок К., Голдсмит Дж. *Конец менеджмента и становление организационной демократии*. СПб.: Питер; 2004. 368 с.
5. Мадьяров А. Становление «организационной демократии» в условиях глобализации. *Ученые записки ИМЭИ*. 2014;4(3):25–27.
6. Доминьяк В.И. *Организационная лояльность: модель реализации ожиданий работника от своей организации*. Автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05. СПб.: Лема; 2006. 18 с.
7. Жаворонкова Н.М. *Вклад человеческих ресурсов в стратегический успех организации: учебное пособие*. Кн. 1. Жуковский: МИМ ЛИНК; 2016. 69 с.
8. АК&М. *Рейтинг социальной эффективности крупнейших российских компаний*. <https://akmrating.ru/reytingsoceffektivnosty/> (дата обращения: 15.11.2022).
9. Forbes. МТС. <https://www.forbes.ru/profile/244798-mts> (дата обращения: 15.11.2022).
10. МТС. *Стратегия МТС в области устойчивого развития и корпоративной социальной ответственности до 2025 года*. https://mts.ru/upload/contents/608/strategiya_mts_v_oblasti_kso_do_2025.pdf.pdf (дата обращения: 15.11.2022).
11. Эксперт. *Рейтинг устойчивого развития российских компаний (6 декабря 2021 г.)*. https://expert.ru/ustoychivoye_razvitiye/2021/ (дата обращения: 15.11.2022).
12. Клепча К., Ремизов М., Огородников Е. Индекс устойчивого развития пошел вниз. *Эксперт*. Понедельник 6 декабря 2021. <https://expert.ru/expert/2021/50/indeks-ustoychivogo-razvitiya-poshel-vniz/> (дата обращения: 15.11.2022).
13. Алымова О.С. Вовлеченность персонала как фактор успеха компании. *Ученые записки Тамбовского отделения РоСМУ*. 2019;15:91–103.
14. Мадьяров А.А. Обеспечение конкурентоспособности в XXI веке: особенности управления человеческими ресурсами. *Вестник университета*. 2021;4:11–17. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-4-11-17>
15. Тапскотт Д., Уильямс Э.Д. *Викиномика. Как массовое сотрудничество изменяет все*. М.: Интеллектуальная литература; 2020. 460 с.
16. Организация Объединенных Наций. *Цели в области устойчивого развития*. <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/> (дата обращения: 15.11.2022).
17. Армстронг М. *Практика управления человеческими ресурсами*. СПб.: Питер; 2017. 848 с.
18. МТС. *Отчет об устойчивом развитии 2020*. https://www.mts.ru/upload/images/MTS_OUR_2020_book.pdf?ga=2.141933750.50741246.1675236212-623312808.1675236212 (дата обращения: 15.11.2022).
19. МТС. *Отчет об устойчивом развитии 2021*. https://static.ssl.mts.ru/mts_rf/images/otchet-ob-ustoychivom-razvitiy-grupy-mts-2021.pdf (дата обращения: 15.11.2022).
20. WorldBlu. *Freedom at work scorecard*. <https://www.worldblu.com/scorecard> (дата обращения: 15.11.2022).
21. Буджихавон Д.К. *Что такое стратегия? Учебное пособие*. Жуковский: МИМ ЛИНК; 2013. 48 с.
22. Forbes. *Норильский никель*. <https://www.forbes.ru/profile/244802-norilskiy-nikel> (дата обращения: 15.11.2022).

23. Синцова Н., Дзядко Т., Токарев К. Потанин запустит «народный капитализм» в «Норникеле». РБК. Суббота 17 сентября 2022. <https://news.mail.ru/economics/53098580/?frommail=1> (дата обращения: 15.11.2022).
24. Российская Федерация. Федеральный закон от 19.07.1998 № 115-ФЗ «Об особенностях правового положения акционерных обществ работников (народных предприятий)». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19458/ (дата обращения: 15.11.2022).
25. Герчиков В.И. Управление персоналом. Работник – самый эффективный ресурс компании. Учебное пособие. М.: ИНФРА; 2007. 282 с.
26. Мадьяров А.А. Народное предприятие как форма «организационной демократии». В кн.: Рубина Ю.Б. (отв. ред.) Роль бизнеса в трансформации общества – 2014: материалы 9-го Международ. науч. конгресса, Москва, 7–11 апреля 2014 г. М.: Московский финансово-промышленный университет «Синергия»; 2014 С. 96–97.

References

1. President of the Russian Federation. Decree of the President of the Russian Federation No. 203 dated 9 May 2017 “On the Strategy for the development of the information society in the Russian Federation for 2017–2030”. <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919> (accessed 15.11.2022).
2. Polyakova N.L. *The 20th century in sociological theories of society*. Moscow: Logos; 2004. (In Russian).
3. Bower M. *The will to lead: Running a business with a network of leaders*. Moscow: Alpina Business Books; 2008. (In Russian).
4. Cloke K., Goldsmith J. *The end of management and the rise of organizational democracy*. St. Petersburg: Piter; 2004. (In Russian).
5. Madyarov A. The formation of “organizational democracy” in the context of globalization. *Scientific papers IWEL*. 2014;4(3):25–27.
6. Dominyak V.I. *Organizational loyalty: a model for implementing employees’ expectations from the organization*. Abstr. Diss. ... Cand. Sci. (Psy): 19.00.05. St. Petersburg: Lema; 2006. (In Russian).
7. Zhavoronkova N.M. *Contribution of human resources to the strategic success of the organization: a textbook*. Zhukovsky: MIM LINK; 2016. (In Russian).
8. AK&M. *Biggest Russian companies’ social performance rating*. <https://akmrating.ru/rejtingsoceffektivnosti/> (accessed 15.11.2022).
9. Forbes. MTS. <https://www.forbes.ru/profile/244798-mts> (accessed 15.11.2022).
10. MTS. *MTS sustainable development and corporate social responsibility strategy for the period up to 2025*. https://mts.ru/upload/contents/608/strategiya_mts_v_oblasti_kso_do_2025.pdf.pdf (accessed 15.11.2022).
11. Expert. *Russian companies’ sustainable development rating (December 6, 2021)*. https://expert.ru/ustoychivoye_razvitiye/2021/ (accessed 15.11.2022).
12. Klepcha K., Remizov M., Ogorodnikov E. The sustainability index has gone down. *Expert*. Monday December 6, 2021. <https://expert.ru/expert/2021/50/indeks-ustoychivogo-razvitiya-poshel-vniz/> (accessed 15.11.2022).
13. Alymova O.S. Employee engagement as a factor company success. *Scientific notes of the Tambov Branch of the RUYIS*. 2019;15:91–103.
14. Madyarov A.A. Ensuring competitiveness in the twenty-first century: features of human resource management. *Vestnik universiteta*. 2021;4:11–17. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-4-11-17>
15. Tapscott D., Williams A.D. *Wikinomics: How mass collaboration changes everything*. Moscow: Intellectual Literature; 2020. (In Russian).
16. United Nations. *Sustainable development goals*. <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/> (accessed 15.11.2022).
17. Armstrong M. *Armstrong’s handbook of human resource management practice*. St. Petersburg: Piter; 2017. (In Russian).
18. MTS. *Sustainable development report 2020*. https://www.mts.ru/upload/images/MTS_OUR_2020_book.pdf?_ga=2.141933750.50741246.1675236212-623312808.1675236212 (accessed 15.11.2022).
19. MTS. *Sustainable development report 2021*. https://static.ssl.mts.ru/mts_rf/images/otchet-ob-ustojchivom-razviti-grupy-mts-2021.pdf (accessed 15.11.2022).
20. WorldBlu. *Freedom at work scorecard*. <https://www.worldblu.com/scorecard> (accessed 15.11.2022).
21. Bujihavon D.K. *What is strategy? A textbook*. Zhukovsky: MIM LINK; 2013. 48 p.
22. Forbes. *Norilsk Nickel*. <https://www.forbes.ru/profile/244802-norilskiy-nikel> (accessed 15.11.2022).
23. Sintsova N., Dzyadko T., Tokarev K. Potanin to launch “people’s capitalism” at Norilsk Nickel. RBC. Saturday September 17, 2022. <https://news.mail.ru/economics/53098580/?frommail=1> (accessed 15.11.2022).
24. Russian Federation. *Federal Law No. 115-FZ dated 19 July 1998 “On peculiarities of legal status of joint-stock companies of workers (national enterprises)”*. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19458/ (accessed 15.11.2022).
25. Gerchikov V.I. *Personnel management. Employee is the company’s most effective resource. Textbook*. Moscow: INFRA; 2007. (In Russian).
26. Madyarov A.A. People’s enterprise as a form of “organizational democracy”. In: Rubina Yu.B. (ed.) *The Role of Business in the Transformation of Society – 2014: Proceedings of the 9th International Scientific Congress, Moscow, April 7–11, 2011*. Moscow: Moscow University for Industry and Finance “Synergy”; 2014. P. 96–97.

Комплексная методика анализа эффективности функционирования организационных структур управления в условиях оптимизации иерархии

Макрусов Виктор Владимирович¹

Д-р физ.-мат. наук, проф. каф. управления
ORCID: 0000-0002-6899-4705, e-mail: lbknk@yandex.ru

Бондаренко Андрей Олегович²

Канд. экон наук, мл. науч. сотрудник научно-исследовательского отдела
ORCID: 0000-0003-4785-0937, e-mail: a_o_bond@mail.ru

¹Российская таможенная академия, г. Люберцы, Россия

²Ростовский филиал Российской таможенной академии, г. Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация

В статье представлены основные результаты моделирования рациональной иерархии при переходе к плоской организационной структуре в системе государственного управления. В качестве примера использована организационная структура таможенного органа. Полученные результаты позволяют доказательно реализовать комплекс мероприятий, связанных с переходом от иерархических организационных и управленческих структур к плоским. Для обоснования рациональной иерархии предложена комплексная методика анализа эффективности функционирования организационных структур управления в условиях оптимизации иерархии. Методологическая основа исследования включает в себя инструменты теории массового обслуживания, экономико-статистические и экспертно-аналитические методы. В результате моделирования доказано, что плоская организационная структура является более рациональной, чем иерархическая. Это обусловлено тем, что скорость обслуживания запросов клиентов при плоской структуре возрастает за счет уменьшения внутренних вертикальных коммуникационных связей и расширения горизонтальных путем эффективного перераспределения кадрового потенциала.

Ключевые слова

Таможенный орган, организационная структура, иерархическая структура, плоская структура, структура управления, теория массового обслуживания, система массового обслуживания, кадровый потенциал, сервисная трансформация, цифровая трансформация, интеллектуализация

Для цитирования: Макрусов В.В., Бондаренко А.О. Комплексная методика анализа эффективности функционирования организационных структур управления в условиях оптимизации иерархии // Вестник университета. 2023. № 1. С. 23–35.

A comprehensive methodology for analyzing the effectiveness of organizational management structures' performance amidst hierarchy optimization

Viktor V. Makrusev¹

Dr. Sci. (Phys. and Math.), Prof. of the Management Department
ORCID: 0000-0002-6899-4705, e-mail: lbknk@yandex.ru

Andrey O. Bondarenko²

Cand. Sci. (Econ.), Junior Researcher at the Research Department
ORCID: 0000-0003-4785-0937, e-mail: a_o_bond@mail.ru

¹Russian Customs Academy, Lyubertsy, Russia

²Rostov Branch of the Russian Customs Academy, Rostov-on-Don, Russia

Abstract

The article presents the main results of modelling a rational hierarchy corresponding to the transition to a flat organizational structure in the public administration system. The organizational structure of a customs authority served as an example. The obtained results allow to evidently implement a set of measures aimed at transitioning from hierarchical to flat organizational and managerial structures. To substantiate the rational hierarchy, a comprehensive methodology for analyzing the effectiveness of organizational management structures' performance amidst hierarchy optimization is proposed. Research methodology involved the use of queuing theory tools, economic and statistical methods as well as expert and analytical methods. Modeling proved that the flat organizational structure is more rational than the hierarchical one. This is because when the structure is flat, the speed of attending to customers' requests increases due to the decrease in internal vertical communication links and the expansion of the horizontal ones through effective redistribution of human resources.

Keywords

Customs authority, organizational structure, hierarchical structure, flat structure, management structure, queuing theory, queuing system, personnel potential, service transformation, digital transformation, intellectualization

For citation: Makrusev V.V., Bondarenko A.O. (2023) A comprehensive methodology for analyzing the effectiveness of organizational management structures' performance amidst hierarchy optimization. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 23–35.

ВВЕДЕНИЕ

В условиях стратегических трансформаций Федеральная таможенная служба (далее – ФТС России) должна оперативно реагировать на изменения условий внешней среды, то есть сферы внешнеэкономической деятельности. Данные изменения определяются общими тенденциями цифровизации и интеллектуализации таможенного администрирования. Чтобы уровень управляемости со стороны таможенных органов и качество предоставления таможенных услуг в системе таможенного администрирования на современном этапе повысились, организационная структура таможенных органов должна быть выстроена крайне оптимально. Настолько оптимально, чтобы выполнение ФТС России возложенных на нее функций и задач приносило наибольший эффект.

Исследования организационных структур проводятся уже достаточно давно. Так, в 1950 г. Дж. Уорти в своем научном труде первым уделил внимание преимуществу плоских организационных структур по сравнению с иерархическими [1]. Основной вывод ученого звучал следующим образом: «Более плоские, менее сложные структуры с максимальной административной децентрализацией, как правило, создают потенциал для улучшения отношений, более эффективного контроля, большей индивидуальной ответственности и инициативы среди сотрудников» [1, с. 179]. А.В. Портер, Э.Э. Лойлер и Дж. Сигел в своих работах [2; 3] также установили преимущества плоских организационных структур перед иерархическими.

В рамках настоящего исследования на примере таможенного органа предлагаются инструментальные (методические) средства оптимизации организационной структуры управления, причем основой подобной оптимизации должен выступить переход от иерархических организационных структур с большим количеством уровней к плоским структурам и меньшему количеству уровней. Особую актуальность данной проблеме придает необходимость соответствия ключевому целевому ориентиру Стратегии развития ФТС России до 2030 г. – осуществлению «полномасштабной цифровизации и автоматизации деятельности таможенных органов» [4].

Цель статьи заключается в представлении комплексной методики анализа эффективности функционирования организационных структур управления в условиях оптимизации иерархии. Данная методика разработана на основе теории массового обслуживания и имеет своей задачей обоснование перехода к плоским структурам управления на примере таможенного органа.

Указанная комплексная методика включает следующие частные модели и методики: математическую модель обоснования рациональной иерархии в организационной структуре таможенного органа, экспертно-аналитическую методику эффективного перераспределения кадрового потенциала при переходе к плоской организационной структуре управления, а также методику преобразования входящего потока, то есть нагрузки, таможенного органа.

МАТЕМАТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ОБОСНОВАНИЯ РАЦИОНАЛЬНОЙ ИЕРАРХИИ В ОРГАНИЗАЦИОННОЙ СТРУКТУРЕ УПРАВЛЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ ТАМОЖЕННОГО ОРГАНА

Организационная структура таможенного органа представляет собой систему массового обслуживания (далее – СМО) и по количеству каналов обслуживания является многоканальной, а именно C -канальной, поскольку в рассматриваемой модели количество иерархических уровней обозначается символом C . По дисциплине обслуживания организационная структура таможенного органа относится к СМО с неограниченной очередью и, таким образом, классифицируется как многоканальная СМО с неограниченной очередью. В таблице 1 приведены основные показатели СМО, необходимые для исследования организационной структуры таможенного органа.

Таблица 1

Математический аппарат для исследования
организационной структуры таможенного органа

Наименование показателя	Единица измерения	Показатель или расчетная формула
Количество иерархических уровней организационной структуры таможенного органа	Единица	C
Общий (кадровый) потенциал, или штатная численность	Штатная единица	M

Наименование показателя	Единица измерения	Показатель или расчетная формула
Интенсивность поступления товарных партий	Товарная партия в час	λ
Усредненная интенсивность проведения таможенного контроля товарной партии	Товарная партия в час	$\bar{\mu} = \frac{\sum_{i=1}^C \mu_i}{C}$ (1)
Среднее время проведения таможенного контроля в отношении одной товарной партии	Час	$t_{об} = \frac{1}{\mu}$ (2)
Коэффициент загрузки таможенного органа	-	$p = \frac{\lambda}{\mu}$ (3)
Вероятность того, что все иерархические уровни таможенного органа не заняты проведением таможенного контроля	-	$P_0 = \left(\sum_{n=0}^{C-1} \frac{p^n}{n!} + \frac{p^C}{C! [1 - (\frac{p}{C})]} \right)^{-1}$ (4)
Вероятность того, что в системе обслуживания таможенного органа находится n товарных партий	-	$\begin{cases} P_n = \frac{p^n}{n!} P_0, 0 \leq n \leq C; \\ P_n = \frac{p^n}{C! C^{n-C}} P_0, n > C \end{cases}$ (5)
Среднее количество товарных партий в очереди	Товарная партия	$L_q = \left[\frac{Cp}{(C-p)^2} P_c \right]$ (6)
Среднее количество товарных партий, находящихся в системе обслуживания таможенного органа	Товарная партия	$L_s = L_q + p$ (7)
Среднее время пребывания товарной партии в очереди	Час	$W_q = \frac{L_q}{\lambda}$ (8)
Среднее время пребывания товарной партии в системе обслуживания таможенного органа	Час	$W_s = W_q + t_{об}$ (9)

Источник [6]

На основании показателей и формул, которые представлены в таблице 1, расчет W_s при $C = 5, 4, 3$ производится при следующих начальных условиях, характерных для математической модели 5-уровневой структуры таможенного органа:

- 1) $M = 100$ штатных единиц (*const*);
- 2) $\lambda_{\text{риск}} = 25$ рискованных товарных партий в час (*const*);
- 3) $\lambda_{\text{б/риск}} = 75$ безрисковых товарных партий в час (*const*);
- 4) $\sum_{i=1}^C \mu_{\text{риск } i} = 26$ рискованных товарных партий в час;
- 5) $\sum_{i=1}^C \mu_{\text{б/риск } i} = 80$ безрисковых товарных партий в час;
- 6) $\frac{\lambda_{\text{риск}}}{\sum_{i=1}^C \mu_{\text{риск } i}} < 1$, иначе $n_{\text{риск}}$ (количество рискованных товарных партий в очереди) $\rightarrow \infty$;
- 7) $\frac{\lambda_{\text{б/риск}}}{\sum_{i=1}^C \mu_{\text{б/риск } i}} < 1$, иначе $n_{\text{б/риск}}$ (количество безрисковых товарных партий в очереди) $\rightarrow \infty$;

8) пропорциональное соотношение между значениями штатной численности различных иерархических уровней организационной структуры таможенного органа таково: 1 : 4 : 15 : 15 : 65; то есть в структуру входят 1 начальник таможенного органа, 4 заместителя начальника, 15 начальников отделов, 15 заместителей начальников отделов и 65 должностных лиц инспекторского состава;

9) за отчетный период (сутки) произведен контроль в отношении 624 рискованных товарных партий и 1 920 безрисковых товарных партий.

В рамках исследования математической модели 5-уровневой структуры таможенного органа представлен расчет показателей для рискованных товарных партий, в том числе определено соответствующее значение $W_{\text{с риск}}$:

$$\begin{aligned}\bar{\mu}_{\text{риск}} &= \frac{26}{5} = 5,2 \text{ (тов. партий/ч.);} \\ t_{\text{об риск}} &= \frac{1}{5,2} = 0,19231 \text{ (ч.);} \\ p &= 4,80769; P_0 = 0,00163; P_5 = 0,03482; \\ L_{q \text{ риск}} &= 22,63503 \text{ (тов. партий);} \\ W_{q \text{ риск}} &= 0,9054 \text{ (ч.);} \\ W_{\text{с риск}} &= 1,09771 \text{ (ч.)} = 65,86 \text{ (мин.).}\end{aligned}$$

Также представлен расчет показателей для безрисковых товарных партий и определено значение $W_{\text{с б/риск}}$:

$$\begin{aligned}\bar{\mu}_{\text{б/риск}} &= \frac{80}{5} = 16 \text{ (тов. партий/ч.);} \\ t_{\text{об б/риск}} &= \frac{1}{16} = 0,0625 \text{ (ч.);} \\ p &= 4,6875; P_0 = 0,00281; P_5 = 0,05302; \\ L_{q \text{ б/риск}} &= 12,72467 \text{ (тов. партий);} \\ W_{q \text{ б/риск}} &= 0,16966 \text{ (ч.);} \\ W_{\text{с б/риск}} &= 0,23216 \text{ (ч.)} = 13,93 \text{ (мин.).}\end{aligned}$$

МЕТОДИКА ЭФФЕКТИВНОГО ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЯ КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА ПРИ ПЕРЕХОДЕ К ПЛОСКОЙ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ СТРУКТУРЕ УПРАВЛЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ ТАМОЖЕННОГО ОРГАНА

Плоская организационная и управленческая структура определяется сокращением уровней иерархии управления. При переходе к такой структуре показатель общей интенсивности проведения таможенного контроля в отношении рискованных ($\sum_{i=1}^C \mu_{\text{риск } i}$) и безрисковых ($\sum_{i=1}^C \mu_{\text{б/риск } i}$) товарных партий оказывается в прямой зависимости от того, насколько или в какой степени эффективным является перераспределение штатной численности между оставшимися уровнями в иерархии управления после ее оптимизации. Так, чем выше эффективность, тем больше значение указанного показателя. Каждый иерархический уровень характеризуется разной определенной вовлеченностью должностных лиц в процесс осуществления таможенного контроля, и эта степень вовлеченности определяется на основе экспертных оценок. В соответствии с этим разработана методика эффективного перераспределения кадрового потенциала при переходе к плоской организационной структуре управления. Применение данной методики обеспечивает возможность повышения общей интенсивности проведения таможенного контроля.

Экспертам, а именно должностным лицам таможенного органа, было предложено с помощью опросного листа оценить степень вовлеченности должностных лиц каждого иерархического уровня организационной структуры таможенного органа в процесс проведения таможенного контроля по шкале от 1 до C , где C – количество иерархических уровней таможенного органа и максимальный балл. Оценки экспертов распределялись между иерархическими уровнями, а затем суммировались отдельно для каждого из них. Полученные значения перераспределялись по шкале от 1 до 5 в порядке возрастания суммарной оценки. Далее напротив каждой оценки выставлялись корректирующие коэффициенты k_i , где i – порядковый номер иерархического уровня. Таким образом, была проведена оценка степени

вовлеченности должностных лиц различных иерархических уровней в процесс проведения таможенного контроля для 5 уровневой организационной структуры таможенного органа. В таблице 2 отражено распределение оценок экспертов и корректирующих коэффициентов по иерархическим уровням.

Таблица 2

Распределение оценок экспертов и корректирующих коэффициентов

i	M_i	Оценка экспертов	k_i
1	1	1	-2
2	4	2	-1
3	15	3	0
4	15	4	1
5	65	5	2

Составлено авторами по материалам исследования

При переходе к плоской структуре целесообразно сокращать численность иерархического уровня с наименьшей степенью вовлеченности, однако, учитывая важность принципа единоначалия, не следует сокращать численность уровня руководителей. Кадровый потенциал с ликвидируемого уровня стоит перераспределять на уровень с наибольшей степенью вовлеченности, что обеспечит эффективность процесса в рамках разработанной методики.

Далее ее следует применить для расчета общей интенсивности проведения таможенного контроля в отношении рискованных и безрисковых товарных партий, а также для расчета среднего времени пребывания товарных партий в системе обслуживания таможенного органа при переходе к структурам таможенного органа, состоящим из 4 или 3 уровней.

1. Расчет для рискованных товарных партий.

Произведем расчет средней интенсивности осуществления таможенного контроля в отношении рискованных товарных партий на 1 штатную единицу ($\bar{\mu}_{\text{ш.е. риск}}$) и расчет шага корреляционного отклонения (Δk):

$$\bar{\mu}_{\text{ш.е. риск}} = \frac{\sum_{i=1}^C \mu_{\text{риск } i}}{M} = \frac{26}{100} = 0,26;$$

$$\Delta k = \frac{\sum_{i=1}^C \mu_{\text{риск } i} - \lambda}{\sum_{i=1}^C \mu_{\text{риск } i}} = \frac{26 - 25}{26} = 0,03846.$$

Далее произведем расчет корректирующей интенсивности проведения таможенного контроля в отношении рискованных товарных партий на 1 штатную единицу каждого иерархического уровня ($\Delta \bar{\mu}_{\text{ш.е. риск } i}$):

$$\Delta \bar{\mu}_{\text{ш.е. риск } 1} = \bar{\mu}_{\text{ш.е. риск}} + \Delta k \cdot k_1 = 0,26 + 0,03846 \cdot (-2) = 0,18308;$$

$$\Delta \bar{\mu}_{\text{ш.е. риск } 2} = \bar{\mu}_{\text{ш.е. риск}} + \Delta k \cdot k_2 = 0,26 + 0,03846 \cdot (-1) = 0,22154;$$

$$\Delta \bar{\mu}_{\text{ш.е. риск } 3} = \bar{\mu}_{\text{ш.е. риск}} + \Delta k \cdot k_3 = 0,26 + 0,03846 \cdot 0 = 0,26000;$$

$$\Delta \bar{\mu}_{\text{ш.е. риск } 4} = \bar{\mu}_{\text{ш.е. риск}} + \Delta k \cdot k_4 = 0,26 + 0,03846 \cdot 1 = 0,29846;$$

$$\Delta \bar{\mu}_{\text{ш.е. риск } 5} = \bar{\mu}_{\text{ш.е. риск}} + \Delta k \cdot k_5 = 0,26 + 0,03846 \cdot 2 = 0,33692.$$

Затем рассчитаем корректирующую интенсивность проведения таможенного контроля в отношении рискованных товарных партий каждого иерархического уровня ($\Delta \mu_{\text{риск } i}$):

$$\Delta \mu_{\text{риск } 1} = M_1 \cdot \Delta \bar{\mu}_{\text{ш.е. риск } 1} = 1 \cdot 0,18308 = 0,18308;$$

$$\Delta \mu_{\text{риск } 2} = M_2 \cdot \Delta \bar{\mu}_{\text{ш.е. риск } 2} = 4 \cdot 0,22154 = 0,88615;$$

$$\begin{aligned}\Delta\mu_{\text{риск } 3} &= M_3 \cdot \Delta\mu_{\text{ш.е. риск } 3} = 15 \cdot 0,26000 = 3,90000; \\ \Delta\mu_{\text{риск } 4} &= M_4 \cdot \Delta\mu_{\text{ш.е. риск } 4} = 15 \cdot 0,29846 = 4,47692; \\ \Delta\mu_{\text{риск } 5} &= M_5 \cdot \Delta\mu_{\text{ш.е. риск } 5} = 65 \cdot 0,33692 = 21,90000.\end{aligned}$$

Пропорционально значениям $\Delta\mu_{\text{риск } i}$ рассчитываются значения коэффициента вовлеченности должностных лиц разных иерархических уровней в процесс проведения таможенного контроля в отношении рискованных товарных партий ($V_{\text{риск } i}$). Результаты расчетов собраны в таблице 3.

Таблица 3

Расчет коэффициента вовлеченности должностных лиц иерархического уровня в процесс проведения таможенного контроля в отношении рискованных товарных партий

i	$\Delta\mu_{\text{риск } i}$	$V_{\text{риск } i}$
1	0,18308	0,00584
2	0,88615	0,02827
3	3,90000	0,12442
4	4,47692	0,14282
5	21,90000	0,69865
Итого ($\sum_{i=1}^C \Delta\mu_{\text{риск } i}$):	31,34615	1,00000

Составлено авторами по материалам исследования

На следующем этапе для 5-уровневой организационной структуры таможенного органа рассчитывается скорректированная с учетом всех факторов интенсивность проведения таможенного контроля в отношении рискованных товарных партий каждого иерархического уровня ($\mu_{\text{риск } i}$) и на 1 штатную единицу каждого иерархического уровня ($\mu_{\text{ш.е. риск } i}$):

$$\begin{aligned}\mu_{\text{риск } 1} &= V_{\text{риск } 1} \cdot \sum_{i=1}^C \mu_{\text{риск } i} = 0,00584 \cdot 26 = 0,15185; \\ \mu_{\text{риск } 2} &= V_{\text{риск } 2} \cdot \sum_{i=1}^C \mu_{\text{риск } i} = 0,02827 \cdot 26 = 0,73502; \\ \mu_{\text{риск } 3} &= V_{\text{риск } 3} \cdot \sum_{i=1}^C \mu_{\text{риск } i} = 0,12442 \cdot 26 = 3,23485; \\ \mu_{\text{риск } 4} &= V_{\text{риск } 4} \cdot \sum_{i=1}^C \mu_{\text{риск } i} = 0,14282 \cdot 26 = 3,71337; \\ \mu_{\text{риск } 5} &= V_{\text{риск } 5} \cdot \sum_{i=1}^C \mu_{\text{риск } i} = 0,69865 \cdot 26 = 18,16491.\end{aligned}$$

$$\begin{aligned}\mu_{\text{ш.е. риск } 1} &= \frac{\mu_{\text{риск } 1}}{M_1} = \frac{0,15185}{1} = 0,15185; \\ \mu_{\text{ш.е. риск } 2} &= \frac{\mu_{\text{риск } 2}}{M_2} = \frac{0,73502}{4} = 0,18375; \\ \mu_{\text{ш.е. риск } 3} &= \frac{\mu_{\text{риск } 3}}{M_3} = \frac{3,23485}{15} = 0,21566; \\ \mu_{\text{ш.е. риск } 4} &= \frac{\mu_{\text{риск } 4}}{M_4} = \frac{3,71337}{15} = 0,24756; \\ \mu_{\text{ш.е. риск } 5} &= \frac{\mu_{\text{риск } 5}}{M_5} = \frac{18,16491}{65} = 0,27946.\end{aligned}$$

Таким образом, значения интенсивности проведения таможенного контроля в отношении рискованных товарных партий на 1 штатную единицу каждого иерархического уровня вычисляются с учетом степени вовлеченности должностных лиц каждого уровня в процесс проведения таможенного контроля.

Далее определим значения $\mu_{\text{риск } i}$ и, соответственно, $\sum_{i=1}^C \mu_{\text{риск } i}$ для 4-уровневой структуры таможенного органа со штатной численностью, которая после ликвидации 4-го иерархического уровня была перераспределена в следующем пропорциональном соотношении: 1 : 4 : 15 : 80. При этом необходимо иметь в виду, что значения интенсивности проведения таможенного контроля в отношении рискованных товарных партий на 1 штатную единицу каждого иерархического уровня не изменяются при переходе к 4-уровневой структуре. Так, смещение 5-го иерархического уровня на 4-й осуществляется с сохранением интенсивности проведения контроля в отношении рискованных товарных партий на 1 штатную единицу для данного уровня:

$$\begin{aligned}\mu_{\text{риск } 1} &= M_1 \cdot \mu_{\text{ш.е. риск } 1} = 1 \cdot 0,15185 = 0,15185; \\ \mu_{\text{риск } 2} &= M_2 \cdot \mu_{\text{ш.е. риск } 2} = 4 \cdot 0,18375 = 0,73502; \\ \mu_{\text{риск } 3} &= M_3 \cdot \mu_{\text{ш.е. риск } 3} = 15 \cdot 0,21566 = 3,23485; \\ \mu_{\text{риск } 4} &= M_4 \cdot \mu_{\text{ш.е. риск } 4} = 80 \cdot 0,27946 = 22,35681; \\ \sum_{i=1}^C \mu_{\text{риск } i} &= 26,47853.\end{aligned}$$

Далее представлен расчет показателей для математической модели 4-уровневой структуры таможенного органа и определено соответствующее $W_{\text{с риск}}$ при значении $\sum_{i=1}^C \mu_{\text{риск } i}$, изменившемся после перераспределения кадрового потенциала таможенного органа:

$$\begin{aligned}\bar{\mu}_{\text{риск}} &= \frac{26,48}{4} = 6,61963 \text{ (тов. партий/ч.)}; \\ t_{\text{об риск}} &= \frac{1}{6,61963} = 0,15107 \text{ (ч.)}; \\ p &= 3,77665; P_0 = 0,00579; P_5 = 0,04909; \\ L_{\text{г риск}} &= 14,86367 \text{ (тов. партий)}; \\ W_{\text{г риск}} &= 0,59455 \text{ (ч.)}; \\ W_{\text{с риск}} &= 0,74561 \text{ (ч.)} = 44,74 \text{ (мин.)}.\end{aligned}$$

Теперь произведем расчет значений $\mu_{\text{риск } i}$ и, соответственно, $\sum_{i=1}^C \mu_{\text{риск } i}$ для 3-уровневой структуры таможенного органа со штатной численностью, которая после ликвидации 2-го иерархического уровня была перераспределена в пропорциональном соотношении: 1 : 15 : 84. При этом необходимо иметь в виду, что значения интенсивности проведения таможенного контроля в отношении рискованных товарных партий на 1 штатную единицу каждого иерархического уровня не изменяются при переходе к 3-уровневой структуре, как и в рассмотренном ранее случае перехода к 4-уровневой структуре. Смещение 3-го иерархического уровня на 2-й и 4-го на 3-й осуществляется с сохранением интенсивности проведения таможенного контроля на 1 штатную единицу для каждого из уровней:

$$\begin{aligned}\mu_{\text{риск } 1} &= M_1 \cdot \mu_{\text{ш.е. риск } 1} = 1 \cdot 0,15185 = 0,15185; \\ \mu_{\text{риск } 2} &= M_2 \cdot \mu_{\text{ш.е. риск } 2} = 15 \cdot 0,21566 = 3,23485; \\ \mu_{\text{риск } 3} &= M_3 \cdot \mu_{\text{ш.е. риск } 3} = 84 \cdot 0,27946 = 23,47465; \\ \sum_{i=1}^C \mu_{\text{риск } i} &= 26,86135.\end{aligned}$$

Далее представлен расчет показателей для математической модели 3-уровневой структуры таможенного органа и определено соответствующее $W_{\text{с риск}}$ при значении $\sum_{i=1}^C \mu_{\text{риск } i}$, изменившемся после перераспределения кадрового потенциала:

$$\begin{aligned}\bar{\mu}_{\text{риск}} &= \frac{26,86}{3} = 8,95378 \text{ (тов. партий/ч.)}; \\ t_{\text{об риск}} &= \frac{1}{8,95378} = 0,11168 \text{ (ч.)}; \\ p &= 2,79212; P_0 = 0,01665; P_5 = 0,06042;\end{aligned}$$

$$L_{q \text{ риск}} = 11,71094 \text{ (тов. партий);}$$

$$W_{q \text{ риск}} = 0,46844 \text{ (ч.);}$$

$$W_{s \text{ риск}} = 0,58012 \text{ (ч.)} = 34,81 \text{ (мин.).}$$

2. Расчет для безрисковых товарных партий.

Произведем расчет средней интенсивности проведения таможенного контроля в отношении безрисковых товарных партий на 1 штатную единицу ($\bar{\mu}_{\text{ш.е.б/риск}}$) и расчет шага корреляционного отклонения (Δk):

$$\bar{\mu}_{\text{ш.е.б/риск}} = \frac{\sum_{i=1}^C \mu_{\text{б/риск } i}}{M} = \frac{80}{100} = 0,8;$$

$$\Delta k = \frac{\sum_{i=1}^C \mu_{\text{б/риск } i} - \lambda}{\sum_{i=1}^C \mu_{\text{б/риск } i}} = \frac{80 - 75}{80} = 0,0625.$$

Далее определим корректирующую интенсивность проведения таможенного контроля в отношении безрисковых товарных партий на 1 штатную единицу каждого иерархического уровня ($\Delta \mu_{\text{ш.е.б/риск } i}$):

$$\Delta \mu_{\text{ш.е.б/риск } 1} = \bar{\mu}_{\text{ш.е.б/риск}} + \Delta k \cdot k_1 = 0,8 + 0,0625 \cdot (-2) = 0,67500;$$

$$\Delta \mu_{\text{ш.е.б/риск } 2} = \bar{\mu}_{\text{ш.е.б/риск}} + \Delta k \cdot k_2 = 0,8 + 0,0625 \cdot (-1) = 0,73750;$$

$$\Delta \mu_{\text{ш.е.б/риск } 3} = \bar{\mu}_{\text{ш.е.б/риск}} + \Delta k \cdot k_3 = 0,8 + 0,0625 \cdot 0 = 0,80000;$$

$$\Delta \mu_{\text{ш.е.б/риск } 4} = \bar{\mu}_{\text{ш.е.б/риск}} + \Delta k \cdot k_4 = 0,8 + 0,0625 \cdot 1 = 0,86250;$$

$$\Delta \mu_{\text{ш.е.б/риск } 5} = \bar{\mu}_{\text{ш.е.б/риск}} + \Delta k \cdot k_5 = 0,8 + 0,0625 \cdot 2 = 0,92500.$$

Затем рассчитаем корректирующую интенсивность проведения таможенного контроля в отношении безрисковых товарных партий каждого иерархического уровня ($\Delta \mu_{\text{б/риск } i}$):

$$\Delta \mu_{\text{б/риск } 1} = M_1 \cdot \Delta \mu_{\text{ш.е.б/риск } 1} = 1 \cdot 0,67500 = 0,67500;$$

$$\Delta \mu_{\text{б/риск } 2} = M_2 \cdot \Delta \mu_{\text{ш.е.б/риск } 2} = 4 \cdot 0,73750 = 2,95000;$$

$$\Delta \mu_{\text{б/риск } 3} = M_3 \cdot \Delta \mu_{\text{ш.е.б/риск } 3} = 15 \cdot 0,80000 = 12,00000;$$

$$\Delta \mu_{\text{б/риск } 4} = M_4 \cdot \Delta \mu_{\text{ш.е.б/риск } 4} = 15 \cdot 0,86250 = 12,93750;$$

$$\Delta \mu_{\text{б/риск } 5} = M_5 \cdot \Delta \mu_{\text{ш.е.б/риск } 5} = 65 \cdot 0,92500 = 60,12500.$$

Далее произведем расчет значений коэффициента вовлеченности должностных лиц различных иерархических уровней в процесс проведения таможенного контроля в отношении безрисковых товарных партий ($V_{\text{б/риск } i}$) пропорционально значениям $\Delta \mu_{\text{б/риск } i}$ (табл. 4).

Таблица 4

Расчет коэффициента вовлеченности должностных лиц иерархического уровня в процесс проведения таможенного контроля в отношении безрисковых товарных партий

i	$\Delta \mu_{\text{б/риск } i}$	$V_{\text{б/риск } i}$
1	0,67500	0,00761
2	2,95000	0,03326
3	12,00000	0,13531

i	$\Delta\mu_{\text{б/риск } i}$	$V_{\text{б/риск } i}$
4	12,93750	0,14588
5	60,12500	0,67794
Итого ($\sum_{i=1}^C \Delta\mu_{\text{б/риск } i}$):	88,68750	1,00000

Составлено авторами по материалам исследования

На следующем этапе для 5-уровневой организационной структуры таможенного органа рассчитывается скорректированная с учетом всех факторов интенсивность проведения таможенного контроля в отношении безрисковых товарных партий каждого иерархического уровня ($\mu_{\text{б/риск } i}$) и на 1 штатную единицу каждого иерархического уровня ($\mu_{\text{ш.е. б/риск } i}$):

$$\mu_{\text{б/риск } 1} = V_{\text{б/риск } 1} \cdot \sum_{i=1}^C \mu_{\text{б/риск } i} = 0,00761 \cdot 80 = 0,60888;$$

$$\mu_{\text{б/риск } 2} = V_{\text{б/риск } 2} \cdot \sum_{i=1}^C \mu_{\text{б/риск } i} = 0,03326 \cdot 80 = 2,66103;$$

$$\mu_{\text{б/риск } 3} = V_{\text{б/риск } 3} \cdot \sum_{i=1}^C \mu_{\text{б/риск } i} = 0,13531 \cdot 80 = 10,82452;$$

$$\mu_{\text{б/риск } 4} = V_{\text{б/риск } 4} \cdot \sum_{i=1}^C \mu_{\text{б/риск } i} = 0,14588 \cdot 80 = 11,67019;$$

$$\mu_{\text{б/риск } 5} = V_{\text{б/риск } 5} \cdot \sum_{i=1}^C \mu_{\text{б/риск } i} = 0,67794 \cdot 80 = 54,23538;$$

$$\mu_{\text{ш.е. б/риск } 1} = \frac{\mu_{\text{б/риск } 1}}{M_1} = \frac{0,60888}{1} = 0,60888;$$

$$\mu_{\text{ш.е. б/риск } 2} = \frac{\mu_{\text{б/риск } 2}}{M_2} = \frac{2,66103}{4} = 0,66526;$$

$$\mu_{\text{ш.е. б/риск } 3} = \frac{\mu_{\text{б/риск } 3}}{M_3} = \frac{10,82452}{15} = 0,72163;$$

$$\mu_{\text{ш.е. б/риск } 4} = \frac{\mu_{\text{б/риск } 4}}{M_4} = \frac{11,67019}{15} = 0,77801;$$

$$\mu_{\text{ш.е. б/риск } 5} = \frac{\mu_{\text{б/риск } 5}}{M_5} = \frac{54,23538}{65} = 0,83439.$$

Таким образом, полученные значения интенсивности проведения таможенного контроля в отношении безрисковых товарных партий на 1 штатную единицу каждого иерархического уровня рассчитаны с учетом степени вовлеченности должностных лиц каждого иерархического уровня в рассматриваемый процесс.

Далее определим значения $\mu_{\text{б/риск } i}$ и, соответственно, $\sum_{i=1}^C \mu_{\text{б/риск } i}$ для 4-уровневой структуры таможенного органа со штатной численностью, перераспределенной после ликвидации 4-го иерархического уровня в следующем пропорциональном соотношении: 1 : 4 : 15 : 80. При этом необходимо иметь в виду, что значения интенсивности проведения таможенного контроля в отношении безрисковых товарных партий на 1 штатную единицу каждого иерархического уровня не изменяются при переходе к 4-уровневой структуре. Так, смещение 5-го иерархического уровня на 4-й осуществляется с сохранением интенсивности проведения таможенного контроля в отношении безрисковых товарных партий на 1 штатную единицу для данного уровня.

$$\mu_{\text{б/риск } 1} = M_1 \cdot \mu_{\text{ш.е. б/риск } 1} = 1 \cdot 0,60888 = 0,60888;$$

$$\mu_{\text{б/риск } 2} = M_2 \cdot \mu_{\text{ш.е. б/риск } 2} = 4 \cdot 0,66526 = 2,66103;$$

$$\mu_{\text{б/риск } 3} = M_3 \cdot \mu_{\text{ш.е. б/риск } 3} = 15 \cdot 0,72163 = 10,82452;$$

$$\mu_{\text{б/риск } 4} = M_4 \cdot \mu_{\text{ш.е. б/риск } 4} = 80 \cdot 0,83439 = 66,75123;$$

$$\sum_{i=1}^C \mu_{\text{б/риск } i} = 80,84567.$$

Далее представлен расчет показателей для математической модели 4-уровневой структуры и определено соответствующее $W_{\text{с б/риск}}$ при значении $\sum_{i=1}^C \mu_{\text{б/риск } i}$, изменившемся после перераспределения кадрового потенциала таможенного органа:

$$\bar{\mu}_{\text{б/риск}} = \frac{80,85}{4} = 20,21142 \text{ (тов. партий/ч.);}$$

$$t_{\text{об б/риск}} = \frac{1}{20,21142} = 0,04948 \text{ (ч.);}$$

$$p = 3,71077; P_0 = 0,00773; P_5 = 0,06107;$$

$$L_{q \text{ б/риск}} = 10,83553 \text{ (тов. партий);}$$

$$W_{q \text{ б/риск}} = 0,14447 \text{ (ч.);}$$

$$W_{\text{с б/риск}} = 0,19395 \text{ (ч.)} = 11,64 \text{ (мин.)}.$$

Произведем расчет значений $\mu_{\text{б/риск } i}$ и соответственно $\sum_{i=1}^C \mu_{\text{б/риск } i}$ для 3-уровневой структуры таможенного органа со штатной численностью, перераспределенной после ликвидации 2-го иерархического уровня в пропорциональном соотношении: 1 : 15 : 84. При этом необходимо иметь в виду, что интенсивности проведения таможенного контроля в отношении безрисковых товарных партий на одну штатную единицу каждого иерархического уровня так же, как и в случае с переходом к 4-уровневой структуре, не изменяются при переходе к 3-уровневой структуре. Так, смещение 3-го иерархического уровня на 2-й и 4-го на 3-й иерархические уровни осуществляется с сохранением интенсивности проведения таможенного контроля в отношении безрисковых товарных партий на одну штатную единицу для каждого из уровней.

$$\mu_{\text{б/риск } 1} = M_1 \cdot \mu_{\text{ш.е. б/риск } 1} = 1 \cdot 0,60888 = 0,60888;$$

$$\mu_{\text{б/риск } 2} = M_2 \cdot \mu_{\text{ш.е. б/риск } 2} = 15 \cdot 0,72163 = 10,82452;$$

$$\mu_{\text{б/риск } 3} = M_3 \cdot \mu_{\text{ш.е. б/риск } 3} = 84 \cdot 0,83439 = 70,08879;$$

$$\sum_{i=1}^C \mu_{\text{б/риск } i} = 81,52220.$$

Далее представлен расчет показателей для математической модели 3-уровневой структуры таможенного органа и определено соответствующее $W_{\text{с б/риск}}$ при значении $\sum_{i=1}^C \mu_{\text{б/риск } i}$, изменившемся после перераспределения кадрового потенциала таможенного органа:

$$\bar{\mu}_{\text{б/риск}} = \frac{81,52}{3} = 27,17407 \text{ (тов. партий/ч.);}$$

$$t_{\text{об б/риск}} = \frac{1}{27,17407} = 0,03680 \text{ (ч.);}$$

$$p = 2,75998; P_0 = 0,01947; P_5 = 0,06822;$$

$$L_{q \text{ б/риск}} = 9,80481 \text{ (тов. партий);}$$

$$W_{q \text{ б/риск}} = 0,13073 \text{ (ч.);}$$

$$W_{s \text{ б / риск}} = 0,16753 (\text{ч.}) = 10,05 (\text{мин.}).$$

МЕТОДИКА ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ВХОДЯЩЕГО ПОТОКА (НАГРУЗКИ) ТАМОЖЕННОГО ОРГАНА

Произведенные расчеты и имеющиеся данные о количестве рискованных и безрисковых товарных партий, составившем 624 и 1 920 соответственно, позволяют определить среднее время пребывания товарных партий в системе обслуживания (W_s). Вычисления основаны на определении средневзвешенного значения среднего времени пребывания рискованных и безрисковых товарных партий в системе обслуживания и осуществлены по следующей формуле:

$$W_s = \frac{W_{s \text{ риск}} \cdot \text{кол-во риск. тов. партий} + W_{s \text{ б / риск}} \cdot \text{кол-во б / риск. тов. партий}}{\text{кол-во риск. тов. партий} + \text{кол-во б / риск. тов. партий}} \quad (10)$$

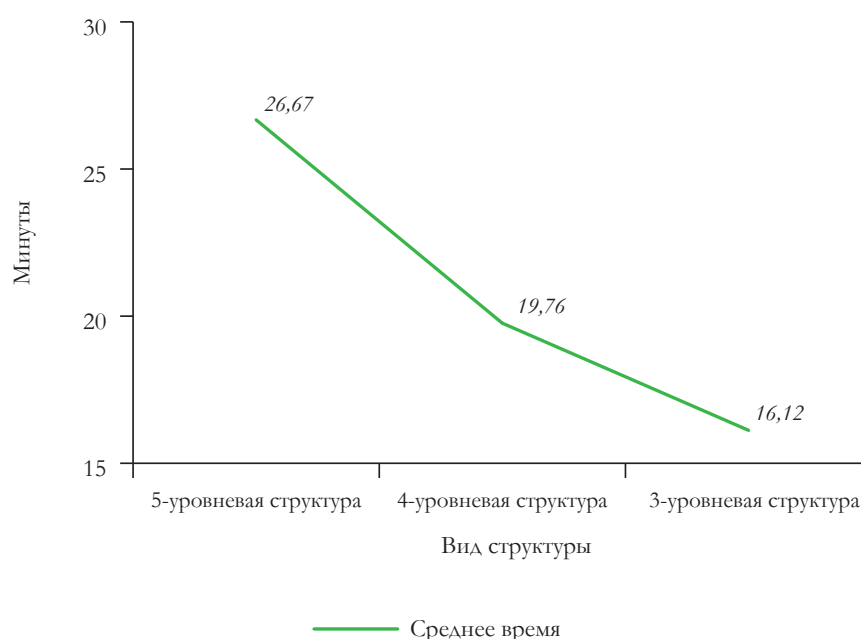
Далее представлен расчет среднего времени пребывания товарных партий в системе обслуживания таможенного органа для пяти-, четырех- и трехуровневой структуры:

$$W_{s \text{ (для 5-уровневой структуры)}} = \frac{65,86 \cdot 624 + 13,93 \cdot 1920}{624 + 1920} = 26,67 (\text{мин.});$$

$$W_{s \text{ (для 4-уровневой структуры)}} = \frac{44,74 \cdot 624 + 11,64 \cdot 1920}{624 + 1920} = 19,76 (\text{мин.});$$

$$W_{s \text{ (для 3-уровневой структуры)}} = \frac{34,81 \cdot 624 + 10,05 \cdot 1920}{624 + 1920} = 16,12 (\text{мин.}).$$

По результатам проведенного анализа эффективности функционирования организационной структуры при изменении количества уровней в иерархии управления можно выявить определенную тенденцию изменения среднего времени пребывания товарной партии в системе обслуживания (рис. 1).

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 1. Тенденция изменения среднего времени пребывания товарной партии в системе обслуживания таможенного органа при сокращении количества иерархических уровней в его организационной структуре

Итак, в связи с переходом от 5-уровневой к 3-уровневой структуре таможенного органа наблюдается сокращение W_j на 40 %. Полученный результат определяет преимущество плоских организационных структур управления перед иерархическими.

ВЫВОДЫ

Разработанная комплексная методика дает возможность моделировать оптимальные организационные структуры управления. Также результаты ее использования позволяют утверждать, что плоская организационная структура таможенного органа является наиболее оптимальной, поскольку в таком случае скорость обработки товаропотока в системе обслуживания оказывается самой высокой. При этом необходимо отметить, что сокращение уровней иерархии в организационной структуре таможенного органа стоит сопровождать качественными изменениями системы таможенного администрирования. Такие изменения должны включать в себя внедрение технологических цифровых платформ, автоматизацию и интеллектуализацию операционных и управленческих бизнес-процессов и позволять повысить качество предоставляемых таможенных услуг.

Библиографический список

1. Worthy J.C. Organizational structure and employee morale. *American sociological review*. 1950;15(2):169–179. <https://doi.org/10.2307/2086780>
2. Porter L.W., Lawler III E.E. The effects of “tall” versus “flat” organization structures on managerial job satisfaction. *Personnel psychology*. 1964;17(2):135–148. <https://doi.org/10.1111/j.1744-6570.1964.tb00057.x>
3. Porter L.W., Siegel J. Relationships of tall and flat organization structures to the satisfactions of foreign managers. *Personnel psychology*. 1965;18(4):379–392. <https://doi.org/10.1111/j.1744-6570.1965.tb00293.x>
4. Правительство Российской Федерации. *Распоряжение от 23.05.2020 № 1388-п*. <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102352512&backlink=1&&nd=102737742> (дата обращения: 03.11.2022).
5. Бойкова М.В. Интегративная модель как инструмент создания ценности в системе таможенного администрирования. *Вестник университета*. 2021;4:87–96. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-4-87-96>
6. Бондаренко А.О., Макрусев В.В. Обоснование перехода к плоским организационным структурам управления в условиях цифровой трансформации: методика и математическая модель. *Экономика и предпринимательство*. 2022;138:1049–1056. <https://doi.org/10.34925/EIP.2022.138.1.209>

References

1. Worthy J.C. Organizational structure and employee morale. *American sociological review*. 1950;15(2):169–179. <https://doi.org/10.2307/2086780>
2. Porter L.W., Lawler III E.E. The effects of “tall” versus “flat” organization structures on managerial job satisfaction. *Personnel psychology*. 1964;17(2):135–148. <https://doi.org/10.1111/j.1744-6570.1964.tb00057.x>
3. Porter L.W., Siegel J. Relationships of tall and flat organization structures to the satisfactions of foreign managers. *Personnel psychology*. 1965;18(4):379–392. <https://doi.org/10.1111/j.1744-6570.1965.tb00293.x>
4. Government of the Russian Federation. *Order No. 1388-p dated 23 May 2020*. <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102352512&backlink=1&&nd=102737742> (accessed 03.11.2022).
5. Boykova M.V. Integrative model as a value creation tool in the customs administration system. *Vestnik universiteta*. 2021;4:87–96. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-4-87-96>
6. Bondarenko A.O., Makrusev V.V. Justification of the transition to flat organizational management structures in the conditions of digital transformation: methodology and mathematical model. *Journal of economy and entrepreneurship*. 2022;138:1049–1056. <https://doi.org/10.34925/EIP.2022.138.1.209>

Экспертная система управления данными о компетенциях современного менеджера

Нечаева Полина Александровна

Канд. экон. наук, доц. каф. управления
ORCID: 0000-0002-3145-8546, e-mail: polina23j@yandex.ru

Юсупова Гульнара Ринатовна

Канд. экон. наук, зав. каф. управления
ORCID: 0000-0002-0967-4744, e-mail: y-gulnarin@mail.ru

Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова, г. Казань, Россия

Аннотация

В современной экономике Российской Федерации цифровизация стала одним из ключевых компонентов социально-экономического развития регионов страны. Предприятия различных отраслей сталкиваются с необходимостью обработки больших массивов данных, что значительно усложняет управление ими, в связи с чем возрастает актуальность анализа технологий искусственного интеллекта. Подготовка сотрудников для промышленных процессов является серьезной проблемой в любой отрасли. Эффективное управление человеческими ресурсами требует точной оценки и представления имеющихся компетенций, а также эффективного отображения навыков, необходимых для конкретных должностей. Компетенции дают возможность предприятию добиваться высоких производственных и экономических результатов. Целью исследования является разработка структурной модели прогнозной экспертной системы управления данными о компетенциях современного менеджера путем объединения искусственного и человеческого интеллектов. Эта система может служить инструментом поддержки принятия решений руководителями в реальных условиях для повышения эффективности деятельности предприятия. Исследование востребованности менеджеров и изучение требований к кандидатам по Российской Федерации и Республике Татарстан проводилось на базе данных крупнейшей российской компании интернет-рекрутмента HeadHunter. Для разработки структурной модели предлагаемой экспертной системы использовалась информация специализированных научных изданий, опубликованная в российской и зарубежной научной литературе баз данных Web of science и Scopus. Экспертная система позволит руководителю находить оптимальные варианты использования сотрудников, прогнозировать развитие предприятия в целом и отдельных его подразделений, что существенно повысит ключевые показатели деятельности любой компании.

Ключевые слова

Экспертная система, компетенции менеджера, управление данными, искусственный интеллект, менеджер организации, управление человеческими ресурсами, структурная модель, прогнозная модель

Для цитирования: Нечаева П.А., Юсупова Г.Р. Экспертная система управления данными о компетенциях современного менеджера. 2023. № 1. С. 36–47.

Expert system for managing data on the competencies of a modern manager

Polina A. Nechaeva

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Management Department
ORCID: 0000-0002-3145-8546, e-mail: polina23j@yandex.ru

Gulnara R. Yusupova

Cand. Sci. (Econ.), Head of the Management Department
ORCID: 0000-0002-0967-4744, e-mail: y-gulnarin@mail.ru

Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (IEMU), Kazan, Russia

Abstract

In the modern economy, digitalization has become one of the key components of the Russian Federation regions socio-economic development. Enterprises of various industries are faced with the need to process large amounts of data, which greatly complicates data management, and therefore the relevance of the analysis of artificial intelligence technologies increases. Training employees for industrial processes is a major challenge in any industry. Effective human resource management requires an accurate assessment and presentation of available competencies, as well as an effective mapping of the required competencies for specific positions. Competences enable the company to achieve high production and economic results. The aim of the study is to develop a structural model of a predictive expert system for managing data on the competencies of a modern manager by combining artificial and human intelligence, which can serve as a decision support tool for managers in real conditions to improve the efficiency of a particular enterprise. The study of the demand for managers and requirements for candidates in the Russian Federation and the Republic of Tatarstan was conducted on the data of the largest Russian Internet recruitment company HeadHunter. To develop a structural model of the proposed expert system, information from specialized scientific publications published in the Russian and foreign scientific literature of the Web of science and Scopus databases was used. The expert system will allow the manager to find the best options for using employees, predict the development of the enterprise as a whole and its individual divisions, which will significantly increase the key performance indicators of any company.

Keywords

Expert system, manager competencies, data management, artificial intelligence, organization manager, human resources management, structural model, forecast model

For citation: Nechaeva P.A., Yusupova G.R. (2023) Expert system for managing data on the competencies of a modern manager. *Vestnik universiteta*, no. 11, pp. 36–47.

ВВЕДЕНИЕ

Интерес к профессии менеджера среди соискателей на рынке труда всегда высок. С одной стороны, это обусловлено ее популярностью и большим числом организаций, где требуются данные специалисты. С другой стороны, большая часть населения воспринимает эту профессию как высокооплачиваемую и исполняемую в комфортных офисных условиях. Со стороны предприятий и организаций понятие «менеджер» воспринимается как нечто современное, и для привлечения сотрудников работодатели идут на все возможные ухищрения и переименовывают имеющиеся вакансии на более звучные со словом «менеджер». Так из делопроизводителя и секретаря руководителя в одночасье появилась профессия офис-менеджера, уборщицу назвали клининг-менеджером, продавец был переименован в менеджера по продажам или менеджера по работе с клиентами.

Современные условия на рынке требуют объективной комплексной оценки менеджера, и перед руководителем стоит сложная задача выбора нужного претендента из множества альтернатив, а также необходимость точно определить функции, выполнение которых работником принесет наибольшую пользу предприятию. На сегодняшний день существуют такие интеллектуальные системы, которые способны осуществлять профотбор, сокращать штат, проводить аттестацию, оценивать профпригодность работника и его способности к обучению. Модули управления кадрами способны работать как в составе комплексных информационных систем, так и автономно. Примерами зарубежных комплексных систем могут быть SAP, BAAN, Oracle, среди российских – Галактика, Бэст-Про, 1С и другие.

Изменения во внешней среде требуют быстрого реагирования на них и в значительной степени отражаются на компетенциях сотрудников. Исходя из проведенного исследования, видно, что требования к компетенциям изменились в последнее время. В связи с этим необходима система, способная накапливать данные о требующихся новых компетенциях сотрудников, а также специфичных для конкретной компании. Такая система должна обладать способностью прогнозировать, что будет востребовано на рынке в будущем. Для решения такой задачи подойдет прогнозная экспертная система (далее – ЭС) управления данными о компетенциях персонала, которая будет хранить знания о компетенциях имеющихся сотрудников, накапливать новые, исходя из меняющихся условий во внешней среде, и на основе моделирования прошлого и настоящего прогнозировать с высокой точностью и полнотой результатов новые компетентностные модели для конкретной организации.

Цель исследования состоит в разработке структурной модели прогнозной ЭС управления данными о компетенциях современного менеджера, позволяющей осуществлять кадровое прогнозирование в быстроменяющихся условиях рынка. Исходя из поставленной цели, в исследовании решены следующие задачи.

1. Проанализирована потребность в менеджерах по России в целом и по городам Республики Татарстан (далее – РТ) в разрезе их профессиональных областей, а также проведен анализ требований к кандидатам на вакантную должность менеджера в 2021 г. Представлен рейтинг требований к соискателям профессии менеджер по Казани и в целом по Российской Федерации (далее – РФ).

2. Создана структурная модель прогнозной ЭС управления данными о компетенциях современного менеджера.

3. Разработан алгоритм работы с данными о компетенциях менеджера.

Теоретическая значимость проведенного исследования заключается в создании структурной модели прогнозной ЭС управления данными о компетенциях современного менеджера, обладающей потенциалом строить новые прогнозные компетентностные модели, которые позволят компаниям повысить эффективность своей деятельности и оставаться конкурентоспособными на рынке. Практическая значимость состоит в том, что результаты исследования могут быть использованы в деятельности предприятий различной сферы.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЗОР

Количество научных трудов, посвященных искусственному интеллекту (далее – ИИ), увеличивается с каждым годом. Системы ИИ изучаются различными учеными: С. Хайкиным [1], В.Н. Ручкиным, В.А. Фулиным [2], S.V. Albrecht, P. Stone [3] и другими. ИИ в кадровой деятельности рассматривается в работах A.M. Votto et al. [4], B. Hmoud, V. Laszlo [5], C. Hughes et al. [6], D. Pessach et al. [7].

Проектированию экспертных систем в экономике посвятили свои труды такие ученые, как Е.В. Буценко [8], В.О. Евсеев [9], А.В. Остроух, Н.Е. Суркова [10], Д. Джарратано, Г. Райли [11], Е. Hossain

et al. [12]. Несмотря на все больший интерес к разработке экспертных систем, до сих пор многие вопросы, связанные с их созданием, остаются неизученными.

В работе Д. Джарратано и Г. Райли [11] представлена теория и программирование нескольких ЭС, что позволяет исследователям выбирать необходимое направление использования технологии ЭС.

Труд В.Н. Ручкина, В.А. Фулина [2] интересен с точки зрения классификации ЭС, а также примеров разработки ЭС в различных отраслях народного хозяйства.

Вопросы применения ЭС в кадровой деятельности освещены в работах О.И. Никитиной [13], С.Г. Маликовой [14], J.S. Black, P. van Esch [15], B. Eubanks [16], B. Hmoud, L. Varallyai [17].

В исследовании J.S. Black, P. van Esch [15] затрагиваются вопросы цифрового рекрутинга человеческого капитала, предлагаются конкретные рекомендации менеджеру по использованию ИИ в своей деятельности.

Разнообразие возможностей, созданных ИИ для функции управления персоналом и способов их реализации в организации, представлено в работе B. Eubanks [16]. Использование естественного языка обработки с целью гарантии, что объявления о вакансиях свободны от предвзятости и гендерной лексики, а также чат-ботов для повышения удобства работы сотрудников, демонстрирует, что ИИ может повысить ценность работы HR-специалистов (англ. human resources – человеческие ресурсы).

Эмпирическое исследование B. Hmoud и L. Varallyai [17] показывает, что до сих пор мешает руководителям по персоналу использовать ИИ в своей профессиональной деятельности. Исходя из полученных данных, такие факторы, как доверие и ожидаемая производительность оказывают значительное влияние на поведение HR-специалистов при принятии решения об использовании ИИ в кадровой деятельности. Данные исследования были собраны с помощью онлайн-опроса 185 менеджеров по персоналу. Результаты этого исследования способствуют развитию информационных технологий в кадровой деятельности.

Отдельный блок формируют работы, связанные с оценкой компетенций персонала, в том числе на базе ЭС: M. Bohlouli et al. [18], L.C. Müller-Frommeyer et al. [19], B. Karatop et al. [20], B. Maettig, H. Foot [21].

В исследовании M. Bohlouli et al. [18] на основе научного анализа данных разработана ЭС, предлагающая гибкие инструменты для оценки персонала, оптимального выбора сотрудников на вакантное место, профессионального обучения персонала. Система была протестирована на реальных наборах данных о человеческих ресурсах в рамках европейского проекта ComProFITS. Предложенная схема количественной оценки компетенций персонала на основе математического подхода позволяет получить точные данные о персонале, которые можно применять в самых разных областях. В исследовании описывается комбинированное использование программных продуктов, а также математических и статистических методов для оценки и анализа компетенций в информационных системах управления персоналом.

Результаты работы L.C. Müller-Frommeyer et al. [19] позволяют установить и адаптировать концепции обучения, основанные на компетенциях, в высших учебных заведениях и организациях. Качественный и смешанный анализ данных проводился с помощью программы MAXQDA, чтобы определить важные компетенции, которые учащиеся развивают во время работы с обучающей фабрикой.

B. Karatop et al. [20] предлагают методологию управления талантами в области человеческих ресурсов, используя подход нечеткой логики в условиях неопределенности. Они разработали модель для исследования уровня компетентности сотрудников и дальнейшего использования этой информации для получения оптимального результата от эмоциональных и интеллектуальных способностей и опыта сотрудников.

B. Maettig, H. Foot [21] предложили подход, предназначенный для поддержки процесса обучения путем объединения искусственного и человеческого интеллектов для разработки системы помощи, способной к обучению, которая должна значительно улучшить обучение неопытных сотрудников.

В результате анализа научных трудов, посвященных ИИ и ЭС, можно сделать вывод, что существующие ЭС решают определенные задачи в кадровой деятельности предприятий, но не подходят для построения компетентностных моделей персонала, в частности руководящего состава, способных прогнозировать будущие изменения, комплексно оценивать имеющийся руководящий состав в соответствии с меняющимися требованиями рынка, четко определять те функции менеджера, которые повысят эффективность работы предприятия.

ТЕОРИЯ И МЕТОДЫ

Теоретической базой данного исследования являются концепции и методы, разработанные российскими и зарубежными учеными по проблемам создания различных экспертных систем в кадровой деятельности

организаций, а также результаты фундаментальных и прикладных работ. Для решаемых в исследовании задач применялись системный и когнитивный подходы, эмпирические методы, контент-анализ, методы сравнительного анализа, обобщения статистических данных, метод экспертных оценок. Основные научные положения в статье разрабатывались авторами самостоятельно.

Исследование проводилось на базе данных крупнейшей российской компании интернет-рекрутмента HeadHunter (далее – HH). Клиентами HH являются свыше 350 тыс. компаний. Обширная база соискателей на сайте hh.ru содержит более чем 50 млн резюме, а среднее дневное количество вакансий превышает 691 тыс.

В исследовании использована информация специализированных научных изданий, опубликованная в российской и зарубежной научной литературе и периодической печати в области экспертных систем и искусственного интеллекта, международных библиографических баз данных Web of science и Scopus.

АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ

АНАЛИЗ ВОСТРЕБОВАННОСТИ МЕНЕДЖЕРОВ И ТРЕБОВАНИЙ К КАНДИДАТАМ ПО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН

На октябрь 2021 г. общее число вакансий менеджера, по данным сайта компании HH, в разрезе по России составило 194 261. В РТ было представлено 6 063 вакансии, в Республике Башкортостан – 3 598 вакансий, в Удмуртской Республике – 1 509 вакансий (табл. 1), что говорит о наличии возможности трудоустроиться по данной профессии и востребованности этой специальности в организациях.

Таблица 1

Общее число вакансий менеджера в разрезе по России

Территориальная единица	Количество вакансий
Российская Федерация	194 261
Республика Татарстан	6 063
Республика Башкортостан	3 598
Удмуртская Республика	1 509
Республика Крым	1 347
Чувашская Республика	1 051

Составлено авторами по материалам исследования

Если рассматривать общее число вакансий менеджера в разрезе городов, то, конечно, больше всего соответствующих предложений можно найти в крупных городах, таких как Москва (48 493 вакансии), Санкт-Петербург (18 112 вакансий), Казань (4 262 вакансии), что объясняется большим количеством организаций и предприятий в данных городах (табл. 2).

Таблица 2

Общее число вакансий менеджера в разрезе городов России

Город	Количество вакансий
Москва	48 493
Санкт-Петербург	18 112
Казань	4 263
Уфа	2 533
Йошкар-Ола	468

Составлено авторами по материалам исследования

Цифры распределения вакансий менеджера по России в целом подтверждаются статистикой сайта по РТ (табл. 3). Так, в Казани требуется большее число менеджеров (4 263 объявления), чем в Набережных Челнах – 989 вакансий, а в относительно малых городах – Зеленодольске и Иннополисе – 111 и 24 вакансии соответственно.

Таблица 3

Общее число вакансий менеджера по городам Республики Татарстан

Территориальная единица	Количество вакансий
Казань	4 263
Набережные Челны	989
Нижнекамск	199
Альметьевск	176
Зеленодольск	111
Иннополис	24
Всего в Республике Татарстан	6 063

Составлено авторами по материалам исследования

Данные востребованности менеджеров по России в разрезе профессиональных областей свидетельствуют об устойчивом восприятии профессии в качестве менеджеров по продажам (98 461 вакансия). Этих специалистов требуется больше всего по стране, и в их обязанности входят прямые «холодные» продажи, обзвон потенциальных клиентов. В целом по России требуются менеджеры информационных технологий и сети «Интернет» (далее – Интернет) – 33 939 вакансий, 26 474 вакансии менеджера в сфере маркетинга и рекламы, и лишь 25 167 вакансий менеджеров административного аппарата, хотя именно так эта профессия и описывается, и рассматривается теоретиками менеджмента. Интересным является и факт того, что в некоторых вакансиях в качестве менеджера работодателями рассматривается студент и человек, начинающий трудовую карьеру. Так, в 21 329 вакансиях по России значится, что на данную профессию работодатель согласен принять человека без опыта, а это может свидетельствовать только о должности исполнителя.

Проведенное исследование 100 вакансий менеджера по Казани, направленное на формирование образа менеджера на основе изучения вакансий сайта интернет-рекрутмента hh.ru методом контент-анализа показало, что на первое место работодатели выдвигают компетенции менеджера, связанные со знаниями компьютера, компьютерных программ и Интернета (27 вакансий) (табл. 4).

Таблица 4

Рейтинг требований к соискателям профессии менеджер по Казани

Номер в рейтинге	Единицы анализа	Количество повторяющихся требований
1	Работа с компьютером (владение базами данных, программой 1С, сетью «Интернет», почтой и прочее)	27
2	Грамотная речь	21
3	Деловое общение (грамотность в переписке)	21
4	Умения, навыки продаж	19
5	Умение вести телефонные переговоры	14
6	Работа в команде	13
7	Управление персоналом, обучение персонала	9
8	Клиентоориентированность, умение общаться с клиентами	8
9	Желание учиться продажам, быстрая обучаемость	7
10	Работа с возражениями клиентов	3
11	Знание английского языка	2
12	Лидерские качества	1
13	Коммуникабельность, стрессоустойчивость	1
14	Умение работать в условиях многозадачности	1
15	Креативность	1

Составлено авторами по материалам исследования

Коммуникативные навыки, такие как грамотная речь, грамотность в переписке, умение вести переговоры, умение общаться с клиентами, знание английского языка, умение работать с возражениями, коммуникабельность в общей сумме выделили 70 вакансий из 100. Число вакансий, выделяющих в качестве наиболее важных навыки продаж и желание обучаться продажам, составило 26. Непосредственно навыки руководителя, а именно: управление персоналом, обучение персонала, умение работать в команде, лидерские качества, умение работать в условиях многозадачности, креативность, мотивация и умение мотивировать как ключевые отмечены в 26 объявлениях (табл. 5).

Таблица 5

Обобщенный рейтинг требований к соискателям профессии менеджер по Казани

Обобщенные умения	Единицы анализа	Количество повторяющихся требований
Коммуникативные навыки	Грамотная речь, деловое общение (грамотность в переписке), умение вести телефонные переговоры, клиентоориентированность, умение общаться с клиентами, работа с возражениями клиентов, знание английского языка, коммуникабельность, стрессоустойчивость	70
ИТ-компетенции	Работа с компьютером (знание баз данных, программы 1С, интернет-навыки и владение программами электронной почты)	27
Компетенции продаж	Умения, навыки продаж, желание учиться продажам, быстрая обучаемость	26
Управленческие навыки	Работа в команде, управление персоналом, обучение персонала, лидерские качества, умение работать в условиях многозадачности, креативность, мотивация и умение мотивировать	26

ИТ – информационные технологии

Составлено авторами по материалам исследования

Рейтинг требований к соискателям профессии менеджер по России демонстрирует устойчивое ошибочное восприятие работника этой специальности как человека, занимающегося продажами (84 вакансии), от которого требуется грамотная речь, умение вести телефонные переговоры (76 вакансий), знание компьютерных технологий, баз данных и Интернета (36 вакансий) (табл. 6).

Таблица 6

Рейтинг требований к соискателям профессии менеджер по России в целом

Номер в рейтинге	Единицы анализа	Количество повторяющихся требований
1	Умения, навыки продаж	84
2	Грамотная речь	76
3	Работа с компьютером (знание баз данных, программы 1С, интернет-навыки и владение программами электронной почты)	36
4	Работа в команде	24
5	Ведение отчетности и работа с документами, деловая переписка	18
6	Лидерские качества, организационные навыки	12
7	Управление персоналом, обучение персонала	9
8	Умение работать в условиях многозадачности	6
9	Коммуникабельность, стрессоустойчивость	4

Составлено авторами по материалам исследования

Непосредственно управленческие компетенции – работа в команде, управление и обучение персонала, работа с документами, лидерские качества умение работать в условиях многозадачности – требуются не в меньшей мере (75 вакансий), так как менеджер, в первую очередь, руководитель и администратор.

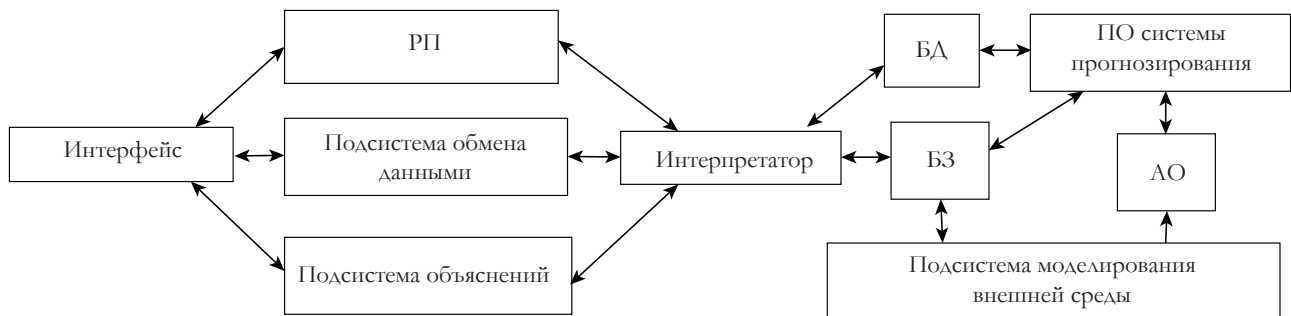
СТРУКТУРНАЯ МОДЕЛЬ ПРОГНОЗНОЙ ЭКСПЕРТНОЙ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ДАННЫМИ О КОМПЕТЕНЦИЯХ СОВРЕМЕННОГО МЕНЕДЖЕРА

Экспертные системы в кадровой деятельности предприятий обладают значительным преимуществом, позволяющим менеджеру получить информацию по любому вопросу, о котором в этих системах накоплены знания. Для решения проблемы управления данными о компетенциях современного менеджера предлагаемая прогнозная ЭС будет выполнять следующие функции.

1. Прогнозировать кадровый потенциал на заданный период времени.
2. Дополнять, обновлять данные, вносить коррективы и уточнения, исходя из изменений на рынке.
3. Накапливать данные, исходя из новых требований на рынке к вакансии «Менеджер».
4. Управлять данными, находящимися в базе знаний.

Прогнозная ЭС имеет следующие особенности: высокие требования к точности и достоверности прогнозов, большой массив исходных данных подвергается всем манипуляциям в системе, осуществляется анализ большого числа прогнозных альтернатив и путей их достижения.

Структурная модель прогнозная ЭС управления данными о компетенциях современного менеджера представлена на рисунке 1.

РП – рабочая память; БД – база данных; БЗ – база знаний; ПО – программное обеспечение; АО – анализируемый объект

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 1. Структурная модель прогнозная экспертная система управления данными о компетенциях современного менеджера

В связи с тем, что исходные данные разрабатываемой ЭС меняются во времени, будет использоваться динамическая предметная область. В ее состав входит база данных (далее – БД), которая используется для хранения данных о компетенциях менеджера в прошлом и в настоящий момент. Рабочая память (далее – РП) ЭС заполняется актуальными данными решаемой в текущий момент задачи. В базе знаний (далее – БЗ) прогнозная ЭС хранятся долгосрочные данные и правила, необходимые для преобразования информации в этой области.

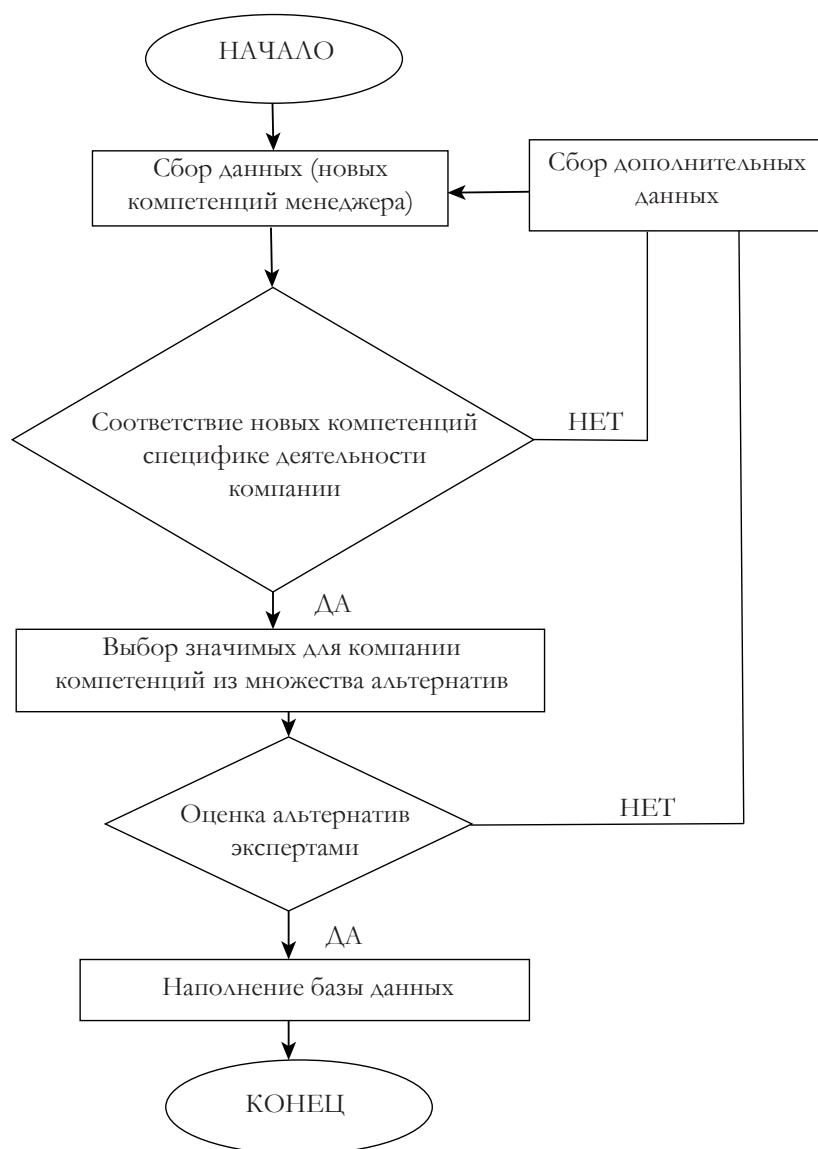
Интерпретатор на основе данных, хранящихся в БД, и знаний из БЗ выстраивает последовательность правил, после применения которых пользователь получит решение задачи. Подсистема объяснений необходима для понимания того, как ЭС получила решение определенной задачи или почему не нашла решение. Подсистема обмена данными необходима для коммуникаций с пользователем с целью объяснения причин полученного результата. При понимании причины полученных результатов ЭС существенно повышается доверие пользователя.

Наполнение ЭС новыми знаниями (новыми компетенциями менеджера) осуществляется экспертом на основе алгоритма, представленного на рисунке 2. Во время решения поставленной задачи ЭС, используя эти знания, самостоятельно выдает решение. Подсистема моделирования внешней среды необходима для связи с внешним миром при помощи различных технических устройств.

Анализируемый объект (далее – АО) – новая компетенция, выбранная согласно алгоритму, представленному на рисунке 2. Прогнозная ЭС, воздействуя на АО, обрабатывает информацию и выдает решение: соответствует или нет анализируемая компетенция специфике деятельности конкретного предприятия.

В том случае, если проверяемый АО не соответствует заданным значениям, то данные по нему передаются в систему прогнозирования, основанную на знаниях. ЭС запрашивает значения по данной компетенции и рекомендует эксперту пересмотреть оценку по конкретным параметрам и либо подтвердить промежуточный выбор, либо узнать причину, по которой данная компетенция не выбрана.

Решая задачу прогнозирования будущего портрета менеджера, ЭС анализирует компетенции каждого сотрудника и с учетом новых данных строит прогноз по каждому из них. ЭС выдает результат, который позволяет оценить кадровый потенциал компании и сделать определенные выводы, связанные с поиском новых менеджеров, обучением имеющихся сотрудников либо принятием кардинальных решений – сокращением штата сотрудников руководящего состава.

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 2. Алгоритм работы с данными о компетенциях менеджера

менеджер по России демонстрирует ее устойчивое ошибочное восприятие как деятельности, связанной с продажами, так как работодатели ищут кандидатов, обладающих большим количеством управленческих компетенций.

В результате анализа актуальных научных трудов в области ИИ и ЭС, авторы пришли к выводу, что существующие ЭС решают определенные задачи в кадровой деятельности предприятий, но не подходят для построения компетентностных моделей персонала, оказывающих влияние на эффективность работы предприятия и ключевые экономические показатели его деятельности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты проведенного анализа востребованности менеджеров в целом по Российской Федерации и по городам Республики Татарстан, в разрезе их профессиональных областей, демонстрируют наличие возможности трудоустроиться по данной профессии, а также достаточно высокую востребованность менеджеров по продажам как на предприятиях и в организациях РТ, так и в целом по РФ.

Привлекает внимание факт того, что в ряде вакансий в качестве менеджера работодателями рассматривается студент и человек начинающий трудовую карьеру. Согласно результатам исследования, в 21 329 вакансиях по России указано, что на вакантное место менеджера работодатель согласен принять человека без опыта, что вряд ли свидетельствует о выполнении менеджером управленческих функций.

В результате исследования вакансий менеджера по Казани, направленного на формирование образа менеджера, отмечено, что на первое место работодатели выдвигают компетенции менеджера, связанные со знаниями компьютера, компьютерных программ и Интернета. Рейтинг требований к соискателям профессии

Внедрение прогнозной ЭС управления данными о компетенциях современного менеджера позволит руководителю:

- создать мощную команду с большим потенциалом, нацеленную на общий результат;
- определить текущие проблемы в HR-процессах;
- выявить тенденции развития конкретных подразделений и организации в целом;
- четко планировать и оптимизировать расходы, связанные с оплатой труда;
- повысить ценность человеческого капитала своей компании;
- снизить потери, связанные с уходом сотрудников;
- избежать ошибок и потерь, связанных с человеческим фактором;
- оставаться конкурентоспособной компанией на рынке, благодаря прогнозированию с высокой точностью и полнотой результатов.

Теоретическая значимость предложенной структурной модели прогнозной ЭС управления данными о компетенциях современного менеджера заключается в расширении сферы применения ЭС. Практическая значимость результатов исследования состоит в использовании руководителями компаний данных ЭС для принятия грамотных управленческих решений.

Библиографический список

1. Хайкин С. *Нейронные сети: полный курс, 2-е издание*. Пер. с англ. Кузусль Н.Н., Шелестова А.Ю. М.: Вильямс; 2006. 1104 с.
2. Ручкин В.Н., Фулин В.А. *Универсальный искусственный интеллект и экспертные системы*. СПб: Изд-во БХВ-Петербург; 2009. 240 с.
3. Albrecht S.V., Stone P. Autonomous agents modelling other agents: a comprehensive survey and open problems. *Artificial Intelligence*. 2018;258: 66–95. <https://doi.org/10.1016/j.artint.2018.01.002>
4. Votto A.M., Valecha R., Najafirad P., Rao H.R. Artificial Intelligence in Tactical Human Resource Management: A Systematic Literature Review. *International Journal of Information Management Data Insights*. 2021;1(2):100047. <https://doi.org/10.1016/j.jjimei.2021.100047>
5. Hmoud B., Laszlo V. Will artificial intelligence take over human resources recruitment and selection? *Network Intelligence Studies*. 2019;7(13):21–30.
6. Hughes C., Robert L., Frady K., Arroyos A., Hughes C., Robert L., Frady K., Arroyos A. Artificial Intelligence, Employee Engagement, Fairness, and Job Outcomes. *Managing Technology and Middle- and Low-skilled Employees*. 2019; 61–68. <https://doi.org/10.1108/978-1-78973-077-720191005>
7. Pessach D., Singer G., Avrahami D., Chalutz Ben-Gal H., Shmueli E., Ben-Gal I. Employees recruitment: A prescriptive analytics approach via machine learning and mathematical programming. *Decision Support Systems*. 2020;134:113290. <https://doi.org/10.1108/978-1-78973-077-720191005>
8. Буценко Е.В. Разработка экспертной системы инвестиционного проектирования. *Экономические исследования*. 2012;3.
9. Evseev V.O. Methodology application of expert systems for the analysis of regional conflicts. *CITISE*. 2021;3:65–78. <http://doi.org/10.15350/2409-7616.2021.3.06>
10. Остроух А.В., Суркова Н.Е. *Системы искусственного интеллекта: монография*. СПб: Лань; 2019. 228 с.
11. Джарратано Д., Райли Г. *Экспертные системы: принципы разработки и программирование*. 4-е изд. Пер. с англ. Птицын К.А. М.: Вильямс; 2007. 1152 с.
12. Hossain E., Hossain M.S., Zander P., Andersson K. Machine learning with Belief Rule-Based Expert Systems to predict stock price movements. *Expert Systems with Applications*. 2022;206:117706. <https://doi.org/10.1016/j.eswa.2022.117706>
13. Никитина О.И. Использование экспертных систем в управлении персоналом. В кн.: Павлов Е.В. (отв. ред.) *Научное издание международного уровня – 2014: материалы 2-й международной научно-практической конференции, Курск, 22–23 апреля 2014 г.* Курск: Университетская книга; 2014. С. 260–264.
14. Маликова С.Г. Экспертные системы в кадровой деятельности. *Трудовое право*. 2003;3:65–67.
15. Black J.S., Esch P. AI-enabled recruiting: What is it and how should a manager use it? *Business Horizons*. 2020;63(2):215–226. <https://doi.org/10.1016/j.bushor.2019.12.001>
16. Eubanks B. *Artificial Intelligence for HR: Use AI to Support and Develop a Successful Workforce*. UK: Kogan Page Publishers; 2018. 255 p.
17. Hmoud B., Varallyai L. Artificial Intelligence in Human Resources Information Systems: Investigating its Trust and Adoption Determinants. *International Journal of Engineering and Management Sciences*. 2020;5(1):749–765. <https://doi.org/10.21791/IJEMS.2020.1.65>
18. Bohloul M., Mittas N., Kakarontzas G., Theodosiou T., Angelis L., Fathi M. Competence assessment as an expert system for human resource management: A mathematical approach. *Expert Systems with Applications*. 2017;70:83–102. <https://doi.org/10.1016/j.eswa.2016.10.046>

19. Müller-Frommeyer L.C., Aymans S.C., Bargmann C., Kauffeld S., Herrmann C. Introducing competency models as a tool for holistic competency development in learning factories: Challenges, example and future application. In: Metternich J., Glass R. (eds.) *Proceedings of the 7th Conference on Learning Factories, CLF 2017*. Procedia Manufacturing. 2017;9:307–314. <https://doi.org/10.1016/j.promfg.2017.04.015>
20. Karatop B., Kubat C., Uygün Ö. Talent management in manufacturing system using fuzzy logic approach. *Computers & Industrial Engineering*. 2015;86:127–136. <https://doi.org/10.1016/j.cie.2014.09.015>
21. Maettig B., Foot H. Approach to improving training of human workers in industrial applications through the use of Intelligence Augmentation and Human-in-the-Loop. *Proceedings of the 15th International Conference on Computer Science Education (ICCSE)*, 2020. Delft, Netherlands, 18-22 August 2020. IEEE; 2020;283–288. <https://doi.org/10.1109/ICCSE49874.2020.9201867>

REFERENCES

1. Khaykin S. *Neural networks: full course, 2nd edition*. Trans. from Eng. Kussul N.N., Shelestova A.U. Moscow: Williams; 2006. (In Russian).
2. Ruchkin V.N., Fulin V.A. *Universal artificial intelligence and expert systems*. St. Petersburg: BHV-Peterburg; 2009. (In Russian).
3. Albrecht S.V., Stone P. Autonomous agents modelling other agents: a comprehensive survey and open problems. *Artificial Intelligence*. 2018;258: 66–95. <https://doi.org/10.1016/j.artint.2018.01.002>
4. Votto A.M., Valecha R., Najafirad P., Rao H.R. Artificial Intelligence in Tactical Human Resource Management: A Systematic Literature Review. *International Journal of Information Management Data Insights*. 2021;1(2):100047. <https://doi.org/10.1016/j.jjimei.2021.100047>
5. Hmoud B., Laszlo V. Will artificial intelligence take over human resources recruitment and selection? *Network Intelligence Studies*. 2019;7(13):21–30.
6. Hughes C., Robert L., Frady K., Arroyos A., Hughes C., Robert L., Frady K., Arroyos A. Artificial Intelligence, Employee Engagement, Fairness, and Job Outcomes. *Managing Technology and Middle- and Low-skilled Employees*. 2019; 61–68. <https://doi.org/10.1108/978-1-78973-077-720191005>
7. Pessach D., Singer G., Avrahami D., Chalutz Ben-Gal H., Shmueli E., Ben-Gal I. Employees recruitment: A prescriptive analytics approach via machine learning and mathematical programming. *Decision Support Systems*. 2020;134:113290. <https://doi.org/10.1108/978-1-78973-077-720191005>
8. Bucenko E.V. Development of an expert system for an investment project. *Economic research*. 2012; 3.
9. Evseev V.O. Methodology application of expert systems for the analysis of regional conflicts. *CITISE*. 2021;3:65–78. <http://doi.org/10.15350/2409-7616.2021.3.06>
10. Ostrouh A.V., Surkova N.E. *Artificial intelligence systems: monograph*. St. Petersburg: Lan; 2019. (In Russian).
11. Dzharratano D., Rajli G. *Expert systems: development principles and programming*, 4th edition. Trans. from Eng. Pticyan K.A. Moscow: Williams; 2007. (In Russian).
12. Hossain E., Hossain M.S., Zander P., Andersson K. Machine learning with Belief Rule-Based Expert Systems to predict stock price movements. *Expert Systems with Applications*. 2022;206:117706. <https://doi.org/10.1016/j.eswa.2022.117706>
13. Nikitina O.I. The use of expert systems in personnel management. In: Pavlov E.V. (ed.) *World-Class Scientific Publication – 2014: Proceedings Of the 2th International Scientific & Practical Conference, Kursk, 22–23 April 2014*. Kursk: Universitetskaya kniga; 2014. Pp. 260–264.
14. Malikova S.G. Expert systems in personnel activity. *Labor law*. 2003; 3: 65–67.
15. Black J.S., Esch P. AI-enabled recruiting: What is it and how should a manager use it? *Business Horizons*. 2020; 63(2):215–226. <https://doi.org/10.1016/j.bushor.2019.12.001>
16. Eubanks B. *Artificial Intelligence for HR: Use AI to Support and Develop a Successful Workforce*. UK: Kogan Page Publishers; 2018. 255 p.
17. Hmoud B., Varallyai L. Artificial Intelligence in Human Resources Information Systems: Investigating its Trust and Adoption Determinants. *International Journal of Engineering and Management Sciences*. 2020;5(1):749–765. <https://doi.org/10.21791/IJEMS.2020.1.65>
18. Bohloul M., Mittas N., Kakarontzas G., Theodosiou T., Angelis L., Fathi M. Competence assessment as an expert system for human resource management: A mathematical approach. *Expert Systems with Applications*. 2017;70:83–102. <https://doi.org/10.1016/j.eswa.2016.10.046>
19. Müller-Frommeyer L.C., Aymans S.C., Bargmann C., Kauffeld S., Herrmann C. Introducing competency models as a tool for holistic competency development in learning factories: Challenges, example and future application. In: Metternich J., Glass R. (eds.) *Proceedings of the 7th Conference on Learning Factories, CLF 2017*. Procedia Manufacturing. 2017;9:307–314. <https://doi.org/10.1016/j.promfg.2017.04.015>

20. Karatop B., Kubat C., Uygun Ö. Talent management in manufacturing system using fuzzy logic approach. *Computers & Industrial Engineering*. 2015;86:127–136. <https://doi.org/10.1016/j.cie.2014.09.015>
21. Maettig B., Foot H. Approach to improving training of human workers in industrial applications through the use of Intelligence Augmentation and Human-in-the-Loop. *Proceedings of the 15th International Conference on Computer Science Education (ICCSE)*, 2020. Delft, Netherlands, 18-22 August 2020. *IEEE*; 2020;283–288. <https://doi.org/10.1109/ICCSE49874.2020.9201867>

О концепции управления конкурентоспособностью высшего учебного заведения

Пирогова Елена Владимировна

Канд. экон. наук, доц., зав. каф. экономики и менеджмента
ORCID: 0000-0002-6315-0095, e-mail: e.pirogova82@yandex.ru

Ульяновский государственный технический университет, г. Ульяновск, Россия

Аннотация

Функционируя в условиях рыночных отношений, высшие учебные заведения должны разрабатывать комплекс стратегических мер, чтобы обеспечить свою конкурентоспособность. Система взглядов на решение задач достижения и сохранения конкурентного преимущества на рынке образовательных услуг главным образом представлена концепцией управления конкурентоспособностью вуза. Статья посвящена выявлению особенностей и уточнению содержания данной концепции. Определено, что ее содержание представляет собой совокупность целей, принципов, функций, методов и инструментов, которые обеспечивают конкурентоспособность вуза на рынке образовательных услуг. Подробно рассмотрены выделенные составляющие содержания. Обоснованы методы управления конкурентоспособностью вуза, классифицируемые по способу управляющего воздействия. Охарактеризованы инструменты управления конкурентоспособностью, в том числе с точки зрения воздействия на конечных потребителей научно-образовательных продуктов (услуг).

Ключевые слова

Высшее учебное заведение, рынок образовательных услуг, конкуренция, конкурентное преимущество, конкурентоспособность вуза, управление конкурентоспособностью

Для цитирования: Пирогова Е.В. О концепции управления конкурентоспособностью высшего учебного заведения // Вестник университета. 2023. № 1. С. 48–55.

On the concept of university competitiveness management

Elena V. Pirogova

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Head of the Economics and Management Department
ORCID: 0000-0002-6315-0095, e-mail: e.pirogova82@yandex.ru

Ulyanovsk State Technical University, Ulyanovsk, Russia

Abstract

Operating under market economy conditions, higher education institutions should develop a set of strategic measures to ensure their competitiveness. The system of views on solving the problems of achieving and keeping competitive advantage is mainly represented by the concept of managing the competitiveness of higher education institutions. The article is devoted to identifying the features and clarifying the content of this concept. It is determined that its content is a set of goals, principles, functions, methods, and tools that ensure the competitiveness of a university in the educational services market. The aforementioned content components are analysed in detail. Methods of managing university competitiveness are substantiated and classified based on the type of controlling influence. Tools for managing competitiveness are described, including in terms of their impact on end users of scientific and educational products (services).

Keywords

Higher education institution, educational services market, competition, competitive advantage, university competitiveness, competitiveness management

For citation: Pirogova E.V. (2023) On the concept of university competitiveness management. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 48–55.

ВВЕДЕНИЕ

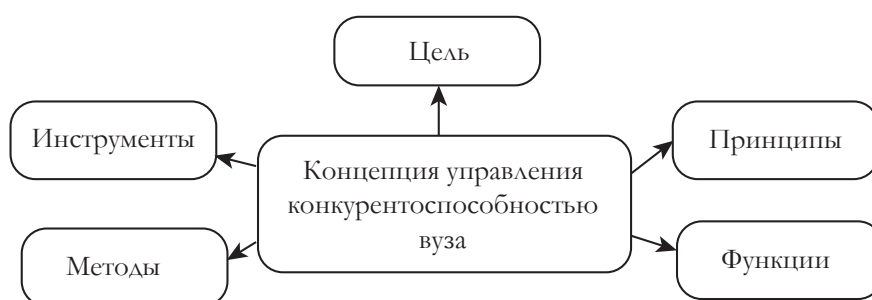
В связи с формированием рыночных отношений в социальной сфере, в частности в системе высшего образования, перед вузом встает задача обеспечивать свое конкурентное преимущество на рынке образовательных услуг. Этим обусловлена возникающая потребность образовательной организации в принятии стратегических управленческих решений, направленных на поддержку ее конкурентоспособности.

Управление конкурентоспособностью является многоаспектным и многогранным процессом, который должен осуществляться планомерно и носить системный характер. Несмотря на то что рынок образовательных услуг имеет определенные особенности, наличие конкуренции выдвигает на первое место формирование конкурентных преимуществ, отраженных в концепции, или стратегии, управления конкурентоспособностью вуза и выступающих основными факторами конкурентной борьбы.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Подходы к управлению конкурентоспособностью вуза, как правило, представлены в стратегических программах его развития, которые отражают основные направления повышения эффективности деятельности и обеспечения конкурентного превосходства образовательной организации. В целом системе взглядов, принципов и идей, связанных с обеспечением конкурентоспособности вуза на рынке образовательных услуг, следует охарактеризовать как концепцию управления его конкурентоспособностью.

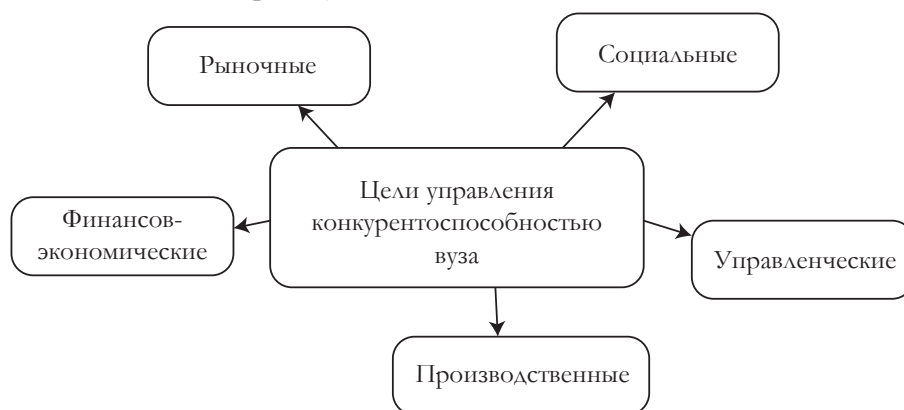
Как представляется, концепцию управления конкурентоспособностью высшего учебного заведения можно определить как совокупность целей, принципов, функций, методов и инструментов, обеспечивающих конкурентоспособность вуза на рынке образовательных услуг. В данном определении заложены основные составляющие концепции управления конкурентоспособностью вуза (рис. 1).

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 1. Содержание концепции управления конкурентоспособностью высшего учебного заведения

Управление конкурентоспособностью направлено на усиление позиций вуза на рынке образовательных услуг по сравнению с конкурентами. В исследовании Н.О. Колчиной и Е.А. Леоненко [1] обозначены следующие цели данной деятельности: рыночные, производственные, управленческие, социальные и финансово-экономические (рис. 2).

Составлено автором по материалам источника: [1]

Рис. 2. Цели управления конкурентоспособностью вуза

Достижение рыночных целей включает в себя рост числа обучающихся (студентов и слушателей программ дополнительного профессионального образования), увеличение объема предоставляемых услуг и, как следствие, расширение доли вуза на рынке образовательных услуг. Производственные цели связаны с разнообразием оказываемых услуг и состоят в повышении их качества. Суть управленческих целей заключается в развитии приоритетных направлений функционирования вуза. Социальные цели могут быть достигнуты повышением уровня образованности и культуры общества в целом. Финансово-экономические цели состоят в обеспечении финансовой устойчивости и снабжении вуза финансовыми ресурсами.

Принципы управления являются общими правилами, исходными положениями, на которые необходимо ориентироваться в процессе поддержки конкурентоспособности вуза. Рассматривая механизм управления конкурентоспособностью, Н.О. Колчина и Е.А. Леоненко выделяют [1] следующие принципы:

- 1) системность,
- 2) целеполагание,
- 3) иерархичность,
- 4) обратная связь,
- 5) компетентность,
- 6) сбалансированность развития,
- 7) комплексность.

В работе Е.А. Михеевой [2, с. 159–160] выделены следующие принципы управления конкурентоспособностью вуза:

- 1) «непрерывность образования» в системе «школа – вуз – предприятие»;
- 2) «непрерывные инновации», предусматривающие внедрение «новых видов, передовых методов и технологий» ведения образовательной и научно-исследовательской деятельности;
- 3) диверсификация образовательных и научных услуг;
- 4) достижение синергетического эффекта в процессе функционирования вуза и реализации им различных направлений деятельности;
- 5) доступность научно-образовательных продуктов (услуг) вуза для конечных потребителей;
- 6) «управление качеством... на всех стадиях жизненного цикла научно-образовательных продуктов (услуг)» вуза;
- 7) ориентация на стратегическое развитие.

В работе О.А. Сапрыкиной и Е.К. Михайлюк представлены принципы, на которые вуз должен ориентироваться в процессе своего стратегического развития в условиях конкуренции на рынке образовательных услуг (табл. 1).

Таблица 1

Принципы стратегического развития вуза в условиях конкуренции на рынке образовательных услуг

Общие принципы	Специфические принципы
– научность; – объективность; – системность; – надежность; – совершенствование; – обновление; – партнерство; – обеспечение эффективности (внешней и внутренней)	– релевантность; – сопоставимость; – верифицируемость; – связь с миссией и видением вуза; – контроль; – пертинентность (соответствие информационным потребностям пользователей)

Источник: [3, с. 33–34]

Функции управления конкурентоспособностью выражаются в процессе управляющего воздействия на составляющие конкурентного потенциала вуза, которое направлено на достижение конкурентного преимущества данной организации перед другими вузами.

Выделяют следующие классические функции управления конкурентоспособностью вуза:

- планирование, которое связано с установлением прогнозных показателей эффективности функционирования вуза, направленных на достижение его конкурентоспособности, и находит отражение преимущественно в стратегических программах развития вуза;
- организация, предполагающая совокупность мероприятий по достижению планируемых показателей и конкурентного преимущества вуза;
- мотивация, выражающаяся в заинтересованности и участии всех категорий персонала вуза в реализации стратегии его развития;
- контроль, направленный на оценку эффективности реализации стратегии развития вуза и достижение показателей его конкурентоспособности.

Важнейшей составляющей концепции управления конкурентоспособностью вуза являются методы управления, которые целесообразно классифицировать следующим образом [1, с. 126]:

- административные, экономические и социальные методы;
- методы прямого и косвенного воздействия;
- методы, используемые в обычных условиях функционирования и в условиях кризиса;
- методы, применяемые на различных уровнях управления вузом.

По способу управляющего воздействия в целях обеспечения конкурентного преимущества методы управления конкурентоспособностью вуза можно разделить на административные, экономические, социально-психологические и организационные (рис. 3).

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 3. Методы управления конкурентоспособностью вуза

Инструменты управления конкурентоспособностью вуза представляют собой совокупность основных направлений повышения конкурентоспособности, обеспечивающих устойчивое положение вуза и его конкурентное преимущество на рынке образовательных услуг.

С.М. Баташова приводит в своей работе [4] перечень факторов, направленных на привлечение потребителей образовательных услуг и способствующих повышению конкурентоспособности вуза. В числе прочих факторов указаны следующие:

- обеспечение фундаментальной подготовки по широкому спектру направлений и специальностей;
- широкий ассортимент программ профессиональной переподготовки и повышения квалификации;
- практическая направленность образовательного процесса;

- гибкая ценовая политика для студентов внебюджетной формы;
- использование современных образовательных технологий и т. д.

О.Г. Гисина, обосновывая направления повышения конкурентоспособности вуза, отмечает такие факторы [5]:

- повышение имиджа вуза, в том числе на международном уровне;
- «интеграция образования, науки и производства»;
- «удовлетворение запросов» и потребностей внутренних и внешних потребителей;
- востребованность выпускников;
- формирование эффективной системы управления вузом;
- «гарантии качества» предоставляемых образовательных услуг.

Н.О. Колчина и Е.А. Леоненко [1] в качестве ключевых аспектов (инструментов) управления конкурентоспособностью вуза выделяют:

- «активное сотрудничество с работодателями», способствующее гарантированному трудоустройству выпускников;
- культуру отношений преподавателей и студентов;
- «эффективную организацию учебного процесса»;
- применяемые технологии оказания образовательных и прочих услуг;
- «качество сервиса»;
- «доступ к информационно-техническим средствам».

Действие инструментов управления конкурентоспособностью вуза должно быть направлено, прежде всего, на удовлетворение потребностей ключевых потребителей. В связи с этим возникает необходимость рассмотрения основных заинтересованных участников, или субъектов рынка образовательных услуг, в целях выбора оптимальных инструментов управленческого воздействия на каждую группу. В трудах Е.М. Белого, И.Б. Романовой, А.Р. Мингачевой [6], А.Н. Камировой [7] и других исследователей выделены 6 ключевых групп потребителей (стейкхолдеров, заинтересованных сторон). Характеристика этих групп представлена в таблице 2.

Таблица 2

**Инструменты управления конкурентоспособностью вуза
с учетом потребностей основных групп потребителей**

Группа потребителей	Основные заинтересованные стороны	Инструменты управления конкурентоспособностью
Государство	Государственные, региональные и муниципальные органы власти, государственные институты	– наличие учебно-методических объединений на базе вуза; – позиция вуза в российских и международных рейтингах; – наличие системы менеджмента качества в вузе; – финансовое состояние вуза и т.п.
Общество	Средства массовой информации, фонды грантовой поддержки, гражданское общество в целом	– прозрачность деятельности вуза в информационном пространстве; – имидж, репутация вуза; – участие вуза PR-акциях (англ. public relations – связи с общественностью); – реализация проектов научной, социальной, культурной и другой направленности и т.п.
Потребители	Студенты, слушатели, другие потребители услуг вуза	– качество образовательных услуг; – возможность трудоустройства по специальности; – развитая инфраструктура; – гибкая ценовая политика; – наличие системы программ дополнительного профессионального образования и т.п.
Персонал	Профессорско-преподавательский состав, административный персонал, учебно-вспомогательный персонал, другие сотрудники вуза	– уровень заработной платы; – корпоративная культура; – наличие социальной инфраструктуры; – условия труда и т.п.

Группа потребителей	Основные заинтересованные стороны	Инструменты управления конкурентоспособностью
Партнеры	Школы, учреждения среднего профессионального образования, профессиональные сообщества	– развитие специализированного олимпиадного движения; – наличие договоров о сотрудничестве; – наличие системы довузовской подготовки в специализированных классах и т.п.
Бизнес-сообщество	Работодатели, потребители консалтинговых услуг	– наличие системы целевой подготовки; – профессиональная подготовка, переподготовка и повышение квалификации для сотрудников предприятий; – проведение совместных научных исследований; – привлечение обучающихся к ранней практической подготовке с последующим трудоустройством и т.п.

Составлено автором по материалам источников: [6; 7, с. 170–171]

Д.С. Кузнецов [8] также рассматривает конкурентоспособность вуза в ее связи с удовлетворением потребностей основных групп потребителей, отмечает идентичность этих потребностей и делит их следующим образом, описывая соответствующие инструменты повышения конкурентоспособности вуза в глазах потребителей:

1) качество образования: привлечение абитуриентов, в том числе посредством проведения профильных олимпиад и системы подготовительных курсов; внедрение рейтинговой системы оценки знаний студентов, привлечение преподавателей-практиков к образовательному процессу и т.д.;

2) имидж вуза: активная маркетинговая политика и позиционирование вуза на рынке образовательных услуг, проведение научных исследований, трудоустройство выпускников, система стимулирования персонала вуза и т.д.;

3) стоимость обучения: стипендия, дополнительная стипендия за индивидуальные достижения в общественной, научной, спортивной, культурной и иных видах деятельности, система скидок при обучении на внебюджетной основе и т.д.;

4) сервис: развитая образовательная, материально-техническая, спортивная инфраструктура вуза и т.д.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Использование тех или иных инструментов управления конкурентоспособностью вуза направлено на привлечение ключевых потребителей, способствует позиционированию вуза на рынке образовательных услуг и способствует достижению конкурентного преимущества.

Таким образом, разработка концепции управления конкурентоспособностью обеспечивает комплексный подход к стратегическому развитию конкурентных преимуществ вуза, соответствующему его миссии и видению, а также позволяет вузу достичь стратегических целей, задач его функционирования и занять лидирующие позиции на рынке образовательных услуг.

Библиографический список

1. Колчина Н.О., Леоненко Е.А. Многоаспектность категории «конкурентоспособность вуза», подходы и методы управления конкурентоспособностью вуза. *Вопросы управления*. 2018;53:119–131.
2. Михеева Е.А. Особенности формирования стратегии развития современной образовательной организации. В кн.: *Управление, экономика и право: проблемы, исследования, результаты: сб. статей Междунар. науч.-практ. конф., Пенза, 26–27 августа 2021 г.* Пенза: Пензенский государственный аграрный университет; 2021. С. 158–163.
3. Сапрыкина О.А., Михайлюк Е.К. О принципах формирования стратегии развития практикоориентированного вуза. В кн.: *Фадейкина Н.В., Скибицкий Э.Г. (науч. ред.) Непрерывное профессиональное образование: теория и практика: сб. науч. статей по материалам 9-й Международ. науч.-практ. конф. преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов, Новосибирск, 23 марта 2018 г.* Новосибирск: Сибирская академия финансов и банковского дела; 2018. С. 30–35.
4. Баташова С.М. Конкурентоспособность образовательной организации и факторы её определяющие. *Наука о человеке: гуманитарные исследования*. 2018;32:113–117. <https://doi.org/10.17238/issn1998-5320.2018.32.113>

5. Гисина, О.Г. Конкурентоспособность вуза на рынке образовательных услуг. В кн: Горохов А.А. (отв. ред.) *Научное издание международного уровня – 2013: актуальные вопросы развития современного общества: материалы 3-й Международ. науч.-практ. конф., Курск, 18 апреля 2013 г.* Курск: Закрытое акционерное общество «Университетская книга»; 2013. С. 79–83.
6. Белый Е.М., Мингачева Л.Р., Романова И.Б. Конкурентные преимущества вузов: классификация с позиций стейкхолдерменеджмента. *Современные проблемы науки и образования*. 2012;5:
7. Камирова А.Н. Стратегическое планирование: ориентация вуза на устойчивое развитие и конкурентные преимущества. *Управленческое консультирование*. 2017;1:166–171.
8. Кузнецов Д.Л. Факторы конкурентоспособности вуза. *Инновации и инвестиции*. 2021;3:116–120.

References

1. Kolchina N.O., Leonenko E.A. Multi aspects of the category “competitiveness of the higher education”, approaches and methods of managing the competitiveness of the higher education. *Management issues*. 2018;53:119–131.
2. Mikheeva E.A. Features of formation of the development strategy of a modern educational organization. In: *Management, Economics and Law: Problems, Research, Results: Proceedings of the International Scientific & Practical Conference, Penza, August 26-27, 2021*. Penza: Penza State Agrarian University; 2021. P. 158–163.
3. Saprykina O.A., Mikhailyuk E.K. About the principles of formation of the development strategy of a praktikooriyen-tirovanny higher education institution. In: Fadeikina N.V., Skibitsky E.G. (sci. eds.). *Continuing Professional Education: Theory and Practice: Collection of Scientific Articles based on the Proceedings of the 9th International Scientific & Practical Conference for Lecturers, Postgraduate Students, Graduate Students, and Students, Novosibirsk, March 23, 2018*. Novosibirsk: Siberian Academy of Finance and Banking; 2018. P. 30–35.
4. Batashova S.M. Competitiveness of an educational institution and its determining factors. *Russian journal of social sciences and humanities*. 2018;32:113–117. <https://doi.org/10.17238/issn1998-5320.2018.32.113>
5. Gisisina O.G. Competitiveness of the university in the market of educational services. In: Gorokhov A.A. (ed.) *International Scientific Publication – 2013: Topical Issues of the Development of Modern Society: Proceedings of the 3rd International Scientific & Practical Conference, Kursk, April 18, 2013*. Kursk: PJSC University Book; 2013. P. 79–83.
6. Bely E.M., Mingacheva L.R., Romanova I.B. Competitive advantages of universities: classification from the standpoint of stakeholder management. *Modern problems of science and education*. 2012;5:
7. Kamirova A.N. Orientation of a higher educational institution towards sustained development and competitive advantages. *Management consulting*. 2017;1:166–171.
8. Kuznetsov D.L. Factors of university competitiveness. *Innovations and investments*. 2021;3:116–120.

Определение пользовательских предпочтений поколений X, Y, Z на российском рынке мобильных приложений

Боженко Екатерина Сергеевна

Канд. экон. наук, доц. каф. маркетинга и коммуникаций в бизнесе
ORCID: 0000-0001-5873-2130, e-mail: ezhuk@sfedu.ru

Николаева Дарья Михайловна

Магистрант, ORCID: 0000-0001-5677-2067, e-mail: dnikolaeva@sfedu.ru

Свистунова Ксения Олеговна

Магистрант, ORCID: 0000-0002-9704-1671, e-mail: ksvistunova@sfedu.ru

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация

Статья посвящена выявлению пользовательских предпочтений рынка мобильных приложений. Исследование базируется на положениях поколенческого подхода В. Штрауса и Н. Хоува. Рынок мобильных приложений представляется динамичным и быстроразвивающимся в условиях экспоненциального роста потребительского спроса и высококонкурентной среды. В рамках работы проводится авторская классификация и выделяются категории и подкатегории мобильных приложений по признаку их функционального и ценностного назначения. Данная классификация легла в основу определения зависимости на основе анализа матриц сопряженности между предпочтением приложения по его назначению и возрастной категории пользователя, что позволило выявить связь между поколениями пользователей и их выбором определенных видов приложений. В тексте приводится обоснование выбора поколениями X, Y, Z определенных видов приложений для использования на постоянной, ежедневной основе. Актуальность исследования заключается в том, что авторы рассматривают рынок, быстрый рост которого обусловлен мировой социо-экономической ситуацией. Информация, полученная в ходе анализа пользовательских предпочтений российского рынка мобильных приложений, может быть использована специалистами при определении целевой аудитории цифрового продукта и разработке маркетинговых стратегий.

Ключевые слова

Мобильные приложения, категории мобильных приложений, рынок мобильных приложений, теория поколений, пользовательские предпочтения, маркетинг, маркетинг мобильных приложений, Android, Google Play, Apple App Store

Для цитирования: Боженко Е.С., Николаева Д.М., Свистунова К.О. Определение пользовательских предпочтений поколений X, Y, Z на российском рынке мобильных приложений // Вестник университета. 2023. № 1. С. 56–67.

Determination of generations X, Y, Z user preferences in the Russian mobile application market

Ekaterina S. Bozhenko

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Marketing and Communications in Business Department
ORCID: 0000-0001-5873-2130, e-mail: ezhuk@sfedu.ru

Daria M. Nikolaeva

Graduate Student, ORCID: 0000-0001-5677-2067, e-mail: dnikolaeva@sfedu.ru

Ksenia O. Svistunova

Graduate Student, ORCID: 0000-0002-9704-1671, e-mail: ksvistunova@sfedu.ru

Abstract

In the work, the authors reveal the user preferences of the mobile application market. The study is based on the Strauss–Howe generational theory. The mobile application market appears to be dynamic and fast-growing in an environment of exponential growth in consumer demand and a highly competitive environment. In the article, the authors classify and identify categories and subcategories of mobile applications based on their functional and value purpose. This classification formed the basis for determining the dependence based on the analysis of contingency matrices between the preference of the application for its purpose and the age category of the user, which made it possible to identify the relationship between generations of users and their choice of certain types of applications. The text provides a justification for the choice of certain applications on a daily basis by generations X, Y, Z. The relevance of the study lies in the fact that the authors examine a market, the rapid growth of which is conditioned by the global socio-economic situation. The information obtained during the analysis of user preferences of the Russian mobile application market can be used by specialists in determining the target audience of a digital product and developing marketing strategies.

Keywords

Mobile applications, mobile application categories, mobile application market, generational theory, user preferences, marketing, mobile applications, Android, Google Play, Apple App Store

For citation: Bozhenko E.S., Nikolaeva D.M., Svistunova K.O. (2023) Determination of generations X, Y, Z user preferences in the Russian mobile application market. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 56–67.

ВВЕДЕНИЕ

Рынок мобильных приложений сегодня развивается с невероятной скоростью – согласно оценкам, приведенным исследовательским центром data.ai, пандемия COVID-19 спровоцировала рост количества загрузок приложений во всех регионах планеты, например, в Бразилии, занимающей четвертое место в рейтинге загрузок в мире, количество скачиваний выросло с 8 млрд в 2019 г. до 10,1 млрд в 2020 г.; похожая динамика наблюдалась в Индии, где показатель вырос с 20 млрд загрузок в год до 25 млрд за 2020 г. Следующий 2021 г. продолжил динамику роста, однако с меньшей интенсивностью.

Ежедневная статистика выпускаемых приложений на двух крупнейших платформах для операционных систем Android и iOS также дает представление об объеме рынка приложений. Так, официальная платформа для Android-приложений, работающая во всех странах мира, кроме Китая, насчитывает в среднем выпуск 2 705 новых приложений в день и 15 476 новых приложений в неделю [2]. Аналогичная статистика для Apple App Store сообщает о появлении в среднем 1 068 приложений в день и 5 599 приложений в неделю [3].

Рынок наполнен множеством разнообразных по тематике и содержанию приложений. Современный человек привык, что с помощью мобильного телефона он может построить маршрут до нужного места, заказать продукты, вести ежедневник и даже оформить кредит в банке. Многие виды бизнеса стремятся приблизиться к своему клиенту и попасть в его смартфон. Мобильные приложения уже стали неотъемлемой частью маркетинга многих компаний [4]. Поэтому важно уметь работать с инструментами мобильного маркетинга и маркетинга приложений, чтобы эффективно удовлетворять запросы потребителей и предвосхищать их ожидания.

КЛАССИФИКАЦИЯ

Разработчики предоставляют большое количество разнообразных по тематике и предназначению приложений. Их можно разделить на группы и подгруппы по видам задач и функциям. На данный момент можно выделить 15 категорий: финансовые, функциональные, социальные, игровые, продуктовые, новостные, системные, медиаприложения, приложения для обучения, для работы, для путешествий и релокации, для шоппинга, для здоровья, для творчества, для детей. Все эти виды могут быть поделены еще на подкатегории. Так, в финансовые приложения включаются банковские, инвестиционные, криптовалютные, программы для подсчета финансов, платежные системы и электронные кошельки. Причиной их популярности выступает, в первую очередь, возросшая финансовая грамотность населения, однако большое влияние также оказывает качество сферы онлайн- и мобильного банкинга в стране.

Подкатегориями функциональных приложений выступают приложения-блокноты и заметки, калькуляторы/конвертеры, часы, календари, планеры и погода. Приложения-функции заменяют отдельные предметы быта: наружные градусники, механические калькуляторы, настенные часы, будильники и т.п.

В категорию социальных приложений входят классические социальные сети, видеосервисы, стриминговые социальные сети, чаты и мессенджеры, приложения для онлайн-звонков и сервисы знакомств. Можно сказать, что к ним относятся любые приложения, имеющие в своей основе цель – облегчать общение людей, а также давать платформу для того, чтобы делиться своими взглядами или историями.

Игровые приложения разделяются по жанровым категориям. Таким образом, можно выделить несколько видов: казуальные, шутеры, гонки, визуальные новеллы, массовые многопользовательские игры, симуляторы, стратегии, спортивные, квесты и головоломки. Мобильные игры являются самым быстрорастущим рынком игр среди всех платформ благодаря постоянному увеличению количества пользователей мобильных устройств и условиям, которые для рынка создала пандемия COVID-19.

Продуктовые приложения включают приложения для доставки готовой еды и продуктов, приложения ресторанов, кулинарные приложения, приложения для похудения (специальные меню, подсчет калорий), приложения для приготовления напитков. Подобные программы обеспечивают одну из базовых потребностей человека – в еде, поэтому они являются важной частью современного общества; если не доставка из ресторанов, то приложения сети магазинов с программой лояльности и скидками.

Новостные приложения делятся на две категории: приложения новостных агентств и журналы. Приложения, чьей функцией является только донесение новостей до пользователей, достаточно редки, так как социальные сети зачастую также выполняют функцию информирования, однако остаются специ-

альные приложения средств массовой информации, предоставляющие доступ к избранным новостям и статьям по подписке.

Системные приложения сложно разделить на подкатегории, так как к ним относится большое количество разных видов. Технически к ним относятся те приложения, без которых невозможно базовое функционирование системы, а также те приложения, которые были предустановлены на смартфонах с заводскими настройками.

Медиаприложения включают в себя видеопроигрыватели, галереи изображений, радио, подкасты, медиасервисы, телеканалы и приложения для чтения книг, комиксов и т.п. Они частично относятся к системным, так как основные приложения-проигрыватели предустановлены в систему производителями, однако современный рынок предлагает огромное разнообразие приложений для всех видов медиа.

В категорию приложений для обучения входят словари, самоучители, обучающие игры, приложения для подготовки к экзаменам и языковые приложения. Перенос процесса получения знаний из формата громоздких бумажных учебников в компактные приложения на телефоне позволил обучению стать гораздо доступнее: от языковых школ до гайдов по вязанию.

Приложения для работы можно разделить на редакторы документов, приложения для удаленной работы, электронную почту, приложения для поиска работы и нетворкинга. Они получили необычайный толчок для развития из-за роста популярности всех видов удаленной работы в период пандемии в 2020 г.

Среди приложений для путешествий и релокации выделяются приложения для заказа такси, бронирования и аренды отелей и квартир, каршеринговые сервисы и навигаторы. Рынок недвижимости и транспорта переживает падение спроса в течение последних двух лет, однако аренда через централизованные приложения является одной из немногих гарантий безопасности сделок, а заказ такси онлайн стал надежнее, чем телефонные сервисы.

Категория приложений для шопинга включает в себя маркетплейсы, онлайн-магазины, приложения-каталоги, приложения с купонами и скидками и приложения-отзовики. Приложения для совершения покупок объединяют под собой целый спектр рынков физических предметов, покупка которых обеспечивает не только удобство пользователям, но и рост доходов и объема продаж производителей.

К приложениям для здоровья относятся приложения, отслеживающие показатели тела, приложения-тренеры, библиотеки и каталоги лекарственных средств, приложения клиник и приложения для женского здоровья. Технические возможности современных смарт-устройств, позволяющие облегчить отслеживание показателей тела и получение медицинской информации о себе и для себя, играют прямую роль в увеличении уровня жизни пользователей.

Приложения для творчества включают в себя приложения для диджитал-рисования и моделирования, редакторы фото и видео, раскраски и информационные приложения для творчества и хобби. Цифровизация многих творческих занятий и хобби делает такой способ времяпровождения все более дешевым и доступным огромному количеству людей, что косвенно влияет на общее развитие и в меньшей мере – на будущее состояние общества.

Приложения для детей, не пересекающиеся с категорией игровых приложений, направлены на информационную или иную помощь тем, кто заботится о них: от дневников младенца до специальных сетей для родителей. Авторы отмечают сложность и нецелесообразность выделения подкатегорий таких приложений, так как для данного исследования они представляют малый интерес.

Таким образом, можно заметить, что существует большое разнообразие приложений по функциям и содержанию. Какие-то их виды люди используют ежедневно, какие-то – с определенной периодичностью или не скачивают вовсе. Популярность зависит от многих факторов, в том числе от социокультурной среды, в которой развивается то или иное общество.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для разработки маркетинговых решений в области позиционирования, сбыта, определения стоимости, каналов и вида коммуникаций необходимо провести маркетинговое исследование и определить сегменты рынка мобильных приложений, выделив их основные характеристики, мотивы, предпочтения, то есть описать портрет потребителей.

Для этого была выдвинута гипотеза, что предпочтения в выборе категорий приложений пользователями тесно связаны с их возрастной категорией. Поэтому в исследовании предпочтений потребителей

авторы опираются на теорию поколений В. Штрауса и Н. Хоува [5] и ее российские интерпретации [6]. Теория постулирует, что люди, рожденные и выросшие в одну и ту же историческую эпоху, формируются общим выстраивающим опытом [7] и, следовательно, развивают уникальную идентичность, ценности и черты личности, которые отличаются от других поколений или когорт [8]. Термин «поколение» определяется как группа, которая: 1) принадлежит к одной возрастной когорте [9]; 2) имеет общие черты личности и ценности [10]; 3) не имеет прямой связи с генеалогическими факторами. Зная предпочтения той или иной возрастной группы людей, можно разработать универсальную маркетинговую стратегию [11], направленную на продвижение мобильного приложения.

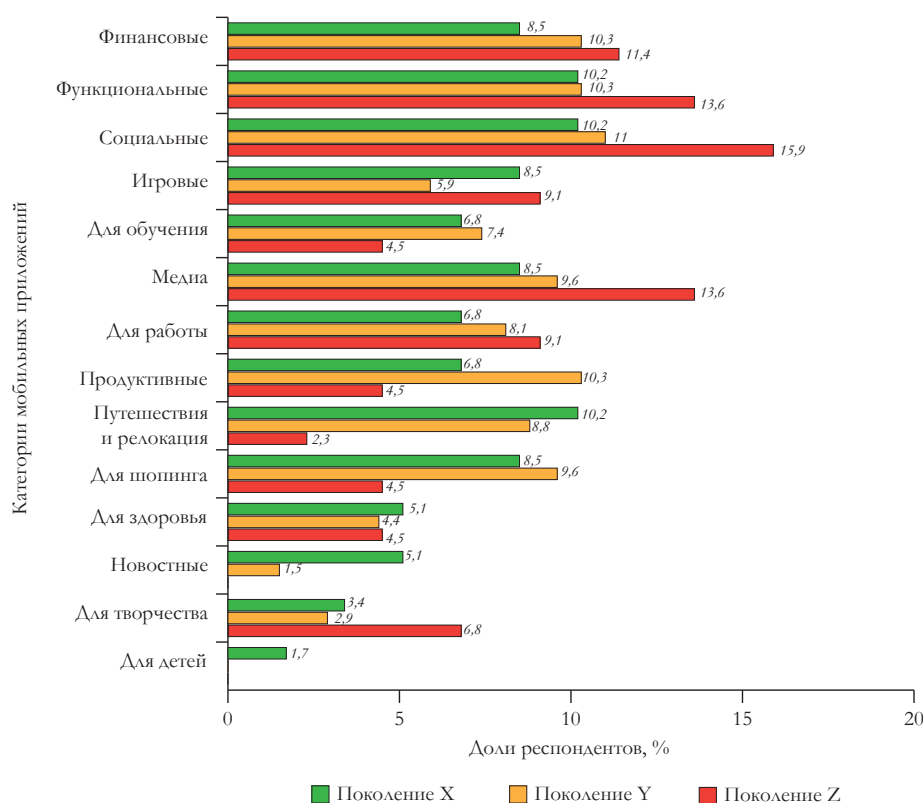
Исследование рынка было ограничено географически – Ростовом-на-Дону. Главной технологией анализа рынка предпочтений мобильных приложений является маркетинговое исследование, а именно, опрос посредством рабочего документа – анкеты. В основу обработки информации положен базовый анализ данных, а именно построение таблиц кросс-табуляции.

Элементами и единицами отбора выступило население Ростова-на-Дону в возрасте от 15 до 54 лет, которое использует мобильные приложения. Выборка строилась традиционным способом. Размер выборки составил 2 996 человек, исходя из того, что размер генеральной совокупности жителей, использующих мобильные приложения в Ростове-на-Дону в возрасте от 15 до 54 лет составляет 577 800 человек, а доверительная вероятность была определена на уровне 95 %. Поколения Z и Y составляют больший процент от числа пользователей смартфонов по сравнению с поколением X в силу того, что более младшие поколения легче взаимодействуют со смарт-технологиями из-за того, что росли и развивались одновременно с совершенствованием мобильных технологий.

АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ

Результаты исследования показали значительную разницу в мотивах выбора и категориях разных поколений. Так, молодые люди активнее других пользуются социальными, функциональными, финансовыми и медиаприложениями (рис. 1). Также они активнее других используют приложения для работы, творчества и игр. Можно сделать вывод, что их больше привлекает возможность удовлетворения своих потребностей в цифровой среде. Ведь молодежь действительно склонна потреблять онлайн-продукты активнее взрослых. Они более расположены к инновациям, ведению активной социальной онлайн-жизни и использованию мобильного телефона для разных нужд.

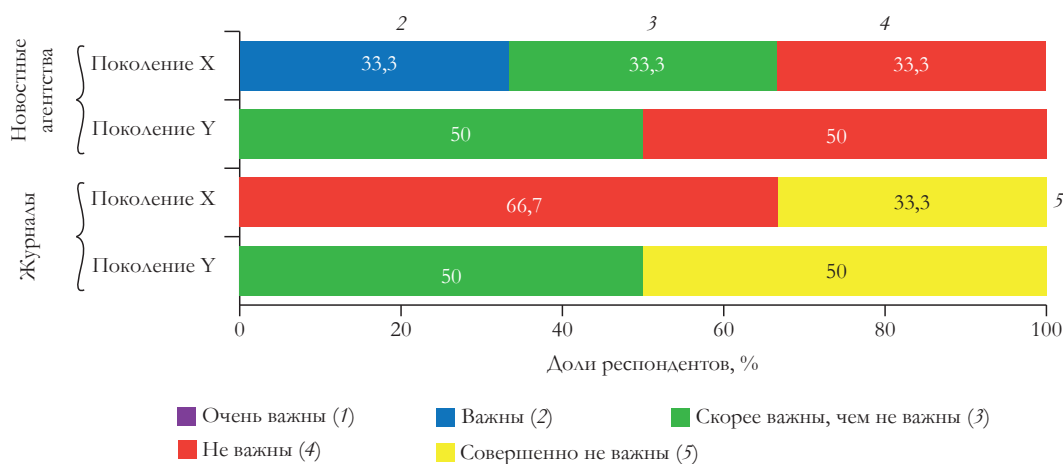
Поколения Y и X, напротив, склонны к прагматичному выбору приложений. Они желают комфорта и готовы за него платить, в отличие от подростков. Приложения для заказа продуктов, поиска рецептов, такси, организации путешествий, обучения – их выбор для обеспечения себя необходимым комфортом. При этом они не меньшее предпочтение отдают другим видам приложений для решения своих повседневных задач, будь то организация финансовых активов, ведение социальных сетей и прочее.

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 1. Оценка пользовательских предпочтений в приложениях, которые используются на постоянной основе

Интересно отметить, что новостные приложения в большей мере используют представители поколения X, менее ими заинтересованы представители поколения Y и совершенно не применяют в повседневной жизни молодые люди – поколение Z. При этом многие опрошенные говорят о немалой важности данного вида программ в жизни (рис. 2). Можно сделать предположение, что люди более старшего возраста в силу особенностей среды, в которой они росли, больше интересуются событиями в мире, поэтому часто изучают новости с помощью специализированных ресурсов. Ведь если в своей юности они читали газеты, журналы, то сейчас на смену им пришли цифровые ресурсы, что значительно облегчает поиск интересующей информации.

Составлено авторами по материалам исследования

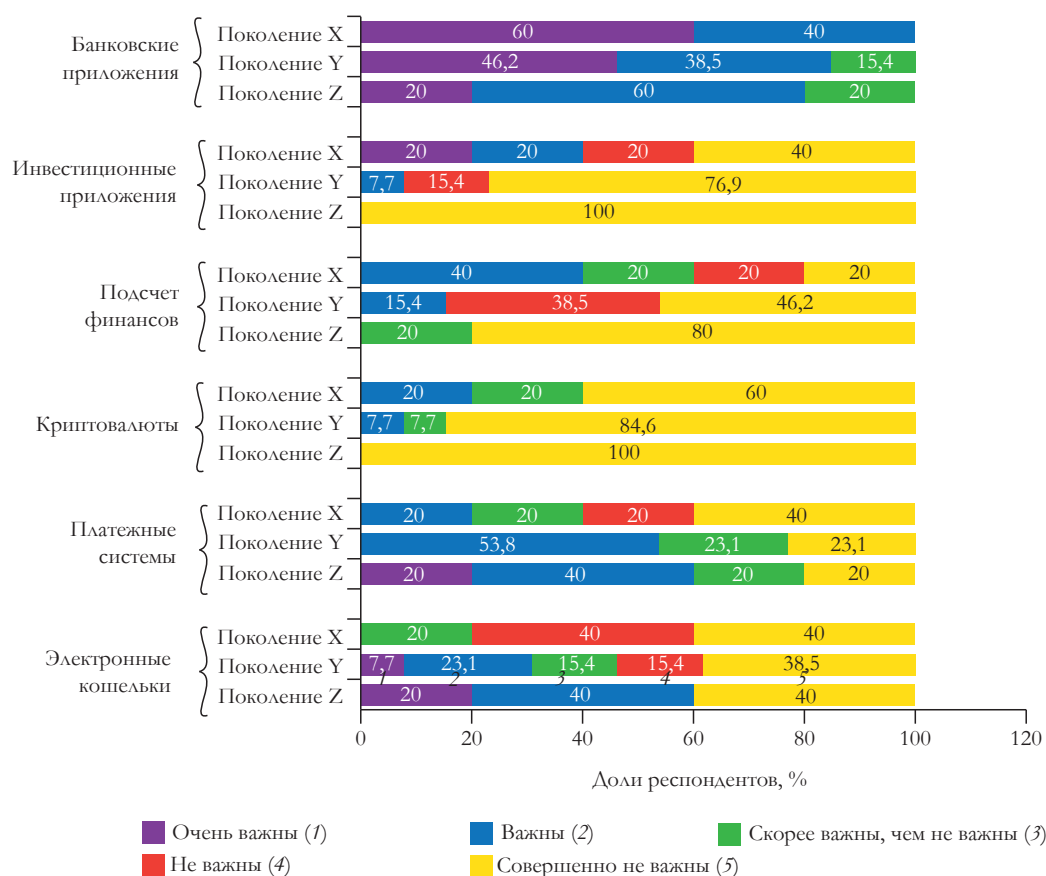
Рис. 2. Оценка пользователями важности новостных приложений различных видов

Также детские приложения, которыми обычно пользуются родители или бабушки и дедушки, наибольший интерес вызывают среди поколения X. Данный вид программ используется для развития у детей логического мышления, творческих способностей, цифровых навыков, а также для развлечения. Отсутствие интереса среди молодых респондентов к детским программам может объясняться тем, что они не имеют ребенка, либо не испытывают нужды обращаться к ним.

Финансовые приложения у респондентов вызывают высокий интерес. На рисунке 3 показано отношение пользователей разных возрастов к ним. Можно заметить, что наибольшей популярностью среди всех поколений пользуются банковские приложения, так как сегодня удобно использовать цифровые возможности для выполнения операций с денежными средствами. Наименьший же интерес среди опрошенных вызывают криптовалютные приложения. Можно сделать предположение о том, что население Ростова-на-Дону мало осведомлено в этом вопросе и не заинтересовано в нем. Другие виды финансовых приложений среди респондентов не пользуются большой популярностью. Скорее можно говорить о том, что, в силу интересов и потребностей, каждый выбирает инструмент для их удовлетворения.

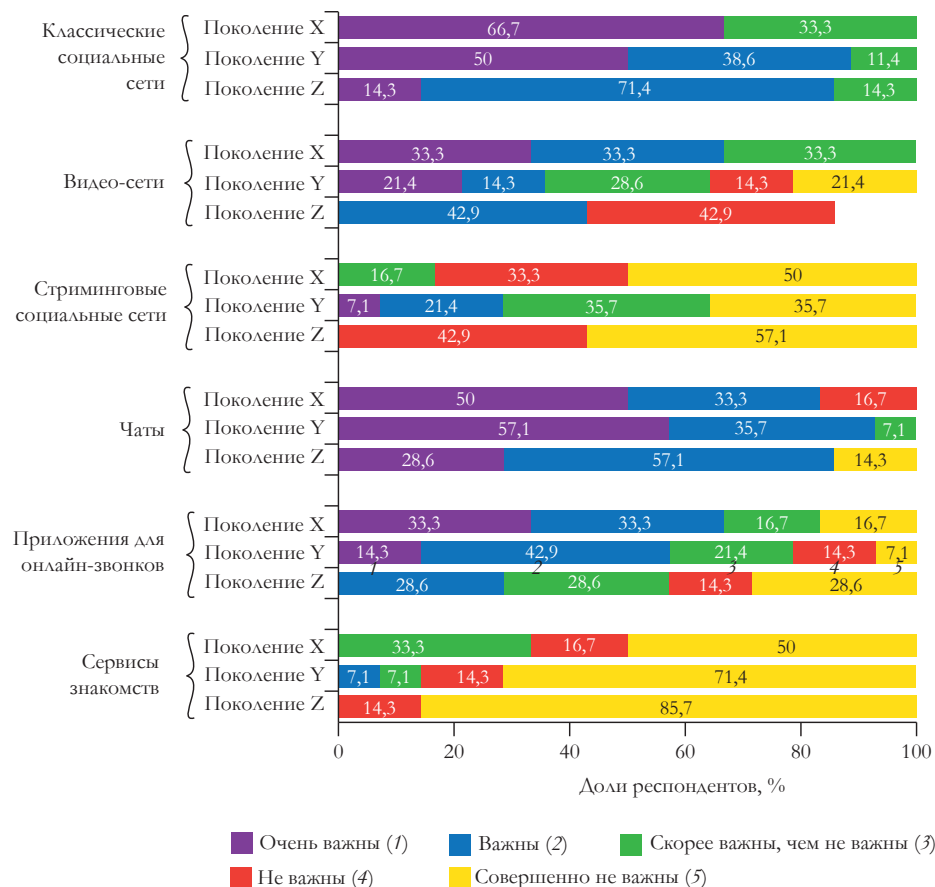
Функциональные приложения являются наиболее часто используемыми по сравнению с другими видами, так как они обычно предустановлены на смартфон к моменту его приобретения. Большинство респондентов положительно оценивают важность функциональных приложений. Действительно, встроенные в мобильный телефон часы, календарь, калькулятор, прогноз погоды сильно упрощают человеку решение повседневных задач. Добавление подобного функционала в приложение бренда могло бы повысить к нему интерес и увеличить частоту использования.

Сегодня сложно представить мир без социальных сетей, в которых мы общаемся, делимся мыслями и фотографиями. Они плотно вошли в жизнь современного человека. Важность их использования отмечают респонденты всех исследуемых поколений (рис. 4). Менее активно используются пользователями видео-сети, приложения для онлайн-звонков и стриминга. Это не имеет значения, по большей части, для поколения Z, как и сервисы знакомств. Этот факт объясняется тем, что многие люди для поиска новых друзей используют классические социальные сети и чаты, которые популярны у представителей всех возрастных категорий. Различия предпочтений потребителей разных поколений проявляется в тенденции молодых людей, в отличие от горожан более старшего возраста, к более активной коммуникации, большей открытости окружающим через использование видео, онлайн-звонков и стриминга.

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 3. Оценка пользователями важности финансовых приложений различных видов

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 4. Оценка пользователями важности социальных приложений различных видов

Следующая категория – игровые приложения. Сегодня разработчики предлагают их огромное количество. Исследование предпочтений пользователей показывает, что игры вызывают интерес у всех респондентов, однако не для всех они имеют высокий уровень важности. Подобного рода приложения скорее призваны поднимать настроение или помогать провести время в долгом ожидании. Поэтому, несомненно, называть их необходимыми каждому не представляется возможным, однако и отрицать популярность игр нельзя. Стоит лишь обратить внимание, что наибольший интерес к ним проявляется у представителей поколения Y, что объясняется выпавшей на их детство эпохой развития информационных технологий. Это дети, которые осваивали первые игровые приставки и компьютерные игры. Они положительно реагируют на внедрение в жизнь игровых механик, поэтому многие бренды стремятся заинтересовать их геймификацией обыденных процессов [12].

В то же время приложения для обучения не являются высоко востребованными на российском рынке. Наибольший интерес среди респондентов вызывают словари (100 % – у поколения Z, 77,7 % – у поколения Y, 100 % – у поколения X), языковые приложения (100 % – у поколения Z, 88,8 % – у поколения Y, 75 % – у поколения X) и самоучители (100 % – у поколения Z, 66,6 % – у поколения Y, 50 % – у поколения X). Это связано с тем, что у многих людей сегодня возникает потребность в быстром переводе слов и фраз и изучении иностранных языков. Важность обучающих игр оценивается ниже. Возможно потому, что игровой формат обучения понятен и удобен не всем респондентам. Особенно данный факт отмечается среди представителей поколения X и Y. Приложения для подготовки к экзаменам также не пользуются большой популярностью среди взрослого населения. Молодежь же интересуется данным видом в силу своей деятельности, а именно подготовки к оценке их знаний и навыков в учебных заведениях.

Среди медиаприложений наибольший интерес пользователей можно отметить к видеопроигрывателям (83,4 % – у поколения Z, 91,7 % – у поколения Y, 20 % – у поколения X), галереям изображений (100 % – у поколения Z, 91,7 % – у поколения Y, 60 % – у поколения X) и программам для чтения книг (66,7 % – у поколения Z, 75,1 % – у поколения Y, 80 % – у поколения X). Первые два вида часто используются в повседневной жизни для просмотра фото и видео. При этом они являются одними из наиболее важных приложений, без которых часть функционала мобильных устройств становится бесполезной, например работа камеры. Прослушивание подкастов на телефоне (75 % – у поколения Y, 60 % – у поколения X) также отмечается многими респондентами старшей возрастной категории как важное, потому что это удобно при быстром ритме жизни современного человека, в отличие от радио, телеканалов, медиастриминговых сервисов, не вызывающих интерес у респондентов всех возрастных категорий.

Следующая категория – приложения для работы. Они имеют большую актуальность в современном мире, так как позволяют реализовывать удаленное выполнение задач. Помимо этого, среди их разновидностей существуют также и те, которыми люди пользуются в целях общения, обмена данными, например электронные почтовые ящики, важность которых высоко оценивается 100 % опрошенными. Исходя из проведенного исследования, следует вывод о том, что приложения для поиска работы и нетворкинга вызывают у респондентов наименьший интерес. Конечно, среди представителей поколений встречаются те, кто считают важным присутствие в их жизни подобных приложений и часто их используют, но их количество значительно уступает считающим иначе (например, 50 % представителей поколения Y и 50 % представителей поколения X считают важными приложения для нетворкинга). Также 25 % представителей поколения Z, 30 % представителей поколения Y и 25 % представителей поколения X используют приложения для поиска работы. Редакторы документов (востребованы у 100 % представителей поколения Z, 80 % представителей поколения Y и 75 % представителей поколения X) и приложения для удаленной работы (75 % – у поколения Z, 80 % – у поколения Y, 75 % – у поколения X), напротив, большинством респондентов оцениваются как важные и необходимые в повседневной жизни, что, как писалось выше, объясняется цифровизацией процессов, связанных с учебой, работой и личным общением как у взрослых, так и молодых опрошиваемых.

Далее рассмотрим продуктовые приложения. Жители мегаполисов активно пользуются сервисами доставки продуктов и готовой еды в своих мобильных телефонах. Этот факт подтверждают результаты опроса: как «очень важные» приложения отметили 50 % респондентов поколения Z, 53,8 % – поколения Y и 50 % – поколения X. Важным присутствие в своей жизни данной подкатегории продуктовых приложений отметили 50 % опрошенных представителей поколения Z, 30,8 % – поколения Y, 50% – поколения X. Однако приложения диет (по результатам опроса, совершенно не важны для 100 %

представителей поколения Z, для 76,9 % поколения Y и 50 % поколения X; не важны для 7,7 % поколения Y и 25 % поколения X), рецептов блюд (совершенно не важны: 50 % – поколение Z, 38,5 % – поколение Y, 50 % – поколение X; не важны: 38,5 % – поколение Y, 25 % – поколение X) и напитков (совершенно не важны: 50 % – поколение Z, 84,6 % – поколение Y, 50 % – поколение X; не важны: 50 % – поколение Z, 7,7 % – поколение Y, 25 % – поколение X) по мнению опрошенных не являются необходимыми, ведь с развитием социальных сетей, тематических блогов и сайтов индустрия кулинарии стремительно развивается, что говорит о насыщении рынка. Приложения ресторанов имеют свою целевую аудиторию, состоящую из приверженцев бренда, но они также конкурируют с социальными сетями и сайтами, использование которых может представляться людям более удобным. Так, совершенно не важными для себя их находят 50 % опрошенных респондентов поколения X, 7,7 % – поколения Y; не важными: 50 % – поколения Z, 30,8 % – поколения Y, 25 % – поколения X; скорее важными, чем не важными: 30,8 % – поколения Y; важными: 15,4 % – поколения Y, 25 % – поколения X. При этом стоит обратить внимание на то, что 15,4 % представителей поколения Y и 50 % представителей поколения Z достаточно положительно относятся к приложениям ресторанов и считают их очень важными в своей жизни.

Приложения для организации путешествий и релокации сегодня также являются достаточно популярными среди пользователей мобильных телефонов. Например, навигаторы (очень важны для 36,47 % представителей поколения Y, 16,7 % – поколения X; важны для 100 % поколения Z, 45,5 % поколения Y и 83,3 % поколения X) и сервисы для вызова такси (очень важны: 36,4 % – Y, 33,3 % – X; важны: 45,5 % – Y, 33,3 % – X) представляются респондентам значимыми в их повседневной жизни. Однако 100 % представителей поколения Z единогласно утверждают, что приложения для заказа такси не важны для них. Так как преимущественно данную группу опрошиваемых составляют подростки и люди до 20 лет, они редко используют подобные услуги в силу отсутствия необходимости в самостоятельном передвижении на большие расстояния или финансового положения. Приложения для аренды (не считают важными 72,8 % опрошенных представителей поколения Y, 66,7 % – поколения X; считают важными 27,3 % респондентов поколения Y, 33,3 % – поколения X), бронирования (не считают важными 63,7 % – Y, 50 % – X; считают важными 36,4 % – Y, 50 % – X) и сервисов каршеринга (считают не важными 72,7 % – Y, 83,3 % – X; считают важными 27,3 % – Y, 16,7 % – X) мало популярны среди опрошиваемых. Так, 100 % респондентов поколения Z отмечают, что данные сервисы для них совершенно не важны, что обусловливается их возрастом, ведь они самостоятельно не организывают поездки и, возможно, не водят автомобиль.

Приложения для шопинга сегодня являются достаточно популярными. В период пандемии вырос интерес потребителей к маркетплейсам (очень важны для 50 % опрошенных поколения Z, 25 % – поколения Y, 20 % – X; важны: 50 % – поколение Z, 66,7 % – Y, 40 % – X) и онлайн-магазинам (очень важны: 25 % – Y, 100 % – X; важны: 100 % – Z, 66,7 % – Y) и продолжает держаться на достаточно высоком уровне. Пользователи положительно относятся к данным категориям, считая их важными для себя. При этом представителям поколения Z больше нравятся маркетплейсы, а поколению X – онлайн-магазины. Другие же виды приложений для шопинга: каталоги, купоны и отзовики, пользуются меньшим спросом у респондентов. Необходимость первых выше оценивает поколение Z (100 %), а представители поколений Y (50 %) и X (80 %) в большей степени придерживаются мнения о том, что данные виды приложений не имеют большой роли в их жизни. «Зеты» также больше, чем другие поколения, используют приложения с купонами (50 %), но также 50 % молодых респондентов, как и 83 % представителей поколения Y и 60 % опрошенных поколения X не видят в них надобности. Приложения-отзовики имеют наименьшую популярность среди участников опроса. Так, поколение Z (100 %) совершенно ими не пользуется, как и 83,3 % представителей поколения Y и 80 % – поколения X. Можно предположить, что подобные услуги часто включены в приложения для совершения покупок онлайн, поэтому человеку не требуется искать информацию дополнительно. Поэтому при разработке данных категорий важно удовлетворить все запросы потребителей, чтобы избежать снижения уровня вовлеченности.

Приложения для здоровья вызывают средний интерес пользователей. Как показывают данные исследования, наибольшей для респондентов важностью обладают приложения для отслеживания показателей тела (100 % – Z, 66,7 % – Y, 100 % – X). Приложения-тренировки пользуются спросом у молодой аудитории и старшего поколения (100 % – Z, 100 % – X), а среди миллениалов (поколение Y) только 16,7 % считают важными мобильные тренировки. Много положительных оценок получили приложения для женского здоровья (50 % – Z, 66,6 % – Y, 66,7 % – X), но в силу их узкой специализации

сложно говорить о точности приведенных данных, так как участие в исследовании представителей обоих полов могло исказить статистику. Несмотря на это, можно утверждать, что данный вид приложений представляется достаточно важным для поколений X и Y. Наименьшей популярностью среди респондентов обладают библиотеки и каталоги лекарственных средств и приложения клиник. Первыми пользуются только 16,7 % респондентов поколения Y, а вторыми – 33,3 % того же поколения. В вопросах здоровья человек желает полагаться на авторитетные и проверенные источники, а эти приложения могут не являться таковыми в глазах пользователя.

Самый непредсказуемый результат исследования демонстрируют оценки приложений для творчества. Большинство респондентов (100 %), например, оценивают приложения-раскраски как совершенно неважные в повседневной жизни. Также и информационные приложения для творчества и хобби и программы для диджитал-рисования не используются представителями поколений Y и X, однако 66,6 % представителей поколения Z в первом случае и 33,3 % во втором имеют их на своих мобильных устройствах. Это говорит о том, что молодежь предпочитает цифровое творчество классическим его аналогам. Редакторы фото (100 % – Z, 75 % – Y, 100 % – X) и видео (100 % – Z, 25 % – Y, 50 % – X) в большей степени положительно оцениваются респондентами. Популярность социальных сетей значительно сказывается на использовании приложений для редактирования визуального контента, так как существует тенденция блогинга.

Следующим этапом исследования предпочтений потребителей в выборе категории приложения является изучение мотивов и факторов, оказывающих влияние на выбор потребителя. Согласно результатам проведенного исследования, представленным на рисунке 5, большинство респондентов при выборе мобильных приложений опираются на удобство интерфейса (так ответили 24 % представителей поколения Z, 23 % – Y, 24 % – X), широкий спектр функций и возможностей (17 % – поколение Z, 18 % – Y, 24 % – X) и бесплатный доступ (17 % для поколения Z, 18 % – Y, 4% – X). Также поколение X отдает предпочтение приложениям с высоким рейтингом и большим количеством скачиваний (16 %). Красивый дизайн привлекает преимущественно молодую аудиторию (14 % поколения Z, 8 % поколения Y и 8 % поколения X), а контентом и содержанием больше интересуются именно миллениалы (13 % – Y).

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 5. Причины выбора пользователями мобильных приложений

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По итогам проведенного исследования предпочтений потребителей мобильных приложений, основываясь на теории поколений В. Штрауса и Н. Хоува, можно сделать вывод, что при разработке приложений важно учитывать такие факторы, как направленность функционала и потребность непосредственных потребителей.

Для поколения X можно отметить предпочтение следующих категорий мобильных приложений: финансовые, социальные, медиа, для путешествий и релокации. Что касается поколения Y, то большей популярностью у его представителей пользуются финансовые, социальные, продуктовые приложения

и программы для онлайн-шопинга. Для поколения Z выделяются финансовые, социальные, медиаприложения, игровые приложения.

Финансовые и социальные приложения пользуются одинаковой популярностью среди представителей трех поколений. На это могут влиять следующие причины: цифровизация и повышение качества банковских и иных финансовых услуг, желание отказаться от банкнот в пользу банковских карт во время пандемии COVID-19, качественное покрытие сетями мобильной связи городов, перевод многих рабочих аспектов в социальные сети, непрерывная связь с близкими на любом расстоянии через сеть «Интернет» и свободный доступ к развлекательному контенту.

Медиаприложения актуальны как для поколения X, так и Z, однако исследование показывает, что пользователи разных возрастов обращаются к разным подкатегориям медиаприложений. Так, поколение Z отдает предпочтение приложениям с возможностью просмотра видео и фото, что можно отнести к популярности блогинга среди подростков и молодых людей; поколение X больше времени посвящает чтению книг с мобильного устройства и прослушиванию подкастов, то есть все еще обращается к традиционным источникам контента и экспертным мнениям в аудио формате, напоминающим радио.

Игры популярны среди младшего поколения – поколения Z. На это влияет как возраст представителей этого поколения, так и ситуация на рынке: качество и количество различных категорий игр в 2022 г. способно удовлетворить любые запросы игроков, благодаря развитию смартфонов. Также подростки отличаются отсутствием полной финансовой независимости и более благосклонно из-за этого относятся к free-to-play игровым моделям, где за игровой процесс игрок платит просмотром рекламы.

Поколение X выделяется высоким интересом к приложениям для путешествий и релокации, к которым относятся такси, навигаторы, приложения для бронирования. Можно прийти к выводу, что интерес к таким приложениям объясняется большей финансовой устойчивостью поколения X: с высокой вероятностью у них есть собственное жилье, семейный автомобиль и большой рабочий стаж.

Поколение Y отличается высокой потребностью в приложениях для шопинга и продуктовых приложениях. Новые виды услуг доставки не пользуются популярностью у более старших поколений, а миллениалы объединены финансовыми возможностями и более позитивным отношением к экономии времени. Онлайн-шопинг с доставкой в ближайшую точку или на дом стал заменой походам в магазины, а доставка продуктов или готовых блюд дает свободу от приготовления еды дома. Поколение Y более спокойно относится к денежным тратам ради того, чтобы посвятить высвободившееся время более приятному или полезному делу.

Чтобы завоевать внимание и лояльность потребителей, в первую очередь, следует оценивать их предпочтения и нужды, так как в зависимости от возраста, образа жизни, среды, запросов и прочего человек обретает определенные взгляды и привычки, в том числе влияющие и на выбор приложений для постоянного использования. Во избежание неудач разработчики приложений должны закладывать нынешние и потенциальные потребности своей целевой аудитории в основу процесса создания продукта.

Библиографический список

1. data.ai. *State of Mobile*; 2022. <https://www.data.ai/ru/go/state-of-mobile-2022/> (accessed 01.11.2022).
2. 42matters. *Google Play Statistics and Trends*; 2022. <https://42matters.com/google-play-statistics-and-trends> (accessed 14.11.2022).
3. 42matters. *iOS Apple App Store Statistics and Trends*; 2022. <https://42matters.com/ios-apple-app-store-statistics-and-trends> (accessed 14.11.2022).
4. Коновалова А., Чиркова П. Мобильные приложения как инструмент маркетинга. В кн. Рубцова А.В. (отв. ред.) *Неделя науки СПбПУ: материалы научной конференции с международным участием, Санкт-Петербург, 18–23 ноября 2019 г.* СПб.: Политех-Пресс; 2020. С. 12–14.
5. Strauss W., Howe N. *Generations: the history of America's future, 1584 to 2069*. 1st ed. New York: Harper Perennial; 1991. 538 p.
6. Земскова Е.С. Анализ поведения потребителей в цифровой экономике с позиции теории поколений. *Вестник евразийской науки*. 2019;11(5). <https://esj.today/PDF/32ECVN519.pdf> (дата обращения: 10.10.2022).
7. Архипов А.Е., Еськов В.Д. Теория поколений в маркетинговом управлении: ретроспективно-дискурсивный аспект проблематики. *Современные технологии управления*. 2020;3(93). <https://sovman.ru/article/9315/> (дата обращения: 10.10.2022).
8. Lyons S.T., Schweitzer L., Ng E.S.W., Kuron L.K.J. Comparing apples to apples: A qualitative investigation of career mobility patterns across four generations. *Career Development International*. 2012;17(4):333–357. <https://doi.org/10.1108/13620431211255824>

9. Duh H., Struwig M. Justification of generational cohort segmentation in South Africa. *International Journal of Emerging Markets*. 2015;10(1):89–101. <http://doi.org/10.1108/IJOEM08-2012-0078>
10. Codrington G. Detailed Introduction to Generational Theory. *Tomorrow Today*; 2008. http://www.tomorrowtoday.uk.com/articles/pdf/TomorrowToday_detailed_intro_to_Generations.pdf (accessed 14.10.2022).
11. Зеленина Т.Р. Психология потребителей как объект маркетингового анализа. *Евразийский Союз Ученых*. 2020;1-4(70):69–73.
12. Федосенко А.А. Адвергейминг как инструмент маркетинговой коммуникации. *Вестник Ростовского государственного экономического университета РИНХ*. 2021;2(74):66–71.

REFERENCES

1. data.ai. *State of Mobile*; 2022. <https://www.data.ai/ru/go/state-of-mobile-2022/> (accessed 01.11.2022).
2. 42matters. *Google Play Statistics and Trends*; 2022. <https://42matters.com/google-play-statistics-and-trends> (accessed 14.11.2022).
3. 42matters. *iOS Apple App Store Statistics and Trends*; 2022. <https://42matters.com/ios-apple-app-store-statistics-and-trends> (accessed 14.11.2022).
4. Konovalova A., Chirkova P. Mobile applications as a marketing tool. In: Rubtsova A.V. (ed.) *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University Science Week: Proceedings of a scientific conference with international participation, St. Petersburg, November 18–23, 2019*. St. Petersburg: Polytech-Press; 2020. P. 12–14.
5. Strauss W., Howe N. *Generations: the history of America's future, 1584 to 2069*. 1st ed. New York: Harper Perennial; 1991. 538 p.
6. Zemskova E.S. Analysis of consumer behavior in the digital economy from the perspective of generation theory. *The Eurasian Scientific Journal*. 2019;11(5). <https://esj.today/PDF/32ECVN519.pdf> (accessed 10.10.2022).
7. Arkhipov A.E., Eskov V.D. Theory of generations in marketing management: a retrospective discursive aspect of the problem. *Modern Management Technology*. 2020;3(93). <https://sovman.ru/article/9315/> (accessed 10.10.2022).
8. Lyons S.T., Schweitzer L., Ng E.S.W., Kuron L.K.J. Comparing apples to apples: A qualitative investigation of career mobility patterns across four generations. *Career Development International*. 2012;17(4):333–357. <https://doi.org/10.1108/13620431211255824>
9. Duh H., Struwig M. Justification of generational cohort segmentation in South Africa. *International Journal of Emerging Markets*. 2015;10(1):89–101. <http://doi.org/10.1108/IJOEM08-2012-0078>
10. Codrington G. Detailed Introduction to Generational Theory. *Tomorrow Today*; 2008. http://www.tomorrowtoday.uk.com/articles/pdf/TomorrowToday_detailed_intro_to_Generations.pdf (accessed 14.10.2022).
11. Zelenina T.R. Consumer psychology as an object of marketing analysis. *Eurasian Union of Scientists*. 2020;1-4(70):69–73.
12. Fedosenko A.A. Advergaming as marketing communication tool. *Vestnik of Rostov State University of Economics*. 2021;2(74):66–71.

Экспорт образовательных услуг: конкуренция в новых геополитических условиях

Быковская Екатерина Николаевна

Канд. экон. наук, доц. каф. экономической политики и экономических измерений
ORCID: 0000-0001-8441-9455, e-mail: byko33@yandex.ru

Рыбина Марина Николаевна

Канд. экон. наук, доц. каф. экономической политики и экономических измерений
ORCID: 0000-0002-1443-1499, e-mail: solgy@mail.ru

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

Геополитическая напряженность набирает обороты. Не остается в стороне и конкурентная борьба в области экспорта образовательных услуг. В ожесточенном противостоянии применяется богатый арсенал современных технологий. Используя информационный натиск, целью этой борьбы становятся идеология, менталитет молодого поколения, его мировоззренческие позиции. Россия всегда была конкурентоспособной страной в области экспорта образовательных услуг. Однако в современных условиях жесточайшей конкуренции необходимо отстаивать свои позиции, находить преимущества в российской образовательной системе, опираясь как на накопленный опыт, так и используя инновационные подходы. Чтобы быть конкурентоспособными в современном мировом сообществе, при переходе к новому технологическому укладу, необходимо предлагать инновационные продукты в сфере образования, расширять инструментарий субъектов образовательной среды на различных региональных платформах.

Ключевые слова

Экспорт образовательных услуг, инновационный подход, организация и управление образованием, конкуренция в сфере образования, кластеры, технопарки

Для цитирования: Быковская Е.Н., Рыбина М.Н. Экспорт образовательных услуг: конкуренция в новых геополитических условиях // Вестник университета. 2023. № 1. С. 68–75.

Educational services export: competition in new geopolitical conditions

Ekaterina N. Bykovskaya

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Economic Policy and Economic Measurements Department
ORCID: 0000-0001-8441-9455, e-mail: byko33@yandex.ru

Marina N. Rybina

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Economic Policy and Economic Measurements Department
ORCID: 0000-0002-1443-1499, e-mail: solgy@mail.ru

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

Geopolitical tensions are on the rise. The competitive struggle in the field of educational services export does not stand aside either. In a fierce confrontation, a rich arsenal of modern technologies is used. Using the information onslaught, the ideology, the mentality of the younger generation, its worldview positions become the goal of this struggle. Russia has always been a competitive country in the export of educational services. However, in today's conditions of fierce competition, it is necessary to defend one's positions, find advantages in the Russian educational system, relying both on accumulated experience and using innovative approaches. In order to be competitive in the modern world community, during the transition to a new technological order, it is necessary to offer innovative products in the field of education, expand the range of the subjects of the educational environment on various regional platforms.

Keywords

Educational services export, innovative approach, education organization and management, competition, clusters, technology parks

For citation: Bykovskaya E.N., Rybina M.N. (2023) Educational services export: competition in new geopolitical conditions. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 68–75.

ВВЕДЕНИЕ

Целью исследования является анализ необходимости наращивания экспортного потенциала России в области образовательных услуг на предмет имеющихся и возможных конкурентных преимуществ самой страны, а также на предмет очевидных «рынков сбыта» образовательной продукции в условиях потенциальных угроз и социально-экономических противоречий, изменений в геополитической конфигурации с учетом имеющихся рисков и проблем цифрового неравенства. Для достижения поставленной цели выявляются наиболее существенные задачи, которые приходится решать на этом сложном ландшафте жесткой конкурентной борьбы, связанные со свойствами социально-экономического, этического, психологического, экологического и политического характера. Причем в настоящее время образование, особенно высшее, представляет собой крупнейшую сферу мировой экономики, является динамичным сектором мировой торговли услугами.

Трудно переоценить значение сферы образования в политическом осмыслении происходящих событий и в культурно-ментальной идентификации человека. Существует мнение, что конкурентная борьба в сфере образования может проявляться в форме «образовательной войны». «Главной целью войны является уничтожение противника, не обязательно физическое. В настоящее время легализовано употребление таких понятий как образовательные войны» [1, с. 4].

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Сфера образования всегда была и остается ареной столкновения интересов различных сил как внутри государства, так и в конкурентной борьбе на мировых площадках. Практика показывает, что в различных странах в последние десятилетия идет процесс интенсивного наращивания экспортного потенциала. На арену конкурентной борьбы выходят новые страны и весьма активно и успешно борются с еще недавними лидерами этого рынка.

В современной геополитической обстановке нарастает необходимость и усиливается актуальность выявления основных конкурентных преимуществ российского образования для его успешного продвижения на мировые рынки. Причем надо подчеркнуть, что в период кризисов различного толка конкуренция в сфере образования не затихает как внутри страны, так и на международных площадках. Однако положение России в этой области вызывает серьезную тревогу и требует глубокого осмысления.

В 80-е гг. XX в. две страны были лидерами в сфере экспорта образования – США и СССР. Преимущества потеряны, однако необходимо их не растерять вовсе. Известно, что в 10-х гг. XXI в. Россия еще входила в пятерку стран, имеющих авторитет на международном рынке образования, по привлечению иностранных студентов. Первое место принадлежало США, второе – Великобритании, третье – Австралии, четвертое – Франции. Россия занимала пятое место с долей в 4 % [2]. «С 2000 г. по 2014 г. общее число иностранных студентов, стажеров, аспирантов, поступающих в вузы за пределами своей страны, увеличилось более чем вдвое – с 2,1 млн по 5 млн человек. ... По прогнозу ЮНЕСКО, к 2025 г. численность иностранных студентов достигнет 8 млн человек» [3, с. 15].

Современные данные свидетельствуют о том, что эффективно и эффектно в конкурентную борьбу вступают Китай, который традиционно был импортером образовательных услуг, и Сингапур. С экономической точки зрения экспорт образовательных услуг позволяет привлекать значительные средства в экономику, а также наращивать человеческий капитал за счет талантливых иностранцев.

ТЕОРИЯ И МЕТОДЫ

Экономика знаний, как часто определяют формат новой экономики, по существу транслирует идею о том, что знания становятся фактором экономического роста. Инвестируя в человеческий капитал, можно добиваться значительных темпов экономического роста в 3–4 %. В наращивании человеческого капитала основная роль принадлежит образованию, вот почему для стран-лидеров этот сектор экономики представляет собой безальтернативный сегмент, обеспечивающий конкурентоспособность этих стран в мировом сообществе. Для России в области экспорта образования необходимо выходить на решение таких задач, которые позволили бы решать как вопрос увеличения валового внутреннего продукта (далее – ВВП), так и проблему привлечения талантов из-за рубежа.

Методология исследования исходит из следующего. Планирование и прогнозирование – обязательный элемент обеспечения конкурентоспособности такого сектора экономики как образование. Используется метод форсайта, который в этом исследовании состоит в том, чтобы определить, с какими потенциальными угрозами и рисками в будущем столкнется экспорт образовательных услуг в России. Исходя из сформулированных проблем, необходимо понять, какие ответы необходимо подготовить на эти вызовы с учетом того, что в базисе форсайтинга закладывается стратегия инновационного подхода к образованию на основе цифровизации. Методология исследования базируется на анализе и обобщении имеющейся информационной базы, статистических данных, научно-исследовательских работах ученых по данной проблематике. Среди них официальные сайты различных международных и российских статистических сборников, аналитические доклады по рассматриваемой теме и прочее.

АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ

Результаты проведенных исследований в области возможностей, потенциальных противоречий и экономических проблем, которые несет с собой участие в конкурентной борьбе в сфере образования на внешнем рынке, можно сформулировать следующим образом.

Прежде всего, встает вопрос о новом качественном уровне образования. «Конкурентоспособными специалистами становятся те, которые имеют творческий подход и инициативу к новому решению нестандартных задач стремительно меняющегося мира» [4, с. 5]. Во-вторых, в современной экономике сферу образования необходимо рассматривать не как затратную область, а как пространство для инвестиций. Необходимо учитывать, что в целом спрос на высшее образование растет, растет и стоимость высшего образования, что способствует притоку инвестиций в данную сферу. Расходы на образование считаются одним из ключевых показателей социального развития. Так, по состоянию на 2018 г., расходы на образование в США к ВВП страны составили 13,1 %, в Иране – 23,1 % в 2020 г., в Индии – 16,5 % в 2020 г., в России – 14,3 % в 2018 г., в Австралии – 13,5 % в 2018 г., в Великобритании – 13,3 % в 2018 г., в Турции – 12,4 % в 2018 г., в Сингапуре – 11,9 % в 2020 г., в Объединенных Арабских Эмиратах – 11,7 % в 2020 г., в Пакистане – 11,6 % в 2019 г., в Германии – 11,2 % в 2018 г., в Австрии – 10,7 % в 2018 г., во Франции – 9,7 % в 2018 г. [5].

«По данным доклада Всемирного экономического форума, Россия занимает высокое 4-е место в мире с точки зрения объема человеческого капитала, но лишь 42-е место по параметрам реального использования навыков в трудовой деятельности» [6]. Структура совокупного богатства России по данным 2020 г. в оценке Всемирного банка выглядит следующим образом [7]:

- человеческий капитал (образование и квалификация, опыт и вероятность участия в рабочей силе на разных стадиях) – 46 %;
- произведенный капитал (производственный капитал – инфраструктура, машины, здания, оборудование и городские территории) – 33 %;
- природный капитал – 20 % (из них: 15 % нефть, природный газ и другие минерально-сырьевые запасы, 5 % – пашни, пастбища, леса, особо охраняемые природные территории);
- чистые иностранные активы – 1 %.

Обеспечение качественного образования разного уровня является проблемой, которая выходит далеко за пределы сферы образования, она связана с будущностью политического и социально-экономического положения любой страны мира. Несомненно, сама дискуссия о качестве образования связана с небывалым ростом на мировом рынке конкурентной борьбы за предоставление образовательных услуг. Быстроменяющаяся геополитическая обстановка, изменение конфигурации глобализации и актуализация глокализации бросает вызовы современному пониманию места и роли экспорта российского образования. Напряженность современности и неопределенность будущего, тем не менее, требуют обозначения основных трендов поведения на рынке международных образовательных услуг, среди которых для России можно выделить следующие.

1. В экономике – обеспечение устойчивого и существенного финансирования со стороны государства, частного бизнеса, всех других заинтересованных структур. Сохранение на рынке образовательных услуг принципа цена-качество как конкурентного преимущества.
2. В области управления – организация специальной структуры по управлению научными исследованиями и проектной деятельностью в вузах. Важнейшей компетенцией таких управленческих структур

должна быть быстрая реакция на меняющиеся обстоятельства на рынке образования, обеспечение конкурентных преимуществ на мировых рынках образования, а также умение постоянно отслеживать состояние этих рынков в связи с быстро меняющимся спросом на различные компетенции и специальности. Необходимо исходить из того, что высшее образование превращается из элитарной структуры в массовый и доступный социальный институт.

3. В политике – выбор приоритетных направлений с учетом проведения политики изоляционизма, санкций, недружественного поведения определенных государств по отношению к России.

4. В области обустроенности сферы образования, ее инфраструктуры, обеспечения повседневности обучающегося необходимо формирование качественной комфортной бытовой среды для иностранных студентов.

5. В области культуры – обеспечение благоприятной нравственно-этической среды, умение преодолевать противоречия между локальными и глобальными проблемами, между универсальным и индивидуальным, между традициями и современными трендами.

6. В области предоставления образовательных услуг:

- обеспечение возможности предоставлять услуги на английском языке, возможность обеспечить хорошее знание русского языка для дальнейшего обучения. Практика экспорта образовательных услуг в современном мире показывает, что явным преимуществом становится предоставление услуг на английском языке. Отсутствие таких возможностей у вуза – явный недостаток, который ведет к потере конкурентных преимуществ. Однако этот вопрос остается наиболее дискуссионным в вузовском сообществе;

- умение преподавательского состава индивидуализировать трек обучения, исходя из способностей иностранного обучающегося. Для этого необходимо нанимать специалистов по адаптации иностранных студентов;

- соответствие новым тенденциям в моделировании современных учебных заведений, усиление научно-исследовательского компонента во всей структуре высшего образования.

В сложившихся геополитических обстоятельствах начала 20-х гг. XXI в. оставлять без внимания основные тенденции мирового рынка образования не представляется возможным. В России предлагается использовать несколько соответствующих моделей, при этом понимая, что их применение в конкретных геополитических условиях в полном объеме весьма затруднено. Поэтому необходимо сосредоточиться на тех моделях, которые дадут явные преимущества в экспорте образовательных услуг именно российскому образованию и будут представлены в ареале всемирного рынка образовательных услуг как действенный актор.

Степень интернационализации внутренних образовательных услуг зависит от степени интернационализации страны, ее включенности в международное разделение труда. Понятно, что сегодня в условиях ужесточения санкционного давления, беспрецедентных попыток изоляции страны, России трудно позиционировать себя в качестве успешного экспортера образовательных услуг. Действительно, из области конкурентной борьбы эта сфера переходит в состояние ведения «образовательной войны». Однако учитывая всю сложность геополитической обстановки, необходимо продвигаться вперед и не оставлять позиций. По данным статистики, примерно 30 % всех иностранных студентов, получающих образование за рубежом, являются выходцами из Китая, Индии, Германии. Они являются и импортерами образовательных услуг вместе с Вьетнамом, Ираном, Саудовской Аравией. Основными импортерами российских образовательных услуг выступают страны Содружества Независимых Государств (далее – СНГ) – более 60 % – и страны азиатского региона (около 30 %). Основной объем платных услуг в России приходится на высшие учебные заведения с очной формой обучения. Иностранные студенты в России отдают предпочтение государственным вузам, их в большей степени интересуют инженерно-технические специальности, медицина и экономика. Таким образом, эти устоявшиеся традиции необходимо сохранять и преумножать.

Реализация модели внутренней интернационализации предполагает два подхода, что вызывает дискуссии в образовательных кругах. С одной стороны, она может осуществляться на русском языке. Однако реальность далека от такого положения вещей. Потенциальные студенты из стран СНГ в 20-е гг. XXI в. очень далеки от знания русского языка. Они владеют своим родным языком, а также английским в большей степени, чем русским. С другой стороны, реализация этой модели может осуществляться на иностранном языке [8].

Сетевое взаимодействие вузов – еще одна из моделей экспорта образования. В России функционируют университет Шанхайской организации сотрудничества (далее – ШОС), Российско-Французский университет, Вьетнамо-Российский технологический университет, Российско-Китайский университет, Сетевой университет СНГ, Евразийский сетевой университет, Сетевой университет БРИКС.

В рамках Евразийской интеграции и реализации новых направлений развития евразийских интеграционных процессов, отраженных в Стратегии-2025, формируется Евразийский сетевой университет (далее – ЕСУ). Зачинателями и идеологами этого проекта стали министр по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии, академик Российской академии наук (далее – РАН) С. Глазьев, а также академик РАН В. Садовничий [9]. Евразийский сетевой университет решает следующие основные задачи:

- поэтапное формирование безбарьерной среды в сфере образования;
- формирование единого евразийского образовательного пространства;
- организация подготовки квалифицированных кадров;
- организация научных исследований и разработок,
- стимулирование личностного роста молодежи.

В 2022 г. участниками Меморандума о взаимопонимании по созданию Евразийского сетевого университета стали Белорусский государственный университет, Белорусский государственный экономический университет, Кыргызский государственный университет строительства, транспорта и архитектуры имени Н. Исанова, Кыргызский экономический университет имени М. Рыскулбекова, Ошский государственный университет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Университет при Межпарламентской Ассамблее ЕвразЭС, Уральский государственный экономический университет, Государственный университет управления, Белгородский государственный технологический университет, Национальный исследовательский университет «Московский энергетический институт», Бишкекский государственный университет имени К. Карасаева. Армянский государственный экономический университет, Рудненский индустриальный институт, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Проект ЕСУ – пример международной модели сетевого университета с приоритетом цифрового обучения для обеспечения более полной реализации программ обучения в нем. От других сетевых университетов, созданных на базе СНГ, ШОС и БРИКС, Евразийский сетевой университет отличает концентрация образовательных услуг на вопросах экономики и управления [10]. В рамках реализации своей концепции приоритетами Евразийского сетевого университета в ближайшей перспективе станет разработка образовательных программ, мониторинг рынка труда, организация научных исследований, а также унификация стандартов образовательной, инновационной и научной деятельности Евразийского экономического союза [11]. Координационный совет ЕСУ возглавит ректор Государственного университета управления профессор В.В. Строев.

ВЫВОДЫ

Сформулированные результаты проведенных исследований в области наращивания мощи экспортного потенциала российских образовательных услуг, социально-экономических возможностей и противоречий позволяют сделать следующие выводы. Снижают конкурентоспособность России, а также негативно искажают ее имидж санкции западных стран, обстоятельства неопределенности экономической ситуации, а также возможная военно-политическая дестабилизация; недостаточно высокий уровень условий и инфраструктуры большинства российских вузов для комфортного проживания студентов, особенно с учетом суровых для многих иностранцев климатических условий; низкий уровень владения иностранными языками профессорско-преподавательского состава и административного персонала российских вузов; рост иностранных студентов увеличивает национальные диаспоры, что может негативно сказаться на социальной стабильности коренного населения.

Повышение конкурентоспособности экспорта российских образовательных услуг остается актуальной задачей [12]. Однако для этого необходимо предпринимать определенные меры следующего характера. Необходимо увеличение расходов государства на развитие человеческого капитала. Обязательным условием является наращивание потенциала университетского образования через повышение качества образования по всему периметру образовательных услуг, коммуникационных компетенций и креативности через проектное обучение. Для преодоления языкового барьера необходимо изыскивать средства

для изучения русского языка талантливым студентам, как бакалаврам, так и магистрам. С другой стороны, всячески значительно поощрять профессорско-преподавательский состав, который имеет возможности преподавания дисциплин на английском языке [13].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

При расширении возможностей российского экспорта образовательных услуг необходимо не терять своих преимуществ среди стран дальнего зарубежья, а именно стран Азиатского региона – Китая, Индии, Вьетнама, Монголии – и противодействовать наблюдающейся нисходящей динамике. Перспективным регионом, по мнению авторов, является Африка. В Латинской Америке интерес представляет Бразилия.

Таким образом, в ареал стран-поставщиков иностранных студентов из дальнего зарубежья в ближайшем будущем будут входить такие страны, как Китай, Индия, Республика Корея, Малайзия, Индонезия, Вьетнам, Монголия, Бразилия, страны Африканского континента. Ближайшее зарубежье будет представлено Беларусью, Казахстаном, Таджикистаном, Узбекистаном, Киргизией.

Конкретным механизмом расширения контингента иностранных студентов для получения образования непосредственно в России можно считать широкое использование информационных возможностей, таких как конференции, олимпиады, творческие конкурсы, образовательные выставки и ярмарки разного уровня, как в рамках страны, так и в зарубежных странах для пропаганды своих успехов и привлечения иностранных студентов [14]

Россия переживает особый этап своего социально-экономического и политического развития, связанный с жесточайшим прессингом во всех аспектах своего существования. Однако недопустимо оставлять в стороне проблемы наращивания человеческого капитала. Питательной средой этого процесса является качественное образование. Высокий уровень всей системы образования позволяет достигать успехов, для чего надо всеми силами создавать более притягательные и привлекательные условия на всех уровнях национальной социально-экономической и политической системы России.

Библиографический список

1. Чеха В.В. *Образовательные войны.: учебное пособие*. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Дело; 2017. 125 с.
2. Краснова Г.А., Байков А.А., Арапова Е.Я. В России разработаны пять ключевых моделей экспорта образования. *Аккредитация образования*. Понедельник 25 декабря 2017. https://akvobr.ru/v_rossii_razrabotany_pyat_modeli_eksporta_obrazovaniya.html (дата обращения: 30.10.2022).
3. Барциц И.Н. *Россия и Франция в мировом образовательном пространстве: аналитический доклад*. М.: Изд. дом РАНХиГС; 2017. 400 с.
4. Рыбина М.Н., Быковская Е.Н. *Лабиринт экономических знаний: хрестоматия*. М.: РУСАЙНС; 2022. 508 с.
5. Институт статистики ЮНЕСКО. *Рейтинг стран мира по уровню расходов на образование*. <https://gtmarket.ru/ratings/global-education-expenditure> (дата обращения: 30.10.2022).
6. Каморджанова Н.А. Сетевое взаимодействие университетов при подготовке экономических кадров. *Экономика. Управление. Образование*. 2018;4(7):118–124.
7. Гальчева А. Всемирный банк отвел России 100 лет на развитие человеческого капитала. *РБК*. Среда 4 декабря 2019. <https://www.rbc.ru/economics/04/12/2019/5de76fa19a79476a1ebb8bec> (дата обращения: 30.10.2022).
8. Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова. *Тенденции развития высшего образования в мире и России*. Аналитический доклад-дайджест; 2021. [https://www.rea.ru/ru/org/managements/Nauchno-issledovatel'skijj-institut-razvitiya-obrazovaniya/Documents/Доклад-дайджест Тенденции развития высшего образования.pdf](https://www.rea.ru/ru/org/managements/Nauchno-issledovatel'skijj-institut-razvitiya-obrazovaniya/Documents/Доклад-дайджест%20Тенденции%20развития%20высшего%20образования.pdf) (дата обращения: 06.11.2022).
9. Шваков Е.Е. Сетевое взаимодействие вузов стран ЕАЭС как инструмент решения кадровых проблем сопредельных территорий. *Экономика и управление: проблемы, решения*. 2021;10(118):108–118. <https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2021.10.02.013>
10. Черников С.Ю. Возможности Сетевого университета БРИКС как образовательной платформы инновационного сотрудничества. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика*. 2021;1(6):76–87. <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2021-29-1-76-87>
11. Танина М.А., Бондаренко В.В., Юдина В.А., Зябликова О.А. Вовлеченность в образовательный процесс российских и иностранных студентов в условиях применения цифровых дистанционных образовательных технологий в российских вузах. *Вестник университета*. 2022;(10):89–96. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2022-10-89-96>

12. Дьяченко М.С., Леонов А.Г. Цифровой след в образовании как драйвер профессионального роста в цифровую эпоху. *E-Management*. 2022;5(4):23–30. <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2022-5-4-23-30>
13. Новосартова А.П. Развитие graduate-программ в организациях и роль университета в этом процессе. *E-Management*. 2021;4(2):58–64. <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2021-4-2-58-64>
14. Орлова С.Н., Фирсова С.В. Цифровизация и вызовы системы образования: проектная работа по формированию иноязычной коммуникативной компетенции. *Вестник университета*. 2022;(4):20–25. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2022-4-20-25>

References

1. Chekha V.V. *Educational wars. Textbook*. 2th ed., revised and enlarged. Moscow: Delo; 2017. (In Russian).
2. Krasnova G.A., Bajkov A.A., Arapova Ye.Ya. V Rossii razrabotany pyat' klyuchevykh modelei eksporta obrazovaniya [Russia has developed five key education export models]. *Akkreditatsiya obrazovaniya [Education Accreditation]*. Monday December 25, 2017. https://akvobr.ru/v_rossii_razrabotany_pyat_modelei_eksporta_obrazovaniya.html (accessed 30.10.2022).
3. Bartsyts I.N. *Russia and France in the World Educational Space: An Analytical Report*. Moscow: RANEPa Publ. House; 2017. (In Russian).
4. Rybina M.N., Bykovskaya E.N. *Labirint ekonomicheskikh znaniy: khrestomatiya [Labyrinth of economic knowledge: chrestomathy]*. Moscow: RUSCIENCE Publ. House; 2022. (In Russian).
5. UNESCO Institute for Statistics. *Global Education Expenditure Rating of countries of the world by the level of expenditure on education*; 2022. <https://gtmarket.ru/ratings/global-education-expenditure>. (accessed 30.10.2022).
6. Kamordzhanova N.A. Network interaction of universities in the preparation of economic personnel. *Ekonomika. Upravlenie. Obrazovanie [Economy. Management. Education]*. 2018;4(7):118–124.
7. Galcheva A. The World Bank gave Russia 100 years to develop human capital. *RBC*. Wednesday December 4, 2019. <https://www.rbc.ru/economics/04/12/2019/5de76fa19a79476a1ebb8bec> (accessed 30.10.2022)
8. Plekhanov Russian University of Economics. *Trends in the development of higher education in the world and Russia. Analytical report-digest*; 2021. <https://www.rea.ru/ru/org/managements/Nauchno-issledovatel'skij-institut-razvitiya-obrazovaniya/Documents/Документ-дайджест-Тенденции-развития-высшего-образования.pdf> (accessed 06.11.2022).
9. Shvakov E.E. Networking of universities of the EAEU countries as a tool for solving personnel problems of adjacent territories (experience of Altai state university). *Economics and management: problems, solutions*. 2021;10(118):108–118. <https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2021.10.02.013>
10. Chernikov S.Yu. BRICS Network University potential as an educational platform for innovative cooperation. *RUDN Journal of Economics*. 2021;1(6):76–87. <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2021-29-1-76-87>
11. Tanina M.A., Bondarenko V.V., Yudina V.A., Zyablikova O.A. Russian and foreign students' involvement in the educational process in the context of the digital distance educational technologies use in the Russian universities. *Vestnik Universiteta*. 2022;(10):89–96. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2022-10-89-96>
12. Dyachenko M.S., Leonov A.G. Digital footprint in education as a driver of professional growth in the digital age. *E-Management*. 2022;5(4):23–30. <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2022-5-4-23-30>
13. Novosartova A.P. Development of graduate programs in organizations and the role of the University in this process. *E-Management*. 2021;4(2):58–64. <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2021-4-2-58-64>
14. Orlova S.N., Firsova S.V. Digitalisation and challenges of the education system: project work in formation of foreign language communicative competence. *Vestnik Universiteta*. 2022;(4):20–25. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2022-4-20-25>

Знания как основа формирования инновационного потенциала персонала организации

Иванов Игорь Николаевич

Д-р экон. наук, проф. каф. международного производственного бизнеса
ORCID: 0000-0002-7061-4767, e-mail: ivanov-igor-nik@mail.ru

Орлова Любовь Васильевна

Канд. экон. наук, доц. каф. теории организации и управления
ORCID: 0000-0002-8725-9976, e-mail: lorlo@mail.ru

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

Статья посвящена вопросам развития инновационного потенциала персонала организации на основе управления знаниями. Отмечается дискуссионность вопроса о содержании понятия «инновационный потенциал». Рассматриваются современные тенденции в управлении человеческими ресурсами. Обосновывается трактовка понятия «инновационный потенциал» как динамического процесса саморазвития персонала предприятия. В перечень основных характеристик названного потенциала включаются главные компетенции, динамические, организационные и поглощающие способности организации, формируемые в рамках системы управления знаниями, создаваемой на предприятии. Подчеркивается, что ключевым блоком системы должно быть непрерывное обучение персонала. Объясняется необходимость встраивания системы управления знаниями в инновационную бизнес-модель организации. В итоге компания станет самообучающейся, а затем, вовлекая максимально возможное число сотрудников в систему непрерывного обучения, интеллектуальной, то есть такой, которая не только аккумулирует, но и капитализирует знания. Отмечается, что действенным способом накопления и трансляции корпоративных знаний должны быть корпоративные университеты и учебные центры, создаваемые в организациях.

Ключевые слова

Инновационный потенциал, персонал, интеллектуальная организация, компетенции, непрерывное обучение, управление знаниями, динамические способности, конкурентные преимущества, саморазвитие организации

Для цитирования: Иванов И.Н., Орлова Л.В. Знания как основа формирования инновационного потенциала персонала организации // Вестник университета. 2023. № 1. С. 76–82.

Knowledge as the basis for forming the innovative potential of the organization staff

Igor N. Ivanov

Dr. Sci. (Econ.), Prof. at the International Manufacturing Business Department
ORCID: 0000-0002-7061-4767, e-mail: ivanov-igor-nik@mail.ru

Lyubov V. Orlova

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the of Theory of Organization and Management Department
ORCID: 0000-0002-8725-9976, e-mail: lorlo@mail.ru

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

The article is devoted to the development of innovative potential of the personnel based on knowledge management. The controversy surrounding the concept of innovative potential is highlighted. Current trends in human resources management are described. The interpretation of the aforementioned concept as a dynamic process of self-development of the personnel is substantiated. Key competencies, dynamic, organizational and absorbing capabilities of an enterprise that are being formed as part of the knowledge management system created at the enterprise are included in the list of the main characteristics of the stated potential. It is stressed that continuous staff training should be the main block of the system. The need to integrate the knowledge management system into the innovative business model of the organization is substantiated. Therefore, the company will transform into a self-learning one and eventually, with the maximum number of employees involved in the continuous training system, a company of intellectual resources that does not only accumulate but also capitalises knowledge. It is stated that corporate universities and educational centers established at organizations should become an effective way to accumulate and share corporate knowledge.

Keywords

Innovation potential, personnel, intellectual organisation, qualifications, continuous learning, knowledge management, dynamic capabilities, competitive advantages, self-development of the organisation

For citation: Ivanov I.N., Orlova L.V. (2023) Knowledge as the basis for forming the innovative potential of the organization staff. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 76–82.

ВВЕДЕНИЕ

В условиях бурного распространения информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ) для каждого предприятия жизненно важно своевременно вступить в глобальную гонку, используя свои уникальные и не копируемые конкурентные преимущества. К ним относятся, в частности, активы, в основе которых лежат знания. Знания, продуцируемые информацией и переносимые в сетевое пространство, стали одним из важнейших экономических ресурсов.

Устойчивая конкурентоспособность предприятия в настоящий момент обеспечивается лишь в тех случаях, когда работники компании не только способны, но и готовы принимать непосредственное участие в инновационной деятельности, базирующейся на фундаменте современных знаний. Знания, носителями которых являются сотрудники предприятий, в эпоху цифровых трансформаций представляют собой основу инновационного потенциала как самих предприятий, так и экономики страны в целом. Уникальная роль знаний как важнейшего ресурса формирования инновационного потенциала организации предопределяет необходимость совершенствования методологии и системы управления названным ресурсом.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Существует целый ряд исследований в области создания и развития инновационного потенциала персонала (далее – ИПП), имеет место и определенный практический опыт. В то же время остаются вопросы, требующие рассмотрения как в теоретическом, так и в прикладном аспекте. Это предопределяется, в частности, сформировавшимися в последнее время тенденциями в управлении человеческими ресурсами [1]:

- формированием компетенций для решения новых задач и выполнения видов деятельности, ранее не существовавших;
- резким повышением роли управления человеческим капиталом в целях обеспечения конкурентоспособности организации;
- распространением проектного подхода в практике организации труда;
- интеграцией процессов управления персоналом в инновационные бизнес-модели деятельности хозяйствующих субъектов;
- повышением роли управления талантами в развитии стратегических возможностей организации;
- широким развитием корпоративного обучения;
- повышением значения вовлеченности персонала в решение задачи роста производительности труда.

По-прежнему остается дискуссионным вопрос о содержании понятия «инновационный потенциал». Названная категория представляется в литературе либо как комплекс каких-либо необычных, уникальных особенностей работников компании, либо как необычное поведение работников [2]. Следует отметить, что данные подходы лишь фиксируют текущее состояние тех или иных элементов инновационного потенциала, не придавая значения возможным направлениям их совершенствования. В этом смысле более продуктивным видится подход, базирующийся на динамическом процессе самообучения и саморазвития компании. В рамках данного подхода представлены результаты настоящего исследования.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Динамический процесс саморазвития организации предполагает наличие [3]:

- системы постоянного обучения как руководства, так и рядовых сотрудников компании;
- системы мотивации персонала к инновационной деятельности;
- децентрализованных организационных структур управления;
- системы подготовки лидеров, способных самостоятельно инициировать осуществление новых проектов и руководить ими;
- корпоративной культуры организации, способствующий продуцированию инноваций.

В ходе саморазвития в компании складываются так называемые динамические способности. Их характерной чертой является уникальность: они присущи только данной компании и потому не поддаются копированию конкурентами. При условии постоянного обновления эти способности представляют собой важнейший конкурентный ресурс предприятия. Понятие «способности» стало использоваться после того, как Р.Р. Нельсоном и С.Г. Уинтером была разработана концепция организационных рутин (способностей) как постоянно повторяющихся методов осуществления той или иной деятельности [4].

Современная научная литература трактует динамические способности либо как процесс эволюционного характера, либо как механизм создания и совершенствования располагаемых ресурсов компании для купирования рисков, связанных с непостоянством среды, окружающей компанию. В рамках второго подхода можно выделить следующие процессы:

- согласование внутренних и внешних процессов, осуществляемых компанией;
- обучение контингента, направленное на повышение эффективности выполнения необходимых функций;
- модернизацию организационных ресурсов, предполагающую их приспособление к колебаниям технологической и рыночной среды.

Несмотря на определенные отличия, подходы, описанные выше, имеют одну и ту же общую цель – рост конкурентоспособности за счет создания и развития новых способностей и компетенций.

Кроме динамических способностей инновационный потенциал предприятия включает в себя способности организационные, которые обычно подразделяются на базовые и ключевые. При этом базовые способности трактуются как способности выживать в конкурентной среде и характерны для большинства хозяйствующих субъектов. Что касается ключевых способностей, они представляют наибольший интерес, поскольку формируют ключевые компетенции компании, составляющие ее конкурентные преимущества. При этом динамические способности организации, точно так же как ее ключевые компетенции, должны быть органической частью системы управления знаниями (далее – СУЗ), формируемой на предприятии.

Более устойчивыми в рыночной среде являются те компании, которые максимально эффективно используют как правило ограниченные ресурсы, оперативно перестраивая свою деятельность в зависимости от колебаний внешней среды. В таких компаниях руководство стремится сместить акцент с традиционных знаний и навыков, обычно применяемых при реализации рутинных работ, к знаниям и навыкам, которые представляют собой новые, уникальные качества, не поддающиеся копированию конкурентами. Разумеется, работники могут овладеть такими знаниями и навыками лишь в ходе профессиональной деятельности, постоянно обогащаясь опытом и повышая уровень трудовой этики. Это, в свою очередь, формирует способность работников к саморазвитию и самореализации, закрепляющуюся в моделях поведения. Однако следует заметить, что наличие уникальных и не воспроизводимых конкурентами качеств у руководства компании и части ее персонала еще не гарантирует эффективную инновационную деятельность. Вышеназванные качества имеют значение лишь тогда, когда их использование приводит к росту конкурентных преимуществ компании.

С течением времени технология управления знаниями совершенствовалась и окончательно сформировалась при замене затратного подхода к развитию человеческого капитала подходом инвестиционным, то есть при развитии «экономики знаний» [5]. Как одна из функций менеджмента, управление знаниями прошло несколько этапов трактовки. На первом этапе этим термином обозначали обнаружение эффективных примеров развития хозяйствующих субъектов и расширение границ использования соответствующих практик. Вторым этапом стала опора на технические и программные средства, предполагающая сбор, систематизацию и хранение соответствующих данных. Стоит, однако, подчеркнуть, что второй подход оказался недостаточно эффективным по причинам личностного и организационно-технического характера [4]. Так, к личностным причинам можно отнести недостаточную поддержку менеджментом предприятия самой идеи управления знаниями, непонимание работниками целей и механизмов реализации соответствующих технологий, ограниченность внутрикорпоративных коммуникаций, а также неопределенность личных преимуществ участников системы управления знаниями. К другой группе причин главным образом относится необходимость предварительного и достаточно затратного обучения персонала, а также частые технические проблемы.

Изложенное выше позволяет констатировать, что агрегирование знаний, их толкование и распространение возможно только при формировании сети коммуникаций персонала, позволяющей доводить информацию до всех подразделений предприятия. В этих условиях СУЗ становится средством обеспечения перманентного обучения и развития коллектива в вопросах, связанных с наиболее важными бизнес-процессами. Крайне важно, что при надлежащей формализации знаний компания становится независимой от ситуаций, связанных с увольнением работников или с их перемещением внутри предприятия.

Анализ российской практики показывает, что теоретические категории, характеризующие функцию управления знаниями («интеллектуальный капитал», «креативная компания», «развитие персонала» и т. д.),

для многих предприятий еще не стали повседневными, привычными. В значительной мере это является следствием сложности, многогранности, а порой и противоречивости процессов управления знаниями. Магистральным направлением преодоления трудностей, возникающих при построении СУЗ, является непрерывное обучение и развитие коллектива компании для продуцирования актуальных знаний как фактора роста конкурентоспособности предприятия [6].

В наиболее развитых странах быстро растущая роль знания привела к формированию ряда преференций для предприятий, активно осуществляющих непрерывное обучение работников. Так, в США для предприятий предусмотрены налоговые льготы, в случае если не менее 2 % фонда заработной платы расходуется на обучение работников и разработку новых технологий, формирующих «поле знаний». Более 50 % американских компаний, 46 % британских компаний и 21 % французских используют подобную практику [7].

Важной задачей при формировании корпоративной СУЗ является преобразование неявных знаний в знания явные, представляющее собой данные, которые можно формализовать, хранить и транслировать: графики, таблицы, схемы, формулы и т. п. Что касается знаний неявных, ими в большинстве случаев становятся жизненный и профессиональный опыт, а также умения, навыки и интуиция, которыми обладают некоторые сотрудники или группы сотрудников. Очевидно, что носители неявных знаний не всегда готовы делиться ими с коллегами и тем самым обеспечивают себе определенные конкурентные преимущества. С учетом данного обстоятельства важной задачей организаторов СУЗ становится создание механизма мотивации к распространению неявных знаний носителями внутри организации. Основные стадии преобразования неявных знаний в явные представлены на рисунке 1.

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 1. Основные стадии преобразования неявных знаний в явные

При создании в компании эффективной СУЗ необходимо использовать не только внутренние, но и внешние источники информации. Это обеспечит формирование у организации так называемой поглощающей способности, то есть способности находить, систематизировать и использовать новые знания [8]. Такая способность гарантирует компании непрерывное инновационное развитие.

Центральным звеном СУЗ, создаваемой на предприятии, должно быть непрерывное обучение работников, в результате которого компания в начале превращается в компанию самообучающуюся, а затем, с вовлечением в обучение максимально возможного числа работников, – в компанию интеллектуальную. Интеллектуальная компания не только продуцирует новые знания, но и капитализирует их, что неизбежно ведет к росту рыночной стоимости этой компании. Превращение предприятия в предприятие интеллектуальное предполагает, что его сотрудники обладают высоким личным мастерством, аналитическим мышлением, отсутствием стереотипов, а также способностью к групповому обучению.

Вышесказанное позволяет констатировать, что СУЗ, создаваемая в организации, должны выполнять следующие основные функции:

- формирования системы мотивации и стимулирования работников компании к созданию, распространению и использованию новых знаний;
- обнаружения, формализации и распространения неявных знаний;
- выявления и эффективной реализации динамических способностей и ключевых компетенций компании.

При этом названную СУЗ следует встраивать в инновационную бизнес-модель организации, которая, в свою очередь, должна стать органической частью корпоративной культуры компании [9].

Как уже было отмечено, серьезной проблемой при создании в организации «знаниевой» среды является преобразование неявных знаний в явные, то есть зафиксированные и максимально формализованные. В настоящее время действенным способом накопления и трансляции корпоративных знаний могут стать учебные центры и корпоративные университеты, создаваемые на предприятиях [10]. Подобные университеты успешно работают, в частности, в ОК «РУСАЛ», ПАО «Северсталь» и других.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В современных условиях обеспечение устойчивой конкурентоспособности организации возможно только при создании и эффективном использовании стабильных и не поддающихся копированию конкурентных преимуществ. К таковым в первую очередь относятся активы предприятия, базирующиеся на знаниях, на перманентном процессе самообучения и саморазвития работников этой организации. Итогом названных процессов должно стать формирование ключевых компетенций, а также динамических, организационных и поглощающих способностей, постоянно трансформирующихся соответственно колебаниям внешней среды. Продуцирование таких способностей и компетенций должно происходить в рамках создаваемой в организации СУЗ. Ведущим элементом этой системы должно стать непрерывное обучение персонала, превращающее компанию в самообучающуюся, а затем и в интеллектуальную, то есть такую, которая не только создает новые знания, но и капитализирует их, тем самым повышая свою рыночную стоимость.

Библиографический список

1. Дисманович Д.И., Иванцова Н.А. Управление знаниями. *Молодежный вестник ИРГТУ*. 2020;10(4):121–125.
2. Левизов В.А., Антошников А.В., Кузьменко В.С. Теоретические аспекты стратегического управления знаниями. В кн.: *Актуальные проблемы менеджмента: повышение стратегической устойчивости регионов и предприятий: материалы междунаро. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 20 ноября 2020 г.* СПб.: ООО «Скифия-принт»; 2021. С. 59–62.
3. Паникарова С.В. *Управление знаниями и интеллектуальным капиталом: учебное пособие*. М.: Юрайт, 2020. 130 с.
4. Nelson R.R., Winter S.G. *An evolutionary theory of economic change*. Cambridge, Massachusetts–London, England: The Belknap Press of Harvard University Press; 1982.
5. Александров И.Н., Петров М.А., Прозоровская К.А., Молодькова Э.Б., Исаков А.В. Стратегия управления персоналом в контексте смены управленческой парадигмы: от управления человеческими ресурсами к управлению человеческим капиталом. *Экономические науки*. 2022;209:25–31. <https://doi.org/10.14451/1.209.25>
6. Бочкарева М.А. Образование как инструмент управления знаниями персонала предприятия. В кн.: Алексеев С.А. (ред.) *Социально-ориентированное проектирование системы формирования гражданской идентичности учащейся молодежи в поликультурном образовательном пространстве: сб. материалов Междунаро. науч.-практ. конф. в 2 томах, Казань, 28 февраля 2018 г.* Казань: «Данис»; 2018. С. 84–87.
7. Svistunov V.M., Grishaeva S.A., Lobachev V.V. Digitalization of the Russian economy in the context of global trends. In: Mantulenko V.V. (ed.) *Problems of enterprise development: Theory and practice, vol 82. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*. P. 503–512. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2020.04.65>
8. Филатов К.Е., Бурыкин А.Д. Построение системы управления знаниями на предприятии. В кн.: *Социальное партнерство: опыт, проблемы и перспективы развития: сб. докладов и тезисов участников конф., Ярославль, 17 июня 2019 г.* Ярославль: Ярославский филиал Образовательного учреждения профсоюзов высшего образования «Академия труда и социальных отношений»; 2019. С. 447–452.
9. Семунина С.Е. Модернизация организационной культуры как эффективный инструмент управления знаниями в компании. В кн.: *Общество. Доверие. Риски: материалы 3-го Ежегодного междунаро. форума: в 3 кн., Москва, 1 декабря 2021 г.* М.: Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова; 2021. С. 88–93.
10. Кузнецов В.В., Сахарчук Е.С. *Корпоративное образование. Стратегия развития*. М.: Русайнс; 2019. 130 с.

References

1. Dismanovich D.I., Ivancova N.A. Knowledge management. *ISTU youth bulletin*. 2020;10(4):121–125.
2. Levizow V.A., Antoshkov A.V., Kuzmenko V.S. Theoretical aspects of strategic knowledge management. In: *Actual Problems of Management: Increasing the Strategic Sustainability of Regions and Enterprises: Proceedings of the International Scientific & Practical Conference, St. Petersburg, November 20, 2020*. St. Petersburg: Skifia-Print LLC; 2021. P. 59–62.
3. Panikarova S.V. *Management of knowledge and intellectual capital: a study guide*. Moscow: Urait; 2020. (In Russian).

4. Nelson R.R., Winter S.G. *An evolutionary theory of economic change*. Cambridge, Massachusetts–London, England: The Belknap Press of Harvard University Press; 1982.
5. Aleksandrov I.N., Petrov M.A., Prozorovskaya C.A., Molodkova E.B., Isakov A.V. HR management strategy in the context of management paradigm change: From human resource management to human capital management. *Economic sciences*. 2022;209:25–31. <https://doi.org/10.14451/1.209.25>
6. Bochkareva M.A. Education as a tool for knowledge management of enterprise personnel. In: Alekseev S.L. (ed.) *Socially Oriented Design of the System for Forming the Civil Identity of Students in a Multicultural Educational Space: Proceedings of the International Scientific & Practical Conference in 2 vol., Kazan, February 28, 2018*. Kazan: Danis; 2018. P. 84–87.
7. Svistunov V.M., Grishaeva S.A., Lobachev V.V. Digitalization of the Russian economy in the context of global trends. In: Mantulenko V.V. (ed.) *Problems of enterprise development: Theory and practice, vol 82. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*. P. 503–512. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2020.04.65>
8. Filatov K.E., Burykin A.D. Building a knowledge management system at an enterprise. In: *Social Partnership: Experience, Problems and Development Prospects: Collection of Reports and Abstracts of Conference Participants, Yaroslavl, June 17, 2019*. Yaroslavl: Yaroslavl Branch of the Educational Institution of Trade Unions of Higher Education “Academy of Labor and Social Relations”; 2019. P. 447–452.
9. Semunina S.E. Modernization of organizational culture as an effective tool for knowledge management in a company. In: *Society. Confidence. Risks: Proceedings of the 3rd Annual International Forum: in 3 vol., Moscon, December 1, 2021*. Moscow: Plekhanov Russian University of Economics; 2021. P. 88–93.
10. Kuznetsov V.V., Sakharchuk E.S. *Corporate education. Development strategy*. Moscow: Ru-Science; 2019. (In Russian).

Модель цифровой экосистемы агропромышленного комплекса

Коробейников Дмитрий Александрович

Канд. экон. наук, доц. каф. экономической безопасности
ORCID: 0000-0002-5859-2649, e-mail: korobeinikov77@yandex.ru

Волгоградский государственный аграрный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация

Исследование посвящено созданию модели отраслевой экосистемы агропромышленного комплекса, инкорпорирующей в единое платформенное решение инструменты и механизмы взаимодействия отраслевых бизнес-структур в цепочках ценностей, а также проактивную реализацию государственных функций управления и поддержки отрасли. Возможная архитектура экосистемы разработана и структурирована в разрезе организационного, инфраструктурного, коммуникационно-логистического и инновационного компонентов. Роль системного актора и интегратора информационных технологий отведена Министерству сельского хозяйства Российской Федерации. Выделены основные и дополнительные функции цифровой платформы, описаны ее продуктовые и сервисные сегменты. Рассмотрены варианты реализации процессной подсистемы на платформах «ГосТех» и «ГосОблако», платформе на базе АО «Россельхозбанк» и показаны преимущества каждого из решений. Аргументирована значимость вовлечения научно-исследовательского потенциала ведомственных вузов и научно-исследовательских институтов в развитие сервисного сегмента экосистемы.

Ключевые слова

Цифровая экосистема, цифровая платформа, экосистемная бизнес-модель, агропромышленный комплекс, цифровое государство, цифровые технологии, цифровая экономика

Для цитирования: Коробейников Д.А. Модель цифровой экосистемы агропромышленного комплекса // Вестник университета. 2023. № 1. С. 83–91.

Digital ecosystem model of the agro-industrial complex

Dmitry A. Korobeinikov

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Economic Security Department
ORCID: 0000-0002-5859-2649, e-mail: korobeinikov77@yandex.ru

Volgograd State Agricultural University, Volgograd, Russia

Abstract

The study is devoted to modelling a sectoral ecosystem for the agro-industrial complex, incorporating into a single platform solution tools and mechanisms for the interaction between sectoral business structures in value chains as well as the proactive implementation of government functions for managing and supporting the industry. The ecosystem architecture has been developed and structured in terms of organizational, infrastructure, innovation, communication and logistics components. The role of the system actor and IT integrator is assigned to the Ministry of Agriculture of the Russian Federation. The main and additional functions of the digital platform are highlighted. A description of its product and service segments is provided. The options for implementing the process subsystem on the Gostech and GosOblako platforms as well as the Russian Agricultural Bank platform are assessed, the advantages of each solution presented. The importance of involving the research potential of departmental high education institutions and research institutes in the development of the ecosystem's service segment is substantiated.

Keywords

Digital ecosystem, digital platform, ecosystem business model, agro-industrial complex, digital state, digital technologies, digital economy

For citation: Korobeinikov A.V. (2023) Digital ecosystem model of the agro-industrial complex. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 83–91.

ВВЕДЕНИЕ

Активная «оцифровка» почти всех сфер социальной и экономической жизни современного общества размывает границы между инновационными и традиционными отраслями, разрушает устоявшиеся бизнес-модели и прежние детерминанты прибыльности фирм. Возникающие в результате технологические, институциональные, когнитивные и другие изменения с неизбежностью влекут за собой поиск новой парадигмы и форм организации экономических отношений, среди которых широкое распространение получили экосистемы. Первоначальная идея бизнес-экосистемы, предложенная Дж.Ф. Муром в 1996 г. [1] для описания среды, в которой фирма взаимодействует с внешним окружением, впоследствии существенно расширилась. Сегодня объектами научной дискуссии, наряду с бизнес-экосистемами, являются концепты платформенных, или технологических [2], инновационных [3], цифровых [4; 5] и предпринимательских [6; 7] экосистем, которые ряд авторов [8] объединяет в класс институциональных образований «социально-экономические экосистемы».

Формирование нового технологического уклада, основанного на цифровых инновациях, а также бурное развитие отрасли финтех (от англ. financial technology – финансовые технологии), которое обеспечивает абсорбцию в финансовом секторе почти всех значимых технологических достижений цифровой революции, и возникновение системных эффектов для акторов и клиентов, связанных с диверсификацией направлений и сфер деятельности традиционных финансовых посредников, не только определяют повышенную восприимчивость финансовых рынков к экосистемным формам трансформации бизнес-моделей, но и усиливают трансферт цифровых инноваций в другие отрасли. Это связано с тем, что финансовые экосистемы формируют необходимую институциональную среду для аккумуляции, генерации, диффузии и инкорпорирования инноваций в бизнес-процессы предприятий реального сектора, в том числе в сельское хозяйство. В результате финансовые экосистемы «становятся новым системным актором экономики» [8, с. 2], а усиление интеграционных процессов способствует «формированию растущего класса экосистем на пересечении финансового и нефинансового секторов», которые объединяют «предприятия из разных отраслей экономики» [8, с. 3].

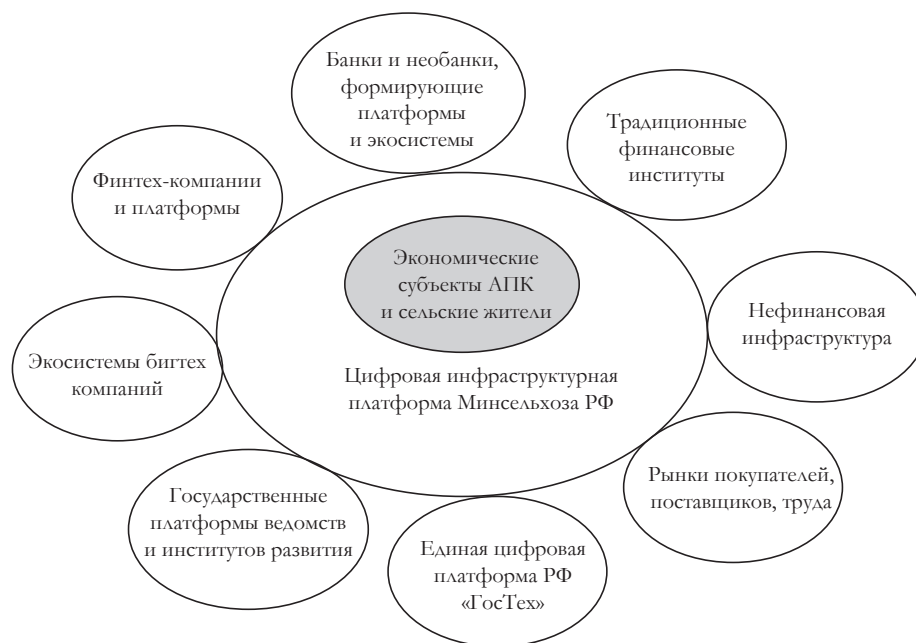
Универсальный характер экосистемной формы организации экономической деятельности определяет возможность инкорпорирования данной формы организации в экономические системы разного уровня, в случае если обеспечивает достижение конкурентных преимуществ в сравнении с традиционными бизнес-моделями. В соответствии с гипотезой исследования необходимо обозначить общие подходы к формированию отраслевой экосистемы, интегрирующей бизнес-процессы и механизмы государственной поддержки агропромышленного комплекса (далее – АПК). Поскольку Министерство сельского хозяйства Российской Федерации (далее – Минсельхоз РФ) будет одновременно являться системным актором и интегратором информационных технологий (далее – ИТ) для этой экосистемы, ее можно условно назвать «цифровая экосистема Минсельхоза РФ», или «отраслевая экосистема».

ПРЕДЛАГАЕМАЯ АРХИТЕКТУРА ЦИФРОВОЙ ЭКОСИСТЕМЫ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА

Помимо бурного развития финтеха, становлению экосистемных форм организации экономических отношений в АПК способствует стремительный рост сектора агротеха (англ. agricultural technology – агротехнологии), связанного с применением цифровых технологий в сельском хозяйстве, распределением и обменом продукцией отрасли. Сегодня вопросы развития аграрных экосистем активно обсуждаются в научной литературе [9–11], а на практике функционирует множество отраслевых онлайн-платформ, маркетплейсов и сервисов.

Архитектура предлагаемой модели цифровой экосистемы Минсельхоза РФ (рис. 1) учитывает опыт реализации существующих экосистемных решений в АПК, но кардинальным образом отличается от них организационно. Учредителем и активным актором экосистемы будет государство, что определит ее функциональные и элементные отличия. Кроме того, модель частично ретранслирует принципы, формирующие экосистемный подход к развитию индустрии финансовых технологий в европейских странах [12]. В центре отраслевой экосистемы находятся клиенты, но в отличие от интересов европейского прототипа их интересы выходят за границы финтеха: модель экосистемы построена на гипотезе о том, что усиление трендов, предполагающих цифровую трансформацию все большего количества традиционных бизнес-моделей и сфер жизни, приводит к переформатированию спроса на инновации со стороны экономических субъектов и сельского населения. Доминирующей потребностью становится

получение широкого спектра финансовых и нефинансовых услуг, проактивно дополняемых актуальными мерами государственной поддержки, в рамках единого интерфейса. Ответной реакцией предложения оказывается развитие «целостных технологических сред „обитания“ (экосистем, платформ)», где пользователи, исходя из индивидуальных потребностей, формируют «дружественное окружение (технологическое, инструментальное, методическое документальное, партнерское и т.п.)» [13, с. 47], которое позволяет решать комплексные задачи.

АПК – агропромышленный комплекс; РФ – Российская Федерация

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 1. Концептуальная модель формирования цифровой экосистемы агропромышленного комплекса

Не вдаваясь в научный дискурс относительно сущностных характеристик экосистем, выходящий за пределы изучаемого предмета, сосредоточимся на функциональной и элементной проработке модели цифровой экосистемы АПК. Для обеспечения системности исследования следует структурировать его в соответствии с предложенной Г.Б. Клейнером компонентной моделью, согласно которой полноценная экосистема должна включать четыре взаимосвязанных компонента, формирующих соответствующие подсистемы [14]:

- 1) организационный компонент – объектная подсистема в виде кластерного объединения взаимосвязанных акторов, реализующих отдельные бизнес-процессы в составе экосистемы;
- 2) инфраструктурный компонент – средовая подсистема в виде маркетплейса, или цифровой технологической платформы, на которой доступны услуги участников;
- 3) коммуникационно-логистический компонент – процессная подсистема в виде сети, поддерживаемой ИТ-интегратором (финтех-компанией), как устойчивой структуры взаимодействия членов экосистемы;
- 4) инновационный компонент – проектная подсистема в виде бизнес-инкубатора как совокупности инновационных инициатив и акселерационных программ для поиска стартапов, проектов и идей.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМПОНЕНТ

Объектная подсистема отраслевой экосистемы будет представлять собой объединение финансовых и нефинансовых бизнесов, реализующих отдельные процессы, причем удаленный характер взаимодействия с отраслевыми клиентами обеспечит экстерриториальность объединения. Следовательно, главным признаком кластеризации в рамках экосистемы Минсельхоза РФ станет не территориальная, а отраслевая общность цепочек ценностей, вокруг которых будет строиться взаимодействие бизнес-структур, проактивно дополняемое мерами государственного регулирования и поддержки. Стоит отметить, что отраслевые кластеры в качестве основы для создания и развития экосистем рассматриваются и в других исследованиях [15]. Подобная организация определяет ряд особенностей предлагаемой модели отраслевой экосистемы.

1. Системным актором и ИТ-интегратором экосистемы станет государство в лице Минсельхоза РФ, а целью создания – повышение эффективности и дистанционная реализация основных государственных функций в АПК, включая регуляторные, протекционистские и контрольные. Отраслевая система представит собой макроэкосистему, локализованную в секторальном сегменте экономики и реализованную на государственной технологической платформе. Следовательно, данную систему будет отличать некоммерческий статус ее интегратора, приоритетной задачей которого окажется обеспечение целостности, конкурентности и инновационности рыночной среды. Государственное присутствие в экосистеме может выходить за границы отраслевой платформы через бесповное взаимодействие с единой цифровой платформой РФ «ГосТех», а также платформами ведомств и институтов развития в части предоставления аграриям необходимых функций и услуг.

2. Клиентами могут быть не только участники цепочек создания стоимости, например предприятия и сервисы, но и сельское население. Даже в отсутствие прямого экономического интереса сельское население является привлекательной целевой аудиторией, расширяющей клиентскую базу экосистемы. Во-первых, общий успех проекта отраслевой экосистемы будет зависеть от сетевых эффектов, интенсивность проявления которых прямо коррелирует с числом пользователей. Во-вторых, по мере развития технологической платформы экосистема сможет функционировать как дистанционный канал реализации государственной политики в области развития сельских территорий и социального обеспечения сельского населения. В-третьих, поскольку главным ресурсом любой экосистемы является информация, расширение клиентской базы станет мощным стимулом для развития партнерских сервисов со стороны банков и других финансовых организаций. В-четвертых, развитая клиентская база допускает внутреннюю монетизацию и потенциальное самофинансирование платформы.

3. Можно выделить два вектора интеграции бизнес-процессов в цепочки создания стоимости отраслевого продукта.

3.1. По горизонтали предлагается одноуровневое взаимодействие в рамках отдельных стадий цепочек ценности по отраслям сельского хозяйства и АПК. Целью взаимодействия станет реализация части производственных функций вне фирм: например, финансирование будет осуществляться банками и прочими финансовыми организациями, защита от рисков – страховыми компаниями, а обработка ядохимикатами, мелиоративные и другие работы – предприятиями производственной инфраструктуры и т.д.

3.2. По вертикали предлагается разноуровневое взаимодействие между последовательными стадиями цепочки ценностей, например взаимодействие сельского хозяйства и перерабатывающих предприятий, поставщиков ресурсов и т.д.

ИНФРАСТРУКТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ

Средовая подсистема будет представлена цифровым технологическим сервисом Минсельхоза РФ, функционирующим по типу «многосторонней платформы» [16]. К участию в ней собственник по технологии Open API (англ. open application programming interface – открытый интерфейс программирования приложений) допускает, помимо потребителей и партнеров, независимых разработчиков для создания комплементарных продуктовых и сервисных предложений.

В качестве информационной и коммуникационной среды платформа будет выполнять следующие функции:

- 1) удобного пользовательского интерфейса для навигации по продуктам экосистемы;
- 2) агрегатора, обеспечивающего поиск, кастомизацию и выбор лучшего предложения с учетом запросов конкретного клиента;
- 3) сбора и обработки финансовой и нефинансовой информации о клиентах;
- 4) маркетплейса и платежной системы.

Дополнительный функционал платформы и в целом экосистемы может включить в себя:

- 1) использование технологии блокчейна для финансовых транзакций и реализации в форме смарт-контрактов различных схем движения стоимости, которые предполагают бюджетное субсидирование и другие формы господдержки;
- 2) оказание полного перечня государственных услуг ведомства в сети «Интернет» и бесшовный доступ к комплементарным услугам смежных государственных институтов;
- 3) ведение открытой базы данных лучших практик и консалтинг.

Продуктовую линейку экосистемы будут формировать предложения участников, присоединившихся к экосистеме по технологии Open API. В рамках экосистемы можно выделить ряд продуктовых и сервисных сегментов. Продуктовые сегменты включают в себя финансовые и нефинансовые продукты и услуги.

Финансовые продукты будут представлены классическим спектром финансовых услуг, предлагаемых традиционными посредниками, и инновационными финансовыми услугами и сервисами, предоставляемыми высокотехнологичными финтех- и бигтех-компаниями (в том числе в рамках собственных платформенных и экосистемных решений).

Сегмент, связанный с нефинансовыми услугами и продуктами на рынках поставщиков и покупателей в рамках отраслевых и межотраслевых цепочек ценностей, будет функционировать как товарный маркетплейс, где клиенты смогут выступать как на стороне спроса, так и на стороне предложения. В первом случае продуктовую линейку станут формировать предложения отраслевых поставщиков средств и предметов труда, производственной, транспортно-логистической, научно-инновационной и прочей инфраструктуры. Во втором случае экосистема выступит каналом дистрибуции сельскохозяйственной продукции конечным потребителям, переработчикам, оптовой или розничной торговле, импортерам и будет предлагать гибкие варианты информационного взаимодействия – от предоставления примитивной «доски объявлений» до потенциального заключения контрактов и их исполнения внутри платформы. При этом канал дистрибуции в числе прочего окажется трансграничным.

Сервисные сегменты экосистемы, отличающие ее от существующих экосистемных решений, будут построены по гибридной модели, включающей онлайн-сервисы двух типов. В закрытой части сегмента станут открываться личные кабинеты пользователей по аналогии с интернет-банкингом. Они позволят применять удаленную верификацию оснований и величины бюджетных обязательств по направлениям государственной поддержки АПК, содержащим механизмы субсидирования или бюджетного финансирования, а также осуществления соответствующих выплат. Помимо расчетов по субсидиям, могут предоставляться и другие персонифицированные государственные услуги для организаций и сельского населения, требующие аутентификации получателя. С развитием технологических возможностей платформы станет возможным беспшовное взаимодействие личных кабинетов пользователей на портале Минсельхоза РФ, партнерских сервисах и интернет-банкинга, которое упростит финансовые транзакции внутри экосистемы.

В открытой части сервисного сегмента разместятся публичные некоммерческие сервисы, предоставляемые государственными платформами ведомств и институтов развития. Такие сервисы будут содержать информационные, аналитические, консультационные, методические и иные аналогичные материалы по разным аспектам функционирования производственных систем в АПК и комплексного развития сельских территорий. Здесь же сможет функционировать электронная биржа труда для сельских территорий.

Следует подчеркнуть, что для системного актора и ИТ-интегратора, которым является Минсельхоз РФ, проект экосистемы будет ориентирован на реализацию направлений государственной аграрной политики и функций государственного управления при вторичности коммерческой составляющей. При этом по мере развития платформы возможен и целесообразен выход на ее самофинансирование. То есть цифровая технологическая платформа ведомства будет функционировать как инфраструктурная платформа, формирующая информационно-технологическое ядро отраслевой экосистемы, равноудаленное от всех участников. Это исключит асинхронность и асимметричность информационного обмена между акторами и, следовательно, возможность информационной дискриминации отдельных участников.

КОММУНИКАЦИОННО-ЛОГИСТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ

Процессная подсистема будет представлять собой устойчивую сетевую структуру взаимодействия членов экосистемы, поддерживаемую ИТ-интегратором. Обычно в его роли выступает финтех-компания, но в предлагаемом экосистемном решении эта функция останется за Минсельхозом РФ, что определит особенности рассматриваемого компонента.

В практической плоскости реализация функционала процессной подсистемы потребует одновременной имплементации технологических решений, лежащих в основе функционирования финансовых платформ и электронного правительства. Следовательно, в данном отношении экосистема Минсельхоза РФ также будет иметь гибридный характер, существуя на стыке гостех- и финтех-платформ. Реализация коммуникационно-логистического компонента предусматривает несколько возможных вариантов.

Первым вариантом является использование готового платформенного решения «ГосТех», допускающего дальнейшее расширение и присоединение новых участников. Единая государственная цифровая платформа «ГосТех» функционирует как PaaS (англ. Platform as a Service – платформа как услуга), то есть набор сквозных технологических решений и инструментов, или платформ, настроенных провайдером облачной инфраструктуры для выполнения определенных задач.

Второй вариант подразумевает создание самостоятельной отраслевой финансовой платформы, например на базе АО «Россельхозбанк», или развитие существующей экосистемы АО «Россельхозбанк» «Свое. Фермерство». Однако в данном случае возникает риск информационной дискриминации, поскольку платформа должна быть равнодоступной всем акторам.

Третий вариант предполагает применение единой государственной облачной платформы, или ГосОблака, которое функционирует как IaaS (англ. Infrastructure as a Service – инфраструктура как услуга), то есть внешние по отношению к пользователю вычислительные мощности, включающие в себя виртуальные серверы, облачные хранилища и сетевые настройки. Платформа предназначена для переноса государственных информационных систем с физических серверов в облако. Сегодня каждое ведомство инвестирует в создание и функционирование собственных дата-центров, лицензионное программное обеспечение и штат специалистов. Перенос ИТ-инфраструктуры в облако означает отказ от капитальных затрат на физическую инфраструктуру и снижение эксплуатационных затрат на уровне каждого ведомства: затраты будут централизованными. По сути речь идет о формировании отраслевой экосистемы непосредственно в цифровой оболочке Минсельхоза РФ.

Помимо решения технических проблем, связанных с аппаратной, информационной и программной совместимостью цифровых оболочек государственных институтов и коммерческих структур, а также выявлением уязвимостей информационной системы, создание цифровой технологической платформы Минсельхоза РФ и формирование отраслевой экосистемы на ее основе потребует соответствующих регуляторных изменений. Это связано с тем, что предлагаемая модель выходит за рамки существующих подходов к регулированию как финансовых платформ [17; 18], так и государственных информационных систем, однако концептуально вписывается в цели и задачи подпрограммы «Информационное государство» государственной программы «Информационное общество» [19].

ИННОВАЦИОННЫЙ КОМПОНЕНТ

Проектная подсистема будет представлять собой двухвекторную систему поддержки инновационных инициатив и акселерационных программ. Первое направление предусматривает использование научно-исследовательского потенциала ведомственных вузов и научно-исследовательских институтов Минсельхоза РФ в следующих целях:

- создания и актуализации баз данных, размещаемых в открытой части сервисного сегмента экосистемы (перспективные технологии обработки почвы и содержания животных, характеристики сортов и гибридов растений, пород и кроссов животных, системы машин и оборудования, схемы внесения удобрений и использования средств химизации и т.д.);
- научно-методического сопровождения функционирования консалтинговой службы на платформе экосистемы.

Второе направление будет реализовываться по линии Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации и включит в себя следующие элементы:

- поиск цифровых стартапов, проектов и идей, обеспечивающих информационную безопасность и технологическую суверенность функционирования информационно-коммуникационных ресурсов технологической платформы экосистемы; одной из целей может стать масштабирование лучших российских цифровых практик между отраслями и ведомствами;
- техническое (аппаратное и программное) сопровождение функционирования платформы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Цифровая трансформация бизнес-моделей и подходов к государственному управлению естественным образом приводят к формированию экосистем в АПК и государственном секторе экономики, однако информационные системы зачастую развиваются параллельно и слабо интегрированы между собой. Предложенная модель включает в себя методологическую базу для формирования единой цифровой

среды взаимодействия отраслевых бизнес-структур и государства в целях рационального использования ресурсного и научного потенциала, оказания и получения государственных услуг и мер поддержки на основе интеграции информации, а также развития комплементарных продуктов и сервисов, обеспечивающих снижение транзакционных издержек и сетевых эффектов для участников. Дальнейшие исследования должны быть направлены на изучение технических, институциональных, регуляторных и прочих аспектов интеграции информационных ресурсов государства и бизнеса.

Библиографический список

1. Moore J.F. *The death of competition: leadership and strategy in the age of business ecosystems*. New York: Wiley Harper Business; 1996.
2. Wareham J., Fox P.B., Cano Giner J.L. Technology ecosystem governance. *ESADE Business School Research Paper No. 225-2*. <https://doi.org/10.2139/ssrn.2201688>
3. Thomas L.D.W., Autio E. Innovation ecosystems. *SSRN*. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3476925>
4. Иншакова Е.И. Формирование экосистемы цифровой экономики Российской Федерации: институциональный аспект. *Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика*. 2020;22(4):5–17. <https://doi.org/10.15688/ek.jvolsu.2020.4.1>
5. Степанова В.В., Уханова А.В., Григоришин А.В., Яхяев Д.Б. Оценка цифровых экосистем регионов России. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2019;12(2):73–90. <https://doi.org/10.15838/esc.2019.2.62.4>
6. Дорошенко С.В., Шеломенцев А.Г. Предпринимательская экосистема в современных социоэкономических исследованиях. *Журнал экономической теории*. 2017;4:212–221.
7. Burda Y.D., Volkova I.O., Gavrikova E.V. Meaningful analysis of innovation, business and entrepreneurial ecosystem concepts. *Russian management journal*. 2020;18(1):73–102. <https://doi.org/10.21638/spbu18.2020.104>
8. Клейнер Г.Б., Рыбачук М.А., Карпинская В.А. Развитие экосистем в финансовом секторе России. *Управленец*. 2020;11(4):2–15. <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2020-11-4-1>
9. Астахова Т.Н., Колбанев М.О., Шамин А.А. Децентрализованная цифровая платформа сельского хозяйства. *Вестник НППЭИ*. 2018;6(85):5–17.
10. Коробейникова О.М., Очеретяная Д.В., Петерс И.А., Шалдохина С.Ю. Цифровые экосистемы для агробизнеса. *Аграрная Россия*. 2022;6:40–47. <https://doi.org/10.30906/1999-5636-2022-6-40-47>
11. Меденников В.И. Цифровая онтологическая интеграция базовых цифровых платформ в экосистеме АПК. *Управление рисками в АПК*. 2021;38:7–20. <https://doi.org/10.53988/24136573-2021-04-01>
12. Центр исследования финансовых технологий и цифровой экономики СКОЛКОВО-РЭИ. *Цифровая трансформация финансовых услуг: модели развития и стратегии для участников отрасли: Центр исследований финансовых технологий и цифровой экономики. Московская школа управления «СКОЛКОВО»*; 2019. https://finance.skolkovo.ru/downloads/documents/FinChair/Research_Reports/SKOLKOVO_Digital_transformation_of_financial_services_Report_Full_2019-11_ru.pdf (дата обращения: 07.11.2022).
13. Халин В.Г., Чернова Г.В. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски. *Управленческое консультирование*. 2018;10:46–63. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2018-10-46-63>
14. Клейнер Г.Б. Социально-экономические экосистемы в свете системной парадигмы. В кн.: Клейнер Г.Б., Щепетова С.Е. (общ. ред.) *Системный анализ в экономике – 2018: сб. трудов 5-й Международ. науч.-практ. конф.-биеннале, Москва, 21–23 ноября 2018 г.* М.: Прометей; 2018. С. 5–14.
15. Акаткин Ю.М., Карпов О.Э., Конявский В.А., Ясиновская Е.Д. Цифровая экономика: концептуальная архитектура экосистемы цифровой отрасли. *Бизнес-информатика*. 2017;42:17–28. <https://doi.org/10.17323/1998-0663.2017.4.17.28>
16. Маркова В.Д. Бизнес-модели компаний на базе платформ. *Вопросы экономики*. 2018;10:127–135. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-10-127-135>
17. Российская Федерация. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам совершения финансовых сделок с использованием финансовой платформы» от 20.07.2020 № 212-ФЗ. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_357764/ (дата обращения: 07.11.2022).
18. Российская Федерация. Федеральный закон «О совершении финансовых сделок с использованием финансовой платформы» от 20.07.2020 № 211-ФЗ. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_357765/ (дата обращения: 07.11.2022).
19. Правительство Российской Федерации. Постановление Правительства Российской Федерации от 31.03.2020 № 386-20 «О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации „Информационное общество“». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349983/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/ (дата обращения: 07.11.2022).

References

1. Moore J.F. *The death of competition: leadership and strategy in the age of business ecosystems*. New York: Wiley Harper Business; 1996.
2. Wareham J., Fox P.B., Cano Giner J.L. Technology ecosystem governance. *ESADE Business School Research Paper No. 225-2*. <https://doi.org/10.2139/ssrn.2201688>
3. Thomas L.D.W., Autio E. Innovation ecosystems. SSRN. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3476925>
4. Inshakova E.I. Formation of the ecosystem of the digital economy of the Russian Federation: institutional aspect. *Journal of Volgograd State University. Economics*. 2020;22(4):5–17. <https://doi.org/10.15688/ek.jvolsu.2020.4.1>
5. Stepanova V.V., Ukhanova A.V., Grigorishchin A.V., Yakhyayev D.B. Evaluating digital ecosystems in Russia's regions. *Economic and social changes: facts, trends, forecast*. 2019;12(2):73–90. <https://doi.org/10.15838/esc.2019.2.62.4>
6. Doroshenko S.V., Shelomentsev A.G. The entrepreneurial ecosystem in the contemporary socio-economic studies. *The Russian journal of economic theory*. 2017;4:212–221.
7. Burda Y.D., Volkova I.O., Gavrikova E.V. Meaningful analysis of innovation, business and entrepreneurial ecosystem concepts. *Russian management journal*. 2020;18(1):73–102. <https://doi.org/10.21638/spbu18.2020.104>
8. Kleiner G.B., Rybachuk M.A., Karpinskaya V.A. Development of ecosystems in the financial sector of Russia. *Upravlenets (The manager)*. 2020;11(4):2–15. <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2020-11-4-1>
9. Astakhova T.N., Kolbanov M.O., Shamin A.A. Decentralized digital agriculture platform. *Bulletin NGIEI*. 2018;6(85):5–17.
10. Korobeynikova O.M., Ocheretyanaya D.V., Peters I.A., Shaldokhina S.Yu. Digital ecosystems for agribusiness. *Agricultural Russia*. 2022;6:40–47. <https://doi.org/10.30906/1999-5636-2022-6-40-47>
11. Medennikov V.I. Digital ontological integration of basic digital platforms in the agricultural ecosystems. *Agricultural risk management*. 2021;38:7–20. <https://doi.org/10.53988/24136573-2021-04-01>
12. Centre for Research in Financial Technologies and Digital Economy SKOLKOVO-NES. *Digital transformation of financial services: Development models and strategies for industry participants*. SKOLKOVO Business School; 2019. https://finance.skolkovo.ru/downloads/documents/FinChair/Research_Reports/SKOLKOVO_Digital_transformation_of_financial_services_Report_Full_2019-11_ru.pdf (accessed 07.11.2022).
13. Khalin V.G., Chernova G.V. Digitalization and its impact on the Russian economy and society: advantages, challenges, threats and risks. *Management consulting*. 2018;10:46–63. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2018-10-46-63>
14. Kleiner G.B. Socio-economic ecosystems in view of the system paradigm. In: Kleiner G.B., Shchepetova S.E. (eds.) *System analysis – 2018: Proceedings of the 5th International Scientific & Practical Biennial Conference, Moscow, November 21–23, 2018*. Moscow: Prometej; 2018. P. 5–14. <https://doi.org/10.33278/SAE-2018.rus.005-014>
15. Akatkin Yu.M., Karpov O.E., Konyavskiy V.A., Yasinovskaya E.D. Digital economy: Conceptual architecture of a digital economic sector ecosystem. *Business informatics*. 2017;42:17–28. <https://doi.org/10.17323/1998-0663.2017.4.17.28>
16. Markova V.D. Platform business models. *Voprosy ekonomiki*. 2018;10:127–135. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-10-127-135>
17. Russian Federation. *Federal Law No. 212-FZ dated 20 July 2020 "On Amending certain laws of the Russian Federation regarding financial transactions performed using a financial platform"*. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_357764/ (accessed 07.11.2022).
18. Russian Federation. *Federal Law No. 211-FZ dated 20 July 2020 « On performing financial transactions using a financial platform»*. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_357765/ (accessed 07.11.2022).
19. Government of the Russian Federation. *Decree of the Government of the Russian Federation No. 386-20 dated 31 March 2020 "On amendments to the 'Information Society' state program of the Russian Federation"*. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349983/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/ (accessed 07.11.2022).

Национальная технологическая инициатива и современные экономические шоки

Медведев Вадим Викторович¹

Канд. экон. наук, генеральный директор
ORCID: 0000-0002-4433-661X, e-mail: medvedev.vv@nti.fund

Рагуткин Александр Викторович²

Канд. техн. наук, проректор
ORCID: 0000-0001-8256-1941, e-mail: ragutkin@mirea.ru

Федченкова Юлия Андреевна³

Заместитель начальника отдела формирования резерва руководящих кадров
подведомственных организаций Департамента кадровой политики
ORCID: 0000-0003-1871-0265, e-mail: 1905julia@gmail.com

¹Фонд Национальной технологической инициативы г. Москва, Россия

²МИРЭА – Российский технологический университет, г. Москва, Россия

³Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, г. Москва, Россия

Аннотация

Одна из важных макропрограмм развития современной России – Национальная технологическая инициатива. Она объединяет множество различных проектов, ориентированных на ускорение инновационного развития, формирование потенциала технологического лидерства России в условиях четвертой промышленной революции. Изменение макроэкономической ситуации вследствие антироссийских санкций требует уточнения механизмов реализации Национальной технологической инициативы. Этим определяется актуальность статьи. Цель исследования – рассмотреть сущность и направленность этих изменений. Доказано, что в текущей экономической и политической ситуации наиболее перспективными являются проекты, направленные на формирование независимой технологической основы развития России, обеспечение технологического суверенитета страны. Это требует пересмотра ранее установленных лимитов бюджетного финансирования проектов Национальной технологической инициативы, как по объемам, так и по срокам его выделения. Также возникает необходимость проведения очередного раунда приоритезации, который позволит сделать прогнозные и плановые характеристики Национальной технологической инициативы более соответствующими текущей ситуации.

Ключевые слова

Национальная технологическая инициатива, инновационное развитие, промышленная революция, экономический кризис, экономический шок, приоритет развития

Для цитирования: Медведев В.В., Рагуткин А.В., Федченкова Ю.А. Национальная технологическая инициатива и современные экономические шоки // Вестник университета. 2023. № 1. С. 92–99.

National Technology Initiative and modern economic shocks

Vadim V. Medvedev¹

Cand. Sci. (Econ.), General Director
ORCID: 0000-0002-4433-661X, e-mail: medvedev.vv@nti.fund

Alexander V. Ragutkin²

Cand. Sci. (Engr.), Vice Rector
ORCID: 0000-0001-8256-1941, e-mail: ragutkin@mirea.ru

Yulia A. Fedchenkova³

Deputy Chief of the subordinate organizations senior personnel
reserve formation at the Personnel Policy Department
ORCID: 0000-0003-1871-0265, e-mail: 1905julia@gmail.com

¹National Technology Initiative Foundation, Moscow, Russia

²MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russia

³Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Moscow, Russia

Abstract

One of the important macro programs for the development of modern Russia is the National Technology Initiative. It brings together many different projects aimed at accelerating innovative development, building the potential of Russia's technological leadership in the context of the fourth industrial revolution. Changes in the macroeconomic situation due to anti-Russian sanctions require clarification of the mechanisms for implementing the National Technology Initiative. This determines the relevance of the article. The purpose of the study is to consider the essence and direction of these changes. It is shown that in the current economic and political situation, the most promising are projects aimed at forming an independent technological basis for Russia's development, ensuring the country's technological sovereignty. This requires a revision of the previously established limits for budget financing of projects of the National Technology Initiative, both in terms of volume and timing of its allocation. There is also a need for the next round of prioritization, which will make the forecast and planned characteristics of the National Technology Initiative more appropriate to the current situation.

Keywords

National technology initiative, innovative development, industrial revolution, economic crisis, economic shock, development priority

For citation: Medvedev V.V., Ragutkin A.V., Fedchenkova Yu.A. (2023) National Technology Initiative and modern economic shocks. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 92–99.

ВВЕДЕНИЕ

Ускорение инновационного развития – безусловный и ярко выраженный тренд современности [1–3]. Всю свою историю человечество, ведя хозяйственную деятельность, эволюционировало под воздействием закона разделения труда, в рамках которого происходит разделение людей и их групп по видам деятельности. Следствием этого разделения является рост производительности труда и, в целом, повышение эффективности производства вследствие специализации выполняемых людьми трудовых операций и применения новой техники и технологий.

То есть экономическая эволюция неразрывно связана с инновациями, которые определяют успешность процессов разделения труда. Ведь эпоха преимущественно ручного труда закончилась в период промышленной революции. «Индустриальную революцию отсчитывают обычно с первой трети XVIII в., родной ее называют Англию, а поводом – технические изобретения, обеспечившие переход от ручного труда к машинному» [4]. Промышленные революции в других странах произошли позднее, тем не менее, все они были связаны с тем же явлением – переходом от преимущественно ручного труда к труду машинному.

Эти трансформации в наше время приводят к постепенному вытеснению человека из сферы непосредственного производства в рамках его автоматизации и роботизации [5; 6]. То есть экономический прогресс оказывается напрямую связанным с инновациями в производстве, причем чем далее – тем эта взаимосвязь становится более сильной. К настоящему времени, по мнению авторов, она стала критической, чем и определяется высокая значимость инновационности для современного и будущего состояния не только экономики, но и общества в целом.

ИННОВАЦИИ И ПРОМЫШЛЕННЫЕ РЕВОЛЮЦИИ

Возвращаясь к теме промышленной революции, отметим, что она происходила в разных странах одновременно. И если пионером в этом вопросе принято считать Англию, то в последующие годы промышленные революции происходили и в других странах. То есть наблюдался не разовый, одномоментный переход к новой организации производства, а этот переход был растянут во времени: разные страны осуществляли его несинхронно, но в довольно сжатый по историческим меркам период.

В современной литературе принято считать, что мир испытал четыре промышленных революции. Приведем в этой связи одну из типичных их периодизаций [7, с. 57]:

- 1) аграрный переворот в Англии в XVI в.; вытесненные с земель крестьяне стали дешевой рабочей силой; переход от ручного труда к машинному на основании изобретений (1760–1840 гг.);
- 2) изобретение электромагнитных роторных устройств стало основой для внедрения электричества в технологии (1870–1914 гг.);
- 3) применение ядерной энергии в промышленности и необходимость перемещения радиоактивных материалов без участия человека (1960 г. – первое десятилетие XXI в.);
- 4) распространение сети «Интернет» (далее – Интернет), цифровизация, развитие электроники, создание цифровых платформ, внедрение НБИК-технологий (нано-, био-, информационных и когнитивных), облачных вычислений и искусственного интеллекта во все сферы жизни общества (с 2011 г.).

С теоретических позиций исследователи выделяют [8, с. 93] ряд подходов к анализу феномена промышленной революции:

- эволюционный («промышленная революция – один из этапов постепенного развития человеческого общества, пройдя через который оно полностью трансформируется, меняя социально-экономический уклад»);
- циклический («промышленная революция – один из циклов подъема мировой экономики»);
- системный («промышленная революция есть важнейший этап развития глобальной мир-системы»), который «представляет собой синтез циклического и эволюционного направлений».

Специфика промышленных революций, независимо от того, какой теоретической базы мы будем придерживаться при их изучении, состоит в том, что в период их активной фазы могут измениться технологические лидеры, следовательно, может варьироваться расстановка сил в экономике и политике. В этой связи на уровне как публичной власти, так и менеджмента компаний, ориентированных на стратегическое развитие, необходимо принятие превентивных мер по встраиванию в новые тренды технологического развития с тем, чтобы попытаться занять в будущем лидирующие позиции в перспективной модели социально-экономической системы.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ИНИЦИАТИВА В РОССИИ КАК ОТВЕТ НА ВЫЗОВЫ ПЕРЕХОДА К ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКЕ

Не осталась в стороне от рассмотренного выше тренда и Российская Федерация (далее – РФ). Так, в Послании Президента Российской Федерации Федеральному собранию 4 декабря 2014 г. была заявлена необходимость реализации Национальной технологической инициативы (далее – НТИ) [9]. Далее это нашло юридическое закрепление в постановлении Правительства Российской Федерации от 18.04.2016 г. № 317 «О реализации Национальной технологической инициативы» [10]. Этим же документом были введены правила разработки и реализации планов мероприятий («дорожных карт») Национальной технологической инициативы, положение о разработке, отборе, реализации и мониторинге проектов в целях реализации планов мероприятий («дорожных карт») Национальной технологической инициативы, правила предоставления субсидий из федерального бюджета на реализацию проектов в целях реализации планов мероприятий («дорожных карт») Национальной технологической инициативы.

Следует подчеркнуть, что при запуске НТИ ставилась цель не столько решения внутрироссийских экономических проблем, хотя и их в области инновационного развития немало [11–13], сколько обеспечения технологического лидерства российской экономики в мире по итогам текущей (четвертой) промышленной революции. Это нашло отражение в официальной трактовке сущности НТИ, под которой понимается «объединение представителей бизнеса и экспертных сообществ для развития в России перспективных технологических рынков и отраслей, которые могут стать основой мировой экономики» [14].

При этом фраза о том, что эти рынки и отрасли могут стать «основой мировой экономики» может трактоваться двояко. С одной стороны (и это – традиционная трактовка), это означает, что есть тренды мирохозяйственного развития, и национальная цель состоит в том, чтобы вовремя и эффективно в них встроиться. С другой стороны (и эта нетрадиционная и более амбициозная трактовка ближе к нашей, авторской, позиции), это означает, что именно в России предстоит создать те рынки и отрасли, которые в будущем станут «основой мировой экономики».

Конечно, претендовать на то, что российские специалисты смогут стать инновационными лидерами по всем направлениям осуществления промышленной революции, наивно. На решение такой задачи попросту не хватит ресурсов. Сегодня ни одна страна мира не способна ее решить. Это определяется многообразием новых технологий и высокой степенью неопределенности результатов инвестиций в инновации. Кроме того, возникают трудно разрешимые методологические вопросы, связанные с тем, что неясно, как оценить позиции той или иной страны в мировой инновационно-технологической «табеле о рангах». Например:

- по данным Global Finance, рейтинг технологически развитых стран мира в 2020 г. (англ. Most Technologically Advanced Countries in the World 2020) возглавляет Норвегия, на второй позиции – Швеция, на третьей – Нидерланды. США (самая крупная экономика мира по номинальному внутреннему валовому продукту) занимают пятое место, Китай (самая крупная экономика мира по валовому внутреннему продукту, исчисленному по паритету покупательной способности) – 38-е место, Россия – 46-е место [15];

- согласно рейтингу инновационных стран (англ. Innovation Index 2021), составленному Bloomberg в 2021 г., самая инновационная страна мира – Республика Корея, на втором месте – Сингапур, на третьем – Швейцария. У США – 11-е место, Китая – 16-е, России – 24-е [16];

- при этом в конкретных отраслях ситуация может быть иной. По мнению специалистов Defense Agency for Technology and Quality (Республика Корея), в 2019 г. по уровню развития военных технологий в мире лидировали США, на втором месте находились Россия и Франция, на третьем – Германия; Китай стал пятым в этом рейтинге [17].

Указанные разночтения в рейтингах свидетельствуют не только об отсутствии единой методологии оценивания, но и о том, что та или иная страна, даже при невысоких в целом позициях в инновационных и технологических рейтингах, может лидировать в конкретной отрасли или технологии. В этой связи в рамках НТИ выбраны приоритетные рынки, к которым отнесены: Аэронет, Автонет, Маринет, Нейронет, Хелснет, Фуднет, Энерджинет, Технет, Сейфнет. Приоритетными технологиями стали следующие: большие данные; искусственный интеллект; системы распределенного реестра; квантовые технологии; новые и портативные источники энергии; новые производственные технологии; сенсорика и компоненты робототехники; технологии беспроводной связи; технологии управления свойствами биологических объектов; нейротехнологии, технологии виртуальной и дополненной реальности.

СОВРЕМЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ИНИЦИАТИВЫ

К настоящему времени на различных стадиях реализации находятся 59 проектов, которые получили поддержку согласно постановлению Правительства Российской Федерации от 18.04.2016 г. № 317 «О реализации Национальной технологической инициативы», с полным перечнем и краткой характеристикой которых можно ознакомиться на интернет-сайте НТИ [18]. Сравнительно небольшое число поддержанных проектов определяется строгими требованиями при их отборе, оценкой их приоритетности и значимости.

Подход, основанный на приоритезации, то есть выделении из всей совокупности потенциально возможных направлений развития лишь некоторых, наиболее перспективных, согласно консолидированному мнению экспертов, авторам представляется наиболее разумным в рассматриваемой сфере. К сожалению, формальных моделей, позволяющих достоверно оценить будущее, пока не существует, а ресурсы, выделяемые на инновационно-технологическое развитие, не безграничны. Поэтому приходится выделять лишь отдельные направления и концентрировать на них имеющиеся ресурсы.

Необходимость приоритезации связана и с тем, что объемы бюджетного финансирования реализации НТИ из года в год сокращаются. Так, в 2018 г. на эти цели из бюджета было выделено 3,9 млрд руб., в 2019 г. – 2,8 млрд руб., в 2020 г. – 2,5 млрд руб., в 2021 г. – 2,9 млрд руб., в 2022 г. Фонду НТИ выделено 1,6 млрд руб. из бюджета [19]. Конечно, помимо государственных, в реализацию НТИ вкладываются и частные средства, кроме того, уже запущенные проекты начинают генерировать чистый доход, что позволяет осуществлять рефинансирование новых проектов и поддержку уже имеющихся.

Состав выделяемых приоритетов не может быть статичным, он должен изменяться под воздействием запросов от экономической, технологической, политической, демографической и иных подсистем общества. Ведь НТИ, в конечном счете, ориентирована на рост благосостояния россиян, поэтому должна быть интегрирована с иными элементами проводимой в стране политики, соответствовать новым вызовам и обстоятельствам.

Безусловно, наиболее важным (и, по мнению многих специалистов, не ситуационным, а фундаментальным) вызовом в современной России является тот, что обусловлен обострением глобально-политико-экономического противостояния России и стран «коллективного Запада» [20–23]. Этот вызов породил множество экономических шоков, затрагивающих различные сферы: кадрового обеспечения инновационно-ориентированных отраслей [24], внешней торговли и ее сбалансированности [25], устойчивости условий ведения бизнеса [26], информационного обеспечения сферы исследований и разработок [27] и прочего.

Эта серия шоков должна учитываться при выборе схем реализации НТИ и уточнении ее приоритетов. Прежде всего, внимание, по мнению авторов, следует обратить на то обстоятельство, что все описанные шоки существенно ослабляют национальную безопасность во всех ее ипостасях (экономической, технологической, информационной и других), что приводит к затруднениям в реализации проектов НТИ. Поэтому в текущей экономической и политической ситуации наиболее перспективными являются проекты, направленные на формирование независимой технологической основы развития России, обеспечение технологического суверенитета страны.

В современных условиях, по мнению авторов, требуется делать больший акцент на те аспекты реализации НТИ, которые связаны с обеспечением национальной безопасности, снижением не только импортозависимости России от недружественных стран [28], но также технологической зависимости в целом [29], особенно в части критических технологий, обеспечивающих нормальное и беспроблемное функционирование экономики и общества в условиях целенаправленного разрушительного внешнего воздействия на них в рамках экономических санкций, а также политического, военного, информационного и иных форм давления. А вектора развития и сами эти критически значимые технологии в рамках Национальной технологической инициативы уже обозначены.

При этом необходимо иметь в виду, что ресурсная база для реализации НТИ из-за кризиса и вызванных им экономических шоков сокращается, так как в России продолжается инициированный санкциями экономический спад. И в краткосрочной перспективе это сокращение, по-видимому, сохранится. Валовой внутренний продукт (далее – ВВП) РФ в 3-м квартале 2022 г. в годовом выражении снизился на 4 %, во 2-м квартале 2022 г. ВВП РФ снизился на 4,1 % в годовом выражении после роста на 3,5 % в 1-м квартале. В 2021 г. ВВП РФ вырос на 4,7 % после снижения на 2,7 % в 2020 г. Падение ВВП РФ

в сентябре 2022 г. ускорилось до 5,0 % в годовом сравнении после снижения на 4,0 % в августе (оценка уточнена с 4,1 %), на 4,3 % в июле, на 5,0 % в июне, на 4,5 % в мае, на 2,7 % в апреле, роста на 1,4 % в марте, на 4,2 % в феврале и 5,7 % в январе. Снижение ВВП РФ за январь-сентябрь 2022 г. Министерство экономического развития Российской Федерации оценило на уровне 2,0 % [30].

Это, по-видимому, может потребовать некоторого пересмотра ранее установленных лимитов бюджетного финансирования проектов НТИ как по объемам, так и по срокам его выделения. При этом в случае реализации указанных изменений, следует учитывать не только финансовые аспекты, но и содержательные (собственно научные, технологические и производственные), которые лежат в основе самого замысла НТИ и определяют ее специфику. То есть возникает необходимость проведения очередного раунда приоритезации, который позволит сделать прогнозные и плановые характеристики НТИ более соответствующими текущей ситуации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, Национальная техническая инициатива является одной из важнейших макропрограмм развития современной России. НТИ призвана эффективно ответить на глобальные вызовы инновационного развития и обеспечить не только стратегическое технологическое лидерство России, но и национальный технологический суверенитет в условиях четвертой промышленной революции и усиления внешнего санкционного давления. В текущей экономической и политической ситуации наиболее перспективными являются проекты, направленные на формирование независимой технологической основы развития России, обеспечение технологического суверенитета страны.

Библиографический список

1. Карлик А.Е., Платонов В.В. Организационно-управленческие инновации: резерв повышения конкурентоспособности российской промышленности. *Экономическое возрождение России*. 2015;3(45):34–44.
2. Соловейчик К.А., Микитась А.В., Аркин П.А. Методологические подходы к определению терминологии в области наукоёмкого производства. *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*. 2020;5(125):9–18.
3. Ходос Д.В., Воротынская А.М. Стратегическое управление искусственным интеллектом в российской экономике. *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*. 2021;1(127):91–96.
4. Шевчук М. Станки и люди: почему промышленная революция началась именно с Англии. РБК. Понедельник 17 мая 2021. <https://trends.rbc.ru/trends/industry/5fc51a1a9a794735892fa634/> (дата обращения: 11.11.2022).
5. Круглов Д.В., Воротынская А.М., Поздеева Е.А. Влияние роботизации на рынок труда. *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*. 2017;6(108):101–105.
6. Пищухин А.М., Ахмедьянова Г.Ф. Автоматизация и технологизация – два аспекта технического оснащения производства. *Вестник Оренбургского государственного университета*. 2015;9(184):170–174.
7. Аверина И.С. Промышленная революция и технологический уклад: сущностные характеристики, сходства и отличительные черты. *Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика*. 2021;23(1):52–63. <https://doi.org/10.15688/ek.jvolsu.2021.1.4>
8. Булдыгин С.С. Концепция промышленной революции: от появления до наших дней. *Вестник Томского государственного университета*. 2017;420:91–95. <http://dx.doi.org/10.17223/15617793/420/12>
9. Президент Российской Федерации. *Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию 4 декабря 2014 г.* http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171774/ (дата обращения: 11.11.2022).
10. Правительство Российской Федерации. *Постановление Правительства Российской Федерации от 18.04.2016 № 317 «О реализации Национальной технологической инициативы»*. <https://base.garant.ru/71380666/> (дата обращения: 11.11.2022).
11. Бодрунов С.Д. Реиндустриализация российской экономики: императивы, вызовы и приоритеты. *Право интеллектуальной собственности*. 2013;3:13–15.
12. Вертакова Ю.В., Плотников В.А. Стратегия инновационного развития России: управленческие проблемы реализации. *Дружковский вестник*. 2020;1:5–20. <https://doi.org/10.17213/2312-6469-2020-1-5-20>
13. Нетребин Ю.Ю., Медведев В.В. Развитие инновационной экономики в субъектах Российской Федерации в 2010–2019 гг.: определение ключевых критериев оценки и построения рейтинга регионов. *Управление наукой и наукометрия*. 2021;16(3):336–369. <https://doi.org/10.33873/2686-6706.2021.16-3.336-369>
14. Национальная технологическая инициатива. *Официальный сайт*. <https://nti2035.ru/nti/> (дата обращения: 11.11.2022).

15. Nonews. Страны с наиболее развитыми технологиями. <https://nonews.co/directory/lists/countries/best-tech-countries/> (дата обращения: 11.11.2022).
16. Инвест-форсайт: деловой журнал. Рейтинг инновационных стран возглавила Корея. <https://www.if24.ru/rejting-innovatsionnyh-stran-vozglavila-koreya/> (дата обращения: 11.11.2022).
17. Корякин О. Россия вошла в тройку стран с самыми передовыми военными технологиями. *Российская газета*. Вторник 23 апреля 2019. <https://rg.ru/2019/04/23/rossiya-voshla-v-trojku-stran-s-samymi-peredovymi-voennymi-tehnologiyami.html/> (дата обращения: 11.11.2022).
18. Национальная технологическая инициатива. *Реестр проектов НТИ*. https://nti2035.ru/upload/project_register_31.10.2022.pdf/ (дата обращения: 11.11.2022).
19. Урманцева А. «Цель — импортоопережение». Как НТИ заработал на технологиях 6,5 млрд рублей. *Газета.ру*. Четверг 28 апреля 2022. <https://www.gazeta.ru/tech/2022/04/28/14789540.shtml> (дата обращения: 11.11.2022).
20. Козьменко С.Ю. «Causus belli» – современные оттенки глобального противостояния. *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*. 2022;4(136):35–39.
21. Плотников В.А., Вертакова Ю.В. Устойчивость развития российской промышленности в условиях макроэкономического шока и новая промышленная политика. *Экономика и управление*. 2022;28(10):1037–1050. <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2022-10-1037-1050>
22. Смешко О.Г., Плотников В.А., Вертакова Ю.В. Перспективы российской экономики: новые вызовы экономической безопасности и перестройка государственного управления. *Экономика и управление*. 2022;28(6):524–537.
23. Тебекин А.В. Перспективы развития национальной экономики в рамках шестого технологического уклада с учетом ужесточения западных санкций. *Журнал исследований по управлению*. 2022;8(1):17–37.
24. Слатов Д.Г. Регулирование российского рынка труда в новых условиях санкционного воздействия. *Вестник Самарского университета. Экономика и управление*. 2022;2:109–117. <https://doi.org/10.18287/2542-0461-2022-13-2-109-117>
25. Долгов С.И., Савинов Ю.А., Кириллов В.Н., Тарановская Е.В. Возможности противодействия санкциям в международной торговле. *Российский внешнеэкономический вестник*. 2022;4:36–54.
26. Сибеева А.Р. Малый и средний бизнес России в условиях санкций. *Экономика и бизнес: теория и практика*. 2022;4-2(86):126–130.
27. Шугуров М.В., Серебряков А.А., Печатнов Ю.В. Международное научно-исследовательское сотрудничество России в условиях масштабирования санкций: характеристика институциональных разрывов. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2022;4-3(67):235–244.
28. Черникова А.А., Вертакова Ю.В., Плотников В.А. Импортзамещение как инструмент экономической политики управления рисками импортозависимости: выбор подходов. *Экономика и управление*. 2016;10(132):28–39.
29. Довгучиц С.И., Журенков Д.А. Развитие инновационной инфраструктуры и кадрового обеспечения для повышения технологической независимости оборонно-промышленного комплекса. *Научный вестник оборонно-промышленного комплекса России*. 2022;3:16–24. https://doi.org/10.52135/2410-4124_2022_4_5
30. Финмаркет. ВВП РФ в 3-м квартале снизился на 4% – Росстат. <http://www.finmarket.ru/main/article/5842684#:~:text=Динамика%20ВВП%20близка%20к%20прогнозной,в%202024%20и%202025%20годах./> (дата обращения: 17.11.2022).

References

1. Karlik A.E., Platonov V.V. Organizational and managerial innovations: a reserve for increasing the competitiveness of the Russian industry. *Economic revival of Russia*. 2015;3(45):34–44
2. Soloveichik K.A., Mikitas A.V., Arkin P.A. Methodological approaches to definition of terminology in the field of knowledge-intensive production. *Proceedings of the St. Petersburg State University of Economics*. 2020;5(125):9–18.
3. Khodos D.V., Vorotynskaya A.M. Strategic management of artificial intelligence in the Russian economy. *Proceedings of the St. Petersburg State University of Economics*. 2021;1(127):91–96.
4. Shevchuk M. Machine tools and people: why the industrial revolution began in England. *RBC*. Monday May 17, 2021. <https://trends.rbc.ru/trends/industry/5fc51a1a9a794735892fa634/> (accessed 11.11.2022).
5. Kruglov D.V., Vorotynskaya A.M., Pozdeeva E.A. The impact of robotics on the labor market. *Proceedings of the St. Petersburg State University of Economics*. 2017;6(108):101–105.
6. Pishchukhin A.M., Akhmedyanova G.F. Automation and technologization are two aspects of the technical equipment of production. *Bulletin of the Orenburg State University*. 2015;9(184):170–174.
7. Averina I.S. Industrial revolution and technological pattern: essential characteristics, similarities and distinctive features. *Journal of Volgograd State University. Economics*. 2021;23(1):52–63. <https://doi.org/10.15688/ek.jvolsu.2021.1.4>

8. Buldygin S.S. The concept of the industrial revolution: from appearance to the present day. *Tomsk State University Journal*. 2017;420:91–95. <http://dx.doi.org/10.17223/15617793/420/12>
9. President of the Russian Federation. Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly dated December 4, 2014. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171774/ (accessed 11.11.2022).
10. Government of the Russian Federation. Decree of the Government of the Russian Federation dated April 18, 2016 No. 317 “On the implementation of the National Technology Initiative”. <https://base.garant.ru/71380666/> (accessed 11.11.2022).
11. Bodrunov S.D. Reindustrialization of the Russian economy: imperatives, challenges and priorities. *Intellectual property right*. 2013;3:13–15.
12. Vertakova Yu.V., Plotnikov V.A. Strategy of innovative development of Russia: Management problems of implementation. *Drukerovskij vestnik*. 2020;1:5–20. <https://doi.org/10.17213/2312-6469-2020-1-5-20>
13. Netrebin Yu.Yu., Medvedev V.V. Emergence of an innovation-driven economy in the regions of the Russian Federation in 2010–2019: Identifying key evaluation criteria and region rankings. *Science Governance and Scientometrics*. 2021;16(3):336–369. <https://doi.org/10.33873/2686-6706.2021.16-3.336-369>
14. National Technology Initiative. *Official web-site*. <https://nti2035.ru/nti/> (accessed 11.11.2022).
15. Nonews. *Countries with the most advanced technologies*. <https://nonews.co/directory/lists/countries/best-tech-countries/> (accessed 11.11.2022).
16. Invest-foresight: business magazine. *Korea topped the rating of innovative countries*. <https://www.if24.ru/rejting-innovatsionnyh-stran-vozglavila-koreya/> (accessed 11.11.2022).
17. Koryakin O. Russia entered the top three countries with the most advanced military technologies. *Rossiyskaya gazeta*. Tuesday April 23, 2019. <https://rg.ru/2019/04/23/rossiia-voshla-v-trojku-stran-s-samymi-peredovymi-voennymi-tehnologiyami.html/> (accessed 11.11.2022).
18. National Technology Initiative. *Register of NTI projects*. https://nti2035.ru/upload/project_register_31.10.2022.pdf/ (accessed 11.11.2022).
19. Urmantseva A. “The goal is to outstrip imports.” How NTI earned 6.5 billion rubles on technologies. *Gazeta.ru*. Thursday April 28, 2022. <https://www.gazeta.ru/tech/2022/04/28/14789540.shtml> (accessed 11.11.2022).
20. Kozmenko S.Yu. “Casus belli” – modern shades of global opposition. *Proceedings of the St. Petersburg State University of Economics*. 2022; 4(136): 35–39.
21. Plotnikov V.A., Vertakova Yu.V. Sustainable development of Russian industry in the context of a macroeconomic shock and new industrial policy. *Economics and Management*. 2022;28(10):1037–1050. <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2022-10-1037-1050>
22. Smeshko O.G., Plotnikov V.A., Vertakova Yu.V. Prospects for the Russian economy: new challenges to economic security and public administration restructuring. *Economics and Management*. 2022;28(6):524–537. <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2022-6-524-537>
23. Tebekin A.V. Prospects for the development of the national economy within the framework of the sixth technological order, taking into account the tightening of Western sanctions. *Journal of Management Research*. 2022;8(1):17–37.
24. Slatov D.G. Regulation of the Russian labor market in the new conditions of sanctions impact. *Vestnik of Samara University. Economics and Management*. 2022;2:109–117. <https://doi.org/10.18287/2542-0461-2022-13-2-109-117>
25. Dolgov S.I., Savinov Yu.A., Kirillov V.N., Taranovskaya E.V. Russia’s potential to confront sanctions in international trade. *Russian foreign economic bulletin*. 2022;4:36–54.
26. Sibekova A.R. Small and medium-sized business in Russia under sanctions. *Economics and business: theory and practice*. 2022;4-2(86):126–130.
27. Shugurov M.V., Serebryakov A.A., Pechatnov Yu.V. International research cooperation of Russia in the context of scaling sanctions: characterization of institutional gaps. *International Journal of the Humanities and Natural Sciences*. 2022;4-3(67):235–244.
28. Chernikova A.A., Vertakova Yu.V., Plotnikov V.A. Import substitution as a tool of economic policy for import substitution risk management: choosing an approach. *Economics and Management*. 2016;10(132):28–39.
29. Dovguchits S.I., Zhurenkov D.A. The scientific and technological potential of defense - industry for technological independence increase of the domestic fuel and energy complex. *Scientific bulletin of the military-industrial complex of Russia*. 2022;3:16–24. https://doi.org/10.52135/2410-4124_2022_4_5
30. Finmarket. *Russia’s GDP in the 3rd quarter fell by 4% – Rosstat*. <http://www.finmarket.ru/main/article/5842684#:~:text=Динамика%20ВВП%20близка%20к%20прогнозной,в%202024%20и%202025%20годах./> (accessed 17.11.2022).

Обеспечение гомогенности в социально-экономическом развитии регионов на примере Республики Башкортостан

Гатауллин Ринат Фазлдинович

Д-р экон. наук, зав. сектором экономики и управления развитием территорий
ORCID: 0000-0002-7459-9728, e-mail: gataullin.r2011@yandex.ru

Чувашаева Эльвира Рифовна

Науч. сотрудник сектора экономики и управления развитием территорий
ORCID: 0000-0003-0250-1119, e-mail: elvirachuv@mail.ru

Институт социально-экономических исследований Уфимского федерального исследовательского центра
Российской академии наук, г. Уфа, Россия

Аннотация

Одной из основных черт социально-экономического развития регионов в последние годы является рост их гетерогенности, которая определяется неравномерным распределением ресурсов, ростом дефицита финансовых средств и отсутствием эффективных рычагов управления инновациями. В результате происходит распад регионов на территории, разнотипные по уровню социально-экономического развития. В рамках таких территорий формируется разная потребность в использовании того или иного рычага хозяйственного регулирования, то есть реакция управленческих систем на соответствующие сигналы оказывается весьма различной. Гомогенность социально-экономической системы, базовым элементом которой в данном случае выступает регион, рассматривается авторами статьи исходя из связанности экономики, с учетом мощности потоков товаров и услуг, развитости соответствующей инфраструктуры, оптимальности расселения населения и обоснованности перераспределения финансовых ресурсов – того, что предполагает эффективность их использования с позиции стимулирования экономической деятельности и обеспечения инновационности.

Ключевые слова

Регионы, социально-экономическое развитие, гомогенность, инновационность, связанность, институты обеспечения гомогенности

Благодарности. Исследование выполнено в рамках государственного задания УФИЦ РАН № 075-01134-23-00 на 2023 г. и на плановый период 2024 г. и 2025 г.

Для цитирования: Гатауллин Р.Ф., Чувашаева Э.Р. Обеспечение гомогенности в социально-экономическом развитии регионов на примере Республики Башкортостан // Вестник университета. 2023. № 1. С. 100–105.

Ensuring homogeneity of regional socio-economic development: Republic of Bashkortostan case study

Rinat F. Gataullin

Dr. Sci. (Econ.), Head of the Economics and Territorial Development Management Sector
ORCID: 0000-0002-7459-9728, e-mail: gataullin.r2011@yandex.ru

Elvira R. Chuvashaeva

Researcher at the Economics and Territorial Development Management Sector
ORCID: 0000-0003-0250-1119, e-mail: elvirachuv@mail.ru

Institute for Social and Economic Research of Ufa Federal Research Centre
of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia

Abstract

Over the past several years, an increase in regions' heterogeneity determined by the uneven distribution of resources, lack of effective levers of innovation management, and the growing shortage of financial resources has become one of the main features of regions' socio-economic development. That has led to their disintegration into territories that are quite different in terms of socio-economic development. The need for the use of levers of economic regulation is specific to each territory, which means that management systems react to corresponding signals quite differently. In the article, the homogeneity of the socio-economic system, its basic element being the region, is dealt with based on the connectivity of the economy. The capacity of the flows of goods and services, development of the corresponding infrastructure, optimality of population settlement, and reasonableness of financial resources redistribution, which implies the effectiveness of their use in order to stimulate economic activities and ensure innovation, are taken into account.

Keywords

Regions, socio-economic development, homogeneity, innovativeness, connectedness, institutions for ensuring homogeneity

Acknowledgements. The study was carried out in accordance with the state order of Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences No. 075-01134-23-00 for 2023 and the planning period 2024–2025.

For citation: Gataullin R.F., Chuvashaeva E.R. (2023) Ensuring homogeneity of regional socio-economic development: Republic of Bashkortostan case study. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 100–105.

ВВЕДЕНИЕ

Сегодняшний этап развития большей части регионов характеризуется усилением их внутренних социально-экономических различий. Существующие различия между муниципальными образованиями внутри региона могут быть рассмотрены в статике или в динамике. В статике – в виде абсолютных различий показателей социально-экономического развития, в динамике – в индексах поляризации и нивелирования этих показателей.

Также их можно определить в рамках пороговых значений. В случае когда эти показатели оказываются за пределами пороговых значений, можно предполагать, что возникающая при этом деформация социально-экономического пространства означает потери в использовании их существующего потенциала, а также отсутствие должной эффективности функционирования существующего механизма управления. Отсюда актуальность исследования проблемы обеспечения целостности в социально-экономическом развитии регионов на базе нивелирования соответствующих показателей.

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Методологическую базу исследования составляют работы российских ученых на обозначенную тему. Проблеме межтерриториальных различий в социально-экономическом развитии посвящены труды Ю.В. Дубровской и М.И. Ахметовой [1], В.Г. Бочко [2], Е. Куценко [3], Е.Г. Анимиды [4], М.Н. Михеевой [5]. В указанных работах, главным образом, рассматриваются межрегиональные различия и разработка рычагов их нивелирования. Подчеркивая важность изучения темы для унификации характеристик пространственного развития страны и обеспечения ее целостности, авторы настоящей статьи признают важность решения проблемы и на уровне регионов.

Объектами исследования являются муниципальные образования внутри региона, а предметом – существующие социально-экономические отношения, связанные с формированием оптимальных внутрирегиональных различий. Цель исследования заключается в разработке территориальных рычагов повышения уровня использования резервов социально-экономического развития. В соответствии с обозначенной целью, авторами статьи поставлены следующие задачи:

- оценить уровень гетерогенности в социально-экономическом развитии регионов;
- обосновать механизм ускорения нивелирования данной гетерогенности или обеспечения гомогенности;
- определить оптимальные размеры перераспределения бюджетных затрат внутри региона.

В ходе исследования использованы методы статистических обобщений, моделирования, системного анализа.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Как известно, около 10 % от общего числа российских регионов формируют более половины суммарного валового регионального продукта (далее – ВРП) страны [6]. В этих условиях регионы в основном не имеют возможностей и ресурсов для полной реализации экономических и социальных программ. Такая же ситуация характерна для территорий в рамках регионов, в том числе территорий Республики Башкортостан. Рассмотрим разрыв показателей социально-экономического развития в разрезе городских округов и муниципальных районов Башкортостана (табл. 1).

Таблица 1

Количественный разрыв отдельных показателей социально-экономического развития муниципальных образований в Республике Башкортостан в расчете на душу населения

Территориальные образования	2010 г.	2015 г.	2020 г.	2021 г.
<i>Доходы населения</i>				
Муниципальные районы	2,1	2,0	2,0	1,9
Городские округа	1,7	1,5	1,5	1,5

Окончание табл. 1

Территориальные образования	2010 г.	2015 г.	2020 г.	2021 г.
<i>Инвестиции в основной капитал предприятий</i>				
Муниципальные районы	64,5	164,7	44,5	29,8
Городские округа	32,8	32,9	12,1	7,6
<i>Отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами по ВЭД «Промышленное производство»</i>				
Муниципальные районы	2 698,4	2 601,7	723,0	687,1
Городские округа	73,2	88,7	91,4	101,1
<i>Количество хозяйствующих субъектов</i>				
Муниципальные районы	2,6	2,9	3,1	3,2
Городские округа	3,5	3,9	3,8	3,5
<i>Ввод в эксплуатацию жилых домов</i>				
Муниципальные районы	15,6	59,2	28,6	24,0
Городские округа	8,1	20,5	20,5	21,3

ВЭД – внешнеэкономическая деятельность

Составлено авторами по материалам исследования

Как видно из таблицы 1, разрыв в рассматриваемых показателях между 46 муниципальными районами Республики Башкортостан в целом больше, чем между 8 существующими городскими округами. Другая преобладающая тенденция – снижение уровня существующих разрывов.

Следует также отметить, что существующие разрывы могут формироваться за счет показателей отдельных муниципальных образований, определяемых некими «аномальными» факторами, например, существованием моногородов, которые возникли в условиях социализма как поселения при предприятии, для которых характерны показатели, резко отличающиеся от обычных городов.

Для характеристики гетерогенности в социально-экономическом развитии муниципальных образований авторами ранее была предложена система показателей оценки поляризации и нивелирования в их развитии [7].

Таблица 2

Поляризация и нивелирование показателей социально-экономического развития муниципальных образований в Республике Башкортостан за 2011–2020 гг.

Показатель	Коэффициент поляризации	Коэффициент нивелирования
Отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг силами на одного жителя	1,72	-
Среднемесячная заработная плата работников	0,98	1,02
Среднегодовая стоимость основных фондов на одного занятого	1,21	-
Инвестиции в основной капитал на душу населения	1,86	-
Доля инновационных товаров	0,23	4,18
Продукция промышленности в расчете на одного занятого в отрасли	0,64	1,49
Продукция сельского хозяйства	1,03	-

Показатель	Коэффициент поляризации	Коэффициент нивелирования
Оборот розничной торговли на душу населения	0,78	1,27
Доходы местных бюджетов на душу населения	0,98	1,02

Составлено авторами по материалам исследования

Как видно из таблицы 2, в последнее десятилетие различие между муниципальными образованиями с показателями выше и ниже среднего уровня роста, отгрузка товаров собственными силами увеличилась в 1,77 раза. Рост различий (поляризация) произошел по показателям инвестиций в основной капитал на душу населения (1,86), среднегодовой стоимости основных фондов на одного занятого (1,21) и продукции сельского хозяйства (1,03).

Наоборот, снижение различий или нивелирование наблюдалось в показателях среднемесячной заработной платы работников (1,02), доли инновационных товаров и услуг (4,18), производства продукции в расчете на одного занятого в отрасли (1,49), оборота розничной торговли на душу населения (1,73), доходов местных бюджетов на душу населения (1,02).

Расчеты показывают, что нивелирование поляризации в настоящее время происходит за счет повышения доли инновационных товаров и услуг в общем объеме производства и в меньшей мере – процесса реиндустриализации. Интересно, что простое наращивание инвестиций в плане нивелирования поляризации социально-экономических параметров мало что дает. Только при переходе на интенсивный путь развития сокращаются удельные значения использования природных ресурсов, человеческого труда и происходит повышение экологичности производства, а также сокращение расходования всех затрат на единицу конечных результатов. При этом растет качество последних.

Можно поспорить, что является первичным – технологический прорыв или социально-экономическая модернизация [8]. Авторы статьи считают, что эти процессы должны идти синхронно, органически дополняя друг друга. Следовательно, все программы социально-экономического развития, направленные на нивелирование гетерогенности территорий, должны соответствовать требованиям перехода на инновационный путь развития. Для этого необходимо повысить компетентность кадров и, прежде всего, управленцев во всех звеньях. Необходима также инновационная инфраструктура – научные учреждения, финансовые и иные институты. Отсутствие факторов обеспечения инновационности в лучшем случае приводит к эволюционному варианту технико-технологического развития, когда оно происходит в основном за счет заимствования чужих результатов [9]. При этом сокращается численность научных работников, происходит снижение затрат на финансирование соответствующих структур, что можно наблюдать в Республике Башкортостан в течение последних двадцати лет. В настоящее время в республике отсутствуют федеральные университеты, не растет количество патентов, это касается и числа впервые внедренных технологий. Безусловно, все это не может не отразиться самым негативным образом на экономическом будущем республики, включая решение существующих территориальных проблем.

Что касается перераспределения финансовых ресурсов, оно связано не только с субсидиями из вышестоящих местных бюджетов, но и с выплатами пенсий и стипендий [10]. В муниципальных образованиях с большей долей лиц пенсионного возраста и детей происходит приток финансовых средств через соответствующие каналы. Это влияет на показатели оборота розничной торговли и на уровень оплаты труда в них. Так, в семьях со значительным объемом поступлений от пенсионной системы работоспособные члены, как правило, не заинтересованы в низкооплачиваемых должностях. Это отражается и в динамике заработной платы в виде более высоких темпов ее роста, что требуется для привлечения квалифицированной рабочей силы.

ВЫВОДЫ

На наш взгляд, в каждой территориальной системе требуется дифференцированный подход к управлению ее элементами. Например, в муниципальных образованиях региона с более высокими темпами роста актуальным является их сохранение и, более того, ускорение. На противоположном полюсе также решается задача по ускорению социально-экономического развития, но с темпами, превышающими среднесложившиеся показатели по регионам.

Преодоление отставания в развитии предполагает участие соответствующих муниципальных образований в региональных проектах, которые должны дополнить существующие федеральные программы. Поскольку затраты на реализацию экономических проектов в разных территориях являются альтернативными, то финансирование региональных проектов не должно негативно отражаться в общих показателях его развития.

Нивелирование уровня развития на отстающих территориях может быть осуществлено только на инновационной основе. Только в этом случае дополнительные инвестиции в их развитие могут улучшить общие показатели региона. Эффективными программами и проектами, реализуемыми на местах, являются те из них, которые обеспечивают наибольшее приращение ВРП или бюджетных поступлений, или занятости, в зависимости от выбранных приоритетов.

Библиографический список

1. Дубровская Ю.В., Ахметова М.И. Взаимодействие субъектов инновационной инфраструктуры как фактор управления процессами дивергенции региональных социально-экономических систем. *Экономика и предпринимательство*. 2015;63-2:290–295.
2. Бочко В.Г. *Интегративное стратегическое развитие территорий (теория и методология)*. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН; 2010. 314 с.
3. Куценко Е. Как обстоят дела с инновациями в российских регионах? *Бизнес-журнал*. 2014;9.
4. Анимитца Е.Г. Пространственная организация общества: постановка проблемы и концептуальные установки. *Известия УрГЭУ*. 2007;19:82–85.
5. Михеева М.Н. Структурные факторы региональной динамики: измерение и оценка. *Пространственная экономика*. 2013;1:11–32. <https://doi.org/10.14530/se.2013.1.011-032>
6. Дубровская Ю.В. Межрегиональное взаимодействие как инструмент управления дифференциацией региональных социально-экономических систем: кластерный подход. *Вестник Пермского университета. Серия «Экономика»*. 2016;31:117–125. <https://doi.org/10.17072/1994-9960-2016-4-117-126>
7. Гатауллин Р.Ф. (общ. ред.) *Нивелирование пространственной поляризации социально-экономического развития разноразмерных территориальных систем*. Уфа: ИСЭИ УФИЦ РАН; 2019. 206 с.
8. Бодрунов С.Д. Возрождение производства, науки и образования: проблемы и решения. *Проблемы современной экономики*. 2014;4:35–41.
9. Гатауллин Р.Ф. (общ. ред.) *Трансформация социально-экономического пространства региона: методология и практика*. Уфа: ИСЭИ УФИЦ РАН; 2020. 296 с.
10. Гатауллин Р.Ф. (общ. ред.) *Структуризация экономического пространства региона: сущность, факторы, проектирование*. Уфа: ИСЭИ УНЦ РАН; 2016. 216 с.

References

1. Dubrovskaya Yu.V., Akhmetova M.I. Interaction of innovative infrastructure subjects as a factor of divergence management on the level of regional socio-economic systems. *Journal of economy and entrepreneurship*. 2015;63-2:290–295.
2. Bochko V.G. *Integrative strategic development of territories: theory and methodology*. Yekaterinburg: Institute of Economics of Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; 2010. (In Russian).
3. Kutsenko E. How are things going with innovations in the Russian regions? *Business journal*. 2014;9.
4. Animitsa E.G. Spatial organization of society: problem statement and conceptual guidelines. *Journal of new economy*. 2007;19:82–85.
5. Mikheeva M.N. Structural factors of regional dynamics: Measuring and assessment. *Spatial economics*. 2013;1:11–32. <https://doi.org/10.14530/se.2013.1.011-032>
6. Dubrovskaya Yu.V. Interregional cooperation as a tool for managing differentiation of regional socio-economic systems: the cluster approach. *Perm University Herald. Economy*. 2016;31:117–125. <https://doi.org/10.17072/1994-9960-2016-4-117-126>
7. Gataullin R.F. (gen. ed.) *Leveling the spatial polarization of the socio-economic development of multi-level territorial systems*. Ufa: ISER UFRC RAS; 2019. (In Russian).
8. Bodrunov S.D. Revival of production, science and education: problems and solutions. *Problems of modern economics*. 2014;4:35–41.
9. Gataullin R.F. (gen. ed.) *Transformation of the socio-economic space of the region: methodology and practice*. Ufa: ISER UFRC RAS; 2020. (In Russian).
10. Gataullin R.F. (gen. ed.) *Structurization of the economic space of the region: essence, factors, design: monograph*. Ufa: ISER UFRC RAS; 2016. (In Russian).

Институты развития регионального управления новой модели экономического роста (территории опережающего развития, территории опережающего социально-экономического развития)

Степанов Никита Сергеевич

Канд. экон. наук, ст. науч. сотрудник Центра институтов социально-экономического развития
ORCID: 0000-0002-5136-8580, e-mail: stepanov720@inecon.ru

Институт экономики Российской академии наук, г. Москва Россия

Аннотация

В статье описывается значимость институтов развития регионального управления новой модели экономического роста. Представлены как задачи, так и организационная структура ключевых акторов политики развития, а также характер отношений между основными действующими лицами и их сотрудничество с другими внешними партнерами, такими как общественные институты, институты деловой среды и отдельные международные институты. Обосновано, что выделение зон с особым правовым статусом на территории государства всегда связано с необходимостью соответствующего институционального обеспечения. В сфере территорий опережающего развития действует отдельное регулирование, которое изменяет общеприменимые нормы права, касающиеся начала и осуществления экономической деятельности. Инструментом этого регулирования является функционирование институтов развития регионального управления. Они обеспечивают благоприятные условия для ведения предпринимательской деятельностью на особых льготных условиях. Создание государством особых условий для хозяйственной деятельности по отношению к избранным инвесторам на данной территории служит первостепенной цели ускорения социально-экономического развития отдельных областей страны. Новая модель экономического роста в виде территорий опережающего развития обеспечивает повышение инвестиционной активности, интенсификацию внешнеэкономической деятельности, снижение дифференциации регионов.

Ключевые слова

Территории опережающего развития, территорий опережающего социально-экономического развития, экономическая деятельность, институциональное обеспечение, особые экономические зоны, модель экономического роста, институты развития, Дальний Восток, транспортные коридоры, Россия

Благодарности. Статья разработана в рамках темы государственного задания «Формирование научно-технологического контура и институциональной модели ускорения экономического роста в Российской Федерации».

Для цитирования: Степанов Н.С. Институты развития регионального управления новой модели экономического роста (территории опережающего развития, территории опережающего социально-экономического развития) // Вестник университета. 2023. № 1. С. 106–113.

Institutes for the new model of economic growth regional management development (territories of advanced development, territories of advanced social and economic development)

Nikita S. Stepanov

Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher at the Institutions of Social and Economic Development Center
ORCID: 0000-0002-5136-8580, e-mail: stepanov720@inecon.ru

Institute of Economics Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract

The article describes the importance of institutions for the development of regional governance of a new model of economic growth, presenting both the tasks and the organizational structure of the main actors of development policy, as well as the nature of the relationship between the main actors and their cooperation with other external partners, such as public institutions, institutions of the business environment and individual international institutions. It is substantiated that the allocation of zones with a special legal status on the territory of the state is always associated with the need for appropriate institutional support. In the field of territories of advanced development, there is a separate regulation that changes the generally applicable rules of law concerning the beginning and implementation of economic activity. The instrument of this regulation is the functioning of institutions for the development of regional governance, which provide favorable conditions for doing business on special preferential terms. The creation by the state of special conditions for economic activity in relation to selected investors in this territory serves the primary purpose of accelerating the socio-economic development of certain parts of the country's territory. The new model of economic growth in the form of territories of advanced development provides an increase in investment activity, intensification of foreign economic activity, reduction of regional differentiation.

Keywords

Territories of advanced development, territories of advanced socio-economic development, economic activity, institutional support, special economic zones, economic growth model, development institutions, Far East, transport corridors, Russia

Acknowledgements. The article was prepared within the framework of the state assignment topic "Formation of a scientific and technological outline and an institutional model for accelerating economic growth in the Russian Federation."

For citation: Stepanov N.S. (2023) Institutes for the new model of economic growth regional management development (territories of advanced development, territories of advanced social and economic development). *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 106–113.

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы наблюдается растущий интерес к управлению в государственном секторе. В экономике значительную роль в стимулировании и формировании экономического развития играют региональные и местные органы власти. Шансы развития регионов повышаются, если они проводят активную политику регионального развития, отличаются высоким качеством управления и создают долгосрочную стратегию социально-экономического развития [1].

В рамках таких стратегий важно формировать модель экономического роста, ее цели и приоритеты, а также инструменты достижения этих целей и желаемые тенденции изменений, которые следует продвигать для достижения конкретного эффекта.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В современном мире регионы страны конкурируют не только друг с другом, но и принимают участие в мировой конкуренции в результате глобализации. Процессы развития региона очень сложны и требуют многих мероприятий. Это связано с субъектами, существующими в регионе, их разнообразными целями и потребностями. В последние годы особый интерес вызывают особые экономические зоны (далее – ОЭЗ), которые влияют на динамику экономического роста государства благодаря выгодам, получаемым в результате их функционирования [2].

Такие зоны по-разному называются и развиваются в различных институциональных рамках в разных государствах, причем есть страны, где данные процессы протекают весьма успешно (Китай, страны Европейского союза), а есть такие, где, несмотря на предпринимаемые меры, подобные зоны не достигают установленных целей [3]. В России в начале 2000-х гг. начали активно развиваться ОЭЗ, но их эффективность была чрезвычайно низкой. В последние годы начали создаваться Территории опережающего социально-экономического развития (далее – ТОСЭР), которые считаются результативными инструментами экономического роста [4]. В этой связи представляется актуальной цель настоящего исследования – теоретическое обоснование значимости институтов развития регионального управления в новой модели экономического роста.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЗОР

Можно согласиться с тем, что модели экономического роста являются результирующей различных взаимодействий [5]. Отчасти они являются итогом научных исследований, регулирования, но также и взаимодействия экономических субъектов [6–8]. При этом при попытке создать определенную модель экономического роста, следует понимать, что она всегда работает в конкретном структурном и институциональном контексте, что создает определенные возможности, но и сильные ограничения [9–11].

Формирование модели экономического роста напоминает механизм политической демократии, в котором решаются многие конфликты. Результат зависит от того, что делают участники, но никакая единая сила не может его контролировать. В случае экономического роста мы имеем дело с еще более сильными структурными и материальными условиями. Формирование модели экономического роста всегда происходит в условиях неопределенности и подвержено рискам, что обусловлено не только тем, что эта модель является результатом поведения и влияния множества различных акторов с разными интересами, но и тем, что они имеют разные знания, часто носящие локальный характер и трудно передаваемые, действующие в различных пространственных и временных масштабах [12].

Однако изложенные выше тезисы не означают, что формирование модели экономического роста приводит к совершенно случайным, произвольным эффектам – оно не является как полностью предсказуемым, так и полностью непредсказуемым. Поскольку это происходит при определенных структурных и институциональных условиях, сознательные сущности способны определять, что возможно и вероятно с точки зрения экономического роста. Термин «модель экономического роста» трудно вписать в парадигму неоклассической экономики. Действие политических (общественных) субъектов, в том числе государства, может стимулировать или нарушать этот процесс. То есть можно сделать вывод о существенном влиянии на экономический рост институционального обеспечения [12].

Если такое понимание экономического роста принимается, то концепция модели выходит за рамки схемы экономического регулирования и становится необходимой и полезной как сложный комплексный

механизм структурных и институциональных изменений в экономике. Это механизм, который не является чисто рыночным или нерыночным по своей природе. Его сложность обусловлена тем, что он формируется и управляется различными субъектами и факторами – экономическими, политическими, социальными и культурными [5]. Государственная власть может и должна влиять на формирование модели экономического роста, например, путем развития партнеров и реализации стратегий на международном, национальном, региональном и местном уровнях [13]. Однако следует знать, что «влиять» не значит навязывать или создавать. Нет, даже самая продуманная модель экономического роста не предпринимает, а позволяет в какой-то степени направлять ее.

Формирование иной модели – это, по сути, процесс рекомбинации имеющихся ресурсов различных форм капитала и перекомпоновки существующих структур. Такая рекомбинация и рекомпозиция являются и должны быть спонтанными процессами, в которых действуют различные сущности, руководствуясь своим расчетом и под свою ответственность. С другой стороны, институты (государство) могут создавать благоприятные условия для этих процессов, в частности, воздействуя на институциональные рамки и правила поведения конкретных субъектов.

АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ

ТОСЭР как обособленные участки территории государства с особым правовым статусом являются предметом все возрастающего интереса в контексте обеспечения экономического роста территорий. Основной целью создания специальных зон является выполнение задач публичного характера, хотя действие специальных институциональных норм в такой сфере может проявляться не только в сфере административного права, но и распространяться на другие сферы. ТОСЭР определяется как обособленный участок территории государства с особым правовым режимом, который отдельно регулирует использование этих участков и правила поведения на их территории. Право, относящееся к особой зоне, может исключать или, по крайней мере, ограничивать (в пределах своей сферы) действующий общеприменимый правопорядок путем введения определенных предписаний или запретов на совершение действий либо путем предоставления особых прав. Таким образом, сущность особых территорий заключается в увязывании определенного (обособленного) территориального пространства с его конкретным правовым регулированием [14].

Это требует участия специальных общественно-правовых норм в пределах зоны, их характер может быть различным. Они могут касаться, среди прочего, вещных прав, установления конкретных обязанностей или публичных ограничений для лиц, находящихся в зоне, использующих ее или занимающихся определенной деятельностью в пределах зоны. Специальные правила, действующие в сфере особых зон, могут иметь также разрешительный характер, и их целью является тогда особая привилегия субъектов, осуществляющих на своей территории определенную деятельность, желательную с точки зрения общего блага. Результатом привилегирования является рациональное обеспечение реализации экономических задач и целей государства.

В России ТОСЭР были созданы в связи с конкретными экономическими интересами государства, выражающимися в необходимости ускорения экономического развития конкретных территорий и направлений экономики, притока новых технологий, развития экспорта, создания рабочих мест, управления существующей инфраструктурой и неиспользованными природными ресурсами и человеческим потенциалом [15].

Рассмотрим Дальний Восток России, который входит в состав быстроразвивающегося Азиатско-Тихоокеанского региона, он географически ближе других регионов России к Китаю и граничит с провинциями Хэйлунцзян и Цзилинь. Согласно российской статистике [16], на Дальнем Востоке России расположены крупнейшие угольные шахты, оловянные рудники и крупные полиметаллические рудники мирового класса, а также 81 % запасов алмазов, 51 % лесных ресурсов и 37 % ресурсов пресной воды, 33 % водных биологических ресурсов, 32 % запасов золота, 27 % запасов природного газа и 17 % запасов нефти. Дальний Восток является центром добычи нефти и газа и формирует глобальный нефтехимический центр, где на экспорт сжиженного природного газа (далее – СПГ) приходится около 5 % мирового рынка СПГ. Проектный годовой сбор лесов Дальнего Востока составляет 93,8 млн м³ древесины, а текущий уровень заготовки составляет 17,4 %. Дальний Восток также богат сельскохозяйственными ресурсами, в том числе 2,5 млн га пашни и более 4 млн га пастбищ.

Дальневосточный регион является важным звеном Евразийского транспортного коридора, отправной точкой Транссибирской магистрали и Байкало-Амурской магистрали с общей пропускной способностью более 100 млн т. На побережье Дальнего Востока расположено 29 морских портов, в том числе такие

крупные морские гавани, как Владивосток, Находка, Восточный, Ванино, Советский порт, на долю которых приходится 1/4 грузооборота российских портов. Существует кратчайший морской путь из Азии в Европу через Дальний Восток и Северный Ледовитый океан. По оценкам специалистов, после 2050 г. суда могут осуществлять круглогодичную навигацию в этом канале без проведения противолодочных подкреплений.

В настоящее время три водных пути имеют определенную конкурентоспособность в перевозке грузов в Северо-Восточной Азии. Российская сторона планирует модернизировать инфраструктуру водного пути и ежегодно увеличивать объемы перевозок до 80 млн т к 2024 г. Это сократит время судоходства между Китаем и Европой по Суэцкому каналу, а также повысит привлекательность российского арктического проекта.

На Дальнем Востоке также находится крупнейший в России центр авиации и судостроения. В Комсомольске-на-Амуре идет сборка ближнемагистрального авиалайнера Sukhoi Superjet 100. На Дальнем Востоке функционируют 23 судостроительных предприятия, а самый крупный проект, реализуемый в настоящее время, – судостроительный комплекс «Звезда» в Приморском крае. После завершения проекта он сможет производить нефтяные танкеры дедевейтом до 250 000 т, а также различные суда ледового класса и комплектующие для морских платформ.

Государство путем создания и развития территорий опережающего развития и Свободного порта Владивосток предоставляет инвесторам возможность финансирования строительства инфраструктуры и использует передовой международный опыт для принятия других мер по поддержке иностранных инвестиций. На Дальнем Востоке создано 20 зон опережающего развития, которые обеспечивают инвесторам независимые площадки для развития новых отраслей, создают рабочие места. Строительство необходимой инфраструктуры для инвесторов в ТОСЭР за счет государства, налоговые льготы и необходимые административные услуги предоставляются в упрощенном порядке.

На Дальнем Востоке России создан Свободный порт Владивосток, который представляет собой свободную экономическую зону, состоящую из 21 муниципального района и распределенную в основных портах вдоль Японского и Охотского морей. Китайские инвесторы, реализующие проекты в Свободном порту Владивосток, могут получить те же льготы, что и в зоне опережающего развития, но в Свободном порту Владивосток отсутствует политика строительства инфраструктуры для инвесторов за счет государства.

Политика Свободного порта Владивосток заключается в следующем [17]:

- круглосуточная система таможенного оформления товаров (кроме отдельных портов, таких как Махалино, Хасан и других), электронное декларирование товаров;
- упрощенная виза для въезда иностранных граждан (электронная виза действует 8 дней);
- режим «свободный порт» для хранения предметов роскоши, произведений искусства, антиквариата.

Все это стало возможным за счет создания соответствующей институциональной инфраструктуры, в частности, Корпорации развития Дальнего Востока и Арктики [18]. С ее помощью Россия планирует постепенно расширять использование ТОСЭР и распространять политику на другие прилегающие территории, заинтересованные в привлечении российских и иностранных инвестиций.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Модели экономического роста в пространственных системах можно рассматривать в четырех основных измерениях формирования конкурентных преимуществ, а именно:

- конкурентные преимущества за счет жителей;
- конкурентные преимущества за счет инвесторов;
- конкурентные преимущества за счет потребителей;
- конкурентные преимущества за счет государственных средств.

Резерв ресурсов, необходимых для поступательного экономического роста, состоит из четырех аспектов территориального развития: местоположение, база для развития, занятость, ресурсы местного сообщества. В то же время мы можем наблюдать отчетливые изменения значимости отдельных факторов. В таблице 1 представлено изменение подхода к факторам формирования модели экономического роста. Основные задачи территорий опережающего развития России представлены на рисунке 1.

Институциональные условия для новой модели экономического развития играют важную роль на всех административных уровнях. Однако каждая территория имеет специфические географические условия и, следовательно, каждая требует отдельных мер и инструментов в области государственного регулирования. Таким образом, существуют обоснованные причины для проведения там местной

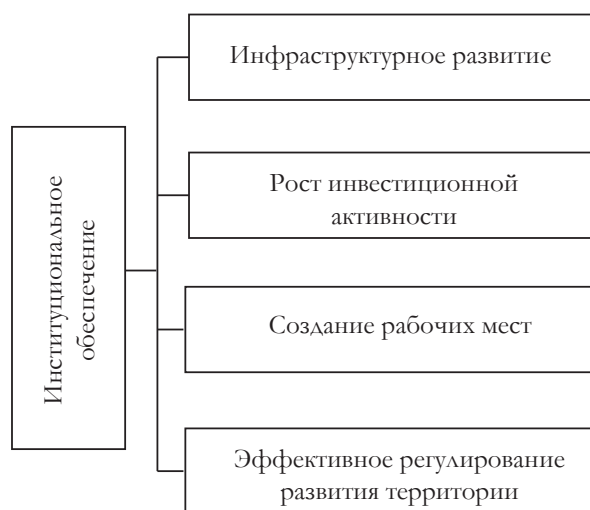
политики, вытекающие из внутренних особенностей данной территории, а также поддержка региональной или национальной политики.

Таблица 1

Изменение подхода к факторам формирования модели экономического роста

Фактор	Старое видение	Новый взгляд
Расположение	Географическое расположение рядом с природными ресурсами, транспортной сетью, обслуживаемыми рынками	Высокий уровень качества окружающей среды и большой компетентный потенциал местного сообщества
Основа экономической деятельности	Разнообразие производственных отраслей	Слаженные сети сотрудничества предприятий, институтов бизнес-среды, общественных организаций
Трудоустройство	Чем больше компаний, тем больше рабочих мест	Комплексное развитие компетенций и технологические инновации создают новые рабочие места, характеризующиеся высоким уровнем качества и заработной платы.
Ресурсы местного сообщества	Наличие рабочей силы	Знания как фактор местного развития
-	-	Увеличение значимости институционального фактора

Составлено автором по материалам исследования

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 1. Основные задачи новой модели экономического роста

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Социальный фактор считается основным фактором, влияющим на выбор той или иной территории для размещения ОЭЗ. Места, выбранные для функционирования зон, характеризуются высокой безработицей, что зачастую связано с узкой профессиональной специализацией жителей близлежащих территорий. Если углубиться в тему человеческого фактора, то безработица и связанное с этим создание дешевой рабочей силы на рынке труда не являются единственными условиями для создания ОЭЗ.

Еще одним важным фактором является создание соответствующих условий для привлечения или обучения местных научных кадров, что будет возможно только при условии, что предприятия будут конкурентоспособными, инновационными и основанными на технологических новинках, что позволит им добиться успеха в экономике. Именно поэтому этот вопрос важен в сочетании с другим значимым критерием, которым является наличие институтов развития регионального управления.

Библиографический список

1. Свирина Л.Н. Мониторинг внедрения в практику функционирования органов государственного управления и институтов развития новых ключевых показателей эффективности их деятельности. *Менеджмент и бизнес-администрирование*. 2021;3:66–73. <https://doi.org/10.33983/2075-1826-2021-3-66-73>
2. Степанов Н.С. Функции территорий опережающего социально-экономического развития по привлечению частного капитала в условиях формирования новой модели экономического роста. *Вестник университета*. 2022;5:177–185. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2022-5-177-185>
3. Пилипян Е.К. Моисеева А.А. Исторические аспекты реализации института «территории опережающего социально-экономического развития» (ТОР) дальневосточных субъектов в процессе интеграции России в АТР. *Индустриальная экономика*. 2021;5-4:340–345. https://doi.org/10.47576/2712-7559_2021_5_4_340
4. Якимова В.А., Андросова В.А. Совершенствование системы мониторинга инвестиционной деятельности территорий опережающего развития региона. *Интеллект. Инновации. Инвестиции*. 2022;4:72–87. <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2022-4-72>
5. Степанов Н.С. Институты развития как фактор повышения качества институциональной среды. *Вестник Института экономики Российской академии наук*. 2021;4:95–108. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2021_4_95_108
6. Брыкин К.И. Реформа институтов развития: правовые аспекты. *Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата*. 2020;4(59):116–119.
7. Ефимова О.Н. Создание территорий опережающего развития в разрезе институциональной экономической теории. *Инновации и инвестиции*. 2020;7:220–225.
8. Крутиков В.К., Косогорова Л.А., Вольхин С.Н., Шаров С.В. Реформа институтов развития как инструментов, стимулирующих инновационные социально-экономические процессы. *Экономика и предпринимательство*. 2020;11(124):266–268.
9. Букина И.С., Одинцова А.В., Ореховский П.А. Эффективность регионального распределения человеческого капитала и экономическое развитие. *ЭКО*. 2019;(12):65–89. <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2019-12-65-89>
10. Доржиева В.В., Ильина С.А. Сценарий реформирования институтов развития: в поисках смысла и новые аспекты регуляторной политики. *Экономика, предпринимательство и право*. 2021;11(11):2451–2470. <https://doi.org/10.18334/erpp.11.11.113770>
11. Кучуков М.М., Кучукова Ж.М., Сабанчиев А.Х. Концептуальные основы стратегии формирования территорий особого развития. *Региональные проблемы преобразования экономики*. 2021;10 (132):154–160. <https://doi.org/10.26726/1812-7096-2021-10-154-160>
12. Кулакова Л.И. Роль институтов гражданского общества в реализации стратегических задач регионов (на примере ТОР «Камчатка»). В сб.: Токарева Г.А. (ред.) *Дальний Восток в контексте государственной политики Российской Федерации в Азиатско-Тихоокеанском регионе: Материалы межвузовской региональной научной конференции, Петропавловск-Камчатский, 19 февраля 2020 г.* Петропавловск-Камчатский: Камчатский государственный технический университет, Камчатпресс; 2020. С. 72–78.
13. Сулейманов М.М. Формирование особых экономических зон как фактор реализации налогового федерализма в России. *Журнал прикладных исследований*. 202;6-9:858–866. https://doi.org/10.47576/2712-7516_2021_6_9_858
14. Курков И.И. Территории опережающего развития как инструмент социально-экономического развития регионов России. *Проблемы экономики и менеджмента*. 2015;5(45):77.
15. Савченко А.Е. Дальневосточная политика как проблема построения развивающегося государства. *Мир России. Социология. Этнология*. 2022;31(3):54–74. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-3-54-74>
16. Министерство коммерции Китайской народной республики. *Программа развития российско-китайского сотрудничества в торгово-экономической и инвестиционной сферах на Дальнем Востоке Российской Федерации на 2018-2024 годы*. <http://russian.mofcom.gov.cn/article/speechheader/201811/20181102808776.shtml> (дата обращения: 11.11.2022).
17. Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики. *Свободный порт Владивосток*. <https://minvr.gov.ru/activity/svobodnyy-port-vladivostok/> (дата обращения: 11.11.2022).
18. Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики. *Свободный порт Владивосток*. <https://erdc.ru/about-spv/> (дата обращения: 11.11.2022).

References

1. Svirina L.N. Monitoring of the introduction of new key performance indicators of public administration bodies and development institutions into the practice of their functioning. *Management and business administration*. 2021;3:66–73. <https://doi.org/10.33983/2075-1826-2021-3-66-73>

2. Stepanov N.S. The functions of territories of advanced socio-economic development to attract private capital in the context of the formation of a new model of economic growth. *Vestnik universiteta*. 2022;5:177–185. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2022-5-177-185>
3. Pililyan E.K., Moiseeva L.A. Historical aspects of the implementation of the institute of advanced social and economic development (TOR) of Far Eastern subjects in the process of Russia's integration into the APR. *Industrial economy*. 2021;5-4:340–345. https://doi.org/10.47576/2712-7559_2021_5_4_340
4. Yakimova V.A., Androsova V.A. Improvement of the system of monitoring investment activities of the territories of advanced development of region. *Intelligence. Innovation. Investment*. 2022;4:72–87. <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2022-4-72>
5. Stepanov N.S. Development institutions as a factor of improving the quality of the institutional environment. *Vestnik Instituta Ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk [The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences]*. 2021;4:95–108. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2021_4_95_108
6. Brykin K.I. Reform of development institutions: legal aspects. *Scientific works of the Russian Academy of Advocacy and Notary*. 2020;4(59):116–119.
7. Efimova O.N. Creation of territories of advanced development in the context of institutional economic theory. *Innovation and investment*. 2020;7:220–225.
8. Krutikov V.K., Kosogorova L.A., Volkhin S.N., Sharov S.V. Reform of development institutions as instruments stimulating innovative socio-economic processes. *Economics and entrepreneurship*. 2020;11(124):266–268.
9. Bukina I.S., Odincova A.V., Orekhovsky P.A. Efficiency of Regional Human Capital Distribution and Economic Development. *ECO*. 2019;(12):65–89. <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2019-12-65-89>
10. Dorzhieva V.V., Ilyina S.A. The scenario of reforming development institutions: in search of meaning and new aspects of regulatory policy. *Economics, entrepreneurship and law*. 2021;11(11):2451–2470. <https://doi.org/10.18334/epp.11.11.113770>
11. Kuchukov M.M., Kuchukova Zh.M., Sabanchiev A.H. Conceptual foundations of the formation strategy territories of special development. *Regional problems of transforming the economy*. 2021;10(132):154–160. <https://doi.org/10.26726/1812-7096-2021-10-154-160>
12. Kulakova L.I. The role of civil society institutions in the implementation of strategic objectives of the regions (on the example of the Kamchatka TOR). In: Tokareva G.A. (ed.) *The Far East in the context of the State Policy of the Russian Federation in the Asia-Pacific region: Proceedings of the Interuniversity regional scientific Conference, Petropavlovsk-Kamchatsky, February 19, 2020*. Petropavlovsk-Kamchatsky: Kamchatka State Technical University, Kamchatpress; 2020. (In Russian).
13. Suleymanov M.M. Formation of special economic zones as a factor in the implementation of tax federalism in Russia. *Journal of Applied Research*. 202;6-9:858–866. https://doi.org/10.47576/2712-7516_2021_6_9_858
14. Kurkov I.I. Territories of advanced development as an instrument of socio-economic development of Russian regions. *Problems of economics and management*. 2015;5(45):77.
15. Savchenko A.E. Russian Far Eastern Policy as a Problem of Building the Developmental State. *Universe of Russia. Sociology. Ethnology*. 2022;31(3):54–74. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-3-54-74>
16. People's Republic of China Ministry of Commerce. *Program for the development of Russian-Chinese cooperation in trade, economic and investment areas in the Far East of the Russian Federation for 2018–2024*. <http://russian.mofcom.gov.cn/article/speechheader/201811/20181102808776.shtml> (accessed 11.11.2022).
17. Ministry of the Russian Federation for the Development of the Far East and the Arctic. *Free port of Vladivostok*. <https://minvr.gov.ru/activity/svobodnyy-port-vladivostok/> (accessed 11.11.2022).
18. Corporation for the Development of the Far East and the Arctic. *Free port of Vladivostok*. <https://erdc.ru/about-spv/> (accessed 11.11.2022).

Перенос налоговых убытков на будущее: оценка отложенных налоговых активов

Аксентьев Андрей Андреевич

Магистрант, ORCID: 0000-0002-0838-4729, e-mail: anacondaz7@rambler.ru

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Аннотация

В статье проведен сравнительный анализ современных подходов к оценке отложенных налоговых активов, признаваемых в отношении налоговых убытков. Обоснована неоднозначность налоговых убытков как объекта бухгалтерского наблюдения. Охарактеризованы положительный и отрицательный эффекты налоговых убытков, не позволяющие объективно квалифицировать налоговые льготы в составе активов в соответствии с концептуальными критериями их признания. Представлены перспективные и ретроспективные факторы оценки будущего возмещения отложенных налоговых активов. Приведен пример бухгалтерских записей, касающихся признания и восстановления налоговых убытков с использованием оценочного счета. Обоснованы сроки проведения перспективного анализа. Выделены консервативный и позитивный подходы к оценке налогового убытка в системе финансового учета. По результатам работы приведено заключение и предложены направления будущих исследований.

Ключевые слова

Отложенные налоги, налоговые убытки, налоговые эффекты, оценочный резерв, отложенные налоговые активы

Для цитирования: Аксентьев А.А. Перенос налоговых убытков на будущее: оценка отложенных налоговых активов // Вестник университета. 2023. № 1. С. 114–122.

Tax loss carryforwards: valuation of deferred tax assets

Andrei A. Aksent'ev

Graduate Student, ORCID: 0000-0002-0838-4729, e-mail: anacondaz7@rambler.ru

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Abstract

In the article, a comparative analysis of modern approaches to the assessment of deferred tax assets recognized for tax losses is carried out. The ambiguity of tax losses as an object of accounting observation is substantiated. Positive and negative effects of tax losses that do not allow to objectively qualify tax benefits as assets in accordance with conceptual criteria for their recognition are characterised. Prospective and retrospective factors for assessing the future recovery of deferred tax assets are presented. An example of accounting entries regarding recognition and recovery of tax losses using a valuation account is provided. The timing of prospective analysis is justified. Conservative and affirmative approaches to the assessment of tax losses in the financial accounting system are described. Based on the findings of the study, conclusions are given, and lines of future research are suggested.

Keywords

Deferred taxes, tax losses, tax effects, valuation allowance, deferred tax assets

For citation: Aksent'ev A.A. (2023) Tax loss carryforwards: valuation of deferred tax assets. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 114–122.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время вопросы оценки налоговых убытков в системе финансового учета по-прежнему не раскрыты. Бухгалтерские стандарты требуют регистрации налоговых убытков в качестве актива, поскольку они заключают в себе экономические выгоды, снижающие обязательства организации по налогу на прибыль.

В соответствии с теорией отложенного налогообложения налоговые эффекты в системе бухгалтерского учета признаются в той мере, в какой оказывают идентифицируемое влияние на финансовое положение компании, а именно на ее денежные потоки. При этом налоговый эффект выражен способностью налогового убытка снижать налогооблагаемую прибыль непосредственно в системе налогового учета. Это значит, что в «налоговом» балансе налоговые убытки представлены суммой потенциальных расходов, в то время как в бухгалтерском балансе они являются отложенными налоговыми активами (далее – ОНА), будущее возмещение стоимости которых приведет к притоку экономических выгод.

Проблемным вопросом по-прежнему остается то, в какой степени в бухгалтерском учете налоговые убытки, признанные ОНА, должны квалифицироваться как активы, в концептуальной трактовке указанной категории.

ОНА, регистрируемые в отношении налоговых убытков, выступают исключением из общего правила. Это связано с тем, что временные налогооблагаемые и вычитаемые разницы признаются по мере возникновения отклонений в балансовых и налоговых оценках активов и обязательств, скорость возмещения которых различается. По своей природе налоговые убытки являются неабсорбированными налоговыми расходами из-за недостаточности налоговых доходов. Отсюда в системе налогового учета налоговые убытки возвращаются обратно в состав налоговых активов до тех пор, пока в будущем не возникнет достаточный налогооблагаемый доход. Кроме того, менеджеры должны самостоятельно принять решение о списании налогового убытка, то есть заявить его в налоговой декларации, в том числе с учетом требований и ограничений национального налогового кодекса.

Достаточность будущей налогооблагаемой прибыли представляет собой главный критерий, соблюдение которого позволит списать стоимость налоговых убытков. Если организация имеет значительные суммы ОНА и не ожидает генерирования налогооблагаемой прибыли в будущем, то в соответствии с бухгалтерскими стандартами необходимо провести оценку балансовых остатков вычитаемых временных разниц (ОНА, умноженные на налоговую ставку).

Следовательно, в налоговом учете в составе налоговых активов убытки регистрируются в полном объеме без оценки будущей налогооблагаемой прибыли и могут быть преждевременно списаны с баланса только тогда, когда законодательством строго регламентирован период использования налоговых льгот. Например, в Российской Федерации убыток может переноситься на неограниченное число последующих налоговых периодов. В Швейцарии, в соответствии с п. 2 ст. 25 Федерального закона о гармонизации прямых налогов кантонов и коммун, или Закона о гармонизации налогообложения, налоговые убытки могут быть компенсированы «в течение 7 финансовых лет, предшествующих рассматриваемому налоговому периоду» [1, с. 546].

В то же время бухгалтерские правила накладывают собственные, отличные от налоговых ограничений, критерии, с помощью которых будет произведена оценка реализации налоговых льгот. По этому вопросу в международной практике нет единой позиции. Например, американские и международные стандарты финансовой отчетности (МСФО) не предусматривают конкретного временного промежутка для перспективного планирования [2, с. 302]. Это значит, что в бухгалтерской учетной политике должна быть утверждена методика, в соответствии с которой специалист будет проводить прогнозную оценку будущей налогооблагаемой прибыли, против которой произойдет зачет ОНА. В п. 18 немецкого стандарта бухгалтерского учета № 18 «Отложенный налог на прибыль» (Deutscher Rechnungslegungs Standard (DRS) 18 “Latente Steuern”) прямо установлено, что «налоговые убытки учитываются при расчете отложенных налоговых активов только в той мере, в какой можно ожидать реализации налоговых льгот из отчета об убытках в течение следующих 5 лет» [3, с. 10]. Поэтому, если организация не ожидает реализовать налоговые убытки в течение 5 лет, то ОНА не признаются. В австралийском стандарте бухгалтерского учета № 1020 «Учет налогов на прибыль» (Accounting Standard AASB 1020 “Accounting for Income Taxes”) регламентировалось учитывать ОНА в той мере, в какой сами бухгалтеры ожидали

реализации налоговых убытков [4]. Последнее правило соответствует процедуре частичного распределения налоговых эффектов, в ходе которой менеджеры используют свое субъективное суждение в отношении будущего периода реализации налоговых льгот. В настоящее время такой подход не применяется.

Таким образом, актуальность данного исследования обусловлена отсутствием в международной практике единой позиции в отношении учета налоговых убытков в системе финансового учета. Научная новизна работы заключается в обобщении зарубежного опыта в указанных вопросах.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Теоретические аспекты соотношения налоговых убытков с понятиями «актив» и «отложенный налоговый актив» в научной литературе рассматриваются крайне редко. Однако есть ряд зарубежных экспертов, чьи работы представляют интерес в рамках данного исследования: Д. Хюрлиманн и Э. Тайтлер-Файнберг [1], Й. Бёссер и Й. Пильхофер [2], К. Хербон, И. Туттиччи, П.С. Кор [4], В. Флагмайер и Й. Мюллер [5] и другие.

К. Хербон с соавторами в своей работе [4] провели эмпирический анализ австралийских организаций, которые представляли финансовую отчетность по правилам стандарта AASB 1020. Цель исследования заключалась в том, чтобы определить, используют ли менеджеры бухгалтерскую методологию признания налоговых убытков для манипулирования прибылью. Результаты показали, что правила стандарта, регулирующие процедуру частичного распределения налоговых эффектов, дают пространство для искажения финансового результата [4]. Субъективные оценки, подкрепленные неадекватными экономическими расчетами, позволяют признавать или не признавать ОНА в отношении налоговых убытков в зависимости от конкретной стратегии. Например, руководство может придерживаться тактики «сглаживание доходов», которая предполагает, что специально незарегистрированные суммы налоговых убытков могут быть использованы в будущем для достижения целевых показателей чистой прибыли. Ключевой вывод авторов заключается в том, что путем признания или непризнания налоговых убытков менеджеры сигнализируют о своих ожиданиях относительно улучшения или ухудшения будущих результатов деятельности фирмы [4].

Й. Бёссер и Й. Пильхофер в своей работе [2] провели сравнительный анализ правил Международного стандарта финансовой отчетности 12 «Налоги на прибыль» (International Accounting Standard (IAS) 12 “Income Taxes”) и Положения стандартов бухгалтерского учета 109 «Учет налогов на прибыль» (англ. Statement of Financial Accounting Standards (SFAS) 109 “Accounting for Income Taxes”), входящего в Общепринятые принципы бухгалтерского учета США (United States Generally Accepted Accounting Principles, US GAAP). В IAS 12 налоговые убытки рассматриваются как отдельный компонент вычитаемых временных разниц, поэтому для них в стандарте выделен соответствующий подраздел (п. 34–36). Однако к ним применяются аналогичные критерии оценки, то есть используется общее правило регистрации ОНА. В стандарте 740 «Налоги на прибыль» Кодекса стандартов бухгалтерского учета американского Совета по стандартам финансовой отчетности (Topic 470 “Income Taxes” of the Financial Accounting Standards Board (FASB) Accounting Standards Codification) строгого разграничения налоговых убытков от временных разниц, признаваемых по общему правилу, нет. Акцент на этом ставится по той причине, что, например, немецкий стандарт DRS 18 также рассматривает налоговые убытки в качестве отдельного компонента. В связи с этим встает вопрос о том, необходимо ли применять процедуру оценки балансовых остатков ОНА отдельно по отношению к компоненту «налоговые убытки» или стоит рассматривать данный компонент в совокупности с вычитаемыми временными разницами. Как верно подчеркивают Й. Бёссер и Й. Пильхофер, американский стандарт требует учитывать как положительные, так и отрицательные факторы, на основе которых бухгалтер примет взвешенное решение в части оценки вероятности реверсирования ОНА [2]. Это значит, что налоговые убытки в первую очередь представляют собой ОНА, «возмещаемость которого должна оцениваться в контексте общей оценки всех прошлых и настоящих фактов с учетом всех положительных и отрицательных показателей» [2, с. 288]. При этом ключевым отличием американского подхода остается то, что разработчики ставят в центр внимания сам факт «возмещаемости» стоимости ОНА, в то время как IAS 12 требует учитывать «суммы» будущей налогооблагаемой прибыли. Таким образом, с концептуальной точки зрения Й. Бёссер и Й. Пильхофер делают важный вывод: американский стандарт учитывает то, почему ОНА, в том числе налоговые убытки, не могут быть возмещены; международный стандарт делает основой прогнозирования налогооблагаемых «сумм» [2].

Научную значимость также представляют выводы В. Флагмайер и Й. Мюллера [5], поднявших вопрос о том, что налоговые убытки, зарегистрированные в системе бухгалтерского учета, концептуально неоднозначны. Это связано с «эффектами», которые заключены в налоговых убытках. Так, с одной стороны, когда компания регистрирует ОНА в отношении налогового убытка, предполагается, что в будущем это принесет ей экономические выгоды, то есть снизит налоговый денежный поток, что в бухгалтерской литературе называется «будущая налоговая экономия». Такой эффект рассматривается как положительный, поскольку концептуально заключает в себе экономические выгоды. С другой стороны, есть и отрицательный аспект, который В. Флагмайер и Й. Мюллер трактуют как «сигнал к дальнейшим убыткам» [5, с. 7]. Иными словами, если организация стабильно показывает прирост налоговых убытков, это свидетельствует о проблемах в генерировании налогооблагаемой прибыли, что диалектически может быть связано со всей операционной деятельностью фирмы. В этом и заключается противоречие, которое бухгалтерские стандарты закрепляют в качестве отдельного критерия оценки балансовых остатков ОНА. Так, британский стандарт финансовой отчетности 102 (Financial Reporting Standard (FRS) 102) в п. 29.7 устанавливает, что «само существование непогашенных налоговых убытков является убедительным доказательством того, что может не быть другой будущей налогооблагаемой прибыли» [6, с. 246]. Аналогичные требования предъявляют американские и международные стандарты. Следовательно, изначально налоговые убытки «разрываются между положительным эффектом, обусловленным потенциальной будущей налоговой экономией, и возможным негативным воздействием убытков» [5, с. 8]. Таким образом, налоговые убытки одновременно и соответствуют критериям признания активов, и являются причиной, по которой стоимость ОНА может быть не возмещена.

Д. Хюрлиманн и Э. Тайтлер-Файнберг в своей работе [1, с. 547–548] рассматривают процедуру оценки налоговых убытков с точки зрения критериев признания активов, поскольку того требует швейцарское бухгалтерское законодательство, в том числе принцип осмотрительности. Так, п. 2 ст. 959 ч. 5 «Обязательно-правовой кодекс» Гражданского кодекса Швейцарии устанавливает четыре критерия, которые позволяют квалифицировать объект бухгалтерского наблюдения в составе актива:

- 1) событие должно произойти в прошлом;
- 2) должно существовать право распоряжения активом (контроль);
- 3) будущие денежные потоки должны быть вероятными;
- 4) балансовую стоимость актива можно надежно оценить.

При этом, как верно подчеркивают исследователи, п. 2 ст. 960 Гражданского кодекса Швейцарии накладывает в качестве основы принцип осмотрительности в оценке, которая не должна «препятствовать достоверной оценке экономического положения компании» [1, с. 547]. Таким образом, если исходить из логики швейцарского бухгалтерского законодательства, нет необходимости капитализировать неиспользованные налоговые убытки в составе активов по соображениям бухгалтерской осмотрительности в оценке [1]. К такому подходу наиболее близок немецкий стандарт DRS 18 “Latente Steuern”, однако он лишь накладывает пятилетний временной критерий, переходя за который налоговые убытки не признаются в качестве компонента вычитаемых временных разниц.

Р. Брайткройц в своем диссертационном исследовании [7] также разграничивает налоговые убытки и другие компоненты отложенных налогов. Так, автор указывает, что начисление отложенных налогов на налоговые убытки представляет собой «особый случай» в рамках дисконтирования налогов [7, с. 37]. Это значит, что временной эффект снижения ценности налоговых убытков стоит рассчитывать отдельно от других компонентов отложенных налогов. Р. Брайткройц связывает это с тем, что «перенесенный налоговый убыток не создает прямого требования о возмещении налога, а лишь дает право на зачет против положительного дохода будущих отчетных периодов» [7, с. 37]. Именно это «право» и рассматривается в качестве экономической выгоды, которую организация квалифицирует бухгалтерским активом, признавая его в системе финансового учета.

При этом исследователь задается вопросом, касающимся неоднозначности возникновения самого «налогового эффекта» от налоговых убытков: «...либо налоговый эффект относится к убытку, либо он относится к прибыли, на которую переносится убыток» [7, с. 38]. В первом случае бухгалтер идентифицирует ОНА, признавая налоговый эффект в полном объеме, причем право будущего взаимозачета заключает в себе потенциал генерирования экономических выгод. Во втором случае налоговый эффект существует только тогда, когда по крайней мере присутствует разумная уверенность в получении достаточной налогооблагаемой прибыли, против которой налоговый убыток будет погашен.

Анализ современной практики не дает убедительных аргументов в пользу применения одного из указанных подходов. Американские, международные, британские, индийские (Accounting Standard (AS) 22 “Accounting for Taxes on Income” – стандарт бухгалтерского учета 22 «Учет налогов на прибыль») стандарты склоняются ко второму подходу, обязывая бухгалтера по меньшей мере учитывать причины или суммы будущей налогооблагаемой прибыли. Немецкий стандарт DRS 18 и швейцарское бухгалтерское законодательство, напротив, изначально определяют актив в отношении самого эффекта от налогового убытка, что соответствует первому подходу. Поэтому, если налоговый эффект не оказывает влияния на финансовое положение организации в момент возникновения «права» перенести стоимость налогового убытка, то стоимость ОНА необходимо снизить, поскольку от него не ожидается возмещения стоимости (принцип бухгалтерской осмотрительности).

В данном случае уместно провести параллель с учетом обесценения дебиторской задолженности. Если дебитор просрочил выплату долга, то есть нарушил условие договора, такой фактор рассматривается как объективный признак обесценения дебиторской задолженности. В связи с этим бухгалтер, в соответствии с утвержденным в учетной политике методом формирования резерва по сомнительным долгам, снизит балансовую оценку актива до той стоимости, которую организация реально ожидает возместить. Следовательно, если отталкиваться от подхода, при котором налоговый эффект идентифицируется в отношении убытка непосредственно, то предполагается, что срок реализации права начинается с момента его возникновения. Поэтому в случае отказа компании заявить в налоговой декларации налоговые льготы, согласно принципу бухгалтерской осмотрительности, необходимо снизить балансовый остаток ОНА в отношении налогового убытка. Для нивелирования рисков дискреционных начислений и манипуляций с прибылью важно, чтобы решение не использовать налоговые убытки было на локальном уровне одобрено корпоративным налоговым менеджментом. При этом в периоды, когда бухгалтеру станет известно, что руководство действительно планирует заявить в налоговой декларации налоговые убытки, стоимость ОНА разумнее восстановить [2].

При втором подходе в соответствии с процедурой комплексного распределения налоговых эффектов бухгалтер в полном объеме регистрирует суммы ОНА в отношении налогового убытка. Далее специалист будет проводить «двухэтапную схему тестирования» [7, с. 78], которая заключается в соблюдении 2 пунктов IAS 12 – п. 28 об оценке реверсирования налогооблагаемых временных разниц и п. 29 об оценке будущей налогооблагаемой прибыли и прочих факторов, например налогового планирования. Как указывалось ранее, IAS 12 закладывает в качестве основы оценку «сумм», а не причин возмещения балансовой стоимости ОНА. В п. 740-10-30-18 американского стандарта FASB ASC 740 [8] предлагается проводить оценку факторов в их совокупности, учитывая следующие источники:

- 1) будущее восстановление существующих налогооблагаемых временных разниц;
- 2) будущую налогооблагаемую прибыль без учета восстановления временных разниц и переноса на будущие периоды;
- 3) налогооблагаемый доход в предыдущем году (годах) переноса, если перенос разрешен в соответствии с налоговым законодательством;
- 4) стратегии налогового планирования.

Под положительными факторами понимается та информация, на основе которой бухгалтер объективно сделает вывод, что балансовая оценка отложенных налогов окажется возмещенной в текущем или большем размере в будущих периодах. Обратная логика действует в случае с отрицательными факторами. В соответствии с п. 740-10-30-17 FASB ASC 740, бухгалтер «должен проанализировать и взвесить все имеющиеся положительные и отрицательные доказательства» [8]. Следовательно, если положительные факторы преобладают над отрицательными, то процедура снижения стоимости ОНА не применяется. Иными словами, балансовая оценка ОНА в отношении налоговых убытков остается без изменений. Однако в случае, если отрицательные доказательства имеют больший вес относительно положительных, бухгалтер произведет экономические расчеты и снизит балансовую стоимость ОНА. Методически последняя процедура может осуществляться двумя способами:

- 1) с использованием подхода, основанного на обесценении (англ. impairment approach);
- 2) с использованием аффирмативного подхода (англ. affirmative judgment approach) [8].

Подход, основанный на обесценении, применяется в американском стандарте FASB ASC 740, п. 740-10-30-2(b) и п. 740-10-30-16 которого прямо обязывают бухгалтера использовать оценочный контрактивный

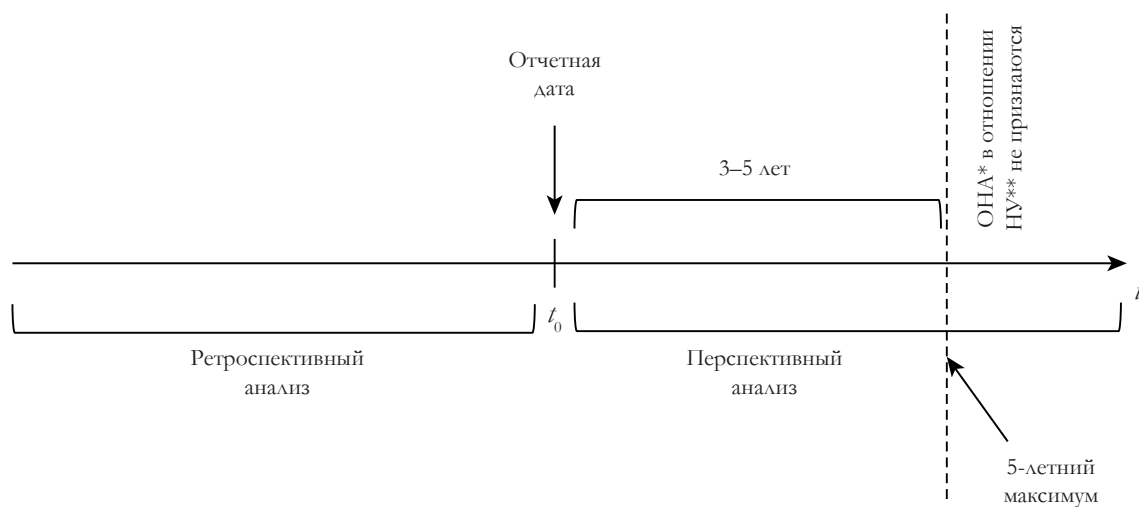
счет (англ. valuation allowance) к счету ОНА [8]. В IAS 12 подобного требования нет, в связи с чем А. Гёрлиц и М. Доблер делают вывод, что в международном стандарте используется аффирмативный подход [9], предполагающий, что специалист напрямую корректирует сальдо отложенных налогов. Недостатки и положительные стороны указанных процедур подробно не рассматриваются в данной работе.

В пп. 15–18 индийского стандарта AS 22 речь идет о концепции «виртуальной, фактической уверенности» (англ. virtual certainty) [10, с. 352–353], в соответствии с которой бухгалтер должен предоставить убедительные экономические доказательства того, что балансовые остатки ОНА сгенерируют финансовые выгоды. Данная концепция балансирует принцип бухгалтерской осмотрительности и положительные, отрицательные факторы оценки будущего «возмещения» ОНА.

Авторская позиция заключается в том, что, по существу, каждый из рассмотренных выше стандартов регламентирует проводить ретроспективный и перспективный анализ. Концептуально логика оценки налоговых убытков в финансовом учете в части временного планирования проиллюстрирована на рисунке 1.

Перспективный анализ представлен изучением следующих факторов:

- будущего реверсирования налогооблагаемых временных разниц;
- достаточности будущей налогооблагаемой прибыли;
- будущего применения инструментов налогового планирования, влияющих на определение налогооблагаемой прибыли;
- будущих ожидаемых убытков;
- условных активов (обязательств), которые в случае благоприятного (неблагоприятного) исхода в будущем могут повлиять на операции и уровни налогооблагаемой прибыли;
- будущих контрактов;
- прогноза развития отрасли;
- отказа от убыточных областей;
- успешного завершения этапа реструктуризации;
- положительных эффектов в результате слияния компании и т. д.

*ОНА – отложенные налоговые активы

**НУ – налоговые убытки

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 1. Оценка возмещения стоимости отложенных налоговых активов во времени

Ретроспективный анализ представлен следующими источниками:

- историей операционных убытков;
- историей налогооблагаемых доходов, за исключением убытков;
- существующими контрактами или твердым портфелем продаж, которые принесут достаточную налогооблагаемую прибыль в будущем;
- экстраполяцией исторических показателей и т.д.

Большинство авторов научных работ солидарны в том, что перспективный анализ, связанный с оценкой будущего возмещения отложенных налогов, стоит проводить на период от 3 до 5 лет, в течение которого экономические оценки будут иметь статистическую значимость [2; 4; 7; 11–13]. П. 18 немецкого стандарта DRS 18 накладывает 5-летний максимум в оценке реализации налоговых льгот в отношении убытков. Американский стандарт FASB ASC 740 и международный стандарт IAS 12 не стандартизируют период перспективного планирования, но накладывают принцип «достаточной уверенности» (более 50 %), что отложенная налоговая позиция будет реализована. Однако американская практика предполагает использование короткого периода времени (2–3 года), в то время как международный стандарт – использование 5-летнего периода [2]. Это аргументируется тем, что в пп. 33(b), 35 и 134(iii) стандарта 36 «Обесценение активов» (IAS 36 “Impairment of Assets”) в рамках оценки будущих денежных потоков используются прогнозы, охватывающие не более 5 лет [14]. Но, как подчеркивают Й. Бёссер и Й. Пильхофер, де-факто организации используют принцип «достаточной уверенности», то есть жестких временных рамок как в американской, так и международной практике может и не быть [2].

Авторская позиция заключается в том, что, как отмечают В. Флагмайер и Й. Мюллер, необходимо оценить, какой эффект, положительный или отрицательный, оказывает существенное влияние на финансовое положение организации. Если превалирует положительный эффект, когда от ОНА ожидается генерирование экономических выгод, то в системе учета следует зарегистрировать суммы налоговых убытков в полном объеме и затем провести оценку того, в какой степени ожидается реализация налоговых льгот в течение 5-летнего максимума. Если в течение 5 лет менеджеры как минимум не планируют заявить в налоговой декларации суммы налоговых убытков, то их необходимо снизить в системе финансового учета с помощью оценочного резерва. Методически такая процедура будет выглядеть следующим образом:

– признаны налоговые убытки в системе финансового учета:

Дебет «Отложенные налоговые активы», субсчет «Налоговые убытки»

Кредит «Прибыли и убытки», субсчет «Расход (доход) по налогу на прибыль»;

– снижена балансовая стоимость отложенных налоговых активов в пределах ожидаемого возмещения:

Дебет «Прибыли и убытки», субсчет «Расход (доход) по налогу на прибыль»

Кредит «Оценочный резерв по отложенным налоговым активам», субсчет «Некомпенсированные налоговые убытки».

Такой подход в большей степени соответствует принципу бухгалтерской осмотрительности, в соответствии с которым оценка не станет искажать текущее и будущее экономическое положение. В ином случае велика вероятность того, что менеджеры используют субъективные критерии перспективного анализа в целях завышения финансового результата. В ситуации, когда хозяйственные условия изменяются (например, менеджеры примут решение в ближайшем будущем заявить налоговые убытки, что должно быть подтверждено локальными документами), суммы ОНА можно восстановить обратной записью:

Дебет «Оценочный резерв по отложенным налоговым активам», субсчет «Некомпенсированные налоговые убытки»

Кредит «Прибыли и убытки», субсчет «Расход (доход) по налогу на прибыль».

Если превалирует отрицательный эффект, бухгалтеру также необходимо провести оценку того, в какой степени существующие налоговые льготы могут быть реализованы в течение 3–5 лет. При этом специалист должен принимать во внимание все факторы перспективного и ретроспективного анализа, указанные ранее.

Описанная авторская позиция в большей степени удовлетворяет критерии оценки активов с учетом применения принципа бухгалтерской осмотрительности. Однако необходимо отметить, что в настоящее время дискуссионные вопросы, представленные в работе, еще не решены окончательно и требуют дальнейшего, более углубленного анализа в рамках будущих исследований.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Цель данной работы заключалась в том, чтобы раскрыть неоднозначность налоговых убытков как объекта бухгалтерского наблюдения. Сравнительный анализ бухгалтерских стандартов показал, что в настоящее время не существует единой позиции относительно квалификации налоговых убытков в составе отложенных налоговых активов. При этом ясно выделяются два подхода. В соответствии с первым подходом налоговый эффект идентифицируется непосредственно в отношении налогового убытка, от которого ожидается приток экономических выгод. Второй подход дает возможность признать налоговый эффект в части налогового убытка только при условии существования в будущем достаточной

налогооблагаемой прибыли. Следовательно, при первом подходе главенствует принцип бухгалтерской осмотрительности, то есть консервативный подход, а при втором – принцип достаточной уверенности, то есть аффирмативный, или позитивный, подход.

Несмотря на выводы, приведенные в данном исследовании, многие теоретические вопросы по-прежнему не решены. В связи с этим в последующих работах планируется разработать методику оценки будущего возмещения отложенных налоговых активов, а также определить, стоит ли рассматривать налоговые убытки как отдельный компонент вычитаемых временных разниц при проведении процедуры снижения их стоимости из-за недостаточности налогооблагаемой прибыли.

Библиографический список / References

1. Hürlimann D., Teitler-Feinberg E. Aktivierung von Verlustvorträgen unter or: Aktivierungspflicht oder Aktivierungsverbot? (Capitalization of loss carryforwards under or: Capitalization requirement or capitalization prohibition?) *Expert focus*. 2019;9:546–550.
2. Bösser J., Pilhofer J. Aktive latente Steuern auf steuerliche Verlustvorträge. (Deferred tax assets on tax loss carryforwards). *KOR*. 2008;8:296–303.
3. Deutsche Rechnungslegungs Standards Committee e.V. *Deutscher Rechnungslegungs Standard Nr. 18. Latente Steuern. (German Accounting Standard 18. Deferred tax)*. https://www.drsc.de/app/uploads/2017/02/100609_DRS_18_near-final.pdf (accessed 13.11.2022).
4. Herbohn K., Tutticci I., Khor P.S. Changes in unrecognised deferred tax accruals from carry-forward losses: Earnings management or signalling? *Journal of business finance & accounting*. 2010;37(7–8):763–791. <https://doi.org/10.1111/j.1468-5957.2010.02207.x>
5. Flagmeier V., Müller J. Tax loss carryforward disclosure. *argus Discussion Paper*. 2016;208.
6. Financial Reporting Council. *FRS 102 The Financial Reporting Standard applicable in the UK and Republic of Ireland (January 2022)*. [https://www.frc.org.uk/getattachment/c66c1d97-5943-413c-b354-f122e07f144d/Redacted-FRS-102-\(January-2022\).pdf](https://www.frc.org.uk/getattachment/c66c1d97-5943-413c-b354-f122e07f144d/Redacted-FRS-102-(January-2022).pdf) (accessed 13.11.2022).
7. Breitzkreuz R. *Grundfragen zur Steuerabgrenzung in der internationalen Rechnungslegung: eine konzeptionelle und bilanztheoretische Analyse auch vor dem Hintergrund empirischer Befunde. (Basic questions on tax deferral in international accounting: A conceptual and accounting-theoretical analysis also against the background of empirical findings)*. Diss. ... Dr. Sci.: 4001. University of St. Gallen; 2012. (In German).
8. Financial Accounting Standards Board. *Accounting Standards Codification. 740 Income Taxes. 10 Overall. 30 Initial Measurement*. <https://asc.fasb.org/1943274/2147482599/740-10-30> (accessed 13.11.2022).
9. Görlitz A., Dobler M. Financial accounting for deferred taxes: A systematic review of empirical evidence. *Management review quarterly*. 2021. <https://doi.org/10.1007/s11301-021-00233-w>
10. Indian Accounting Standards. *Accounting Standard (AS) 22. Accounting for Taxes on Income*. https://www.mca.gov.in/Ministry/notification/pdf/AS_22.pdf (accessed 13.11.2022).
11. Axelton Z., Gramlich J., Harris M. How do auditors learn to forecast? Evidence from the predictive power of the deferred tax asset valuation allowance. *SSRN*. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3322983>
12. Allen E.J. The information content of the deferred tax valuation allowance: Evidence from venture capital backed IPO firms. *SSRN*. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2161340>
13. Jung D.J., Pulliam D. Predictive ability of the valuation allowance for deferred tax assets. *Academy of accounting and financial studies journal*. 2006;10(2):49–70.
14. International Financial Reporting Standards. *IAS 36 – Impairment of Assets*. <https://www.ifrs.org/content/dam/ifrs/publications/pdf-standards/english/2021/issued/part-a/ias-36-impairment-of-assets.pdf> (accessed 13.11.2022).

Оценка возможностей функционирования кинокластера в Калининградской области

Горшкова Александра Анатольевна

Студент, ORCID: 0000-0003-4930-2854, e-mail: sashagorshkova@gmail.com

Косинова Марина Ивановна

Канд. филос. наук, доц. каф. управления в сфере культуры, кино, телевидения и индустрии развлечений
ORCID: 0000-0002-3517-3484, e-mail: kosimarina@yandex.ru

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

Цель исследования – оценить ресурсы и перспективы развития кинокластера в Калининградской области Российской Федерации. В качестве научных методов исследования используются следующие: анализ научных публикаций (статей), сбор первичной информации (конференции, круглые столы, форсайт-сессии, экспертное интервью), анализ нормативно-правовой базы. Также задействованы эмпирические методы исследования: измерение количественных данных, проведение опроса и сравнительного анализа. В статье обосновываются причины, по которым Калининградская область была и остается привлекательным регионом для кинематографистов. Проводится анализ имеющихся возможностей в сфере кинопроизводства, кинообразования, актерского состава и прочего. Рассматриваются все аспекты киноиндустрии, в том числе кинофестивали, кинопитчинги и другое. Анализируется работа кинокомиссии, в частности система рибейтов, введенная в 2017 г. Оценивается эффективность этой системы в свете тех изменений, которые произошли в ней в 2020 г.

Ключевые слова

Кинокластер, кинематография, Калининградская область, кинокомиссия, рибейт, кинопроизводство, кинофестиваль

Для цитирования: Горшкова А.А., Косинова М.И. Оценка возможностей функционирования кинокластера в Калининградской области // Вестник университета. 2023. № 1. С. 123–131.

Possibilities assessment of the film cluster in the Kaliningrad Oblast functioning

Aleksandra A. Gorshkova

Student, ORCID: 0000-0003-4930-2854, e-mail: sashagorshkova@gmail.com

Marina I. Kosinova

Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof. at the Management in Culture, Cinema, Television and Entertainment Industry Department
ORCID: 0000-0002-3517-3484, e-mail: kosimarina@yandex.ru

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

The purpose of the study is to assess the problems and prospects of a film cluster in the Kaliningrad Oblast of the Russian Federation. The following scientific research methods are used: analysis of scientific publications (articles), collection of primary information (conferences, round tables, foresight sessions, expert interviews), analysis of the regulatory framework. Empirical research methods are also involved: measuring quantitative data, conducting a survey and comparative analysis. The article substantiates the reasons why the Kaliningrad Oblast has been and remains an attractive region for film-makers. The analysis of available opportunities in the field of film production, film education, cast and other things is carried out. All aspects of the film industry are considered, including film festivals, film pitching and more. The work of the film commission is analyzed, in particular the rebate system introduced in 2017. The effectiveness of this system is evaluated in the light of the changes that occurred in it in 2020.

Keywords

Film cluster, cinematography, Kaliningrad Oblast, film commission, rebate, film production, film festival

For citation: Gorshkova A.A., Kosinova M.I. (2023) Possibilities assessment of the film cluster in the Kaliningrad Oblast functioning. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 123–131.

ВВЕДЕНИЕ

За последние пять лет в регионах России произошел ощутимый скачок кинопроизводства. Все больше регионов начали реализовывать практику создания благоприятных условий для кинопроизводителей на своей территории. В процессе развития данного сектора «креативных индустрий» происходит экономический и культурный подъем как отдельных регионов, так и страны в целом. Кинопроизводство влечет за собой высокие технологии и большой оборот финансов, что позволяет инновационно развиваться и улучшать внутреннюю социальную обстановку.

Развивая кинопроизводство, регионы сталкиваются с проблемой привлечения кинокомпаний. В ближайшей перспективе решение данной проблемы особенно актуально для российского кинобизнеса, поскольку с ухудшением политической обстановки голливудские мейджоры покинули наш кинопрокат, а потребность российского зрителя в качественном контенте остается. Политическая ситуация, сложившаяся в 2022 г., дала новый импульс развитию российской кинематографии и возможность регионам проявить свой потенциал.

Цель данного исследования – оценить ресурсы и перспективы развития кинокластера в Калининградской области.

МЕТОДОЛОГИЯ

В качестве методической базы исследования использовались: анализ научных публикаций (статей), сбор первичной информации (конференции, круглые столы, форсайт-сессии, экспертное интервью), анализ нормативно-правовой базы. Также были задействованы эмпирические методы исследования – измерение количественных данных, проведение опроса и сравнительного анализа.

В основу первичной информации вошли:

- материалы круглого стола «Снимаем кино в России. Презентация региональных кинокластеров» (в рамках 43-го Московского Международного кинофестиваля);
- материалы круглого стола 4-го Калининградского Балтийского культурного форума на тему «Стратегии развития региональной кинематографии»;
- материалы заседания научно-практического круглого стола «Феномен Российского регионального кино» (ВГИК, 9 июня 2022 г.).

К важным научным работам, раскрывающим специфику кластерного подхода, относятся труды М. Портера [1]. А. Медель и Б. Госс [2] в своих исследованиях рассмотрели кинокластеры как стратегию развития регионов.

Для внедрения кластерного подхода в России Т. Журавлевой и Я. Ярмощуком было разработано руководство по созданию культурного кластера [3]. Анализ ресурсного обеспечения региональных аудиовизуальных кластеров в России проведен в работах А. Малышева, Л. Ланиной и др. [4–6].

Зарождения Калининградского кинопроизводства описано в исследовательских работах А. Крюкова [7] и А. Ярцева [8], а особенности регионального финансирования кинопроизводства рассмотрены в работах А. Кокорина [9], Л. Ланиной и А. Малышева [4]. В настоящее время процесс создания кинокластера и проблемы, связанные с кинопроизводством в регионах России, недостаточно освещены в научной литературе.

АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ

ОЦЕНКА РЕГИОНАЛЬНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ РАЗВИТИЯ КИНОИНДУСТРИИ

Среди регионов России Калининградская область привлекает особое внимание кинематографистов. Область начала пользоваться большой популярностью у советских кинематографистов с момента своего образования в 1946 г. Это обусловлено богатой историей Восточной Пруссии, разнообразными природными ландшафтами, мягким климатом и, самое главное, небольшой протяженностью территории, что значительно сокращает время на релокацию съемочной группы. Природа региона сочетает в себе море, реки, равнинные поля и песчаные дюны. Привлекают внимание кинематографистов и придорожные аллеи из деревьев, и каменная брусчатка, и многие другие местные изюминки.

Архитектура городов Калининградской области и наличие исторических памятников также играют немаловажную роль при выборе площадки для кинематографических съемок. В регионе можно найти здания, принадлежащие к разным эпохам. Встречаются такие архитектурные стили как романский,

готика, ренессанс, югендстиль, сталинский неоклассицизм, модернизм. Калининград хранит в себе роскошные виллы XIX в. обеспеченного района Амалиенау, рабочие кварталы Штайнфурта, порт и городские ворота. Калининградская область может похвастаться сохранившимися оборонительными сооружениями – фортами и бастионами, немецкими улочками, впечатляющими мостами, аутентичными деревнями, заброшенными кирхами и остатками замков, которые возводили тевтонские рыцари в XIII в. Сейчас активно проводятся реставрационные, восстановительные и строительные работы по всему региону, поэтому современный взгляд на город с пережитками немецкого и советского прошлого также можно найти.

На сегодняшний день в Калининграде работает 6 кинотеатров на постоянной основе. Два из них относятся к крупной российской киносети. В Калининградской области открыто 12 кинотеатров, 6 из них (в Немане, Черняховске, Гвардейске, Зеленоградске, Гурьевске, Балтийске) были переоснащены при поддержке Фонда кино по федеральной программе «Культура». Всего в Калининградской области насчитывается 57 кинозалов вместимостью 7 300 мест.

В разные годы Калининград становился площадкой для следующих фестивалей:

- российский фестиваль короткометражного кино «Короче»;
- международный кинофестиваль «Балтийские дебюты»;
- российско-немецкие дни неигрового кино «Территория кино»;
- международный кинофестиваль «Край света. Запад»;
- международный фестиваль кино стран Европейского союза;
- фестиваль уличного кино и другие.

Калининградский опыт показывает, что кинофестивали – это возможность регионального развития. На время проведения фестиваля город становится центром культурной жизни и площадкой для важных мероприятий киноиндустрии, дискуссий и обсуждений между кинематографистами и потенциальными инвесторами, что провоцирует развитие событийного туризма. Так, например, кинофестиваль «Короче» стал доброй традицией и точкой притяжения. За 10 лет существования фестиваль развился до серьезного события и стал одним из главных кинофестивалей короткометражного кино России, куда стремятся попасть кинематографисты со всех уголков страны. По официальным источникам, ежегодно фестиваль получает свыше 2 000 заявок из более 30 стран мира и 45 регионов России.

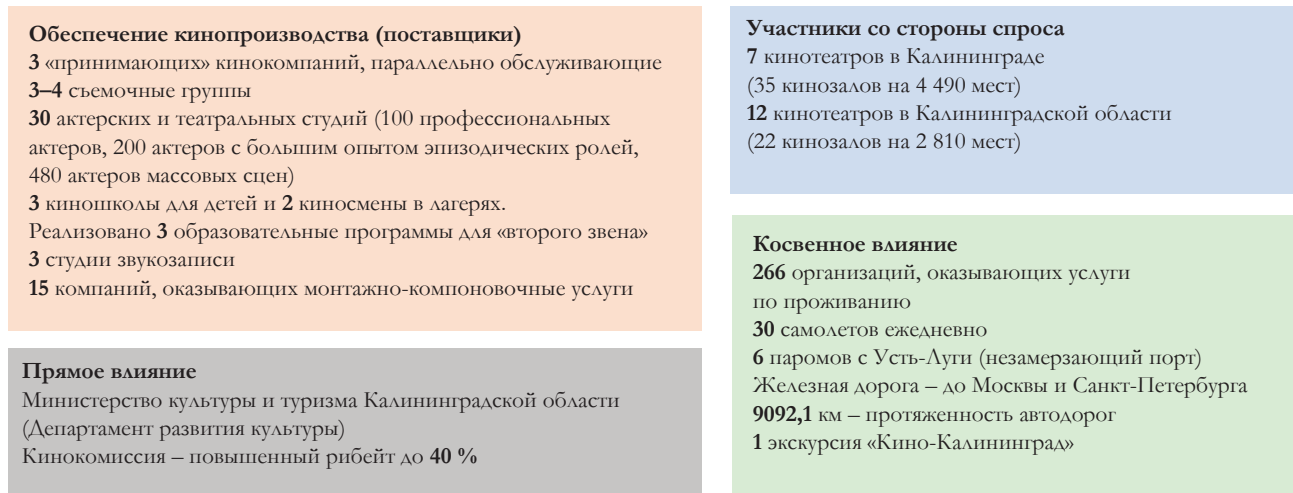
Региональные кинофестивали несут в себе важную просветительскую миссию: поскольку это, зачастую, единственный шанс для регионального кинозрителя познакомиться с авторским и классическим кино на большом экране [10]. Также кинофестивали являются драйверами развития местного кинематографического сообщества. У кинематографистов появляется возможность познакомиться с деятелями индустрии, вдохновиться успехами и обменяться опытом.

Что касается производственных мощностей регионального кинокластера, то на сегодняшний день в Калининградской области работает 5 «принимающих» компаний, которые оказывают услуги по сопровождению процесса съемок, организации съемочного процесса на местах, локейшн-услуги, осуществлению кастингов и поиску специалистов и рабочих, арендные и лизинговые услуги (рис. 1). При съемке крупных федеральных проектов эти компании объединяют свои мощности и в итоге могут обслуживать параллельно три съемочные группы.

Актёров с профессиональным образованием в Калининграде порядка 100 человек, без образования, но с большим опытом эпизодических ролей примерно 200 человек. Калининградский областной драматический театр располагает труппой в 47 актёров, а областной театр юного зрителя «Тильзит-театр» – 17 актёрами. Приезжающие компании отмечают работу местных кастинг-директоров и проявляющийся интерес жителей к кино. На данный момент в регионе существует открытая база актёров массовой на сайте Кинокомиссии и активно действуют сообщества в социальных сетях кастинг-директоров. Это позволяет удобно и быстро осуществлять поиск актёров массовых сцен, актёров-эпизодников и других.

На съемках кинофильма «Нюрнберг» режиссера Н. Лебедева в самой масштабной сцене за последние годы участвовало 12 профессиональных актёров из Калининграда, 52 актёра без образования, но с большим опытом, 50 актёров-реконструкторов и 480 актёров массовых сцен.

Поскольку спрос на актёров растёт, предложение образовательных курсов достаточно высоко и конкурентно. В Калининградской области открыто порядка 30 актёрских и театральных студий частного и муниципального характера. Важно отметить, что ни одна из студий не выдает сертификата о пройденном обучении государственного образца. Преподаватели студий в основном выпускники ГИТИСа и заслуженные артисты Калининградского драматического театра.

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 1. Организации, оказывающие влияние на функционирование киноиндустрии в Калининградской области

Также за последнее время сформирован кинорезерв, в который входит 70 молодых киноспециалистов с навыками работы в разных сферах. Кинокомпании могут брать специалистов на съемочную площадку в качестве стажеров и практикантов, тем самым обеспечивая себя дополнительной рабочей помощью, взамен предоставляя возможность молодым киноспециалистам получить практические навыки и знания во время киносъемок.

Исторически сложилось, что в Калининградской области нет высшего учебного заведения в сфере культуры и искусства. Большинство состоящих в кинорезерве либо самоучки, либо люди, получившие образование в других регионах. С открытием Кинокомиссии в регионе начали появляться краткосрочные образовательные программы.

ФИНАНСИРОВАНИЕ КИНОПРОИЗВОДСТВА В КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Новый этап развития кинематографии в Калининградской области начался с 2017 г. в период создания региональной Кинокомиссии и введения системы рибейтов. Калининградская область стала пилотной по запуску частичных финансовых возвратов кинопроизводителям за съемку фильмов на своей территории.

Соглашение о реализации данной инициативы было подписано главой Калининградской области А. Алихановым, директором направления «Социальные проекты» Агентства стратегических инициатив С. Чупшовой и руководителем Ассоциации продюсеров кино и телевидения С. Сельяновым. Документ закрепляет договоренности сторон о сотрудничестве в создании в Калининградской области условий для кинопроизводителей [11].

Для реализации данной программы был сформирован отдел кинематографии, включающий Кинокомиссию, который на протяжении 5 лет действует при АНО «Фестивальная дирекция». Киноотдел занимается подготовкой и организацией конкурса на предоставление рибейтов, оказывает информационные и консультационные услуги кинематографистам по различным вопросам (контакты специалистов, согласование съемок на локациях и объектах региона), а также организует различные мероприятия в сфере кинематографа (всероссийские акции, кинофестивали, мастер-классы).

В 2017 г. было установлено, что размер выплачиваемой субсидии будет составлять до 20 % от фактических затрат кинопроизводителя на территории региона. Порядок предоставления субсидии из областного бюджета подразумевает, что победителем конкурса признаются юридические лица, набравшие наибольшее количество баллов по итогам оценки заявок, но не менее 30 баллов. Критерии, по которым оцениваются заявки, следующие:

- значимость и актуальность в реальном времени;
- обоснованность статей расходов на производство фильмов на территории Калининградской области;

- наличие сведений о ранее снятых фильмах, показе указанных фильмов по телевизионным каналам, выходе их в кинотеатральный прокат;
- наличие в фильмах символики, природных, туристических и (или) архитектурных объектов и (или) прямого упоминания (информации), позволяющих идентифицировать место съемки фильма как территорию Калининградской области;
- производственный потенциал (наличие соглашений о намерениях с кинотеатральными дистрибьютерами, телеканалами и организаторами фестивалей о показе и прокате фильма);
- профессиональная компетенция (согласно Общероссийскому классификатору видов экономической деятельности) целям, на достижение которых предоставляется субсидия;
- доля затрат на производство фильма на территории Калининградской области [12].

Важно отметить, что по сравнению с другими регионами, субсидии в Калининградской области предоставляются в текущем году, поскольку статья на финансирование программы рибейтов закладывается заранее в плановый бюджет. Как оказалось, временной фактор является одним из приоритетных для продюсеров при выборе места съемок. Уже в первый год после введения данной практики на территории региона было снято 5 крупных проектов. По итогам первых лет можно сказать, что с введением субсидии у кинематографистов значительно вырос интерес к области. С 2017 г. по 2019 г. состоялось 15 кинопроектов, и это больше, чем за все предыдущие десятилетия. Режиссеры стали искать новые для региона формы и преподносить Калининградскую область в разных жанрах и стилях. Теперь фильмы не носят исключительно военный характер, как это было в советское время. Снимают драмы, биографии, детективы, боевики, мистические и исторические фильмы.

Одним из наиболее популярных стал сериал «Желтый глаз тигра» с П. Прилучным в главной роли. Калининград в сериале узнаваем – все действие разворачивается на территории региона, а история основана на реальных событиях и повествует о янтарном бизнесе эпохи перестройки.

Премьера сериала состоялась на «Первом канале» 19 ноября 2018 г. в прайм-тайм. По данным Mediascope, доля зрителей в первую неделю показа составляла 15,8 %, рейтинг 4,8 %, сериал занимал 5-ю строчку среди самых популярных программ недели и 1-ю среди телесериалов. На данный момент сериал размещен на различных стриминговых платформах и имеет свыше 98 тысяч оценок зрителей на стриминговой платформе IVI (средний балл 8,7 из 10) и 38 тысяч оценок на сайте «Кинопоиск» (средний балл 7,8 из 10), что является существенным показателем для российского телесериала. Сериал стал важным толчком для продвижения «бренда» Калининградской области и теперь служит нативной рекламой прибалтийского региона.

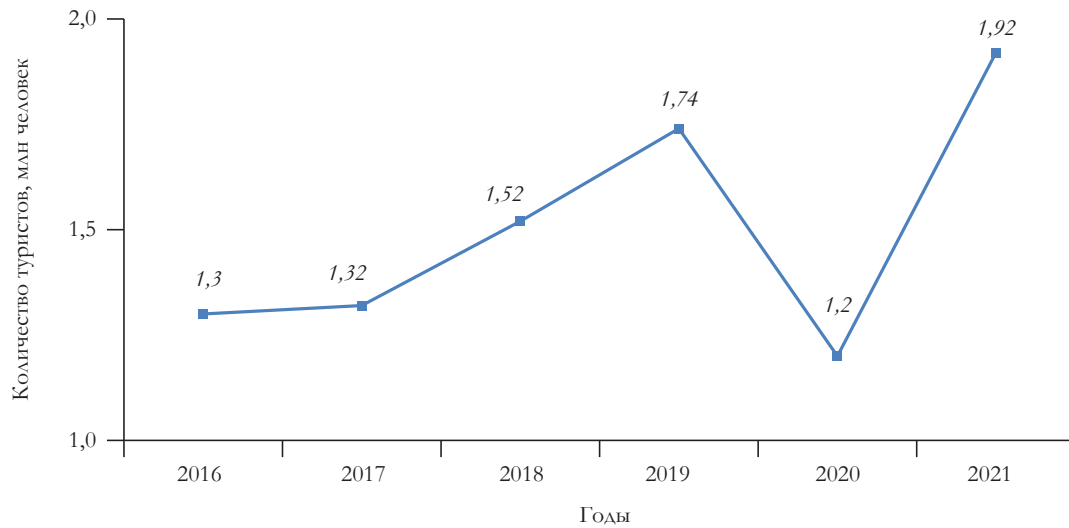
Фильм «Верность» режиссера Н. Сайфуллаевой, который также частично снимали на территории Калининградской области, получил специальный диплом жюри на фестивале «Кинотавр» в 2019 г. Хочется отметить, что кинопроекты, снятые за три года, были выпущены на трех самых популярных телеканалах России – «Первый канал», «Россия-1», «НТВ», а также на ведущих стриминговых сервисах – «Кинопоиск», IVI, OKKO, Wink. За счет чего была охвачена большая часть зрителей разных целевых групп.

На рисунке 2 представлено количество туристов, посещающих Калининградскую область каждый год. Существует наглядная тенденция увеличения турпотока. На это влияет множество факторов, один из которых – развитие кинематографии, поскольку для некоторых людей увиденное в кинокартинах становится триггером при выборе маршрута путешествия.

Отметив рост интереса кинематографистов к Калининградской области несмотря на пандемию, в 2020 г. власти приняли решение ввести дополнительные условия в порядок получения субсидии. Кинокомпания может повысить свой процент рибейта до 40 % при выполнении следующих дополнительных условий:

- за выход аудиовизуального произведения на телеканале (при наличии договора/соглашения с телевизионным каналом) – 1 мультимплекс РТРС-1 на 3 %, 2 мультимплекс РТРС-2 – на 2 %;
- при наличии экспортного контракта (договора) с иностранной организацией, осуществляющей производство аудиовизуальной продукции, предметом которого является участие указанной иностранной организации в производстве национального фильма получателя субсидий – на 3 %;
- при наличии договора с кинотеатром (гарантийного письма от кинотеатра), подтверждающего проведение премьерного показа национального фильма на территории Калининградской области с присутствием на премьере режиссера и исполнителей главных ролей – на 3 %;
- при наличии сюжета, посвященного исторической личности, событиям истории, культуре, мифологии, природным и культурным объектам, связанным с Калининградской областью – на 5 %;

- за количество дней кинопроизводства согласно календарно-постановочному плану и графику съемок на территории Калининградской области: от 30 до 50 дней – на 2 %, от 51 дня – на 3 %;
- за предоставление кинопроизводителями возможности прохождения учебной стажировки на съемочной площадке для калининградских специалистов, а также студентов вузов во время проведения съемок на территории Калининградской области – на 3 %.

Составлено авторами по материалам источника: [13]

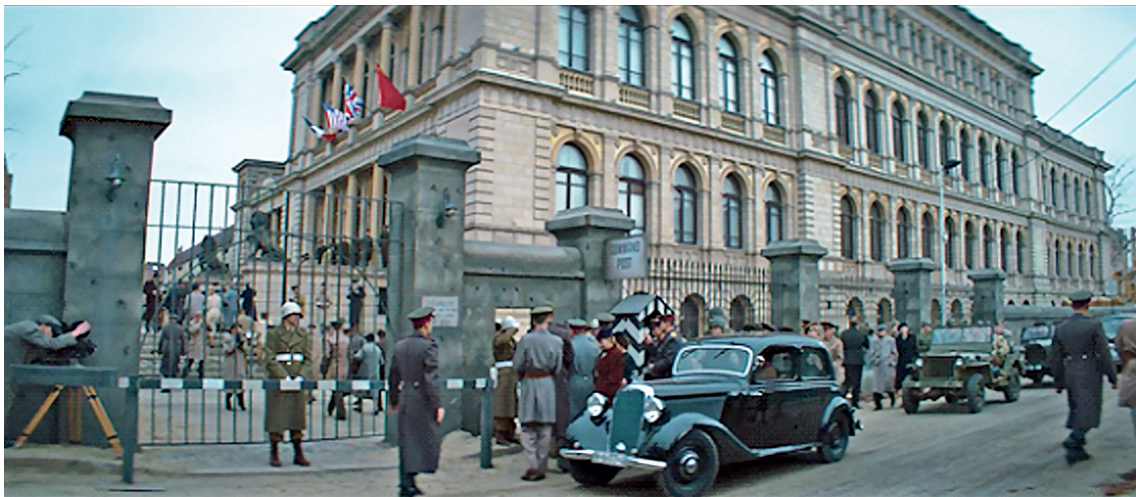
Рис. 2. Объем турпотока в Калининградскую область

Максимальный размер субсидии не может превышать 40 %.

По итогам 2020 г. 5 из 7 кинокомпаний получили повышенный рибейт. В 2021 г. из 16 кинокомпаний в конкурсе на рибейт участвовало 11. Повышенный рибейт получили 10 компаний.

По итогам 2020–2021 гг. можно отметить, что повышение рибейта сыграло свою положительную роль – федеральное кинопроизводство в регионе выросло в 2 раза. Кинокомпании, которые стали работать в регионе, обладают большими финансовыми и, соответственно, маркетинговыми возможностями. Причем, все больше аудиовизуальных продуктов стали снимать полностью на территории региона, а не частично, как это было раньше.

Также хочется обратить внимание на кинопроект «Нюрнберг» Н. Лебедева, который стал самым масштабным проектом, снимаемым в Калининградской области, как по численности актеров, принимающих участие, так и по сложности декораций и количеству хромакея. За съемками этого фильма наблюдали жители всего города, поскольку основной декорацией стало здание бывшей кенигсбергской биржи, которое расположено в центре города (рис. 3).

Источник: [14]

Рис. 3. Кадр из кинофильма «Нюрнберг» режиссера Николая Лебедева

В 2021 г. 5 кинокомпаний вернули 3 % от затрат за предоставление возможности стажироваться калининградским специалистам, 5 кинокомпаний вернули 3 % за подтверждение выхода в 1-й мультиплекс, 4 компании вернули 2 % за большое количество съемочных дней. Кинокомпании вкладывают полученный рибейт либо в постпродакшн, либо в окончание съемок за пределами региона.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Опыт 2021 г. показывает, что правительство старается выплатить рибейты всем кинокомпаниям, которые проходят по конкурному отбору. Калининградская область за последние 5 лет стала площадкой для съемки порядка 38 фильмов и сериалов, рибейт получило 33 проекта. Всего за этот период в регион поступило свыше 995 млн рублей. Региональное правительство возместило кинопроизводителям около 200 млн рублей.

Таким образом, бизнес-модель, которую создает Калининградская область, оказалась рабочей. Регион получает инвестиции в экономику от федеральных компаний, которые потом вкладывают в развитие кинокластера, а именно – в инфраструктуру и образование. Данная стратегия поможет в долгосрочной перспективе воспитать не одно поколение кинематографистов и создавать свое региональное кино.

В статье авторы оценили возможности функционирования формирующегося калининградского кинокластера. Путем сбора статистических данных была определена сконцентрированность потенциальных резидентов кинокластера на территории региона и охарактеризована степень развитости участников на данный момент. А также рассмотрена успешная практика введения системы повышенного рибейта, благодаря которой удалось привлечь внимание туристов и кинокомпаний к региону и дать толчок развитию регионального кинопроизводства и кино-инфраструктуры в Калининграде.

Калининградская модель может стать для других регионов образцом при формировании собственного кинокластера. Регионы могут перенимать успешный опыт и минимизировать риски.

Библиографический список

1. Бузыкина Т.А. Кластерная теория М. Портера и ее практическое применение в российском опыте. *Журнал экономической теории*. 2011;1:118–122.
2. Medel A., Gossel B. Film industry clusters: a strategy for urban and regional development? *Universidad Austral's School of Communication*. 2015:65–81.
3. Журавлева Т. «Сносить нельзя ревитализировать». *Практическое руководство по созданию креативного кластера*. М.: Центр городских компетенций, Агентство стратегических инициатив; 2019. 111 с.
4. Ланина Л.А., Малышев А.В., Ромодановская Н.Б. Анализ развития аудиовизуального кластера в регионе (на примере международного опыта). *π-Economy*. 2020;6:31–40.
5. Малышев А.В. Киноиндустрия как сектор «креативных индустрий»: задачи диверсифицированного подхода. *Креативная экономика*. 2019;7:1401–1410. <https://doi.org/10.18334/ce.13.7.40840>
6. Малышев А.В., Ланина, Л.А. Анализ ресурсного обеспечения региональных кластерных инициатив в регионах России на примере аудиовизуальных кластеров. *Креативная экономика*. 2021;2:341–358.
7. Крюков А.И. Создание базы данных кинофильмов, снятых в Калининградской области с 1948 года по настоящее время. В сб.: Шендерюк М.Г. (ред.) *Осенняя школа по гуманитарной информатике: сборник тезисов докладов, Калининград, 09–12 ноября 2017 г.* Калининград: Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта; 2017. С. 33–37.
8. Ярцев А.А., Ветряшкина А.В. Калининградский регион как открытая кинематографическая площадка для фильмов о Великой Отечественной войне. В сб.: *В боях за Восточную Пруссию. 75 лет Великой Победе!* Калининград: Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта; 2020. С. 214–227.
9. Кокорин А.М. Социально-экономические процессы развития региональной киноиндустрии. *Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество)*. 2019;(3):58–76.
10. Головецкий Н.Я., Туманов А.И. Кинофестивали как фактор развития социальной инфраструктуры и туристической привлекательности региона. *Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление*. 2017;3(22):90–94. <https://doi.org/10.21777/2307-6135-2017-3-90-94>
11. Министерство по культуре и туризму Калининградской области. *Официальный сайт*. <https://culture-tourism.gov39.ru/> (дата обращения: 08.11.2022).
12. Российская Федерация. *Постановление Правительства Калининградской области от 17.07.2017 № 365 «О предоставлении субсидий из областного бюджета юридическим лицам в целях финансирования обеспечения возмещения затрат в связи с осуществлением производства фильмов на территории Калининградской области»*. <http://docs.cntd.ru>. (дата обращения: 08.11.2022).

13. Movie start. Форсайт-сессия на Московском Международном кинофестивале – 43 «Снимаем кино в России. Презентация региональных кинокластеров». [Видеозапись] 2021 https://youtu.be/hjXZ_pfyxsw (дата обращения 24.10.2022).
14. Кинопоиск. Фильм «Нюрнберг». <https://www.kinopoisk.ru/film/905033/> (дата обращения 10.11.2022).

References

1. Buzykina T.A. M. Porter's cluster theory and its practical application in Russian experience. *Journal of Economic Theory*. 2011;1:118–122.
2. Medel A., Gossel B. Film industry clusters: a strategy for urban and regional development? *Universidad Australia's School of Communication* 2015:65–81.
3. Zhuravleva T. "Demolish impossible revitalizе" a practical guide to creating a creative cluster. Moscow: City Competence Center, Agency for Strategic Initiatives; 2019. (In Russian).
4. Lanina L.A., Malyshev A.V., Romodanovskaya N.B. Analysis of the development of the audiovisual cluster in the region (based on international experience). *π-Economy*. 2020;6:31–40.
5. Malyshev A.V. The film industry as a sector of "creative industries": the objectives of a diversified approach. *Kreativnaya ekonomika*. 2019;7:1401–1410. <https://doi.org/10.18334/ce.13.7.40840>
6. Malyshev A.V., Lanina L.A. Analysis of the resource support of regional cluster initiatives in the Russian regions on the example of audiovisual clusters. *Kreativnaya ekonomika*. 2021;15(2):341–358.
7. Kryukov A.I. Creation of a database of films shot in the Kaliningrad region from 1948 to the present. In: M.G. Shenderyuk (ed.) *Autumn School of Humanitarian Informatics: Collection of articles, Kaliningrad, November 09–12, 2017*. Kaliningrad: Immanuel Kant Baltic Federal University; 2017. (In Russian).
8. Yartsev A.A., Vertyashkina A.V. Kaliningrad region as an open cinematic platform for films about the Great Patriotic War. In: *In the battles for East Prussia. 75 years of the Great Victory!* Kaliningrad: Immanuel Kant Baltic Federal University; 2020. (In Russian).
9. Kokorin A.M. Socio-economic processes of the regional film industry's development. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 21. Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo)*. = *Moscow university bulletin. Series 21. Public administration*. 2019;(3):58–76.
10. Golovetsky N.Ya., Tumanov A.I. Film festival as a factor of development of social infrastructure and touristic attraction of the region. *Moscow Witte University Bulletin. Series 1: Economics and Management*. 2017;3(22):90–94. <https://doi.org/10.21777/2307-6135-2017-3-90-94>
11. Ministry of Culture and Tourism of the Kaliningrad Oblast. *Official website*. <https://culture-tourism.gov39.ru/> (accessed 08.11.2022).
12. Russian Federation. *Resolution of the Government of the Kaliningrad Oblast dated July 17, 2017 No. 365 "On granting subsidies from the regional budget to legal entities in order to finance cost recovery in connection with the production of films on the territory of the Kaliningrad Region"*. <http://docs.cntd.ru> (accessed 08.11.2022).
13. Movie start. Foresight session at the Moscow International Film Festival – 43 "Making movies in Russia. Presentation of regional film clusters". [Video] 2021. https://youtu.be/hjXZ_pfyxsw (accessed 24.10.2022).
14. Kinopoisk. "Nuremberg" movie. <https://www.kinopoisk.ru/film/905033> (accessed 10.11.2022).

Анализ факторов, влияющих на рост цен на электроэнергию (мощность) на энергорынке Сибирского федерального округа

Дзюба Анатолий Петрович¹

Д-р экон. наук, ст. науч. сотрудник кафедры экономики и финансов Высшей школы экономики и управления
ORCID: 0000-0001-6319-1316, e-mail: dzyuba-a@yandex.ru

Конопелько Дмитрий Викторович²

Слушатель программы Doctor of Public Administration Института государственной службы и управления
ORCID: 0000-0002-3104-0094, e-mail: 9293828@mail.ru

¹Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Россия

²Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия

Аннотация

Одним из основных конкурентных преимуществ Российской Федерации на мировых рынках промышленной продукции являются сравнительно низкие показатели цен на электроэнергию, отпускаемую на внутреннем рынке для секторов индустрии. Низкие цены на электроэнергию для энергоемких секторов промышленности, таких как черная и цветная металлургия, горнодобыча, добыча и переработка нефти и прочих, позволяют российской экономике занимать доминирующее положение в различных направлениях мировых рынков, а отраслям промышленности – сохранять показатели финансовой устойчивости и выполнять финансирование программ модернизации и технического перевооружения. В четвертом квартале 2021 г. и первом квартале 2022 г. на территории Объединенной энергетической системы Сибири, в которую входят потребители Сибирского федерального округа, выявлен рост цен на электроэнергию, отпускаемую конечным потребителям, прежде всего промышленности. В марте 2022 г. прирост цен на электроэнергию к аналогичному периоду предыдущего года в Красноярском крае составил 18,2 %, в Республике Хакасия – 13,1 %. В остальных регионах России за указанный период прирост показателей конечных цен на электроэнергию для промышленности в среднем составил 2,6 %. Таким образом, эмпирический анализ, проведенный в статье, позволил выявить, что цены на электроэнергию в регионах Сибирского федерального округа фактически стали приближаться к средним ценам на электроэнергию в других федеральных округах России.

Ключевые слова

Оптовый рынок электроэнергии, розничный рынок электроэнергии, энергорыночное ценообразование, рынок мощности, узловые цены, управление энергозатратами, рынок на сутки вперед, ценообразование в регионах, промышленная энергетика, управление энергозатратами

Для цитирования: Дзюба А.П., Конопелько Д.В. Анализ факторов, влияющих на рост цен на электроэнергию (мощность) на энергорынке Сибирского федерального округа // Вестник университета. 2023. № 1. С. 132–143.

Analysis of factors influencing the electricity (capacity) price growth in the energy market of the Siberian Federal District

Anatoly P. Dzyuba¹

Dr. Sci. (Econ.), Senior Researcher at the Economics and Finance Department, Higher School of Economics and Management
ORCID: 0000-0001-6319-1316, e-mail: dzyuba-a@yandex.ru

Dmitry V. Konopelko²

DPA student at the Institute of Public Administration and Management
ORCID: 0000-0002-3104-0094, e-mail: 9293828@mail.ru

¹South Ural State University, Chelyabinsk, Russia

²Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

Abstract

One of the main competitive advantages of the Russian Federation in the industrial products world markets is the relatively low prices for electricity sold on the domestic market for the industry sectors. Low electricity prices for energy-intensive industrial sectors, such as ferrous and non-ferrous metallurgy, mining, oil extraction and refining, etc., allow Russian economy to occupy a dominant position in various areas of world markets, and industries are able to maintain financial stability indicators and finance modernization and technical re-equipment programs. In the fourth quarter of 2021 and the first quarter of 2022, on the territory of the Siberian United Energy System, which includes consumers of the Siberian Federal District, an increase in prices for electricity supplied to end consumers, primarily industry, was revealed. In March 2022, the increase in electricity prices compared to the same period of the previous year, in the Krasnoyarsk Krai was 18.2 %, in the Republic of Khakassia – 13.1 %. In other regions of Russia over the specified period, the increase in final electricity prices for industry averaged 2.6 %. Thus, the empirical analysis carried out in the article revealed that electricity prices in the regions of the Siberian Federal District actually began to approach the average electricity prices in other federal districts of Russia.

Keywords

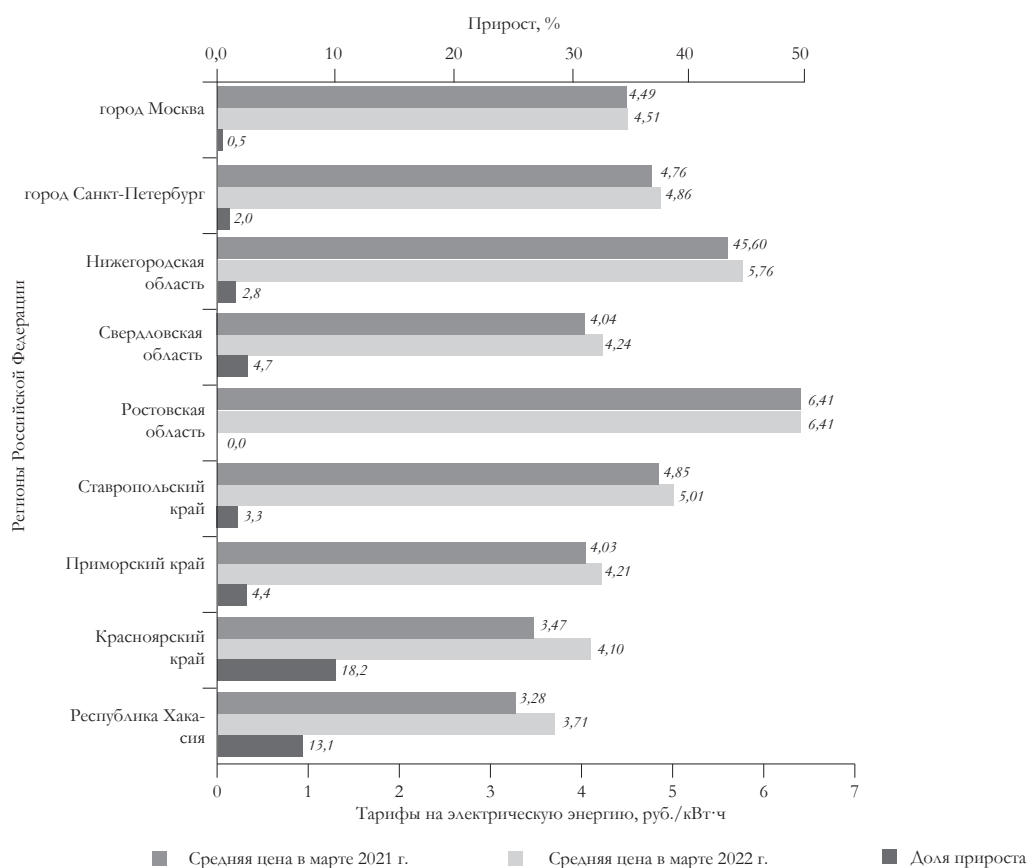
Wholesale electricity market, retail electricity market, energy market pricing, capacity market, node prices, energy management, market for the day ahead, pricing in the regions, industrial energy, energy management

For citation: Dzyuba A.P., Konopelko D.V. (2023) Analysis of factors influencing the electricity (capacity) price growth in the energy market of the Siberian Federal District. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 132–143

ВВЕДЕНИЕ

Современная российская электроэнергетика функционирует в условиях рыночных механизмов ценообразования. Стоимость практически каждого киловатт-часа электроэнергии, обращающегося в России, сформирована в рамках механизмов и правил оптового либо розничного рынков электроэнергии. Рынок электроэнергии (мощности) в России функционирует с 2006 г. и создан для развития конкуренции среди субъектов Единой энергетической системы России (далее – ЕЭС России), повышения инвестиционной привлекательности отрасли и эффективности деятельности отдельных субъектов электроэнергетики за счет ввода элементов конкуренции. Также основной целью создания рынка электроэнергии (мощности) в России являлось снижение цен на отпускаемую электроэнергию для всех групп потребителей за счет наиболее эффективной загрузки производителей по принципу наименьшей стоимости предлагаемой цены на выработку электроэнергии. В четвертом квартале 2021 г. и первом квартале 2022 г. на территории Объединенной энергетической системы Сибири (далее – ОЭС Сибири) выявлен рост цен на электроэнергию, отпускаемую конечным потребителям, прежде всего промышленности. В марте 2022 г. прирост цен на электроэнергию в Красноярском крае составил 18,2 %, в Республике Хакасия – 13,1 %, при этом в остальных регионах России за указанный период прирост показателей конечных цен на электроэнергию для промышленности не превысил 4,7 %, а в среднем составил 2,6 % (рис. 1). Если цены на электроэнергию в Объединенной энергосистеме Сибири были ниже цен в других регионах России, то в 2022 г. они приблизились к среднероссийскому показателю, что может привести к существенному ущербу для экономики данных территорий.

Составлено авторами по материалам источника: [1]

Рис. 1. Цены на электроэнергию, отпускаемую на розничном рынке в различных регионах Российской Федерации в марте 2021 г. и в марте 2022 г. (высокое напряжение), без НДС

Рост цен на отпускаемую электроэнергию на территории ОЭС Сибири, в которую входят регионы Сибирского федерального округа (далее – СФО), может привести к существенным негативным последствиям для их социально-экономического развития, которые могут проявиться как в краткосрочной, так и в стратегической перспективе. Прежде всего, рост цен на электроэнергию в регионах СФО может привести к снижению

показателей рентабельности и экономической эффективности промышленных предприятий, относящихся к энергоемким отраслям промышленности, таким как черная и цветная металлургия, горнодобыча, добыча угля и прочие. В стратегической перспективе регионам грозит уменьшение притока инвестиций в промышленность из-за сокращения индикаторов экономической эффективности планируемых инвестиционных проектов [2]. Таким образом, вопрос анализа и управления ценами на электроэнергию, отпускаемую с оптового рынка, имеет высокую научную и прикладную важность и требует детального исследования.

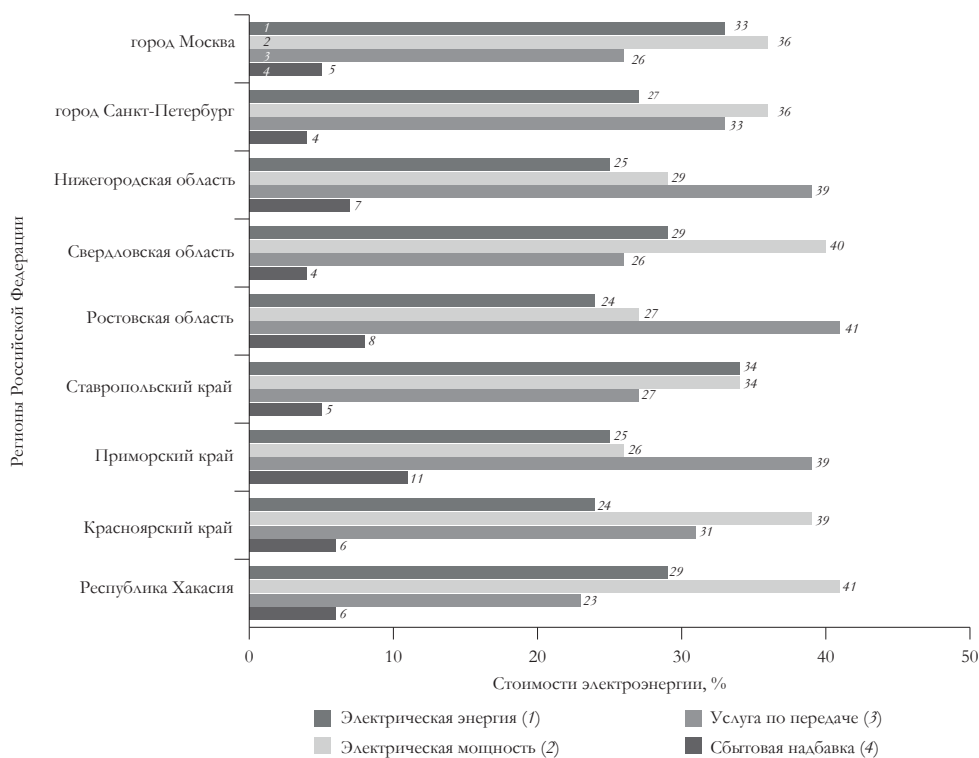
Проблема роста цен на электроэнергию находит отражение во многих исследованиях российских ученых [3–7]. Для российских исследователей вопрос анализа факторов, влияющих на цены на электроэнергию на энергорынке, имеет высокую значимость, что также отражается во многих научных работах [8–11]. Также ряд отечественных исследователей посвятили свои научные труды сравнительному анализу цен на электроэнергию в ОЭС Сибири с остальными энергосистемами России [12–15]. При этом продолжающийся рост цен на электроэнергию подчеркивает необходимость дальнейшей теоретической проработки этой проблемы, в том числе на территории ОЭС Сибири.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Цены на отпускаемую электроэнергию на розничном рынке состоят из четырех основных компонент: цен на электрическую энергию, цен на электрическую мощность, тарифов на услугу по передаче электроэнергии и сбытовых надбавок региональных гарантирующих поставщиков. Основную долю в ценах на электроэнергию составляют:

- электрическая энергия (33 %);
- электрическая мощность (28 %);
- услуги на передачу электроэнергии (38 %).
- сбытовая надбавка региональных гарантирующих поставщиков невелика и составляет в среднем 5 %.

На рисунке 2 представлены результаты анализа динамики изменения составляющих стоимости электроэнергии на розничном рынке в различных регионах России за март 2021 г. и март 2022 г. для исследуемых групп потребителей электроэнергии. Анализ динамики изменения составляющих цен на электроэнергию позволяет выявить, что в большинстве исследуемых регионов показатели составляющих цен в среднем изменились на 2,6 %. Некоторые показатели даже продемонстрировали отрицательную динамику.

Составлено авторами по материалам источника: [1]

Рис. 2. Динамика изменения составляющих стоимости электроэнергии на розничном рынке в различных регионах Российской Федерации за март 2021 г. и март 2022 г. (высокое напряжение)

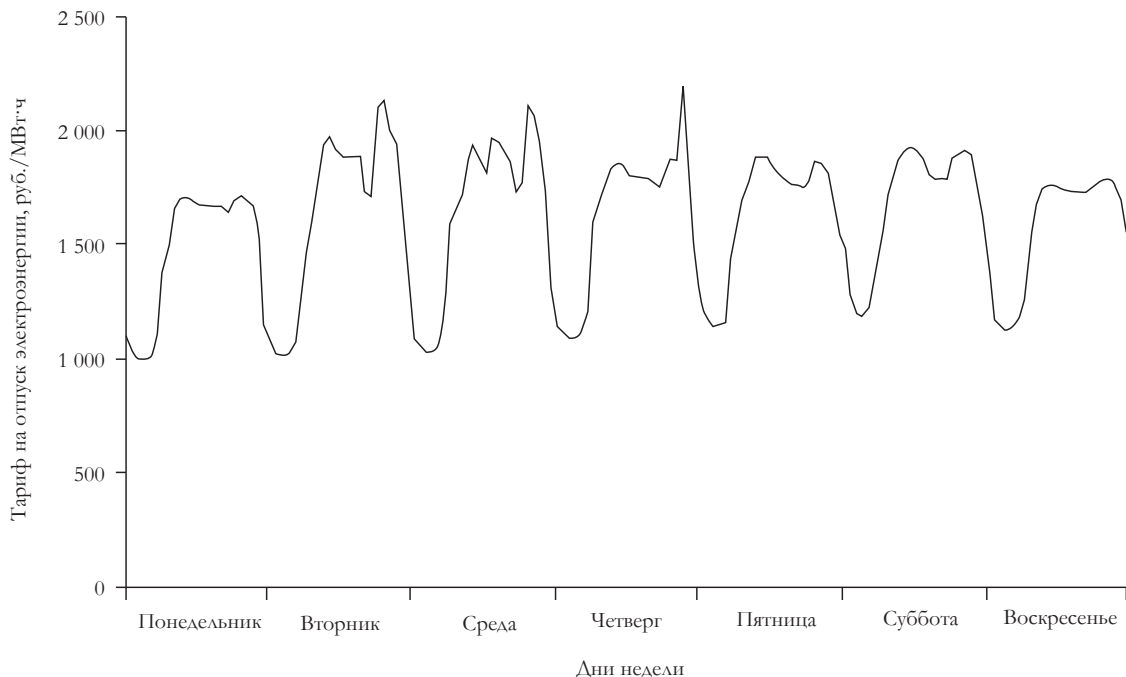
Расчет цены на электроэнергию для каждого субъекта оптового рынка рассчитывается как средневзвешенная величина узловой цены и узлового объема перетока электроэнергии относительно состава узлов ЕЭС, к которым имеет привязку каждый субъект оптового рынка электроэнергии (1).

Для регионального гарантирующего поставщика электроэнергии цена на отпускаемую электроэнергию формируется относительно совокупности узлов расчетной модели ЕЭС, действующих в регионе, а также объемов перетоков электроэнергии в данных узлах ЕЭС:

$$\Pi_t = \frac{\sum_n (W_t^y \cdot \Pi_t^y)}{W_t}, \quad (1)$$

где: Π_t – средневзвешенная цена закупок электроэнергии на «рынке на сутки вперед» для субъекта оптового рынка электроэнергии в час t (руб./МВт·ч); W_t^y – объем потребления электроэнергии для субъекта оптового рынка в узле расчетной модели ЕЭС «У» в час t (МВт); Π_t^y – цена на электроэнергию электроэнергии в узле расчетной модели ЕЭС «У» в час t (руб./МВт·ч); W_t – объем потребления электроэнергии субъекта оптового рынка в час t (МВт); n – количество узлов расчетной модели ЕЭС, к которой имеет привязку субъект оптового рынка электроэнергии (ед.).

На рисунке 4 представлен график почасовых показателей цен на отпуск электроэнергии в узлах расчетной модели на примере Ростовской области за период с 15 марта по 21 марта 2021 г. Как следует из графика, почасовые ценовые параметры повторяют форму графика посуточного спроса на потребление электроэнергии в рамках электроэнергетической системы региона, который характеризуется циклическим ростом спроса в дневной период и последующим снижением спроса на электроэнергию в период ночной. Таким образом, почасовые ценовые параметры в сегменте «рынка на сутки вперед» имеют зависимость как от объемов спроса на потребление электроэнергии, так и от ценовых параметров соотношения спроса и предложения на продажу и закупку электроэнергии.

Источник: [16]

Рис. 4. Почасовые показатели цен на отпуск электроэнергии в узлах расчетной модели на примере Ростовской области за период с 15 марта по 21 марта 2021 г.

На показатели средневзвешенных цен на закупку электроэнергии субъектов оптового рынка, в том числе региональных гарантирующих поставщиков, прежде всего, оказывают влияние наиболее крупные узлы расчетной модели ЕЭС, в которых производятся основные объемы поставки и/или перетоков электроэнергии.

В таблице 1 представлено сравнение цен в узлах расчетной модели ЕЭС, относящихся к производителям электроэнергии и действующих на территории Красноярского края за час операционных суток (12:00–13:00) 18 марта 2021 г. и 17 марта 2022 г. Существуют узлы расчетной модели ЕЭС, которые

не относятся к объектам производителей электроэнергии, такие как крупные подстанции 110 кВ, 220 кВ, 330 кВ и прочие. Цены в таких узлах зависят от узловых цен производителей электроэнергии, от которых формируется переток, с учетом стоимости нагрузочных потерь. Таким образом, основные цены на электроэнергию в секторе «рынка на сутки вперед» формируются на основе узлов, относящихся к узлам расчетной модели ЕЭС производителей электроэнергии.

Сравнение цен в узлах, действующих на территории Красноярского края, позволило выявить, что, несмотря на один и тот же день недели (четверг) и в одно время суток (12:00–13:00), в которые проводились измерения, почасовые цены продемонстрировали существенный рост. Показатели роста цен в некоторых узлах достигают 54,5 % (Красноярская ГЭС 4Г, Красноярская ТЭЦ-2), 52,4 % (Назаровская ГРЭС), которые являются крупнейшими на территории Красноярского края и основными в отдельных энергоузлах. На Березовской ГРЭС рост узловых цен достигает 44,1 %, на Красноярской ТЭЦ-1 – 52,3 %, на Красноярской ТЭЦ-3 – 51,2 %, на Красноярской ГРЭС-2 – 49,8 %.

Таблица 1

Сравнение цен в узлах расчетной модели единой энергетической системы, относящихся к производителям электроэнергии, действующих на территории Красноярского края за час операционных суток 12:00–13:00 18 марта 2021 г. и 17 марта 2022 г.

Номер узла	Наименование узла	Цена (18 марта 2021 г.), руб./МВт·ч	Цена (17 марта 2022 г.), руб./МВт·ч	Разница, руб./МВт·ч	Разница, %
1000010	Березовская ГРЭС ТГ-1	896,2	1 272,7	376,5	42,0
1000021	Березовская ГРЭС ТГ-2	899,3	1 275,1	375,8	41,8
1000019	Березовская ГРЭС ТГ-3	902,0	1 275,0	373,0	41,4
1000011	Березовская ГРЭС ЛР 500 кВ 1Т	881,0	1 269,5	388,5	44,1
1000012	Березовская ГРЭС ЛР 500 кВ 2Т	827,7	860,0	32,3	3,9
1002022	Березовская ГРЭС ЛР 500 кВ 3Т	835,4	883,5	48,1	5,8
1000018	Красноярская ТЭЦ-1	832,6	1 268,2	435,6	52,3
1000083	Красноярская ТЭЦ-2 СШ 110 кВ 1	832,7	1 268,2	435,5	52,3
1000082	Красноярская ТЭЦ-2 СШ 110 кВ 2	821,9	1 269,9	448,0	54,5
1002015	Красноярская ТЭЦ-2 ТГ-1,2	829,7	1 268,2	438,5	52,9
1002018	Красноярская ТЭЦ-3	843,1	1 274,9	431,8	51,2
1000004	Красноярская ГРЭС-2 (1,2,4-8Г)	847,7	1 269,9	422,2	49,8
1000005	Красноярская ГРЭС-2 (9,10Г)	881,0	1 269,5	388,5	44,1
1000040	Назаровская ГРЭС 1 СШ 500 кВ (ТГ7)	832,7	1 268,2	435,5	52,3
1000041	Назаровская ГРЭС 2 СШ 500 кВ	830,9	1 266,3	435,5	52,4
1002046	Назаровская ГРЭС ср. точка АТ-2	832,6	1 267,3	434,7	52,2
1000003	Назаровская ГРЭС СШ 110 кВ	830,8	1 266,2	435,4	52,4
1000033	Назаровская ГРЭС СШ 110 кВ (СН)	759,5	835,0	75,5	9,9
1000037	Назаровская ГРЭС СШ 220 кВ	759,5	830,9	71,4	9,4
1000034	Назаровская ГРЭС ТГ-1,3	881,1	1 269,0	387,9	44,0
1002047	Назаровская ГРЭС ТГ-2	879,8	1 269,0	389,2	44,2
1000062	ТЭЦ РУСАЛ Ачинск	873,7	1 268,3	394,5	45,2

Окончание табл. 1

Номер узла	Наименование узла	Цена (18 марта 2021 г.), руб./МВт·ч	Цена (17 марта 2022 г.), руб./МВт·ч	Разница, руб./МВт·ч	Разница, %
1002009	Богучанская ГЭС Г7	833,3	1 258,9	425,6	51,1
1002038	Богучанская ГЭС Г8	901,9	1 277,2	375,3	41,6
1002039	Богучанская ГЭС Г9	832,6	1 268,2	435,6	52,3
1002002	Богучанская ГЭС СШ 220 кВ	901,9	1 272,2	370,3	41,1
1002001	Богучанская ГЭС СШ 500 кВ (Г1-Г6)	847,7	1 269,9	422,2	49,8
1000020	Красноярская ГЭС 1 секция СШ 220 кВ	881,0	1 269,5	388,5	44,1
1002013	Красноярская ГЭС 1Г	880,6	1 271,8	391,2	44,4
1002012	Красноярская ГЭС 2 секция СШ 220 кВ	879,0	1 274,7	395,6	45,0
1002031	Красноярская ГЭС 2Г	879,0	1 274,7	395,6	45,0
1002016	Красноярская ГЭС 3Г	820,5	1 256,1	435,6	53,1
1002033	Красноярская ГЭС 4Г	821,9	1 269,9	448,0	54,5
1002032	Красноярская ГЭС 5Г	900,1	1 259,6	359,5	39,9
1002034	Красноярская ГЭС 6Г	900,1	1 259,6	359,5	39,9
1000025	Красноярская ГЭС СШ 500 кВ 1 (7-8Г)	766,4	827,7	61,3	8,0
1000024	Красноярская ГЭС СШ 500 кВ 2 (9-12Г)	762,5	835,1	72,6	9,5
1001075	отп. на Майнскую ГЭС (Д-79)	901,9	1 277,2	375,3	41,6
1001076	отп. на Майнскую ГЭС (Д-80)	759,4	830,9	71,5	9,4

Источник: [16]

Выявленный рост цен в узлах расчетной модели ЕЭС, относящихся к производителям электроэнергии, в большей степени связан с поведением производителей электроэнергии в рамках сегмента «рынок на сутки вперед» оптового рынка. Кроме того, согласно регламентам оптового рынка электроэнергии, являющимся приложением к договору о присоединении торговой системы, участие гидроэлектростанций в формировании цен на отпускаемую электроэнергию в сегменте «рынок на сутки вперед» является ограниченным. Это связано со сравнительно низкими переменными издержками на выработку электрической энергии и может внести коллизию в расчетную модель электроэнергетической системы, когда цены в узлах тепловых и конденсационных электростанций (ТЭС и ГРЭС) могут оказаться ниже себестоимости выработки электроэнергии [17].

Таким образом, «ценовые» заявки с указанием реальных цен предложения на поставку электроэнергии на «рынке на сутки вперед» подаются лишь тепловыми и конденсационными электростанциями; гидроэлектростанции участвуют на «рынке на сутки вперед» на основе подачи «ценопринимających» заявок, то есть ценовых заявок без определенной цены, означающих выработку электроэнергии по тем ценам, которые сложатся на «рынке на сутки вперед» в результате взаимодействия других потребителей и поставщиков. Таки образом, можно сделать вывод, что на территории Красноярского края рост цен за выявленный период значительно превышает темпы роста потребительских цен в Красноярском крае (4 % по итогам 2021 г.), а также общие показатели инфляции в Российской Федерации за 2021 г.

Рост цен на энергоресурсы неизбежно вызывает рост цен промышленных производителей и снижение их конкурентоспособности не только в пределах региональной энергосистемы Красноярского края, но и ОЭС Сибири в целом. Следует указать, что отмеченный выше рост цен на электроэнергию напрямую связан с деятельностью тепловых и конденсационных электростанций.

Анализ ценовых параметров на поставку электрической мощности на оптовом рынке позволил выявить, что основную долю стоимости электрической мощности составляет мощность, обращающаяся в рамках сегмента «конкурентный отбор мощности» (далее – КОМ). Доля КОМ в структуре конечной стоимости электрической мощности составляет порядка 50 %. Основную роль в увеличении цены мощности на оптовом рынке электрической энергии и мощности сыграла цена конкурентного отбора мощности. Проводит процедуру КОМ и определяет цену АО «Системный оператор Единой энергетической системы» (табл. 2).

Таблица 2

Годовые показатели изменения цен конкурентного отбора мощности в Объединенной энергетической системе Сибири

Год	Цена конкурентного отбора мощности, руб./МВт	Процент роста цены конкурентного отбора мощности к предыдущему году, %
2021	225 339,74	-
2022	264 222,92	17,3
2023	266 698,79	0,9
2024	278 586,78	4,5

Источник: [18]

На основе исследования динамики изменения цен КОМ также выявлено, что в 2022 г. рост средней цены КОМ в ОЭС Сибири по сравнению с 2021 г. составил 17,3 %. При этом в предшествующие и в будущие периоды столь высокого роста цен КОМ в ОЭС Сибири не наблюдается. В формировании цен КОМ также непосредственно участвуют производители электроэнергии, действующие в рамках определенных энергорайонов. Таким образом, по мнению авторов, в 2022 г. рост цен на отпуск электрической энергии и электрической мощности в ОЭС Сибири произошел по причине прямых действий поставщиков электрической энергии. Сравнение ценовых индикаторов за аналогичные периоды с другими федеральными округами России, в которых отсутствовал столь интенсивный рост цен на составляющие электрической энергии и электрической мощности, подчеркивает необходимость совершенствования существующих механизмов контроля за деятельностью участников оптового рынка электроэнергии в отношении воздействия на показатели цен. Одновременный рост цен на две основные составляющие стоимости электроэнергии в ОЭС Сибири может привести к существенным социально-экономическим последствиям для экономики Сибирского федерального округа, что требует незамедлительных оценок и совершенствования механизмов управления и контроля в области ценообразования в электроэнергетике.

Существенным вкладом в контроль необоснованного роста цен на электроэнергию могут служить следующие меры.

1. Совершенствование системы контроля и механизмов обоснования ценовых предложений на поставку электроэнергии участников рынка, имеющих доминирующее положение в отдельных энергорайонах региональных и объединенных электроэнергетических систем.
2. Совершенствование системы контроля за манипулированием ценами участников рынка, имеющих доминирующее положение в отдельных энергорайонах региональных и объединенных электроэнергетических систем.
3. Ужесточение санкций за злоупотребление доминирующим положением участниками рынка в отдельных энергорайонах региональных и объединенных электроэнергетических систем.
4. Совершенствование механизмов ценообразования в сегменте «рынка на сутки вперед» и механизмов ценообразования на поставляемую электрическую мощность, позволяющую не допускать установление ценовых параметров в рамках конкретных энергорайонов отдельными участниками энергорынка.
5. Уточнение критериев лица, доминирующего на рынке путем исключения при расчете рыночной доли производителя в узлах объема ценопринимающих заявок и определение доли только по ценовым заявкам. Введение механизма государственного регулирования (согласования) в отношении таких производителей с ограничением роста индекса потребительских цен.

6. Анализ ценовых заявок и отклонение тех из них, которые поданы одним и тем же производителем электроэнергии в пределах одного узла, но при этом:
- цена отличается от ранее поданных;
 - вид генерирующего оборудования и используемого им топлива аналогичны ранее поданным заявкам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По результатам проведенного исследования можно сделать ряд ключевых выводов.

1. Сравнительное исследование ценовых параметров на поставку электроэнергии потребителям розничного рынка на территории различных федеральных округов России за периоды с марта 2021 г. по март 2022 г. позволило выявить, что несмотря на умеренные показатели роста цен в большинстве регионов, средняя величина которых составляет 2,6 %, на территории Красноярского края рост конечной цены составил 18,2 %, на территории Республики Хакасия – 13,1 %. Повышение цен на электроэнергию на территории СФО до уровня цен действующих в других территориях России может привести к существенным социально-экономическим последствиям, начиная от снижения показателей притока инвестиций в регионы, заканчивая замедлением темпов экономического роста, оттока капитала и ухудшением экологической обстановки на территории регионов.

2. Исследование динамики прироста составляющих стоимости электроэнергии, отпускаемой на розничных рынках конечным потребителям, а именно цен на электрическую энергию и цен на электрическую мощность, тарифов на услугу по передаче электроэнергии и сбытовых надбавок региональных гарантирующих поставщиков, позволило выявить, что на территории Красноярского края и Республики Хакасия основной рост пришелся на составляющие электрической энергии и электрической мощности, которые вносят основной вклад в структуру конечных цен на электроэнергию. Показатели прироста средних цен на составляющую электрической энергии за исследуемый период в Красноярском крае достигли 37 %, в Хакасии – 31 %. Рост составляющих цен электрической мощности – 14 %, что в среднем превышает 50 коп./кВт·ч.

3. Цены на составляющую электрической энергии формируются в рамках сегмента «рынок на сутки вперед» и зависят от поведения ценовых и объемных параметров спроса и предложения участников рынка относительно узлов электроэнергетической системы. Сравнительный анализ параметров цен в узлах расчетной модели ЕЭС, относящихся к производителям электроэнергии, действующим на территории Красноярского края, за периоды с марта 2021 г. по март 2022 г. позволил выявить прирост цен в величинах, достигающих 54,5 %. Средний прирост цен в узлах производителей электроэнергии за исследуемый период в Красноярском крае составил 40,2 %. Анализ показал, что выявленный рост ценовых индикаторов в сегменте «рынок на сутки вперед» на территории Красноярского края напрямую связан с деятельностью тепловых и конденсационных электростанций.

4. Рост цен на поставку электрической мощности на территории Красноярского края связан с ростом цены на 2022 г. в сегменте конкурентного отбора мощности, который в структуре конечной стоимости электрической мощности составляет более 50 %. За период 2021–2022 гг. прирост цены КОМ составил 17,3 %, что оказало существенное влияние на рост цены электрической мощности и, следовательно, на рост стоимости электрической энергии, реализуемой потребителям. В формировании цен КОМ также принимают непосредственное участие производители электроэнергии, действующие в рамках определенных энергорайонов.

5. По мнению авторов, в 2022 г. рост цен на отпуск одновременно двух сегментов стоимости электроэнергии: электрической энергии и электрической мощности на территории энергорайона ОЭС Сибири произошел по причине прямых действий поставщиков электрической энергии, функционирующих в данном энергорайоне.

Высокий риск наступления неблагоприятных социально-экономических последствий для территорий СФО, риск дальнейшего роста цен не только в ОЭС Сибири, но и на территории других федеральных округов России, требует незамедлительных оценок и совершенствования механизмов управления и контроля в области ценообразования в электроэнергетике, касающихся среды контроля за рыночными ценами и действиями поставщиков электроэнергии на оптовом рынке, а также ужесточения санкций за злоупотребление доминирующим положением участниками рынка в отдельных энергорайонах региональных и объединенных электроэнергетических систем.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Дзюба А.П., Конопелько Д.В. Исследование динамики изменения ценовых сигналов на отпуск электрической энергии (мощности) на оптовом рынке для промышленных потребителей, действующих в рамках Объединенной энергетической системы Сибири. *E-Management*. 2022;5(3):4–14. <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2022-5-3-4-14>
2. Дзюба А.П. *Теория и методология управления спросом на энергоресурсы в промышленности: монография*. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ; 2020. 323 с.
3. Карева А.С. Цепной индексный метод в анализе функционирования российской электроэнергетики. *Вопросы статистики*. 2017;10:76–83.
4. Маслова П.А., Данеев О.В. Эконометрическое исследование рынка электроэнергетики России. *Хроноэкономика*. 2019;3(16):108–112.
5. Некрасов С.А. Об эффективности использования энергетических мощностей. *Экономическая наука современной России*. 2018;2(81):132–142.
6. Широков А., Гусев М., Колпаков А. Постковидное восстановление экономики и энергетики. *Энергетическая политика*. 2021;12(166):14–23.
7. Юрков Е.П. Снижение цен на энергоносители – одно из необходимых условий инвестиционного развития агропромышленного производства. *Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве*. 2018;11(44):104–109.
8. Ищук Т.А., Потехина Н.В., Шулинина Ю.И. Анализ последствий дерегулирования электроэнергетического рынка России на цену электроэнергии. *Вестник Алтайской академии экономики и права*. 2019;1-2:38–46.
9. Нигматулин Б.И. Электроёмкость ВВП. Цены на электроэнергию для конечных потребителей и на шинах АЭС в России и США. Сравнение в среднем с миром, ОЭСР, США, Китаем и другими странами. *Известия Российской академии наук. Энергетика*. 2019;6:19–42. <https://doi.org/10.1134/S0002331019060074>
10. Петухова Н.Ю. Анализ информативности данных при построении прогнозной модели цены на электроэнергию. *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Технические науки*. 2019;3(51):17–30. <https://doi.org/10.21685/2072-3059-2019-3-2>
11. Яценко А.В. К вопросу о факторах снижения нерегулируемой цены на электроэнергию. *Экономика и предпринимательство*. 2022;1(138):967–969. <https://doi.org/10.34925/EIP.2022.138.1.192>
12. Горбачева Н.В. Действительная стоимость электроэнергии в Сибири: анализ выгод и издержек. *Экономический журнал Высшей школы экономики*. 2020;24(3):340–371. <https://doi.org/10.17323/1813-8691-2020-24-3-340-371>
13. Зацепин А.А. Предложение по внесению изменений в стратегию развития электроэнергетики юга Сибири. *Национальные приоритеты России*. 2019;4(35):75–78.
14. Труфакин С.С., Пантелеев В.И., Совбан Е.А., Русина А.Г. Оптимизация долгосрочных режимов ГЭС ангаро-енисейского каскада. *Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Технические науки*. 2018;2(58):144–151.
15. Черниченко А.В., Шурупов В.В. Сравнение моделей оптового рынка электроэнергии и пути снижения цен на электроэнергию для покупателей. *Точная наука*. 2019;67:30–33.
16. АО «Администратор торговой системы оптового рынка электроэнергии». *Ежегодные отчеты о результатах торгов на оптовом рынке электроэнергии (мощности)*. <https://www.atsenergo.ru/> (дата обращения: 19.10.2022).
17. Дзюба А.П., Соловьева И.А. *Управление спросом на энергоресурсы в глобальном экономическом пространстве: монография*. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ; 2021. 260 с.
18. НП Ассоциация «Совет рынка по организации эффективной системы оптовой и розничной торговли электрической энергией и мощностью». *Ежемесячные отчеты о функционировании оптового рынка электроэнергии (мощности)*. <https://www.np-sr.ru/> (дата обращения: 19.10.2022).

References

1. Dzyuba A.P., Konopelko D.V. Electric power (capacity) supply on the wholesale market for industrial consumers operating within the Siberian United Power System: dynamics of price signals changes study. *E-Management*. 2022;5(3):4–14. <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2022-5-3-4-14>
2. Dzyuba A.P. *Theory and methodology of demand management for energy resources in industry: monograph*. Chelyabinsk: SUSU Publishing Center; 2020. (In Russian).
3. Kareva A.S. Chain index method in the analysis of the functioning of the Russian electric power industry, *Voprosy statistiki*, 2017;10:76–83.
4. Maslova P.A., Daneev O.V. Econometric study of the electricity market in Russia, *Chronoeconomics*. 2019;3(16):108–112.
5. Nekrasov S.A. About the efficiency of using energy capacities. *Economics of Contemporary Russia*. 2018;2(81):132–142.

6. Shirov A., Gusev M., Kolpakov A. Post-covid economic and energy recovery, *Energy policy*, 2021;12(166):14–23.
7. Yurkov E.P. Reducing energy prices is one of the necessary conditions for the investment development of agro-industrial production. *Economics, labor, management in agriculture*. 2018;11(44):104–109.
8. Ishchuk T.L., Potekhina N.V., Shulinina Yu.I. Analysis of the consequences of deregulation of the Russian electricity market on the price of electricity. *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. 2019;1-2:38–46.
9. Nigmatulin B.I. Electricity intensity of GDP. electricity tariffs for end consumers. electricity prices at nuclear power plants in Russia and USA. Comparison with the world, OECD, USA, China and other countries. *News of the Russian Academy of Sciences. Energy*. 2019;6:19–42. <https://doi.org/10.1134/S0002331019060074>
10. Petukhova N.Yu. An analysis of informational content of data when creating a predictive model of electricity price. *News of higher educational institutions. Volga region. Technical sciences*. 2019;3(51):17–30. <https://doi.org/10.21685/2072-3059-2019-3-2>
11. Yashchenko A.V. On the issue of factors for reducing the unregulated price of electricity. *Economics and entrepreneurship*. 2022;1(138):967–969. <https://doi.org/10.34925/EIP.2022.138.1.192>
12. Gorbacheva N.V. The actual cost of electricity in Siberia: analysis of benefits and costs. *Higher School of Economics Economic Journal*. 2020;24:3340–371. <https://doi.org/10.17323/1813-8691-2020-24-3-340-371>
13. Zatsepin A.L. Proposal for amendments to the development strategy of the electric power industry of the South of Siberia. *National Priorities of Russia*. 2019;4(35):75–78.
14. Trufakin S.S., Pantelev V.I., Sovban E.A., Rusina A.G. Long-term HPP mode optimization of the Angara-Yenisei cascade. *Bulletin of Samara State Technical University. Series: Technical Sciences*. 2018;2(58):144–151.
15. Chernichenko A.V., Shurupov V.V. Comparison of models of the wholesale electricity market and looking for ways to reduce electricity prices for customers. *Tochnaya nauka*. 2019;67:30–33.
16. JSC Administrator of the Wholesale electricity market trading system. *Daily reports on the results of trading in the wholesale electricity (capacity) market*. <https://www.atsenergo.ru/> (accessed 19.10.2022).
17. Dzyuba A.P., Solovyova I.A. *Energy demand management in the global economic space: monograph*. Chelyabinsk: SUSU Publishing Center; 2021 (In Russian).
18. Market Council for organizing an efficient system of wholesale and retail trade in electrical energy and capacity association. *Monthly reports on the operation of the wholesale electricity (capacity) market*. <https://www.np-sr.ru/> (accessed 19.10.2022).

Влияние промышленного производства регионов Российской Федерации на показатели внешнеторговой деятельности

Красных Сергей Сергеевич

Канд. экон. наук, мл. науч. сотрудник лаборатории моделирования пространственного развития территорий
ORCID: 0000-0002-2692-5656, e-mail: krasnykh.ss@uiec.ru

Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук, г. Екатеринбург, Россия

Аннотация

Исследование посвящено оценке влияния промышленного производства российских регионов на показатели внешнеторговой деятельности страны. Актуальность выбранной темы обусловлена тем, что сегодняшняя санкционная политика ряда зарубежных стран ограничивает экспорт и импорт многих видов продукции и в дальнейшем может создать угрозу экономической безопасности Российской Федерации. С помощью регрессионного анализа панельных данных и теста Грейнджера на причинность автором статьи определено влияние объемов добычи полезных ископаемых, обрабатывающих производств и обеспечения электрической энергией, газом и паром на показатели внешнеторговой деятельности. Обнаружено, что увеличение объемов добычи полезных ископаемых способствует росту экспорта регионов, но отрицательно влияет на импорт товаров и услуг. По результатам теста Грейнджера на причинность, влияния объемов обрабатывающих производств, а также обеспечения электрической энергией, газом и паром на показатели внешнеторговой деятельности не выявлено.

Ключевые слова

Добыча полезных ископаемых, обрабатывающие производства, обеспечение электрической энергией, экспорт, импорт, тест Грейнджера, регрессионный анализ панельных данных

Благодарности. Статья подготовлена в соответствии с планом научно-исследовательской работы для лаборатории моделирования пространственного развития территорий ФГБУН «Институт экономики» Уральского отделения Российской академии наук на 2023 г.

Для цитирования: Красных С.С. Влияние промышленного производства регионов Российской Федерации на показатели внешнеторговой деятельности // Вестник университета. 2023. № 1. С. 144–151.

Influence of industrial production of Russian regions on foreign trade indicators

Sergey S. Krasnykh

Cand. Sci. (Econ.), Junior Researcher at the Laboratory of Modeling of 'Territories' Spatial Development
ORCID: 0000-0002-2692-5656, e-mail: krasnykh.ss@uiec.ru

Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia

Abstract

The study is devoted to the assessment of the impact that industrial production of Russian regions has on the country's foreign trade performance. The chosen topic is relevant due to the fact that today's sanctions policy of various Western countries is restricting exports and imports of many types of products, which can serve as a threat to the economic security of the Russian Federation. The author of the article determines the impact of mining, manufacturing, and the provision of electricity, gas and steam on foreign trade performance by using regression analysis of panel data and the Granger causality test. It is found that an increase in mining production contributes to regional export growth but has a negative effect on imports of goods and services. The Granger causality test has not revealed the impact of manufacturing and the provision of electricity, gas and steam on foreign trade indicators.

Keywords

Mining, manufacturing, electricity supply, export, import, Granger test, regression analysis of panel data

Acknowledgements. The article was prepared in accordance with the plan for research for 2023 of the Laboratory of Modeling of 'Territories' Spatial Development of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Krasnykh S.S. (2023) Influence of industrial production of Russian regions on foreign trade indicators. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 144–151.

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее время характеризуется новыми мирохозяйственными условиями: Российская Федерация (далее – РФ) находится под беспрецедентными санкциями, которые накладывают масштабные ограничения на финансовую систему страны, ее внешнеторговую деятельность и отдельные отрасли экономики. Все перечисленные факторы могут создать угрозу как экономической, так и промышленной безопасности РФ. В этой связи целью статьи была выбрана оценка влияния промышленного производства на экспорт и импорт российских регионов, а также поставлены следующие задачи: провести тест на причинность для определения характера влияния промышленного производства на показатели внешнеторговой деятельности и выявить регрессионную зависимость между показателями внешней торговли и объемами промышленного производства. Важность подобного исследования обусловлена тем, что в настоящее время внешнеторговая деятельность находится под наиболее сильным санкционным давлением, а следовательно, необходимо сформировать четкое представление о зависимости между показателями внешнеторговой деятельности и отраслями промышленности российских регионов.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Связь между внешней торговлей и экономическим ростом исследовалась с момента появления первых теорий внешней торговли. Отмечается, что экспорт повышает производительность предприятий, создает возможности для внедрения технологических инноваций, способствующих положительному изменению экономических показателей, улучшает качество логистики, а также позволяет наиболее эффективно распределять ресурсы за счет специализации [1]. Также подчеркивается, что импорт может оказывать неблагоприятное воздействие на торговый баланс, однако в определенных условиях является драйвером роста экономики и способен содействовать этому росту, как и экспорт [2].

В российской литературе тема промышленного производства и внешнеторговой деятельности в новых геополитических, социально-экономических и санитарно-эпидемиологических условиях освещена незначительно. Авторы исследования «Состояние промышленного производства в условиях социально-экономических потрясений» заключают, что пандемия COVID-19 оказала негативное влияние на основные сектора промышленности, при этом «обрабатывающая промышленность... имеет тенденцию к более быстрому восстановлению» [3, с. 188]. Н.А. Баранова и Т.Н. Субботина в своей работе [4] анализируют проблемы промышленных предприятий в условиях геополитического кризиса и приходят к выводу, что необходимо максимально развивать промышленность для внутреннего производства, а кроме того, при реализации «китайской» модели выхода из сложившегося кризиса необходим переход от экспорта ресурсов к высокотехнологичному экспорту.

Эмпирические исследования, посвященные влиянию внешней торговли на экономические показатели и экономический рост, проводились во многих странах, чаще всего основывались на использовании статистических или эконометрических методов и выявили положительное влияние внешней торговли на валовой внутренний продукт (далее – ВВП). Некоторые научные работы предусматривали измерение влияния внешней торговли на рост ВВП с помощью разработанных показателей. Значительное количество текущих эмпирических исследований, посвященных ситуациям в различных странах [5], свидетельствует о том, что тема является крайне актуальной. Однако почти все исследования рассматривают влияние международной торговли на макроэкономические показатели и рост [6–11], в то время как отраслевому уровню уделяется недостаточно внимания, особенно в российской практике.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для решения поставленных задач, а именно для определения причинности влияния промышленного производства на показатели внешнеторговой деятельности и выявления регрессионной зависимости между показателями внешней торговли и объемами промышленного производства, предлагается использовать тест Грейнджера на причинность и регрессионный анализ панельных данных.

Тест Грейнджера на причинность позволяет определить, какие из предложенных переменных способны оказывать влияние друг на друга. При этом связь бывает однонаправленной, двунаправленной или вовсе отсутствует. Регрессионный анализ может указать на связь между предложенными экономическими показателями промышленного производства и показателями внешнеторговой деятельности.

Так как данные собраны за промежуток с 2013 г. по 2021 г. по всем регионам РФ, объемы предложенных показателей меняются и необходим более глубокий анализ – анализ панельных данных.

При построении панельной регрессионной модели предполагается проведение предварительного анализа данных на линейность/нелинейность, стационарность, нормальность распределения и оценки достоверности построенной модели, то есть статистической значимости параметров регрессии, анализа правильности спецификации модели, проверки наличия автокорреляции между остатками, гетероскедастичности и т.д. Построенная модель позволит оценить влияние показателей, характеризующих промышленное производство, на экспорт и импорт регионов РФ.

В качестве исходных данных предложены следующие показатели:

- объем экспорта РФ по каждому из регионов за период с 2013 г. по 2021 г. (млн руб.) [12];
- объем импорта РФ по каждому из регионов за период с 2013 г. по 2021 г. (млн руб.) [12];
- объем отгруженных товаров собственного производства, работ и услуг, выполненных собственными силами, по субъектам РФ за 2013–2021 гг. по разделу «Добыча полезных ископаемых» (млн руб.) [13];
- объем отгруженных товаров собственного производства, работ и услуг, выполненных собственными силами, по субъектам РФ за 2013–2021 гг. по разделу «Обрабатывающие производства» (млн руб.) [13];
- объем отгруженных товаров собственного производства, работ и услуг, выполненных собственными силами, по субъектам РФ за 2013–2021 гг. по разделу «Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха» (млн руб.) [13].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

При проведении исследования был построен тест Грейнджера на причинность, позволяющий проанализировать влияние предложенных переменных (табл. 1).

Таблица 1

Результаты теста Грейнджера

Нулевая гипотеза	Наблюдения	F-статистика	Вероятность
ОБРАБ. ПР-ВО не является причиной по тесту Грейнджера ЭКСПОРТ	595	91.9632	2.E-35
ЭКСПОРТ не является причиной по тесту Грейнджера ОБРАБ. ПР-ВО	595	9.78104	7.E-05
ЭЛ. ЭНЕРГИЯ не является причиной по тесту Грейнджера ЭКСПОРТ	595	34.9339	5.E-15
ЭКСПОРТ не является причиной по тесту Грейнджера ЭЛ. ЭНЕРГИЯ	595	31.0804	1.E-13
ДОБЫЧА ПОЛ. ИСК. не является причиной по тесту Грейнджера ЭКСПОРТ	595	1.93536	0.1453
ЭКСПОРТ не является причиной по тесту Грейнджера ДОБЫЧА ПОЛ. ИСК.	595	0.92006	0.3991
ОБРАБ. ПР-ВО не является причиной по тесту Грейнджера ИМПОРТ	595	53.6360	4.E-22
ИМПОРТ не является причиной по тесту Грейнджера ОБРАБ. ПР-ВО	595	15.7288	2.E-07
ЭЛ. ЭНЕРГИЯ не является причиной по тесту Грейнджера ИМПОРТ	595	54.5929	2.E-22
ИМПОРТ не является причиной по тесту Грейнджера ЭЛ. ЭНЕРГИЯ	595	27.1773	5.E-12
ДОБЫЧА ПОЛ. ИСК. не является причиной по тесту Грейнджера ИМПОРТ	595	24.1684	8.E-11
ИМПОРТ не является причиной по тесту Грейнджера ДОБЫЧА ПОЛ. ИСК.	595	0.21042	0.8103

Составлено автором по результатам исследования

Результаты теста позволяют сделать следующие выводы: между объемом экспорта и объемами добычи полезных ископаемых есть двунаправленная связь, то есть экспорт влияет на добычу полезных ископаемых, как и добыча полезных ископаемых влияет на экспорт; импорт, в свою очередь, также влияет на объемы добычи полезных ископаемых. Между остальными переменными устойчивая связь и причинность не были определены.

Следующей задачей исследования является оценка влияния объемов добычи полезных ископаемых на экспорт и импорт регионов РФ с помощью регрессионного анализа панельных данных. При построении модели использовался обобщенный метод наименьших квадратов (ОМНК) с панельной диагностикой для выбора наиболее оптимальной модели (с фиксированными эффектами или со случайными). Результаты моделирования представлены в таблице 2.

Таблица 2

Результаты моделирования ОМНК

	Коэффициент	Стандартная ошибка	t-статистика	p-значение
const	127718	14777,6	8,643	<0,0001***
Экспорт	0,601691	0,0420690	14,30	<0,0001***
Импорт	−0,755701	0,0667344	−11,32	<0,0001***
Среднее зависимой переменной	170052,9	Выборочное стандартное отклонение		459842,6
Сумма квадратичных остатков	1,20e+14	Стандартная ошибка модели		396896,2
Коэффициент детерминации	0,256986	Исправленный коэффициент детерминации		0,255036
F(2, 762)	131,7762	Р-значение (F)		7,08e-50
Логарифм правдоподобия	−10945,93	Критерий Акаике		21897,86
Критерий Шварца	21911,78	Критерий Хеннана – Куинна		21903,22
Тесты на адекватность модели				
Тест		p-значение		
Тест Уайта на гетероскедастичность		1,84724e-34		
Тест Рамсея		3,52913e-29		
Тест на нормальное распределение ошибок		0		
Тест Вульдриджа		4,59263e-43		
Спецификация панели				
Тест		p-значение		
Совместная значимость различий в групповых средних		7,67136e-279		
Статистика Хаусмана		0,00364821		
Статистика Бройшпа – Пэгана		0		

Составлено автором по результатам исследования

Согласно полученным результатам, переменные «экспорт» и «импорт» являются статистически значимыми, значение критерия Фишера также подтверждает значимость, гетероскедастичность в модели отсутствует, ошибки распределены по нормальному закону. Результат теста Рамсея указывает на адекватность спецификации модели; автокорреляция на основе теста Вульдриджа отсутствует. Спецификация панели свидетельствует о том, что наиболее оптимальной моделью станет модель с фиксированными эффектами (табл. 3).

Таблица 3

Результаты построения модели с фиксированными эффектами

	Коэффициент	Стандартная ошибка	t-статистика	p-значение
const	113214	7074,93	16,00	<0,0001***
ExportRUB	0,338223	0,0335073	10,09	<0,0001***

	Коэффициент	Стандартная ошибка	t-статистика	p-значение
ImportRUB	−0,225297	0,0501946	−4,488	<0,0001***
Среднее зависимой переменной	170052,9	Выборочное стандартное отклонение		459842,6
Сумма квадратичных остатков	1,26e+13	Стандартная ошибка модели		136529,8
LSDV R-квадрат	0,921770	В пределах R-квадрат		0,887598
LSDV-оценка: F(86, 678)	92,89263	Р-значение (F)		0,000000
Логарифм правдоподобия	−10084,90	Критерий Акаике		20343,79
Критерий Шварца	20747,46	Критерий Хеннана – Куинна		20499,19
Параметр rho	0,555196	Статистика Дарбина – Уотсона		0,787983
Тесты на адекватность модели				
Тест			p-значение	
Тест Уайта на гетероскедастичность			2,7545e+12	
Тест Вуадриджа			5,77346e-05	
Тест на нормальное распределение ошибок			0	

Составлено автором по результатам исследования

Регрессионная модель панельных данных с использованием фиксированных эффектов получилась достаточно эффективной, переменные «экспорт» и «импорт» статистически значимы, значение коэффициента детерминации превышает 0,92, статистика Фишера статистически значима. Остальные тесты также подтверждают адекватность полученной модели.

На основе модели можно сделать вывод, что объем добычи ископаемых положительно влияет на рост экспорта регионов РФ, но отрицательно влияет на импорт. При увеличении объемов добычи полезных ископаемых на 1 млн руб. экспорт увеличивается на 338 тыс. руб., а импорт уменьшается на 225 тыс. руб.

Результаты теста Грейнджера на причинность, свидетельствующие о двунаправленной связи, позволяют установить следующее: рост экспорта может содействовать увеличению добычи полезных ископаемых, а рост импорта, наоборот, снижает объемы добычи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в ходе исследования была выявлена зависимость и двунаправленная связь между объемами добычи полезных ископаемых и показателями внешнеторговой деятельности. Учитывая долю одного только нефтегазового сектора в федеральном бюджете (в 1-м квартале 2022 г. она составила 21,7 % [14]), можно сделать вывод, что сокращение экспорта, связанное с введением санкций, способно причинить значительный ущерб добывающей отрасли. Для преодоления данного ущерба государству необходимо искать новые рынки сбыта продукции. В частности, в настоящее время рекордные объемы полезных ископаемых продаются Индии, Китаю, странам Южной Америки.

В последние 5 лет зависимость федерального бюджета от нефтегазовых доходов значительно снизилась, на повестке дня стояло развитие высокотехнологичного, инновационного производства. Однако в сегодняшних реалиях, в условиях ограничений на импорт технологических компонентов, данный сектор будет развиваться крайне медленно.

Также при построении модели был получен следующий вывод: рост импорта способствует снижению объемов добычи полезных ископаемых. С учетом доминирования компьютеров, электроники, машин, оборудования, продукции химической промышленности в товарной структуре импорта можно отметить, что необходимые составляющие для технологичной промышленности есть. В последние 5 лет сектор высокотехнологичного экспорта стабильно расширялся, уменьшая долю сырьевого экспорта. Санкции, введенные в 2022 г., значительно ограничивают импорт высокотехнологичной продукции в РФ, что снижает эффективность технологического сектора. Из этого следует, что зависимость между сокращением импорта и увеличением объемов добычи полезных ископаемых будет только расти.

Библиографический список

1. Antunes A.J.S.J. *The effects of international trade on economic growth: An empirical comparison between Portugal and the Netherlands*. Diss. ... Master in Economics. Lisbon: ISCTE Business School; 2012.
2. Awokuse T. Causality between exports, imports, and economic growth: Evidence from transition economies. *Economics letters*. 2007;94(3):389–395.
3. Наджафова М.Н., Соловьева Т.Н. Состояние промышленного производства в условиях социально-экономических потрясений. *Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии*. 2022;3:188–193.
4. Баранова Н.А., Субботина Т.Н. Проблемы промышленных предприятий в условиях геополитического кризиса и санкционных ограничений. *Экономика и бизнес: теория и практика*. 2022;5-1(87):80–84. <https://doi.org/10.24412/2411-0450-2022-5-1-80-84>
5. Sujová A., Šimanová L., Kupčák V., Schmidtová J., Lukáčiková A. Effects of foreign trade on the economic performance of industries—Evidence from wood processing industry of Czechia and Slovakia. *Economies*. 2021;9(4):180–200. <https://doi.org/10.3390/economies9040180>
6. Степанов Е.А. Влияние внешней торговли на экономический рост национальной экономики. *Вестник Челябинского государственного университета*. 2013;32(323):34–42.
7. Воронцовский А.В., Ефимова Е.Г. Крупные открытые экономики: типологизация и проблемы анализа. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 5. Экономика*. 2016;2:27–51. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu05.2016.202>
8. Белицкий М.Е. Международная торговля и экономический рост: мета-анализ научных работ 1970–2000-х гг. *Журнал международного права и международных отношений*. 2008;3:88–93.
9. Agbo E.I., Ebere A.R., Oluchukwu E.L. Impact of international trade on the economic growth of Nigeria. *European journal of business and management*. 2018;10(18):22–30.
10. Abendin S., Duan P. International trade and economic growth in Africa: The role of the digital economy. *Cogent economics & finance*. 2021;9(1):1911767. <https://doi.org/10.1080/23322039.2021.1911767>
11. Adeleye J.O., Adeteye O.S., Adewuyi M.O. Impact of international trade on economic growth in Nigeria (1988–2012). *International journal of financial research*. 2015;6(3):163–172. <https://doi.org/10.5430/ijfr.v6n3p163>
12. Федеральная таможенная служба. *Внешняя торговля субъектов Российской Федерации*. <https://customs.gov.ru/folder/527> (дата обращения: 14.11.2022).
13. Федеральная служба государственной статистики. *Промышленное производство*. https://rosstat.gov.ru/enterprise_industrial (дата обращения: 14.11.2022).
14. Виноградова Е. Доля нефтегазового сектора в ВВП установила рекорд. *РБК*. Среда 20 июля 2022. <https://www.rbc.ru/economics/20/07/2022/62d7d37a9a79475b6658bbe6> (дата обращения: 14.11.2022).

References

1. Antunes A.J.S.J. *The effects of international trade on economic growth: An empirical comparison between Portugal and the Netherlands*. Diss. ... Master in Economics. Lisbon: ISCTE Business School; 2012.
2. Awokuse T. Causality between exports, imports, and economic growth: Evidence from transition economies. *Economics letters*. 2007;94(3):389–395.
3. Nadzhafova M.N., Solovyova T.N. The state of industrial production in conditions of socio-economic shocks. *Bulletin of the Kursk State Agricultural Academy*. 2022;3:188–193.
4. Baranova N.A., Subbotina T.N. Problems of industrial enterprises in the context of the geopolitical crisis and sanctions restrictions. *Journal of economy and business*. 2022;5-1(87):80–84. <https://doi.org/10.24412/2411-0450-2022-5-1-80-84>
5. Sujová A., Šimanová L., Kupčák V., Schmidtová J., Lukáčiková A. Effects of foreign trade on the economic performance of industries—Evidence from wood processing industry of Czechia and Slovakia. *Economies*. 2021;9(4):180–200. <https://doi.org/10.3390/economies9040180>
6. Stepanov E.A. Influence of foreign trade on the economic growth of national economy. *Chebyshevsk State University Bulletin*. 2013;32(323):34–42.
7. Vorontsovskiy A.V., Efimova E.G. Large-scale open economies: Typology and analysis. *St. Petersburg University Journal of Economic Studies*. 2016;2:27–51. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu05.2016.202>
8. Belitski M.E. International trade and economic growth: Meta-analysis of scientific research in 1970s–2000s. *Journal of international law and international relations*. 2008;3:88–93.
9. Agbo E.I., Ebere A.R., Oluchukwu E.L. Impact of international trade on the economic growth of Nigeria. *European journal of business and management*. 2018;10(18):22–30.

10. Abendin S., Duan P. International trade and economic growth in Africa: The role of the digital economy. *Cogent economics & finance*. 2021;9(1):1911767. <https://doi.org/10.1080/23322039.2021.1911767>
11. Adeleye J.O., Adeteye O.S., Adewuyi M.O. Impact of international trade on economic growth in Nigeria (1988–2012). *International journal of financial research*. 2015;6(3):163–172. <https://doi.org/10.5430/ijfr.v6n3p163>
12. Federal Customs Service. *Foreign trade of subjects of the Russian Federation*. https://rosstat.gov.ru/enterprise_industrial (accessed 14.11.2022).
13. Federal State Statistics Service. *Industrial production*. https://rosstat.gov.ru/enterprise_industrial (accessed 14.11.2022).
14. Vinogradova E. The oil and gas sector percentage in GDP has set a record. *RBC*. Wednesday July 20, 2022. <https://www.rbc.ru/economics/20/07/2022/62d7d37a9a79475b6658bbe6> (accessed 14.11.2022).

Инженерная экономика и стратегия инженерно-экономического образования

Кротенко Татьяна Юрьевна

Канд. филос. наук, доц. каф. корпоративного управления
ORCID: 0000-0001-7029-0822, e-mail: krotenkotatiana@rambler.ru

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

Ускорение научно-технического прогресса требует нового подхода к подготовке и переподготовке кадров для работы в реальном секторе экономики, и в первую очередь это касается элиты экономики – инженерных кадров. Глобализация предъявляет новые требования к качеству образования современных инженеров. Перед отечественными специалистами стоит задача технологической модернизации промышленности, выхода на новые рынки с новой наукоемкой продукцией. Это обуславливает необходимость осмысления культурных традиций, философских и исторических основ современного инженерного образования. В результате становится абсолютно очевидной потребность в создании образовательной среды нового типа. В статье обосновывается подготовка и реализация стратегии непрерывного инженерного образования на базе трансдисциплинарности, сочетания инженерного образования с экономическими, лингвистическими знаниями и знаниями в области информационных технологий.

Ключевые слова

Инженерная экономика, инновационное развитие, инженерное образование, управление знаниями, экосистема вуза, трансдисциплинарность, интеллектуальная собственность

Для цитирования: Кротенко Т.Ю. Инженерная экономика и стратегия инженерно-экономического образования // Вестник университета. 2023. № 1. С. 152–160.

Engineering economics and engineering economics education strategy

Tatyana Yu. Krotenko

Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof. at the Corporate Governance Department
ORCID: 0000-0001-7029-0822, e-mail: krotenkotatiana@rambler.ru

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

Acceleration of scientific and technological progress requires a new approach to the training and retraining of talent engaged in the real sector of the economy, which is particularly true of the economy's elite – engineering personnel. Globalization imposes new requirements with regard to the quality of modern engineers' education. Russian engineers are confronted with the task of carrying out technological modernisation of the industry and entering new markets with new high-tech products. This necessitates a conceptualization of the cultural traditions, philosophical and historical foundations of modern engineering education, which makes the need to create a new type of educational environment extremely obvious. The article substantiates the creation and implementation of a new strategy for continuous engineering education based on transdisciplinarity and the combination of engineering education with economic and linguistic knowledge as well as knowledge in the field of information technology.

Keywords

Engineering economics, innovative development, engineering education, knowledge management, university ecosystem, transdisciplinarity, intellectual property

For citation: Krotenko T.Yu. (2023) Engineering economics and engineering economics education strategy. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 152–160.

ВВЕДЕНИЕ

Инженерная экономика – это область знания, образовавшаяся на пересечении естественных, технических и экономических наук. Она рассматривает инженерную деятельность, способную в условиях рынка обеспечивать конкурентоспособность производства товаров и услуг с использованием экономического инструментария. Современные инженерно-экономические задачи требуют соответствующей модели образования. Как видится, концепция инженерно-управленческого образования, господствовавшая в XIX в. и достигшая высшей точки своего развития в начале XX в., когда в инженерное образование закономерно проникли элементы экономической науки и представления об основах менеджмента (они также будут затронуты в настоящей статье), сегодня вновь становится актуальной.

Задачи, стоящие перед современной экономикой, требуют от инженеров и управленцев, то есть важнейших участников производственной деятельности, трансдисциплинарных знаний – комплексной инженерно-управленческой подготовки и образования, включающего социально-гуманитарные, математические и естественнонаучные дисциплины. Сформулированные приоритеты научно-технологического развития Российской Федерации (далее – РФ) ставят своей целью технологическое обновление отечественной промышленности, развитие ее наукоемких отраслей, продвижение отечественных инновационных продуктов на глобальные рынки. Проблемы инженерного образования в условиях современных требований очевидны.

При переходе на новый экономический уклад отечественной промышленности возникают новые задачи, связанные с подготовкой и переподготовкой современных инженерных кадров [1]. В первую очередь, необходимо знание иностранных языков. Английский язык сегодня выступает коммуникатором в глобальной системе управления знаниями. Второй иностранный язык нужен как ключевой элемент кросс-культурной коммуникации, и его выбор определяется потребностями развития бизнеса в каком-либо регионе: ведение деятельности в Европе требует знания немецкого, французского, испанского или итальянского языка, а бизнес в Азии – китайского или арабского.

Кроме того, необходима компьютерная подготовка нового типа при цифровизации производства, снабжения, сбыта в новой реальности «умного предприятия», «умного города», «умного региона», «умного государства». Речь идет о гармонизации производственной деятельности, социальной инфраструктуры всех видов, оказания государственных услуг [2]. Как следствие потребности в создании новой экономической реальности возникают различные специальности: установщик солнечных батарей, мастер по обслуживанию ветряных турбин, эколог (ученый, инженер), специалист по кибербезопасности.

Формируется новая парадигма высшей школы – развитие исследовательской работы обучающихся с качественно новой инфраструктурой вуза. Для эффективного участия обучающихся в новой глобальной системе управления знаниями необходимы лаборатории более высокого качества, библиотечно-поисковые системы с различными уровнями доступа к информации и другими средствами ее защиты [3].

При таком подходе на авансцену выходят преподаватели-исследователи, которые привлекают к своим работам обучающихся, приглашают в вуз экспертов в определенных областях знания или исследований. Обновленная модель обучения диктует потребность в базах практики, ориентированных на возможность трудоустройства обучающихся в места прохождения практики по результатам практических и выпускных квалификационных работ. Возникает дуальность обучения инженеров, связанная с возможностью совмещения теоретической подготовки с практическим решением производственных задач на будущем рабочем месте.

Очевидны международные аспекты инженерной подготовки: при глобализации производства происходит закономерный трансфер технологий [4]. Однако вследствие действия существующей системы защиты национальной интеллектуальной собственности совместные исследования на международном уровне легко декларируются и сложно реализуются на практике даже при выезде на обучение в страну предполагаемой трудовой деятельности. По этой причине необходима современная, оперативная авторизация новых знаний, охрана интеллектуальной собственности, возникающей в новой среде, где вуз и производство интегрированы в единую систему. От качества решения всех перечисленных задач зависит скорость перехода государства к новой экономике [5].

МЕТОДЫ

Методологической основой для анализа философских, исторических и экономических аспектов как инженерного образования, так и изложенных выводов стало научное содержание официальных сайтов исследовательских и образовательных учреждений Европы и РФ, а именно сайтов, в названии и содержании которых имеются термины «инженерная экономика», «инженерно-экономическое образование», «трансдисциплинарность», «непрерывность», «управление знаниями», «экосистема вуза». Материалом также послужили работы зарубежных и отечественных экспертов в области инженерного образования, посвященные концептам «трансдисциплинарность» и «непрерывность» применительно к инженерному образованию и имеющиеся в системе перекрестных ссылок.

НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ИНЖЕНЕРНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Одним из важных трендов современного инженерного образования является трансдисциплинарность. Соответствующий термин прочно вошел в научный дискурс. Границы, отделяющие различные области знаний друг от друга, становятся более пластичными и менее герметичными. Потоки информации, циркулирующей вопреки жесткости дисциплинарных пределов, действуют увереннее и мощнее. Постепенно признается нормой открытое публичное обсуждение научной информации, жизненно важной для социума и полезной для решения его проблем. Сегодня нет необходимости доказывать, что мир сложен, многомерен, изменчив. Вполне логично, что человеческое сознание стремится к отражению этой многомерности. Дополнительность форм познания, необходимость объединения смыслов, которые локализируются вне конкретных предметных областей, становится условием развития научно-практического знания.

Принцип трансдисциплинарности открывает серьезные перспективы сотрудничества гетерогенных информационно-знаниевых сред для решения интегративных проблем природы и социума. Возможности научно-исследовательского успеха, которые появляются на стыках разных предметностей, обоснованные выходы за строго научные рамки, новые исследовательские направления, связывающие ранее не пересекающиеся области знаний, реальные достижения в работе комплексных экспериментальных коллективов – все это следствия трансдисциплинарности. Перспективность данного вектора развития науки и практики доказывается позитивными результатами деятельности прорывных научно-технологических команд и может рассматриваться как фактор конкурентоспособности инженерной экономики [6].

Сегодня почти немислимо обсуждение таких категорий, как «человек», «знание», «сознание», «информация», «коммуникация», в рамках единственной предметной сферы, тем более в условиях глобального объединения форм миропонимания. Возникающие трансдисциплинарные теории и концепции становятся прочной основой для инновационного инженерного проектирования. Дело в том, что неизбежность трансцендирования строгого дисциплинарного знания зашита в саму природу практик, которые передаются культурной традицией, и инженерия является примером именно такой практики. Умение изобретать и конструировать стимулируется не только наукой. Из глубины веков общественно полезную деятельность человека поддерживают народная мудрость, религия, философия, искусство, техника, ремесло, даже «профессиональная магия». Опыт ярких конструкторских решений по своей сути не ограничивается жесткими дисциплинарными рубежами; находки и открытия происходят благодаря тому, что авторам новаций открыты различные, не только формальные, способы постижения мира. Успешные примеры решения сложных инженерных задач в трансдисциплинарной парадигме снимают многие методологические противоречия, ранее казавшиеся непреодолимыми.

Другим глобальным трендом в инженерном образовании представляется непрерывность. Идея и попытки создания концепции непрерывного образования начиная с 60-х гг. XX в. становятся и до сих пор являются основной идеологической, организационно-практической и социокультурной установкой во многих странах мира. Непрерывное образование, которое возникло отчасти как альтернатива существующим образовательным программам, подчиненным индустриальным задачам и готовящим «специализированных» работников под вакансии на рынке труда, видит свои задачи иначе. Оно должно заботиться об «универсальном» образовании трудящихся – только так можно развивать все многообразие способностей, данных человеку природой, и использовать этот безграничный потенциал в трудовой жизни для общего блага.

Замысел и аргументы в пользу этой идеи таковы. Человек нуждается не в дискретном развитии задатков, которому соответствует устоявшееся деление человеческой жизни на этапы (учеба, трудовая самореализация, профессиональная дезактуализация), а в постоянном воплощении индивидуальных задумок и начинаний, подкрепленных необходимыми знаниями и навыками. Для этого следует осуществить непредвзятый пересмотр и переоценку имеющихся в системе образования возможностей. Образование должно быть активным процессом, то есть процессом, не скованным разного рода периодизациями и не прерывающимся на протяжении всей жизни. Имеют ценность те знания, которые приобретаются верным способом и в подходящий для этого момент, а не те, которые «выдаются на заучивание» в рамках определенного возрастного этапа. При таком ценностном видении образования необходима интеграция социальных, политических, экономических и индивидуальных аспектов.

Попытка изложить идею непрерывного образования в формате концепции была предпринята французским исследователем П. Ленграндом в 1965 г. на форуме ЮНЕСКО. Мир един, все его элементы связаны и взаимозависимы. Человек, наделенный разумом, ценностями, стремлениями, интересами, представляет собой центральное звено всех мировых процессов. Мир усложняется, поскольку люди являются не только объектами воздействия природы и социума, но и активными субъектами. Для принятия качественных решений, адекватных вызовам времени, нам требуются новые содержания и соответствующие способы познания, а значит, последовательная ревизия целей, форм, техник и технологий воспитания и обучения. В середине 1990-х гг. выходит книга под редакцией П. Ленгранда «От образования конечного к образованию через всю жизнь» [7]. В ней авторы суммируют достижения устоявшихся моделей инженерного, экономического, управленческого образования в Европе после 50-х гг. XX в., обсуждают возможности интеграции различных наук для образования в ходе всей жизни. При таком ракурсе человек видится главной фигурой обучения, а целью является развитие способностей в направлении путей самореализации, интересных самому человеку и полезных для общества.

ТРАДИЦИИ ПОДГОТОВКИ ИНЖЕНЕРОВ-ЭКОНОМИСТОВ

В данном контексте кажется уместным обсуждение философских и исторических основ инженерного образования. В логике современных жизненных моделей вопрос о гармоничном созвучии того, что и как осуществляется в рамках образовательных институций, и того, что и каким образом происходит за пределами таких институций (именно формальная, неформальная и информальная подсистемы составляют в целом непрерывное инженерное и управленческое образование), сегодня открыт, но не нов.

Идею постоянного обогащения своего внутреннего мира знаниями можно встретить в текстах Платона, Сократа, Демокрита, Плутарха, Аристотеля, Эсхила, Еврипида, Софокла, Сенеки, Конфуция и других. В их работах, посвященных проблемам познания, речь идет о неустанном совершенствовании человека. Эти тексты – свидетельство того, что идея непрерывного образования появилась не в стенах сегодняшних технических и управленческих университетов. Мысль об учении в ходе всей жизни является результатом диалога гетерогенных культур, длящегося во времени и отраженного в конкретных образовательных системах. Идеалом, порожденным античностью, предстает индивид, проявляющий заботу о собственном интеллектуальном, физическом и эмоциональном благе через образование. То есть для человеческого духа обучение – это насущная потребность, как пища для тела.

Ощущение «не-новизны» мысли о постоянстве и целостности обучения появляется не только при анализе древних философских текстов. Гуманистические взгляды Вольтера, Гёте, Руссо, Дидро, Гольбаха, Ламетри, Гельвеция, пожалуй, первыми в явной форме включали в себя идею непрерывного инженерно-управленческого образования. Философы-просветители видели возможность совершенствования общества и человека в развитии наук. Логика рассуждений такова: требуется распространение знаний, целенаправленное воспитание человека, который будет способен справиться с несовершенствами общества; социальную действительность необходимо изменять в интересах прогресса и улучшения гражданского общества, а это возможно только при стремлении к знанию, естествознанию, гуманистическим идеалам, возможности воплощать задуманные преобразования и управлять ими.

Великий чешский реформатор Ян Амос Коменский утверждал, что в жизни имеет подлинный смысл ставить и достигать лишь цели познания и для «открывания» себя новому подходит абсолютно любой возраст. Взгляды гениального новатора на непрерывность образования легли в основу педагогической

концепции, соответствовавшей эпохе, и превратились в классно-урочный конвейер – мощную дидактическую машину, не сопоставимую по живучести и силе воздействия на умы ни с какими последующими.

Прообраз идеи обучения в ходе всей жизни можно найти в трудах философа времен Французской буржуазной революции и политического деятеля Жана Антуана Кондорсе. В своей программе народного образования он выдвинул принцип универсальности, то есть тотального обучения всех граждан без исключения по самым разным направлениям. Такая всеохватность должна была гарантировать поддержание старых знаний и умений на уровне, пригодном для осуществления профессиональной деятельности, а также приобретение новых знаний для смелого взгляда в будущее и самореализации себя в меняющемся мире.

Европейская традиция подготовки инженеров XIX – начала XX вв. соединяла два подхода, научно-технический и духовный, для формирования целостной картины мира будущего преобразователя. Слово «инженер» восходит к латинскому «ingenium» (оно встречается, в частности, у Петрония и Цицерона) и означает главным образом яркость ума, талант, широту взглядов, а не только умение изобретать и конструировать. Философия – от Гердера до Шлейермахера и Гегеля – видела научное образование (нем. wissenschaftliche Bildung) сочетанием естественнонаучного, художественного, музыкального, математического, инженерного образования. В понимании немецких классических философов, разносторонне развитый, образованный и деятельный инженер – это человек, и созидающий собственную личность, и продолжающий божественный процесс творения в истории и культуре. Гимназии и университеты Германии представляют собой вполне земное и конкретное воплощение возвышенной идеи подготовки творца, конструктора, преобразователя жизни и деятельности. «Педагогическая провинция» Гёте как относительно закрытая система, реализующая гуманистическую модель воспитания и обучения юношества, стала прообразом Касталии – фантастической страны, возникшей через столетия после «фельетонной эпохи» индустриализированной Европы. В знаменитом романе Германа Гессе «Игра в бисер» Касталия представляет собой изолированное от мира место духовного воспитания и долгого, длиною в жизнь, образования интеллектуалов.

В России XVIII в. развитию инженерного дела способствовали научные, педагогические взгляды, просветительская деятельность, сама жизнь М.В. Ломоносова, отданная науке и развитию образования в российском государстве. М.В. Ломоносов активно выступал в числе прочего за демократизацию инженерного образования, считал важным популяризировать научно-инженерное знание через лекции, печать, библиотеки, музеи. В этот период принцип научности становится главным для высшего образования. Основной же задачей «народной школы», кроме воспитания в детях любви к труду и обучения правилам поведения, становится формирование представлений об устройстве мира, о причинно-следственных связях между явлениями.

Стержнем русской инженерной школы XVIII–XIX вв. стало серьезное математическое и естественнонаучное образование с основательной гуманитарной компонентой. Выпускники высших технических учебных заведений, получившие глубокие научные знания, были эрудированы, прекрасно ориентировались в философии, мировой истории, литературе, богословии, языках, а также музицировали и рисовали. В России начала XX в. базовую часть профессиональных компетенций гражданского инженера составляли дисциплины технического и художественного ряда. Надо отметить, что Россия не была одинока в таком подходе к образованию: деятельность инженеров Франции и Германии виделась и осуществлялась на стыке творческой научно-исследовательской работы и технической практики. Совсем иным был английский стиль подготовки техников и мастеров, ориентированный сугубо на практику.

До Первой мировой войны будущего инженера вели не просто к изобретению, а к полноценной реализации завершенного проекта – здания, корабля, моста, двигателя и т.д. На основе осуществленного совместно с преподавателем проектирования, организации внедрения новшества студенты разрабатывали учебные пособия для передачи полезного опыта. В воспитатнике вуза культивировали способность к ежедневному кропотливому труду и желание постоянно повышать его эффективность. Каким бы странным ни казалось это явление сегодня, делом инженера было не только изобретать, но и создавать более экономные технологии и решения, конструировать и удешевлять продукт, повышать производительность труда. Причем инженер выполнял эти функции в прочном союзе с предпринимателем. Вместе с высокоразвитой промышленностью дореволюционной России распалось и продуктивное партнерство инженера и предпринимателя.

Крайне важно отметить, что инженерные вузы России не просто выпускали в жизнь качественных «технарей», но последовательно готовили их к поприщу руководителей производств, к государственной и военной карьере, к службе Царю и Отечеству. Д.И. Менделеев, В.Н. Ипатьев, В.Г. Шухов,

А.Н. Крылов, И.А. Вышнеградский были яркими учеными-инженерами, организаторами промышленности и образования, выдающимися государственными деятелями. Знакомясь с трудами инженеров старой закалки, можно поразиться тому, как тщательно в целевом и ценностном смысле взвешивались вопросы выбора партнеров, источников финансирования, места, материалов, техники безопасности и экологии, снижения издержек и себестоимости, организации транспорта, вопросы управления людьми на производстве и при строительстве архитектурных сооружений. Такая сосредоточенность на деталях, аккуратность в расчетах вполне объяснимы: передача «неформального» знания осуществлялась из первых рук, то есть благодаря семейной, династической традиции образования, а также в силу того, что образовательные программы инженерных университетов обязательно включали в себя не только технико-экономические, но и социально-психологические дисциплины. В ведущих технических вузах страны обязательно имелись социально-экономические факультеты. И наоборот, в крупных коммерческих институтах больших городов были инженерные отделения.

Экономическое развитие России и события XX в. привели, с одной стороны, к массовизации инженерного образования, а с другой – к разрушению его целостности. Следует заметить, что на Западе также наблюдалось заметное движение от универсализации к специализации; разработка высоких технологий происходила в крупных корпорациях, и профессия ученого-инженера становилась массовой.

Отказ СССР от рыночной формы хозяйствования, развитие сложных наукоемких технологий только на крупных государственных предприятиях, в частности предприятиях тяжелой, химической промышленности, военно-космической отрасли, привели к деградации экономической и управленческой компетенций инженера. Инженер с базовым техническим образованием едва ли мог рассчитывать на должность руководителя крупного предприятия: бразды правления вручались партийным лидерам, академическим ученым, «крепким хозяйственникам». Директорами становились и генеральные конструкторы, выпешшие из старой инженерной школы. Надо отдать ей должное: большинство руководителей конструкторских бюро действительно мыслили масштабно, видели ситуацию целостно, понимали стратегические задачи и могли осуществлять кадровое и научно-техническое управление высокотехнологичными производствами.

Конечно, в большой молодой советской стране должна была появиться кузница профессиональных управленцев. Московский промышленно-экономический практический институт (ныне Государственный университет управления) по сути стал первым инженерно-экономическим вузом. Александровское коммерческое училище Московского биржевого общества, открытое в 1885 г., Николаевское женское коммерческое училище и Торговая школа имени императора Николая II в 1918 г. объединились в Московский промышленно-экономический техникум. В 1919 г. его переименовали в институт. За столетие вуз подготовил десятки тысяч управленцев для ключевых производственных отраслей отечественной промышленности. Однако именно для ключевых направлений и, к сожалению, со стремительной потерей качества преподавания инженерных дисциплин.

Исследовательский процесс, органичный для традиционных инженерных и управленческих высших учебных заведений, был перенаправлен в научно-исследовательские институты и конструкторские бюро опять же по отраслевому принципу и для решения главным образом военных задач. Отрицательные последствия такой трансформации 20-х гг. XX в. стали заметны спустя полвека. Сегодня же возврат исследования как преобладающего вида деятельности и мышления в школу и вуз во многом сдерживается тем объективным фактором, что институциональной базой современных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ становятся сетевые пространства коммуникации между профессионалами из разных областей знания. Современные исследования все чаще проводятся малыми командами, ориентированными на «прорыв», при поддержке больших баз данных с развивающимися возможностями их агрегирования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Промышленная революция включает в себе новые требования к человеческому капиталу, а значит, и к системе образования. Необходимость обеспечения непрерывной переподготовки кадров, в первую очередь инженеров, обусловлена появлением системы корпоративных образовательных структур по всему миру. Самым ярким примером в РФ, пожалуй, является АНО «Корпоративная Академия Росатома»: в рамках системы управления знаниями корпорации образовательное учреждение ведет подготовку 3 600 человек, состоящих в кадровом резерве, без отрыва от основной профессиональной деятельности при участии почти 1 000 менторов, около 10 из которых – руководители первых 30 уровней управления.

Получит развитие такое сочетание компонентов формального, неформального и информального образования, которое будет поддерживать динамическую модель компетенций – с базовой, долго формируемой константой и гибкой, быстро обновляемой переменной частью, требования к которой диктует технологическое и социально-экономическое развитие. То есть образовательная траектория будущего инженера – это качественное комплексное инженерно-управленческое образование и регулярный «апгрейд» в виде повышения квалификации и дополнительного профессионального образования [8–12]. Диплом, соответствующий этой модели, также будет динамическим, составленным из базовой части и модулей под конкретные задачи производства, фиксирующим «мягкие» и «жесткие» навыки обладателя.

Что касается образовательной деятельности инженерных вузов, очень важным, как представляется, становится развитие предпринимательской экосистемы, в которой субъектами взаимодействия являются не только студенты и преподаватели, временно объединенные курсом по инженерному предпринимательству, но и участники инженерного бизнеса, государственные чиновники, ответственные за научно-технологическое развитие города, региона, страны [13]. В формате такой полисубъектной деятельности будут естественным образом осуществляться отбор лучших инженерных проектов, оптимизация инженерных решений, их продвижение в профессиональном сообществе и через средства массовой информации; будет происходить налаживание общественно полезных контактов, создание рабочих групп и прорывных команд, формирование инженерно-предпринимательской культуры [14; 15]. Таким образом, современная стратегия научно-технологического развития РФ формирует новую стратегию непрерывного инженерного образования.

Библиографический список

1. Валлерстайн И. Структурный кризис, или Почему капиталисты могут считать капитализм невыгодным. В кн.: Валлерстайн И., Коллинз Р., Манн М., Дерлутьян Г., Калхун К. *Есть ли будущее у капитализма? Сборник статей*. Пер. с англ. М.: Изд-во Института Гайдара; 2015. С. 23–61.
2. Дятлов С.А., Кудрявцева К.В. Цифровые блага в сервисно-цифровой экономике. *Иновации*. 2020;257:60–65. <https://doi.org/10.26310/2071-3010.2020.257.3.009>
3. Антонов В.Г., Кушцова Е.В., Кушцова Е.С. Изменения в системе управления организациями. *Управление*. 2021;9(3):90–98. <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2021-9-3-90-98>
4. Воейков М.И. Государство, материальное производство и экономика будущего (размышления над книгой С.Д. Бодрунова «Ноономика»). *Вопросы политической экономики*. 2019;3:157–166.
5. Ленчук Е.Б. Глобальные проблемы и вызовы обуславливают возрастание экономической роли государства. *Вопросы политической экономики*. 2020;1:112–119. <https://doi.org/10.5281/zenodo.3753354>
6. Бодрунов С.Д. Возвращение индустрии – возвращение Гэлбрейта: от НИО.2 к ноосферной цивилизации. *Экономическое возрождение России*. 2017;52:17–21.
7. Lengrand P. (ed.) *Areas of lifelong basic to lifelong education*. Oxford: Pergamon Press; 1986.
8. Аганбегян А.Г. О приоритетном развитии сферы экономики знаний. *Экономическое возрождение России*. 2021;1(67):15–22.
9. Антонов С.А. Развитие инженерно-экономической подготовки в России: отрасли, специалисты, учебные курсы. *Экономическое возрождение России*. 2021;69:123–133.
10. Меренков А.В., Мельникова О.Я. Практики организации подготовки инженерных кадров, востребованных индустрией 4.0. *Инженерное образование*. 2021;29:23–33. https://doi.org/10.54835/18102883_2021_29_2
11. Похолоков Ю.П. Инженерное образование России: проблемы и решения. Концепция развития инженерного образования в современных условиях. *Инженерное образование*. 2021;30:96–107. https://doi.org/10.54835/18102883_2021_30_9
12. Чернавин Ю.А. Цифровое общество: теоретические контуры складывающейся парадигмы. *Цифровая социология / Digital sociology*. 2021;4(2):4–12. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2021-4-2-4-12>
13. Глазьев С.Ю. Ноономика как стержень формирования нового технологического и мирохозяйственного укладов. *Экономическое возрождение России*. 2020;2(64):15–32.
14. Дьяченко М.С., Леонов А.Г. Цифровой след в образовании как драйвер профессионального роста в цифровую эпоху. *E-Management*. 2022;5(4):23–30. <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2022-5-4-23-30>
15. Канке А.А., Еремينا Т.Н. Образовательная экосистема для бизнес-сообщества. Современные тенденции развития. *E-Management*. 2022;5(4):31–38. <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2022-5-4-31-38>

References

1. Wallerstein I. Structural crisis, or Why capitalists may find capitalism unprofitable. In: Wallerstein I., Collins R., Mann M., Derlu-
guian G., Calhoun C. *Does capitalism have a future?* Trans. from Eng. Moscow: Gaidar Institute Publishing House; 2015. P. 23–61.
2. Dyatlov S.A., Kudryavtseva K.V. Digital goods in service and digital economy. *Innovations*. 2020;257:60–65. <https://doi.org/10.26310/2071-3010.2020.257.3.009>
3. Antonov V.G., Kuptsova E.V., Kuptsova E.S. Changes in the organisation management system. *Upravlenie / Management (Russia)*. 2021;9(3):90–98. <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2021-9-3-90-98>
4. Voeykov M.I. State, material production and the economy of the future. *Problems in political economy*. 2019;3:157–166.
5. Lenchuk Ye.B. Global problems and challenges condition the growth in the economic role of the state. *Problems in political economy*. 2020;1:112–119. <https://doi.org/10.5281/zenodo.3753354>
6. Bodrunov S.D. Return of industrialization – return of Galbraith: From NIO.2 to noospheric civilization. *Economic revival of Russia*. 2017;52:17–21.
7. Aganbegyan A.G. On priority development of knowledge economy. *Economic revival of Russia*. 2021;1(67):15–22.
8. Antonov S.A. Russia's engineering-economical education development: Sectors, specialists, courses. *Economic revival of Russia*. 2021;69:123–133.
9. Merenkov A.V., Melnikova O.Ya. Organizational practices for the training of engineering personnel in demand by industry 4.0. *Engineering education*. 2021;29:23–33. https://doi.org/10.54835/18102883_2021_29_2
10. Pokholkov Yu.P. Engineering education in Russia: Problems and solutions. The concept of development of engineering education in modern conditions. *Engineering education*. 2021;30:96–107. https://doi.org/10.54835/18102883_2021_30_9
11. Chernavin Yu.A. Digital society: Theoretical outlines of the emerging paradigm. *Digital sociology*. 2021;4(2):4–12. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2021-4-2-4-12>
12. Glazev S.Yu. Noonomy as the kernel for the formation of new technological and world economic modes. *Economic revival of Russia*. 2020;2(64):15–32.
13. Dyachenko M.S., Leonov A.G. Digital footprint in education as a driver of professional growth in the digital age. *E-Man-
agement*. 2022;5(4):23–30. <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2022-5-4-23-30>
14. Kanke A.A., Eremina T.N. Educational ecosystem in conditions of digital transformation. Modern development trends. *E-Management*. 2022;5(4):31–38. <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2022-5-4-31-38>

Оценка экспорта высокотехнологичной продукции Российской Федерации в страны БРИКС и ЕАЭС

Спицина Дарья Валерьевна

Мл. науч. сотрудник Института мировой экономики и международных финансов
Департамента мировой экономики и международного бизнеса
ORCID: 0000-0003-1850-7582, e-mail: daria.v.spitsina@gmail.com

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия

Аннотация

В статье представлены результаты исследования российского высокотехнологичного экспорта в страны БРИКС (англ. BRICS – Brazil, Russian Federation, India, China, South Africa – Бразилия, Российская Федерация, Индия, Китайская Народная Республика, Южно-Африканская Республика) и Евразийского экономического союза в январе 2019–2022 гг. Для определения особенностей экспорта высокотехнологичных товаров в соответствии с классификацией Российского экспорта центра данные по стоимости товаров с 2-, 4- и 6-значными кодами Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза были соотнесены с группами товаров по степени обработки. Определены ключевые товарные позиции высокотехнологичного экспорта Российской Федерации в отношении указанных стран в разрезе групп экспортных товаров и Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза. Показаны тенденции изменения стоимостной структуры поставок в рассматриваемые страны. Выявлена роль высокотехнологичной продукции в общем объеме российского экспорта. Предложенный подход может быть использован для анализа импорта и экспорта России по структурному и стоимостному компоненту.

Ключевые слова

Высокотехнологичный экспорт, высокие технологии, БРИКС, ЕАЭС, дружественные страны, нейтральные страны, Российский экспортный центр

Финансирование. Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Для цитирования: Спицина Д.В. Оценка экспорта высокотехнологичной продукции Российской Федерации в страны БРИКС и ЕАЭС // Вестник университета. 2023. № 1. С. 161–169.

Assessment of Russian high-tech export to BRICS and EAEU countries

Daria V. Spitsina

Junior Researcher at the Institute of World Economy and International Finance, World Economy and International Business Department

ORCID: 0000-0003-1850-7582, e-mail: daria.v.spitsina@gmail.com

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Abstract

The article presents the study results of Russian high-tech export to BRICS (Brazil, Russian Federation, India, China, South Africa) and Eurasian Economic Union countries in January 2019–2022. In order to determine the high-tech export specifics in accordance with the Russian exports center's classification, data on the cost of goods with 2-, 4- and 6-digit codes under the Eurasian Economic Union Customs Code was matched to the goods groups by the processing degree. The key commodity positions of Russian high-tech export to these countries within the export goods groups are determined. The trends of changes in the export cost structure to the considered countries are indicated. The role of high-tech products in the total volume of Russian exports is revealed. The proposed approach can be used to analyze Russian import and export by structural and cost components.

Keywords

High-tech export, BRICS, Eurasian Economic Union, friendly countries, neutral countries, Russian Export Center

Funding. The article was prepared on the research results carried out at the expense of budgetary funds under the state assignment of the Financial University under the Government of the Russian Federation.

For citation: Spitsina D.V. (2023) Assessment of Russian high-tech export to BRICS and EAEU countries. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 161–169.

ВВЕДЕНИЕ

Проблема гармонизации структуры экспорта становится актуальной в условиях изменяющейся экономической ситуации. В ближайшее десятилетие технологический вызов является одним из важных для российской экономики [1], что приводит к необходимости цифровых преобразований. В общем и целом масштабе не существует единой системы классификации высокотехнологичных товаров. Действующие классификации также претерпевают изменения. В соответствии с методологией Всемирного банка, под высокотехнологичным экспортом понимается продукция с высокой интенсивностью исследований и разработок в аэрокосмической промышленности, производстве компьютеров, научных приборов, электротехники и фармацевтике [2].

В Европейском союзе (далее – ЕС) при определении экспорта всех высокотехнологичных товаров в общем объеме используется Стандартная международная торговая классификация (англ. Standard international trade classification, SITC) [3]. Согласно данной классификации, высокотехнологичная продукция в ЕС определяется как совокупность товаров следующих отраслей: аэрокосмическая промышленность, компьютеры и офисное оборудование, электроника-телекоммуникации, фармацевтика, научные приборы, электрические машины, химическая промышленность, неэлектрические машины, вооружение [4]. Для статистических целей экспорт не включает торговлю внутри ЕС [4]. Доля высокотехнологичной продукции ЕС в общем объеме экспорта увеличилась от 15 % в 2010 г. до 17,7 % в 2021 г. [5].

В 2019 г. на экспорт товаров информационно-коммуникационных технологий в Российской Федерации приходилось около 0,5 % от всего товарного экспорта, что примерно на 56 % ниже лидирующего в рейтинге Гонконга [6]. Вместе с тем наблюдается высокая степень зависимости России от высокотехнологичного импорта. В 2021 г. она импортировала свыше 70 % высокотехнологичной продукции, на экспорт пришлось более 20 % высокотехнологичных товаров [7]. Доля высокотехнологичной продукции в объеме валового внутреннего продукта (далее – ВВП) России в 2021 г. составила 23 % [7; 8]. Средний темп прироста высокотехнологичной продукции в объеме российского ВВП в 2010–2021 гг. примерно равен 1,7 %. К 2030 г. Россия планирует нарастить физический объем высокотехнологичной продукции до 70 % [9].

ОСОБЕННОСТИ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОГО ЭКСПОРТА РОССИИ

Целью исследования является анализ структуры и динамики высокотехнологичного экспорта Российской Федерации в дружественные и нейтральные страны на примере стран БРИКС (англ. BRICS – Brazil, Russian Federation, India, China, South Africa – Бразилия, Российская Федерация, Индия, Китай, Южно-Африканская Республика) и Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) за январь 2019 г., 2021 г. и 2022 г. Среди стран ЕАЭС Республика Беларусь относится к дружественным странам. Армения, Казахстан и Кыргызстан входят в число нейтральных стран. Страны-члены БРИКС являются дружественными странами по отношению к России. В 2021 г. среди стран-лидеров по сумме положительного сальдо торгового баланса при торговле с Россией из списка недружественных стран можно выделить следующие: Нидерланды (37,9 млн руб.), Великобритания (17,8 млн руб.), Польша (10,9 млн руб.), Италия, (7,2 млн руб.), Бельгия (6,1 млн руб.) [10]. Четыре из пяти недружественных стран-лидеров по данному критерию являются странами Европейского союза.

В качестве объекта исследования были выбраны страны БРИКС и ЕАЭС, которые выступают как торговые партнеры России и в отношении них происходит смягчение торговых барьеров. Экспорт российской высокотехнологичной продукции в недружественные страны отдельно не рассматривался в связи с санкционными ограничениями, введенными с февраля 2022 г. Из рассмотрения были исключены прочие товары, поскольку эту категорию невозможно отнести ни к неэнергетическим несырьевым товарам, ни к сырьевым и несырьевым товарам. Установлено следующее распределение стран: 55 дружественных, 49 недружественных и 92 нейтральных [5].

Ранее исследование высокотехнологичной составляющей экспорта проводилось в рамках сравнительного странового анализа и выявления специализации в международной торговле на основании кодов HS (англ. Harmonized System – гармонизированная система) – международной системы кодирования товаров) [11; 12], аналогом которой в Содружестве Независимых Государств служит товарная номенклатура внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (далее – ТН ВЭД ЕАЭС). Исходя из взаимосвязи кодов HS и ТН ВЭД ЕАЭС в научном дискурсе предлагаются авторские

подходы к определению высокотехнологичной составляющей экспорта. Товары данной категории разделяют на сегменты [10]:

- аэрокосмическая промышленность;
- компьютеры и оргтехника, электрооборудование и научные приборы;
- электроника и телекоммуникации;
- фармацевтика и фармацевтические препараты.

Высокотехнологичную продукцию в российской практике классифицируют в зависимости от видов экономической деятельности. В настоящее время выделено 33 вида экономической деятельности, нацеленной на производство высокотехнологичной продукции: от добычи угля до ремонта и монтажа машин и оборудования [13].

Определение высокотехнологичной продукции по видам экономической деятельности применимо в международной практике. Отрасли разделяются на пять групп с высокой, выше среднего, средней, ниже среднего и низкой интенсивностью исследований и разработок [14]. К отраслям с высокой интенсивностью исследований и разработок в области промышленного производства были отнесены воздушные и космические аппараты и связанная с ними техника; фармацевтика; компьютерная, электронная и оптическая техника [14]. При этом в России указан более широкий перечень отраслей, также включающий, например, добычу полезных ископаемых [15].

В рамках этой статьи для определения высокотехнологичных товаров в структуре российского экспорта была использована альтернативная классификация экспортных товаров Российского экспортного центра (далее – РЭЦ) [16]. В данной классификации экспортные товары распределены по позициям и субпозициям из ТН ВЭД ЕАЭС, применимым для трансграничного перемещения товаров. Согласно классификации РЭЦ, товары в зависимости от степени обработки подразделяются на сырьевой и несырьевой экспорт. Сырьевые товары включают в себя неэнергетические и энергетические товары. При этом энергетические товары рассматриваются как комплексная категория, находящаяся на стыке сырьевого и несырьевого экспорта. При необходимости РЭЦ также использует шестизначные субкоды ТН ВЭД ЕАЭС. В зависимости от степени обработки неэнергетические несырьевые товары распределяются по пределам на нижние пределы, средние пределы и верхние пределы. Указанная классификация основывается на продуктовом подходе, который детализирует отраслевой подход до уровня отдельных товаров и используется в международной практике [17]. Часть товаров верхних пределов составляют высокотехнологичные товары – авиатехника, приборы, ядерное топливо, электроника, лекарства. В контексте этого исследования под высокотехнологичными товарами будем понимать товары верхних пределов.

ЭКСПОРТ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОЙ ПРОДУКЦИИ РОССИИ В СТРАНЫ БРИКС

Как указано в таблице 1, в Индию экспортируется свыше 20 % российской высокотехнологичной продукции за весь рассматриваемый период. Сопоставимую долю в структуре экспорта товаров верхних пределов в страны БРИКС занимает Южно-Африканская Республика (далее – ЮАР). Китай и Бразилия имеют низкую долю в стоимостной структуре высокотехнологичного экспорта России.

Таблица 1

Соотношение стоимостной структуры российского экспорта в страны БРИКС

Период, страны	Экспорт товаров, %					
	Верхние пределы	Несырье	Несырье энергетическое	Нижние пределы	Средние пределы	Сырье
январь 2019 г.	3,39	3,22	5,59	11,63	1,23	74,94
Бразилия	3,08	3,85	12,51	77,39	1,90	1,28
Индия	29,75	15,60	6,67	8,42	1,92	37,63
Китай	2,21	2,64	5,43	10,56	1,17	77,99
ЮАР	7,33	11,89	6,08	63,55	9,57	1,59

Период, страны	Экспорт товаров, %					
	Верхние переделы	Несырье	Несырье энергетическое	Нижние переделы	Средние переделы	Сырье
январь 2020 г.	2,52	3,82	5,14	10,50	1,53	76,50
Бразилия	2,57	4,24	15,53	73,21	3,09	1,37
Индия	27,36	20,21	3,71	14,95	2,00	31,77
Китай	1,70	3,26	5,06	9,47	1,47	79,04
ЮАР	4,89	8,49	3,77	53,92	12,27	16,66
январь 2021 г.	2,80	3,23	5,64	10,17	1,29	76,88
Бразилия	1,38	2,75	21,83	70,23	3,18	0,63
Индия	26,76	13,83	10,98	14,10	1,88	32,45
Китай	1,75	2,74	4,89	8,03	1,19	81,40
ЮАР	11,64	18,54	6,16	45,37	5,78	12,51
январь 2022 г.	2,38	2,57	7,96	10,28	1,44	75,37
Бразилия	1,16	1,48	10,86	82,37	0,75	3,36
Индия	27,92	10,67	8,48	19,10	4,23	29,60
Китай	1,42	2,24	7,82	6,72	1,35	80,47
ЮАР	18,97	51,03	3,46	3,93	9,39	13,22

БРИКС – Бразилия, Российская Федерация, Индия, Китайская Народная Республика, Южно-Африканская Республика, ЮАР – Южно-Африканская Республика

Источники: [10; 15]

Лидирующей группой экспорта товаров в Бразилию в стоимостном выражении являются неэнергетические несырьевые товары. В среднем, в январе 2019–январе 2022 гг. на неэнергетические несырьевые товары приходилось свыше 70 % от стоимости всех экспортируемых товаров, причем товары нижних переделов, в частности удобрения, составляют более 66 % от стоимости. Неэнергетические несырьевые товары верхних переделов в среднем равны 2 % от стоимости неэнергетических несырьевых товаров. В январе 2022 г. наблюдается прирост товаров верхних переделов примерно на 57 %, в сравнении с январем 2021 г. На минеральное топливо, нефть и продукты их перегонки; битуминозные вещества и минеральные воски приходится примерно 15 % от общей стоимости сырьевых и несырьевых товаров. Положительный темп прироста в стоимостном выражении в январе 2022 г. по сравнению с январем 2021 г. проявляется как в отношении неэнергетических несырьевых товаров – на 67 %, так и сырьевых и несырьевых товаров – на 29 %.

В отличие от Бразилии, доминирующей группой российского экспорта в Индию являются сырьевые и несырьевые товары. В среднем, на данную категорию приходится около 90 % экспортной продукции в стоимостном выражении. Однако доля указанных товаров снизилась примерно на 9 % в январе 2022 г. по сравнению с январем 2021 г.

Неэнергетические несырьевые товары в среднем занимают примерно 11 % в стоимостной структуре российского экспорта в Китай. На товары верхних переделов приходится меньше 1 % от совокупного экспорта, на товары средних переделов – 2 %, на товары нижних переделов – 8 %. В 2020 г. товары информационно-коммуникационных технологий составляли более 27 % от совокупного экспорта в Китай, что свидетельствует о цифровом лидерстве страны.

Неэнергетические несырьевые товары, экспортируемые в Африку, занимают в среднем примерно половину от стоимости российского экспорта в рассматриваемую страну. В среднем около 11 % экспорта относится к товарам верхних переделов. В январе 2022 г. товары верхних переделов достигли примерно 19 % от стоимости экспорта. В данный период лидирующей группой товаров, составляющей свыше 4 % в стоимостной структуре экспорта, являются продукты неорганической химии; неорганические или органические соединения драгоценных и редкоземельных металлов, радиоактивных элементов или изотопов (ТН ВЭД ЕАЭС 28).

ЭКСПОРТ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОЙ ПРОДУКЦИИ РОССИИ В СТРАНЫ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Таблица 2 показывает, что доля товаров верхних переделов в стоимостном значении в рассматриваемом периоде изменялась незначительно и превысила 20 % от стоимости совокупного экспорта в страны ЕАЭС в каждый исследуемый месяц. Экспорт в каждую из стран ЕАЭС за изучаемый период превышает 10 % от совокупного экспорта в ЕАЭС за соответствующий месяц. В январе 2022 г. среди стран-членов ЕАЭС основными направлениями высокотехнологичного экспорта из России выступают Казахстан и Беларусь.

Таблица 2

Соотношение стоимостной структуры российского экспорта в страны Евразийского экономического союза

Период, страны	Экспорт товаров, %					
	Верхние переделовы	Несырье	Несырье энергетическое	Нижние переделовы	Средние переделовы	Сырье
январь 2019 г.	22,59	21,82	42,13	3,12	7,49	2,85
Армения	16,58	18,81	57,31	3,51	3,64	0,14
Беларусь	16,82	16,84	54,98	2,76	6,08	2,52
Казахстан	36,08	31,39	14,57	3,90	9,92	4,14
Кыргызстан	11,17	25,15	48,82	2,36	12,46	0,03
январь 2020 г.	26,55	25,66	29,25	6,46	9,02	3,05
Армения	20,76	17,15	52,69	4,93	4,38	0,09
Беларусь	23,50	23,35	38,50	2,54	8,22	3,89
Казахстан	32,37	29,49	14,64	11,21	9,40	2,88
Кыргызстан	10,07	21,99	48,49	1,92	17,24	0,30
январь 2021 г.	23,33	22,51	37,49	4,65	8,40	3,62
Армения	20,82	17,60	54,76	4,50	2,23	0,09
Беларусь	15,70	18,55	53,26	2,68	6,48	3,33
Казахстан	35,58	28,31	12,71	7,67	10,95	4,77
Кыргызстан	12,08	24,68	45,42	2,52	15,10	0,20
январь 2022 г.	22,45	25,45	32,36	6,83	10,44	2,48
Армения	15,44	16,77	57,94	5,74	4,01	0,10
Беларусь	18,72	24,54	41,73	3,47	10,19	1,35
Казахстан	29,84	28,51	14,86	11,34	10,89	4,55
Кыргызстан	10,78	20,41	49,37	4,99	14,28	0,16

Источники: [10; 15]

Экспорт неэнергетических несырьевых товаров в Казахстан составляет в среднем свыше 50 % в стоимостной структуре экспорта. При этом примерно 33 % стоимости совокупного экспорта составляют товары верхних переделов. На ядерные реакторы, котлы, оборудование и механические устройства (ТН ВЭД ЕАЭС 84) приходится в среднем около 8 % стоимости экспорта; на железнодорожные локомотивы или моторные вагоны трамвая, подвижной состав и их части; путевое оборудование и устройства для железных дорог или трамвайных путей и их части, механическое (включая электромеханическое) сигнальное оборудование всех видов (ТН ВЭД ЕАЭС 84) – в среднем свыше 5 % совокупной стоимости экспорта, на средства наземного транспорта, кроме железнодорожного или трамвайного подвижного состава, и их части и принадлежности (ТН ВЭД ЕАЭС 87) – в среднем около 6 %. Товары верхних переделов с прочими кодами ТН ВЭД ЕАЭС в среднем занимают 1–2 % от российского экспорта в Казахстан в рассматриваемый период.

Из совокупного экспорта России в Беларусь в январе 2022 г. больше 32 % стоимости формируют неэнергетические несырьевые товары, на которые приходится в среднем около 27 % российского совокупного экспорта. Большую часть неэнергетических несырьевых товаров (в среднем примерно 18 %) занимают товары верхних переделов. В январе 2022 г. на средства наземного транспорта, кроме железнодорожного или трамвайного подвижного состава, и их части и принадлежности (ТН ВЭД ЕАЭС 87) пришлось свыше 25 % от стоимостного выражения товаров верхних переделов; на ядерные реакторы, котлы, оборудование и механические устройства (ТН ВЭД ЕАЭС 84) – свыше 17 %; на электрические машины и оборудование, их части, звукозаписывающую и звуковоспроизводящую аппаратуру, аппаратуру для записи и воспроизведения телевизионного изображения и звука, их части и принадлежности (ТН ВЭД ЕАЭС 85) – больше 15 %.

В среднем российский экспорт неэнергетических несырьевых товаров формирует свыше 26 % стоимости совокупного экспорта в Армению, товары верхних переделов – 19 % стоимости. Более 5 % от общей стоимости экспорта России в Армению составляют средства наземного транспорта, кроме железнодорожного или трамвайного подвижного состава, и их части и принадлежности (ТН ВЭД ЕАЭС 87). В январе 2022 г. на данную группу товаров пришлось 4 % стоимости совокупного экспорта и свыше 25 % стоимости экспорта товаров верхних переделов.

В структуре российского экспорта в Кыргызскую Республику неэнергетические несырьевые товары занимают около 28 %, из них на товары верхних переделов приходится в среднем около 11 %. Ядерные реакторы, котлы, оборудование и механические устройства (ТН ВЭД ЕАЭС 84) и электрические машины и оборудование, их части, звукозаписывающая и звуковоспроизводящая аппаратура, аппаратура для записи и воспроизведения телевизионного изображения и звука, ее части и принадлежности (ТН ВЭД ЕАЭС 85) составляют в совокупности около 4 % экспорта.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В условиях возрастания санкционного давления со стороны стран Запада у России возрастает необходимость активизации торговых связей в рамках стран БРИКС и ЕАЭС. Эти рынки, за исключением Китая, также становятся перспективными и для удовлетворения спроса на высокотехнологичную продукцию. Китай является одним из лидеров на рынке высокотехнологичных товаров, что обуславливает отсутствие масштабного спроса на российские аналоги. ЮАР и Индия становятся основными странами-членами БРИКС, куда экспортируется российская высокотехнологичная продукция.

Среди лидирующих кодов ТН ВЭД по товарам верхних переделов, экспортируемых в страны ЕАЭС, можно выделить следующие:

- 1) ядерные реакторы, котлы, оборудование и механические устройства (ТН ВЭД ЕАЭС 84);
- 2) электрические машины и оборудование, их части, звукозаписывающая и звуковоспроизводящая аппаратура, аппаратура для записи и воспроизведения телевизионного изображения и звука, ее части и принадлежности (ТН ВЭД ЕАЭС 85);
- 3) средства наземного транспорта, кроме железнодорожного или трамвайного подвижного состава, и их части и принадлежности (ТН ВЭД ЕАЭС 87).

Эти товары входят в топ-5 позиций российского экспорта по стоимостной структуре товаров, экспортируемых Россией в страны ЕАЭС. Ядерные реакторы, котлы, оборудование и механические устройства (ТН ВЭД ЕАЭС 84) также занимают первые строчки из числа товаров верхних переделов, экспортируемых в страны БРИКС. В целом, структура экспорта российской высокотехнологичной продукции в страны БРИКС и ЕАЭС является неравномерной, что говорит о необходимости наращивания экспортного потенциала.

Ограничением исследования стало отсутствие данных по российскому экспорту в разрезе товарных групп начиная с февраля 2021 г., чем обусловлена невозможность проведения сравнительного анализа за январь 2019-2022 гг. для сохранения сопоставимости данных.

Направлениями для дальнейших исследований являются анализ в позиционном разрезе по ТН ВЭД ЕАЭС товаров низких и средних переделов по зарубежным странам и рассмотрение структуры экспорта и импорта отдельных стран.

Биографический список

1. Правительство Российской Федерации. *Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года (утвержден распоряжением Правительства Российской Федерации от 01.10.2021 № 2765-р)*. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_398015/ (дата обращения: 11.11.2022).
2. World Bank Open Data. *High-technology exports (% of manufactured exports)*. <https://data.worldbank.org/indicator/TX.VAL.TECH.MF.ZS> (accessed 11.11.2022).
3. United Nations. *Standard International Trade Classification, Revision 4*; 2006. https://unstats.un.org/unsd/publication/SeriesM/SeriesM_34rev4E.pdf (accessed 11.11.2022).
4. Eurostat. *High-tech export*. <https://ec.europa.eu/eurostat/web/products-datasets/-/tin00140#:~:text=High%20technology%20products%20are%20defined%20according%20to%20SITC,do%20not%20include%20the%20intra-EU%20trade.%20View%20table> (accessed 11.11.2022).
5. Правительство Российской Федерации. *Распоряжение от 05.03.2022 № 430-р «Перечень дружественных и недружественных стран»*. <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202203070001?index=1&rangeSize=1> (дата обращения: 11.11.2022).
6. World Bank Open Data. *ICT goods exports (% of total goods exports)*. <https://data.worldbank.org/indicator/TX.VAL.TECH.MF.ZS> (accessed 11.11.2022).
7. Росстат. *Показатели высокотехнологичного экспорта*. <https://rosstat.gov.ru/search?q=Доля+высокотехнологичных+на+укоемких+отраслей+в+ВВП> (дата обращения: 11.11.2022).
8. Росстат. *Методики расчета показателей, используемых для мониторинга выполнения поручений, содержащихся в Федеральных законах, указах Президента Российской Федерации, постановлениях и распоряжениях Правительства Российской Федерации. Информация о методиках расчета показателей, используемых для мониторинга выполнения поручений, содержащихся в Указах Президента Российской Федерации от 07.05.2012 № 596-606*. [https://rosstat.gov.ru/folder/13387#:~:text=2014 № 21-,Приказ от 15.12.2017 № 832,региональном продукте субъекта Российской Федерации](https://rosstat.gov.ru/folder/13387#:~:text=2014%20№%2021-,Приказ%20от%2015.12.2017%20№%20832,региональном+продукте+субъекта+Российской+Федерации) (дата обращения: 11.11.2022).
9. Министерство промышленности и торговли Российской Федерации. *Проект «Международная кооперация и экспорт»*. <https://minpromtorg.gov.ru/projects/international/export-support/> (дата обращения: 11.11.2022).
10. Федеральная таможенная служба. *Таможенная статистика внешней торговли Российской Федерации*. <http://stat.customs.gov.ru/analysis> (дата обращения: 11.11.2022).
11. Ganai S. G., Mir A. H. Trade specialisation and structural stability of India and China: a study on high-tech manufacturing exports. *LASSI-Quarterly*. 2021;40(3):490–524.
12. Xie G., Zheng S. A Comparative Analysis on Export Complexity and Export Technology Structure of Mechanical and Electrical Products between China, Japan and Korea. *Modern Economy*. 2019;10(9):2120–2133. <https://doi.org/10.4236/me.2019.109133>
13. Министерство промышленности и торговли Российской Федерации. *Приказ от 30.07.2019 № 2819 «Об утверждении перечня высокотехнологичной продукции»*. https://base.garant.ru/72356004/#block_1000 (дата обращения: 11.11.2022).
14. Galindo F., Fabien Verger R. OECD Taxonomy of Economic Activities Based on R&D occIntensity. *OECD Science, Technology and Industry Working Papers*. 2016;04. <https://dx.doi.org/10.1787/5jlv73sqqr8r-en>
15. Министерство промышленности и торговли Российской Федерации. *Приказ от 16.09.2020 № 3092 «Об утверждении Перечня высокотехнологичной продукции, работ и услуг с учетом приоритетных направлений модернизации российской экономики»*. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_365741/ (дата обращения: 11.11.2022).
16. Российский экспортный центр. *Классификация экспортных товаров*. https://www.exportcenter.ru/international_markets/classification/ (дата обращения: 11.11.2022).
17. Гурова И.П. Высокотехнологичный экспорт СНГ: проблема измерения. *Евразийская экономическая интеграция*. 2014;4(25):31–46.

References

1. Government of the Russian Federation. *The unified plan of the Russian Federation for the national development goals of the Federation for the period up to 2024 and for the planning period up to 2030 (approved by the decree of the Government of the Russian Federation dated October 1, 2021 No. 2765-r)*. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_398015/ (accessed 11.11.2022).
2. World Bank Open Data. *High-technology exports (% of manufactured exports)*. <https://data.worldbank.org/indicator/TX.VAL.TECH.MF.ZS> (accessed 11.11.2022).
3. United Nations. *Standard International Trade Classification, Revision 4*; 2006. https://unstats.un.org/unsd/publication/SeriesM/SeriesM_34rev4E.pdf (accessed 11.11.2022).

4. Eurostat. *High-tech export*. <https://ec.europa.eu/eurostat/web/products-datasets/-/tin00140#:~:text=High%20technology%20products%20are%20defined%20according%20to%20SITC,%20not%20include%20%20intra-EU%20trade.%20View%20table> (accessed 11.11.2022).
5. Government of the Russian Federation. *Decree of the Government of the Russian Federation dated March 5, 2022 No. 430-r "List of friendly and unfriendly countries"*. <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202203070001?index=1&range-Size=1> (accessed 11.11.2022).
6. World Bank Open Data. *Exports of ICT goods (% of total exports of goods)*. <https://data.worldbank.org/indicator/TX.VAL.TECH.MF.ZS> (accessed 11.11.2022).
7. Rosstat. *Indicators of exclusive export*. <https://rosstat.gov.ru/search?q=Доля+высокотехнологичных+наукоёмких+отраслей+в+ВВП> (accessed 11.11.2022).
8. Rosstat. *Methods for calculating indicators, monitoring the monitoring of instructions contained in Federal laws, decrees of the President of the Russian Federation, resolutions and orders of the bodies of the Russian Federation. Information on methods for calculating indicators, control over the execution of instructions contained in Decrees of the President of the Russian Federation dated May 07, 2012 No. 596-606*. <https://rosstat.gov.ru/folder/13387#:~:text=2014 № 21-,Приказ от 15.12.2017 № 832,региональном продукте субъекта Российской Федерации> (accessed 11.11.2022).
9. Russian Ministry of Industry and Trade. *International cooperation and export project*. <https://minpromtorg.gov.ru/projects/international/export-support/> (accessed 11.11.2022).
10. Russian Federal Customs Service. *Customs statistics of foreign trade of the Russian Federation*. <http://stat.customs.gov.ru/analysis> (accessed 11.11.2022).
11. Ganai S. G., Mir A. H. Trade specialisation and structural stability of India and China: a study on high-tech manufacturing exports. *LASSI-Quarterly*. 2021;40(3):490–524.
12. Xie G., Zheng X. Comparative analysis of the complexity of exports and the structure of export technologies of mechanical and electrical products between China, Japan and Korea. *Modern economy*. 2019;10(9):2120–2133. <https://doi.org/10.4236/me.2019.109133>
13. Russian Ministry of Industry and Trade. *Order dated July 30, 2019 No. 2819 "On the evaluation of the list of high-tech products"*. https://base.garant.ru/72356004/#block_1000 (accessed 11.11.2022).
14. Galindo F., Fabien Verger R. OECD taxonomy of economic activity based on R&D intensity. *OECD Working Papers on Science, Technology and Industry*. 2016;04. <https://dx.doi.org/10.1787/5jl73sqqp8r-en>
15. Russian Ministry of Industry and Trade. *Order dated September 16, 2020 No. 3092 "On the evaluation of the results of the List of high-tech products, works and services, taking into account priority areas for the development of the Russian economy"*. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_365741/ (accessed 11.11.2022).
16. Russian export center. *Classification of export goods*. https://www.exportcenter.ru/international_markets/classification/ (accessed 11.11.2022).
17. Gurova I.P. High-tech export of the CIS: the problem of measurement. *Eurasian economic integration*. 2014;4(25):31–46.

Перспективные направления совершенствования политики деофшоризации: мировая и российская практика

Тригуб Екатерина Юрьевна

Аспирант, ORCID: 0000-0002-0743-8203, e-mail: ekatrigub@mail.ru

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия

Аннотация

Целью статьи является выявление актуальных направлений и разработок предложений в сфере деофшоризации экономики. В современных реалиях осуществление политики деофшоризации стало важным направлением деятельности как различных международных институтов, так и государств. Необходимость реализации политики деофшоризации обусловлена потребностью борьбы с негативными последствиями функционирования офшорных юрисдикций, с существующей недобросовестной налоговой конкуренцией, а также содействием отмыванию денежных средств и финансированием терроризма. На основании анализа современных тенденций антиофшорной политики автором были предложены актуальные меры по деофшоризации национальной экономики, часть из которых потенциально может быть распространена в общемировом масштабе. Ключевые направления модернизации политики деофшоризации связаны с повышением транспарентности и межгосударственным сотрудничеством по вопросам деофшоризации. В работе применены методы логического и статистического анализа.

Ключевые слова

Политика деофшоризации, офшорные юрисдикции, модернизация антиофшорных мер, налоговая прозрачность, агрессивное налоговое планирование, многонациональные компании, ОЭСР

Для цитирования: Тригуб Е.Ю. Перспективные направления совершенствования политики деофшоризации: мировая и российская практика // Вестник университета. 2023. № 1. С. 170–178.

Promising trends to improve the deoffshorization policy: world and Russian practice

Ekaterina Yu. Trigub

Postgraduate Student, ORCID: 0000-0002-0743-8203, e-mail: ekatrigub@mail.ru

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Abstract

The purpose of this article is to identify current trends and development proposals in the field of economy deoffshorization. In the modern world, deoffshorization is an important direction of activity for both various international institutions and countries. The need to implement a deoffshorization policy is due to the necessity to combat negative consequences of offshore jurisdictions functioning: the existing unfair tax competition, as well as promotion of money laundering and financing of terrorism. Based on the analysis of current trends in anti-offshore policy, the author proposes topical measures to deoffshorize the national economy, some of which could potentially be distributed on a global scale. Key trends of the deoffshorization policy modernization are related to increased transparency and interstate cooperation on deoffshorization issues. The methods of logical and statistical analysis are used in the study.

Keywords

Deoffshorization policy, offshore jurisdictions, anti-offshore measures modernization, tax transparency, aggressive tax planning, multinational companies, OECD

For citation: Trigub E.Yu. (2023) Promising trends to improve the deoffshorization policy: world and Russian practice. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 170–178.

ВВЕДЕНИЕ

По мере распространения офшорных юрисдикций и появления осознания негативных последствий их функционирования у мирового сообщества, принятие мер по деофшоризации стало неотъемлемой частью экономической политики. Необходимость реализации политики деофшоризации обусловлена потребностью борьбы с уклонением от уплаты налогов, утечкой капиталов и отмыванием теневых денежных средств.

При этом необходимо подчеркнуть, что для России, как и иных стран-доноров капиталов в офшорные юрисдикции, особенно актуальна реализация комплексной и эффективной политики деофшоризации. Согласно оценке Bloomberg, в офшорные юрисдикции за 1994–2018 гг. поступило российских активов на сумму 750 млрд долл. США [1]. Доклад Tax Justice Network за 2020 г. свидетельствует о том, что из-за уклонения от уплаты налогов российскими компаниями и сокрытия активов гражданами страны в офшорных юрисдикциях за год государственный бюджет недополучил 5,1 млрд долл. США. Наиболее сильный материальный ущерб бюджету нанесли именно многонациональные компании (далее – МНК), поскольку они уклонились от уплаты налогов на сумму более 4,7 млрд долл. США. Остальная часть налоговых потерь в размере почти 0,4 млрд долл. США пришлось на физические лица [2]. Вполне закономерно, что уклонение от налогообложения оказывает негативный эффект на экономику России, так как оно имеет прямое влияние на формирование доходной части бюджета.

Несмотря на то что на сегодняшний день в рамках политики деофшоризации Российской Федерацией принято немало мер, к сожалению, вышеуказанные статистические данные подтверждают недостаточность этих мероприятий для эффективной борьбы с офшорными юрисдикциями. Активное использование офшорных юрисдикций российскими резидентами продолжает негативно сказываться на экономическом развитии страны. В этой связи необходимо постоянно совершенствовать меры по деофшоризации экономики.

ПОВЫШЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПРОЗРАЧНОСТИ

В первую очередь, важным направлением развития антиофшорных мер, по мнению автора, является модернизация мероприятий в сфере повышения информационной (в том числе налоговой) прозрачности. Прозрачность налогообложения и обмен информацией лежат в основе глобальных усилий, направленных на борьбу с агрессивным налоговым планированием МНК. В последние годы прослеживается общемировая тенденция по увеличению транспарентности ведения бизнеса, трансграничных операций, а также идентификации собственников активов. Важнейшие международные акторы антиофшорных мер – Организация экономического сотрудничества и развития (далее – ОЭСР), Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег и Европейский союз (далее – ЕС) – регулярно разрабатывают меры и ужесточают требования существующих инициатив для того, чтобы препятствовать сохранению анонимности и конфиденциальности.

В 2014 г. ОЭСР приняла меру, предписывающую осуществлять автоматический обмен финансовой и налоговой информацией странам по Единому стандарту отчетности. Подразумевалось, что увеличение налоговой прозрачности в данном случае будет достигнуто за счет обмена юрисдикциями информацией об активах и счетах физических и юридических лиц друг с другом в автоматическом режиме.

В рекомендациях Плана BEPS (англ. Base Erosion and Profit Shifting – размывание налогооблагаемой базы и вывод прибыли из-под налогообложения) тоже присутствуют положения, касающиеся повышения транспарентности хозяйственной деятельности. Например, тринадцатая рекомендация Плана BEPS содержит предписания по ведению пострановой отчетности в отношении МНК. Корпорациям необходимо раскрывать информацию о результатах их деятельности во всех странах ведения бизнеса согласно унифицированному формату отчетности [3].

Четвертая «антиотмывочная» директива Европейского союза от 20 мая 2015 г. предписала странам-членам ЕС сформировать реестры конечных бенефициаров компаний [4]. В рамках этой директивы доступ к реестрам предоставлялся лишь ограниченному числу заинтересованных лиц, и только с вступлением в силу пятой «антиотмывочной» директивы доступ к реестрам бенефициарных владельцев компаний стал публичным. Это лишь малая часть современных мер по деофшоризации, которые связаны с борьбой с офшорными юрисдикциями за счет повышения информационной прозрачности.

Помимо фактической деятельности международных институтов в данном направлении, некоторые исследователи в своих работах подчеркивают важность устранения секретности. Так, С. Макленнан приходит к выводу о том, что ключевой характерной чертой налогового убежища является наличие секретности. Ученый утверждает, что без ликвидации секретности нельзя решить проблему, связанную с функционированием налоговых убежищ [5]. В данном случае он говорит о борьбе с секретностью именно в офшорных юрисдикциях, однако в связи с тем, что акторами в офшорной финансовой сети являются, зачастую, субъекты из оншорных государств (МНК, богатые частные лица), то увеличение уровня транспарентности важно осуществлять во всех без исключения странах в общемировом масштабе. Более того, оншорным юрисдикциям несправедливо требовать соблюдения предписаний по повышению транспарентности от офшорных юрисдикций, если они сами им не следуют.

По мнению автора, одним из актуальных направлений совершенствования политики деофшоризации российской экономики, связанных с повышением информационной прозрачности, является формирование реестра конечных бенефициарных владельцев компаний (фондов). Ключевая цель данного нововведения – установление личности, которая является истинным собственником сложной корпоративной структуры.

Что касается действующего законодательства по данному аспекту, то в законе от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ дана дефиниция термина «бенефициарный владелец», также закон от 23 июня 2016 г. № 215-ФЗ предписывает юридическим лицам владеть сведениями о своих бенефициарах, обновлять и хранить информацию о них в течение пяти лет [4]. Однако в нормативно-правовых актах отсутствует требование к юридическим лицам по самостоятельному предоставлению сведений о своих бенефициарных собственниках в уполномоченные органы. В связи с этим необходимо внести соответствующие изменения в российское законодательство.

Подразумевается, что доступ к реестру конечных бенефициаров будут иметь только отдельные уполномоченные государственные органы (например, Федеральная налоговая служба Российской Федерации), а также правоохранительные органы. Таким образом, в отличие от ряда государств (стран-членов ЕС, британских заморских территорий), где эти реестры находятся в открытом (публичном) доступе [6], в России доступ к реестру будет только у определенного круга заинтересованных лиц. Основная информация о бенефициаре будет включать паспортные данные и сведения о доле владения. Более того, если негативная политика Запада в отношении России, усилившаяся из-за специальной военной операции на Украине в 2022 г., изменится и возобновится международное сотрудничество в нормальном режиме, то в перспективе для повышения транспарентности станет возможным создание общемировой единой базы реестров бенефициаров юридических лиц государств.

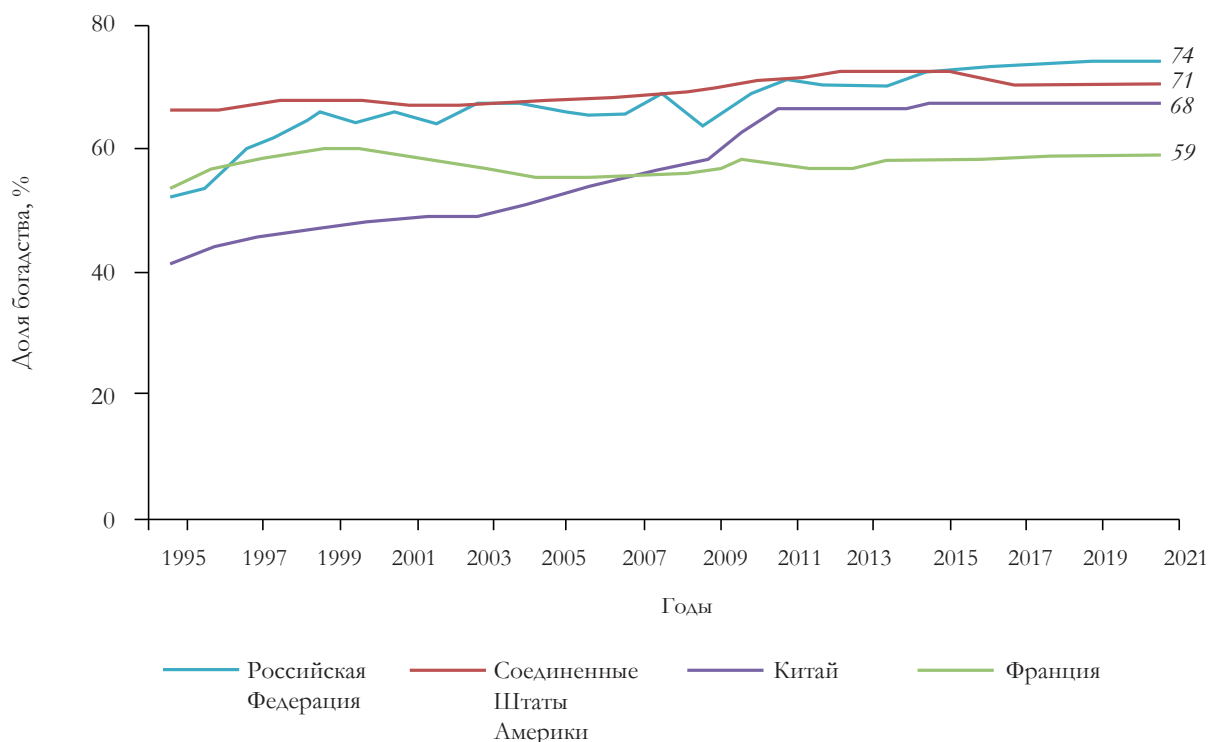
К сожалению, с февраля 2022 г. из-за введения новых западных санкций против России и ответных контрсанкций прежние деловые отношения с рядом иностранных партнеров, в числе которых США, Канада, государства-члены ЕС, были нарушены. Негативный эффект от санкций для России очевиден, поскольку ограничительные мероприятия включали заморозку значительной части золотовалютных резервов России, отключение российских банков от SWIFT (англ. Society for Worldwide Interbank Financial Telecommunication – Общество всемирных межбанковских финансовых каналов связи) и т.п. [7].

В текущей ситуации сложно предугадать скорость и порядок дальнейшего возобновления деловых связей России с другими государствами, однако появление осознанности в отношении необходимости прекращения санкционной войны с Россией со стороны ряда видных иностранных политических деятелей дает основание предположить, что рано или поздно возможно возобновление сотрудничества. Так, премьер-министр Венгрии В. Орбан отметил, что санкции против России спровоцировали нестабильность в ЕС, и для урегулирования ситуации необходимо прекратить ужесточение санкций и начать налаживать более тесные деловые связи с Россией [8]. Исходя из этого, автор не исключает возможности реализации определенных перспективных антиофшорных инициатив в дальнейшем не только на национальном уровне, но и в общемировом масштабе.

Еще одним направлением модернизации антиофшорных мер в России является создание реестра активов физических лиц. Реестр активов представляет собой общую базу данных, включающую сведения обо всех активах домохозяйств. В реестр активов подразумевается включение информации о счетах, доходах, различных видах собственности физических лиц: транспортных средствах, недвижимости, интеллектуальной собственности. В настоящее время все сведения об активах хранятся у различных субъектов (например, банков, частных компаний, государственных органов), то есть разрознено, что усложняет

контроль над активами. Создание единого реестра активов физических лиц позволит решить эту проблему. Примечательно, что данная инициатива коснется в первую очередь состоятельных граждан, поскольку на их долю приходится преобладающая часть богатства частных лиц.

В связи с тем, что степень имущественного неравенства в России высока, то 10 % богатейших домохозяйств в 2021 г. владели порядка 74 % от общего объема богатств всех граждан (рис.1). В других странах самые состоятельные физические лица владели меньшей долей богатств: в США – порядка 71 %, в Китае – около 68 %, а во Франции – менее 60 %. При этом если в 1995 г. в России на 10 % самых состоятельных граждан приходилось около 53 % всего богатства, то к 2021 г. значение этого показателя значительно увеличилось до 74 %. При этом большая часть, а именно до 2/3 активов богатейших граждан России находятся в офшорных юрисдикциях [10].

Источник: [9]

Рис.1. Доля богатства домохозяйств 10 % богатейших граждан по странам за 1995–2021 гг.

По аналогии с реестром бенефициарных владельцев компаний в случае стабилизации международных отношений России с рядом стран, ухудшившихся в связи с украинскими событиями 2022 г., в дальнейшем приоритетным направлением деофшоризации может стать формирование единого глобального реестра активов.

Кроме того, еще одним способом повышения информационной прозрачности послужит изменение в отражении статистических данных по прямым инвестициям, а также внешнеторговым операциям. Согласно существующей методологии мегарегулятора, прямые инвестиции отражают информацию и учитывают только первые государства-реципиенты, однако зачастую они фактически не всегда являются конечными получателями инвестиций. Из-за «круговых» инвестиций данные отдельных юрисдикций (например, Кипра) не соответствуют истинным значениям, то есть они завышены [11]. Однако есть страны, в которых эта проблема отсутствует в связи с отражением статистики с учетом первых, а также последних реципиентов. Ярким примером является Германия [12]. Аналогичные сложности присутствуют и при отражении статистических данных по внешнеторговым операциям. Отсюда предлагается скорректировать методологию отражения статистики по прямым инвестициям и внешнеторговым операциям и включать информацию не только по первым юрисдикциям-реципиентам, но и конечным. Это упростит контроль за движением капиталов и позволит идентифицировать их реальных получателей.

МЕЖГОСУДАРСТВЕННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ПО ВОПРОСАМ ДЕОФШОРИЗАЦИИ

Помимо повышения транспарентности важным направлением осуществления комплексной деофшоризации является ее реализация не только на национальном уровне, то есть со стороны России, но и на межгосударственном уровне. Ряд исследователей, как зарубежных, так и российских, неоднократно подчеркивали необходимость и эффективность реализации политики национальной деофшоризации без отрыва от межправительственной деятельности различных государств в данной сфере.

Так, Я. Савульски на примере государств ЕС отмечает, что борьба с уклонением от уплаты налогов из-за офшорных юрисдикций, влекущая за собой необходимость создания справедливой налоговой системы, стала в современных условиях не столько национальной задачей, сколько международной. Так как физические и юридические лица зачастую осуществляют свою хозяйственную деятельность за пределами страны резидентства, то государствам необходима адаптация налоговых систем к сложившейся ситуации, а также выход за рамки национальных нормативно-правовых актов. Пока принятых межгосударственных мер недостаточно, поскольку в ЕС до сих пор существуют налоговые гавани – Ирландия, Люксембург, Мальта и Кипр – которые усугубляют существующую проблему уклонения от уплаты налогов, благодаря действующему на их территориях законодательству [13].

Кроме того, Б.А. Хейфец в докладе 2022 г., посвященном введению глобального минимального корпоративного налога, подчеркнул, что полноценная деофшоризация российской экономики «невозможна без глобальной деофшоризации и широкого международного сотрудничества» [14, с. 54]. Е.Н. Горлова акцентирует внимание на проблеме противодействия недобросовестной налоговой конкуренции, которую государства решают за счет следования рекомендациям ОЭСР в этой сфере и принятия соответствующего национального законодательства, внесения изменений в двухсторонние и многосторонние налоговые соглашения, а также международного сотрудничества. При этом более эффективным при борьбе с недобросовестной налоговой конкуренцией является принятие мер именно на международном уровне, а не национальном [15].

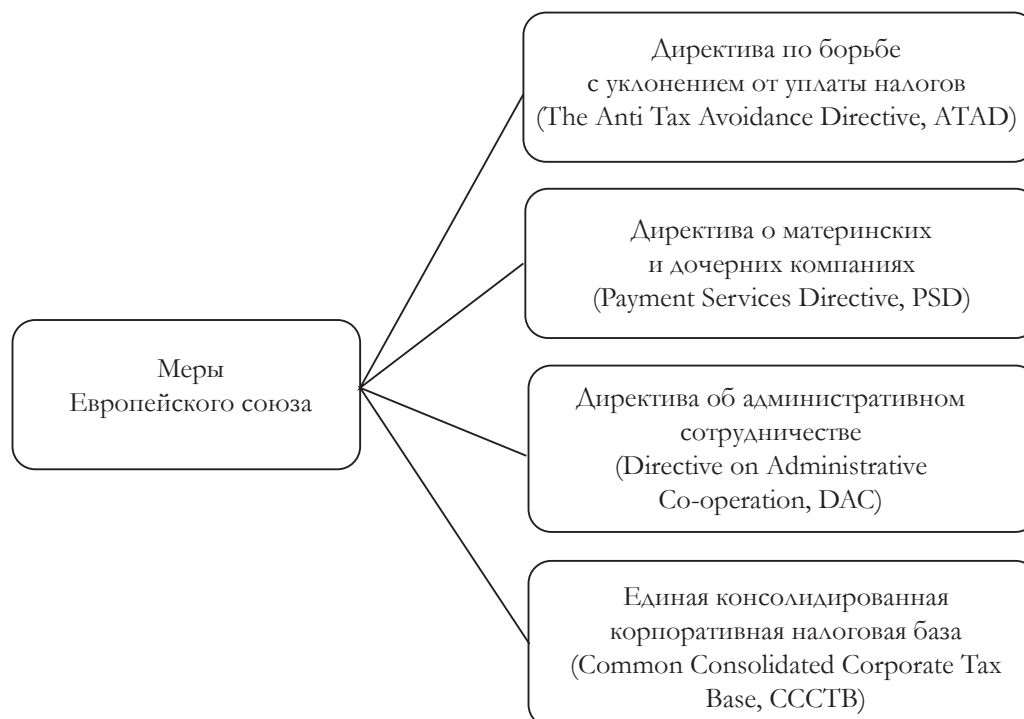
Несмотря на очевидную важность проведения антиофшорной политики в рамках постоянного сотрудничества России с другими странами, к сожалению, из-за введенных и постоянно усиливающихся санкций против России со стороны Запада гарантировать ее беспрепятственное осуществление невозможно. Безусловно, при нормальных геополитических условиях реализация деофшоризации российской экономики подразумевалась, в частности, за счет международного сотрудничества в общемировом масштабе. Однако в качестве альтернативы шагом к осуществлению деофшоризации вне государственных границ является сотрудничество с дружественными по отношению к России странами на региональном уровне.

По мнению автора, наиболее рациональной является реализация сотрудничества в сфере деофшоризации, в первую очередь, в рамках уже существующего регионального интеграционного объединения с участием России – Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС). Именно ЕАЭС в настоящее время удастся наиболее комплексно решать задачи и проблемы в рамках евразийской интеграции. Выбор данного объединения обусловлен исторически сложившейся культурной и идеологической близостью стран-участников ЕАЭС постсоветского пространства: России, Казахстана, Армении, Кыргызстана и Белоруссии. Примечательно, что ни одно из государств-партнеров России по ЕАЭС не вошло в перечень недружественных стран, в отличие от США или стран ЕС [16], а значит, с ними сохраняются хорошие деловые связи.

Помимо ЕАЭС в качестве альтернативного варианта для сотрудничества по вопросам деофшоризации может также выступать Шанхайская организация сотрудничества (далее – ШОС). Страны-участники ШОС в совокупности образуют сильное и влиятельное ядро евразийского пространства. Общая численность населения государств-членов ШОС с учетом присоединившихся в 2017 г. Индии и Пакистана составляет 64 % всего населения мира. Именно ШОС в состоянии претендовать на участие в решении глобальных вопросов в связи с возможностью выхода за пределы региональных компетенций, что уже реализуется на практике [17].

Показательным примером эффективности реализации политики региональной деофшоризации является ЕС. За последние несколько лет ЕС было разработано множество антиофшорных мер, которые отвечают современным тенденциям развития. Многие из них уже были признаны специалистами действенными, другие в силу относительно недавнего принятия только предстоит внедрить и оценить их эффективность.

Ключевые мероприятия ЕС по борьбе с агрессивными механизмами налоговой оптимизации и недобросовестной налоговой конкуренцией представлены на рис. 2. Каждое из них имеет свою направленность и характерные черты.

Источник: [18]

Рис. 2. Меры Европейского союза по борьбе с агрессивным налоговым планированием и вредоносной налоговой практикой

Так, основной целью Директивы по борьбе с уклонением от уплаты налогов (англ. The Anti Tax Avoidance Directive, ATAD) является имплементация рекомендаций плана BEPS в национальное законодательство стран-членов ЕС, а именно правил контролируемых иностранных компаний, правил в отношении гибридных инструментов, «налогообложения на выход» и ограничения процентных расходов [19].

В свою очередь, основная цель Директивы об административном сотрудничестве (англ. Directive on Administrative Co-operation, DAC) заключается во внедрении требований по обязательному раскрытию информации о трансграничных сделках, которым присущи признаки агрессивного налогового планирования [20]. При этом последние поправки к данной директиве касаются, например, введения актуальных положений в отношении обязательного предоставления операторами цифровых (онлайн-) платформ отчетностей по поводу хозяйственной деятельности продавцов товаров и услуг, использующих данные платформы. Более того, новые положения директивы также накладывают обязательства на поставщиков и эмитентов криптоактивов по раскрытию информации о них [21]. Однако восьмая редакция Директивы об административном сотрудничестве не стала первым документом, затрагивающим проблемы обращения криптоактивов.

Ранее, в пятой антиотмывочной директиве ЕС было дано определение термину «виртуальная валюта»; провайдеров электронных кошельков и площадки обмена виртуальных валют обязали осуществлять идентификацию клиентов, а также уведомлять правоохранительные органы о фактах подозрительной активности [22]. Таким образом, деятельность в сфере деофшоризации в рамках ЕС отвечает современным тенденциям развития экономики, что делает ее достаточно действенной.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на то что на текущий момент принято достаточно много мер по деофшоризации, к сожалению, оценки различных авторитетных агентств и организаций (Bloomberg, Tax Justice Network) лишь подчеркивают необходимость доработки, актуализации и модернизации текущей политики деофшоризации. В связи с этим, по мнению автора, приоритетными направлениями для совершенствования политики деофшоризации российской экономики являются меры по повышению информационной

прозрачности (создание реестра конечных бенефициаров компаний, реестра активов, отражение статистики по внешнеэкономическим сделкам и прямым инвестициям с учетом первых и конечных реципиентов), а также реализации межгосударственного сотрудничества на региональном уровне в рамках ЕАЭС, ШОС. Ряд антиофшорных инициатив – создание общего реестра бенефициаров и реестра активов физических лиц – в случае возобновления нормальных деловых отношений России с иностранными государствами в дальнейшем можно распространить на глобальный уровень.

Библиографический список

1. Johnson S. Capital Flight From Russia Carries \$750 Billion Price Tag. *Bloomberg*. Thursday 12 March 2019. <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-03-12/capital-flight-from-russia-carries-750-billion-price-tag-chart> (accessed 09.11.2022).
2. Tax Justice Network. *The State of Tax Justice 2020: Tax Justice in the time of COVID-19*; 2020. https://taxjustice.net/wp-content/uploads/2020/11/The_State_of_Tax_Justice_2020_ENGLISH.pdf (accessed 09.11.2022).
3. Joshi P. Does Private Country-by-Country Reporting Deter Tax Avoidance and Income Shifting? Evidence from BEPS Action Item 13. *Journal of Accounting Research*. 2020;58(2):333–381. <https://doi.org/10.1111/1475-679X.12304>
4. Зыкова О.А. Реестр конечных бенефициаров как правовой механизм отслеживания реального владельца компании. Опыт в России и за рубежом. *Вестник Костромского государственного университета*. 2020;26(1):178–183. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-1-178-183>
5. MacLennan S. Information, power and the fight against tax havens. In: Ryder N., Pasculli L. (eds.) *Corruption, Integrity and the Law: Global Regulatory Challenges*. Abingdon: Routledge; 2020. P. 206–218.
6. Knobel A., Harari M., Meinzer M. *The State of Play of Beneficial Ownership Registration: A Visual Overview*. Tax Justice Network; 2018. 65 p. <https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3204532>
7. Минакир П.А. Мировая экономика: идеальный шторм. *Пространственная экономика*. 2022;18(2):7–37. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2022.2.007-037>
8. Kasnyik M. Defiant Orban Doubles Down on Russia Policy, Arch-Conservatism. *Bloomberg*. Saturday 23 July 2022. <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-07-23/defiant-orban-doubles-down-on-russia-policy-arch-conservatism> (accessed 15.11.2022).
9. World Inequality Database. *Top 10% net personal wealth share*; 2021. https://wid.world/world/#shweal_p90p100_z/US;FR;CN;RU/last/eu/k/p/yearly/s/false/39.083000000000006/100/curve/false/country (accessed 15.11.2022).
10. Alstadsæter A., Johannesen N., Zucman G. Who Owns the Wealth in Tax Havens? Macro Evidence and Implications for Global Inequality. *Journal of Public Economics*. 2018;162:89–100. <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2018.01.008>
11. Кузнецов А.В. Методы оценки прямых российских инвестиций за рубежом. *Экономическая наука современной России*. 2018;(4):37–50.
12. Грачева М.В. Прямые инвестиции развитых стран в ФРГ: анализ статистики германского федерального банка. *Финансы и кредит*. 2014;9(585):34–44.
13. Sawulski J. *Tax unfairness in the European Union: Towards greater solidarity in fighting tax evasion*. Warsaw: Polish Economic Institute; 2020. 26 p. https://pie.net.pl/wp-content/uploads/2018/07/PIE_Report_Tax_Havens_EU.pdf (accessed 15.11.2022)
14. Хейфец Б.А. *Новый этап деофшоризации глобальной экономики и российские реалии: доклад*. М.: Институт экономики Российской академии наук; 2022. 64 с.
15. Горлова Е.Н. Противодействие недобросовестной налоговой конкуренции: рекомендации ОЭСР и опыт России. *Актуальные проблемы российского права*. 2017;11:84–90. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2017.84.11.084-090>
16. Российская Федерация. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 05.03.2022 № 430-р «Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц». http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_411064/e8730c96430f0f246299a0cb7e5b27193f98fdaa/ (дата обращения: 14.11.2022).
17. Куряев К.П., Малышев Д.В., Хотивришвили А.А., Шабловский В.С. ШОС и ЕАЭС в контексте Евразийской интеграции. *Мировая экономика и международные отношения*. 2021;65(2):81–88 <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-2-81-88>
18. European Commission, Directorate-General for Taxation and Customs Union, Renda A., Simonelli F., De Groen W., et al. *Reflections on the EU objectives in addressing aggressive tax planning and harmful tax practices: final report*. European Union: Publications Office; 2020. 145 p. <https://data.europa.eu/doi/10.2778/39958>
19. European Union. *Council Directive (EU) 2016/1164 of 12 July 2016 laying down rules against tax avoidance practices that directly affect the functioning of the internal market*. <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=celex:32016L1164> (accessed 15.11.2022).
20. European Union. *Council Directive 2011/16/EU of 15 February 2011 on administrative cooperation in the field of taxation and repealing Directive 77/799/EEC*. <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/ALL/?uri=CELEX%3A32011L0016> (accessed 15.11.2022).

21. PWC. *DAC 7 and DAC 8: A new set of rules to expand reporting obligations for more tax transparency to the digital economy and crypto environments*; 2021. <https://www.pwc.lu/en/newsletter/2021/dac-7-dac-8.html> (accessed 14.11.2022).
22. Covolo V. *The EU Response to Criminal Misuse of Cryptocurrencies: The Young, Already Outdated 5th Anti-Money Laundering Directive*. University of Luxembourg Law Working Paper; 2019. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3503535>

References

1. Johnson S. Capital Flight From Russia Carries \$750 Billion Price Tag. *Bloomberg*. Thursday 12 March 2019. <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-03-12/capital-flight-from-russia-carries-750-billion-price-tag-chart> (accessed 09.11.2022).
2. Tax Justice Network. *The State of Tax Justice 2020: Tax Justice in the time of COVID-19*; 2020. https://taxjustice.net/wp-content/uploads/2020/11/The_State_of_Tax_Justice_2020_ENGLISH.pdf (accessed 09.11.2022).
3. Joshi P. Does Private Country-by-Country Reporting Deter Tax Avoidance and Income Shifting? Evidence from BEPS Action Item 13. *Journal of Accounting Research*. 2020;58(2):333–381. <https://doi.org/10.1111/1475-679X.12304>
4. Zykova O.A. Register of ultimate beneficiaries as a legal mechanism for tracking the real owner of the company. Experience in Russia and abroad. *Vestnik of Kostroma State University*. 2020;26(1):178–183. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-1-178-183>
5. MacLennan S. Information, power and the fight against tax havens. In: Ryder N., Pasculli L. (eds.) *Corruption, Integrity and the Law: Global Regulatory Challenges*. Abingdon: Routledge; 2020. P. 206–218.
6. Knobel A., Harari M., Meinzer M. *The State of Play of Beneficial Ownership Registration: A Visual Overview*. Tax Justice Network; 2018. 65 p. <https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3204532>
7. Minakir P.A. The World Economy: The Perfect Storm. *Spatial Economics*. 2022;18(2):7–37. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2022.2.007-037>
8. Kasnyik M. Defiant Orban Doubles Down on Russia Policy, Arch-Conservatism. *Bloomberg*. Saturday 23 July 2022. <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-07-23/defiant-orban-doubles-down-on-russia-policy-arch-conservatism> (accessed 15.11.2022).
9. World Inequality Database. *Top 10% net personal wealth share*; 2021. https://wid.world/world/#shweal_p90p100_z/US;-FR;CN;RU/last/eu/k/p/yearly/s/false/39.083000000000006/100/curve/false/country (accessed 15.11.2022).
10. Alstadsæter A., Johannesen N., Zucman G. Who Owns the Wealth in Tax Havens? Macro Evidence and Implications for Global Inequality. *Journal of Public Economics*. 2018;162:89–100. <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2018.01.008>
11. Kuznetsov A.V. Evaluation methods of Russian direct investments abroad. *Economics of Contemporary Russia*. 2018;(4):37–50.
12. Gracheva M.V. Direct investments of developed countries in Germany: analysis of the German federal bank's statistics. *Finance and credit*. 2014;9(585):34–44.
13. Sawulski J. *Tax unfairness in the European Union: Towards greater solidarity in fighting tax evasion*. Warsaw: Polish Economic Institute; 2020. 26 p. https://pie.net.pl/wp-content/uploads/2018/07/PIE_Report_Tax_Havens_EU.pdf (accessed 15.11.2022)
14. Kheyfets B.A. *New Stage of Deoffshorization of the Global Economy and Russian realities: Scientific report*. Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences; 2022. (In Russian).
15. Gorlova E.N. Unfair Tax Competition Counteraction: The OECD Recommend Actions and Russian Experience. *Actual Problems of Russian Law*. 2017;11:84–90. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2017.84.11.084-090>
16. Russian Federation. *Resolution of the Government of the Russian Federation dated 5 March 2022 No. 430-r «On approval of the list of foreign states and territories committing unfriendly acts against the Russian Federation, Russian legal entities and individuals»*. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_411064/e8730c96430f0f246299a0cb7e5b27193f98fdaa/ (accessed 14.11.2022).
17. Kurylev K.P., Malyshev D.V., Khotivirishvili A.A., Shablovskii V.S. SCO and EAEU in the context of Eurasian integration. *World Economy and International Relations*. 2021;65(2):81–88 <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-2-81-88>
18. European Commission, Directorate-General for Taxation and Customs Union, Renda A., Simonelli F., De Groen W., et al. *Reflections on the EU objectives in addressing aggressive tax planning and harmful tax practices: final report*. European Union: Publications Office; 2020. 145 p. <https://data.europa.eu/doi/10.2778/39958>
19. European Union. *Council Directive (EU) 2016/1164 of 12 July 2016 laying down rules against tax avoidance practices that directly affect the functioning of the internal market*. <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=celex:32016L1164> (accessed 15.11.2022).
20. European Union. *Council Directive 2011/16/EU of 15 February 2011 on administrative cooperation in the field of taxation and repealing Directive 77/799/EEC*. <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/ALL/?uri=CELEX%3A32011L0016> (accessed 15.11.2022).
21. PWC. *DAC 7 and DAC 8: A new set of rules to expand reporting obligations for more tax transparency to the digital economy and crypto environments*; 2021. <https://www.pwc.lu/en/newsletter/2021/dac-7-dac-8.html> (accessed 14.11.2022).
22. Covolo V. *The EU Response to Criminal Misuse of Cryptocurrencies: The Young, Already Outdated 5th Anti-Money Laundering Directive*. University of Luxembourg Law Working Paper; 2019. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3503535>

Направления совершенствования механизмов обеспечения инвестиционной безопасности территории в условиях цифровой трансформации (на примере Краснодарского края)

Тернавщенко Кристина Олеговна

Канд. экон. наук, доц. каф. экономической безопасности

ORCID: 0000-0002-9055-6779, e-mail: tina.ru@bk.ru

Асеева Валерия Владимировна

Студент, ORCID: 0000-0002-7425-2337, e-mail: maruska.17@mail.ru

Кубанский государственный технологический университет, г. Краснодар, Россия

Аннотация

Цель исследования – разработка мероприятий по совершенствованию механизмов обеспечения инвестиционной безопасности Краснодарского края в условиях цифровой трансформации. Предметом исследования является инвестиционно-инновационный потенциал в системе экономической безопасности Краснодарского края. В статье рассматриваются особенности формирования инвестиционной безопасности территории в условиях цифровой трансформации. Представлены ключевые этапы становления этого процесса. Проведен анализ формирования показателей инновационной активности территории, а также оценен Индекс развития электронного правительства (англ. E-Government Development Index, EGDI) по странам в 2020 г. Выявлены такие угрозы формированию инвестиционной безопасности Краснодарского края, как низкая инновационная активность; непрочная взаимосвязь науки с производством; плохой уровень коммерциализации инвестиций; недостаточная популяризация среди населения получения государственных и муниципальных услуг в электронном виде; неудовлетворительный объем внедрения современных сквозных цифровых технологий в сфере регионального управления; неразвитость цифровизации; а также геополитические риски. Проведено экономическое обоснование предложенных мероприятий в отношении реализации государственной программы «Развитие промышленности Краснодарского края и повышение ее конкурентоспособности», Стратегии цифровой трансформации Краснодарского края, а также государственной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». Практическая реализация предложенных мероприятий позволит улучшить формирование инвестиционной безопасности Краснодарского края в условиях цифровой трансформации.

Ключевые слова

Инвестиционная безопасность, инвестиции, инновации, инвестиционная привлекательность, инновационная активность, цифровизация, цифровая трансформация, экономическая безопасность, мероприятия, эффективность

Для цитирования: Тернавщенко К.О., Асеева В.В. Направления совершенствования механизмов обеспечения инвестиционной безопасности территории в условиях цифровой трансформации (на примере Краснодарского края) // Вестник университета. 2023. № 1. С. 179–188.

© Тернавщенко К.О., Асеева В.В., 2023.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Directions of the territory's investment security mechanisms improvement in the context of digital transformation: Krasnodar Krai case study

Kristina O. Ternavshchenko

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Economic Security Department
ORCID: 0000-0002-9055-6779, e-mail: tina.ru@bk.ru

Valeriya V. Aseeva

Student, ORCID: 0000-0002-7425-2337, e-mail: maruska.17@mail.ru

Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia

Abstract

The purpose of the study is to develop measures to improve the mechanisms for ensuring investment security of the Krasnodar Krai in the context of digital transformation. The subject of the study is the investment and innovation potential in the economic security system of the Krasnodar Krai. The article discusses the features of the formation of investment security of the territory in the conditions of digital transformation. The key stages of this process are presented. The analysis of innovative activity of the territory indicators formation is carried out, and the E-Government Development Index by country in 2020 is estimated. Such threats to the formation of investment security in the Krasnodar Krai as low innovative activity, fragile relationship between science and production, poor commercialization of investments; insufficient popularization of receiving state and municipal services in electronic form; unsatisfactory volume of introduction of modern end-to-end digital technologies in the field of regional management; underdevelopment of digitalisation; as well as geopolitical risks have been identified. The economic justification of the proposed measures implementation in relation to the state program "Development of the industry of the Krasnodar Territory and increasing its competitiveness", the Strategy of digital transformation of the Krasnodar Krai, as well as the state program "Digital Economy of the Russian Federation" has been carried out. The practical implementation of the proposed measures will improve the formation of investment security of the Krasnodar Krai in the context of digital transformation.

Keywords

Investment security, investment, innovation, investment attractiveness, innovation activity, digitalization, digital transformation, economic security, measures, efficiency

For citation: Ternavshchenko K.O., Aseeva V.V. (2023) Directions of the territory's investment security mechanisms improvement in the context of digital transformation: Krasnodar Krai case study. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 179–188.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность обеспечения инвестиционной безопасности Краснодарского края в условиях цифровой трансформации в настоящее время обусловлена тем, что существуют реальные и потенциальные вызовы и угрозы, которые отрицательно влияют на устойчивость и адаптивность системы экономической безопасности региона в целом. Инвестиционный потенциал региона тесно связан с инновационным потенциалом, то есть теми ресурсами, которые обеспечивают осуществление инновационной деятельности в интересах реализации Стратегии социально-экономического развития Краснодарского края [1].

Цифровые технологии оказывают значительное влияние на инвестиционную безопасность территории и ее инвестиционную привлекательность, что способствует развитию цифровой трансформации региональной экономики и обеспечивает новые способы взаимодействия между государством и малым и средним предпринимательством, а также порождает новые форматы коммуникации для решения проблем в области инвестирования в приоритетные сферы деятельности экономики региона.

Инвестиционная безопасность территории играет немаловажное значение в формировании и развитии цифровой трансформации, так как она обеспечивает безопасность вложений, которые направляются инвесторами в экономику Краснодарского края для внедрения и развития инвестиционно-инновационных проектов с использованием цифровых технологий [2].

В перспективе стремительное внедрение цифровизации на разных этапах инвестиционного процесса будет являться индикатором экономического роста не только региона, но и страны в целом, будет обеспечивать устойчивость и адаптивность системы экономической безопасности Краснодарского края.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ИНВЕСТИЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ТЕРРИТОРИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Развитие цифровых технологий оказывает значительное влияние на инвестиционную безопасность территории, а также ее инвестиционную привлекательность. Относительно недавно в экономической литературе появилось определение «цифровая экономика». Она представляет собой форму организации экономической деятельности между государством и населением, которая основана на цифровых и электронных технологиях и непосредственно реализуется через электронную коммерцию, облачные технологии, а также цифровые платформы [3].

Цифровая экономика включает в себя сервисы по предоставлению онлайн-услуг, в том числе в сфере инвестиционной деятельности, по ведению бизнеса для малых и средних предпринимателей. Она охватывает все деловые, экономические и социальные операции, совершаемые в сети «Интернет» с помощью цифровых коммуникационных и сетевых технологий [4].

На первоначальном этапе происходит смена аналоговых носителей на цифровые. Затем наступает этап цифрового развития. Он представляет собой выполнение в цифровой среде бизнес-процессов, которые ранее осуществлялись субъектами без применения продуктов цифровизации. На заключительном этапе осуществляется цифровая трансформация, то есть использование инноваций на основе информационных технологий для решения различных задач [5].

Цифровая трансформация региональной экономики обеспечивает новые способы взаимодействия между государством и малым и средним предпринимательством, а также порождает новые форматы коммуникации для решения проблем в области инвестирования в приоритетные сферы деятельности экономики региона. Она выступает как процесс преобразования устоявшихся экономических и общественных институтов в связи с внедрением новых цифровых технологий. При этом они развиваются настолько стремительно и непредсказуемо, что становится очень трудно предвидеть последствия их распространения [6].

Цифровая трансформация осуществляется благодаря двум составляющим: ресурсам, которые определяют возможности и развитие цифровой трансформации, и заинтересованным сторонам, осуществляющим разработку и реализацию инвестиционно-инновационных проектов в регионе. Результат воздействия этих составляющих включает в себя как экономические, так и социальные эффекты, которые в перспективе будут формировать инвестиционную безопасность территории. Если в регионе активно разрабатываются и внедряются инвестиционно-инновационные проекты, субъект имеет большие возможности для развития бизнеса, а также увеличения инвестиционной и деловой активности. В результате чего обеспечивается инвестиционная безопасность.

В условиях цифровой трансформации наблюдается взаимосвязь между инвестиционной, инновационной и научно-технологической безопасностью. Эта взаимосвязь заключается в обеспечении доступности инвестиционных ресурсов для осуществления процессов разработки и реализации инновационных проектов. Инвестиционная безопасность выступает в качестве определяющего фактора для безопасности в сфере инноваций [7].

В перспективе внедрение цифровизации на разных этапах инвестиционного процесса будет являться индикатором экономического роста не только региона, но и страны в целом, и обеспечит устойчивость и адаптивность инвестиционной безопасности на мезоуровне.

АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ

Степень готовности России к реализации и использованию цифровых услуг населением, а также малым и средним предпринимательством позволяет оценить Индекс развития электронного правительства (англ. E-Government Development Index, EGD), который рассчитывается Департаментом экономического и социального развития Организации Объединенных Наций. Рейтинг охватывает 193 страны [8]. Избранные данные по отдельным странам представлены в таблице 1.

Таблица 1

Индекс развития электронного правительства по странам на 2020 г.

Страна	Индекс		Значения по субиндексам		
	Значение	Место в рейтинге	Государственные онлайн-сервисы	Телекоммуникационная инфраструктура	Человеческий капитал
Дания	0,9758	1	0,9706 (3)	0,9979 (2)	0,9588 (2)
Республика Корея	0,9560	2	1,0000 (1)	0,9684 (4)	0,8997 (23)
Эстония	0,9473	3	0,9941 (2)	0,9212 (11)	0,9266 (13)
Австралия	0,9432	5	0,9471 (7)	0,8825 (21)	1,0000 (1)
...	...	...	...	...	...
Чили	0,8259	34	0,8529 (24)	0,7606 (51)	0,8643 (36)
Португалия	0,8255	35	0,8353 (35)	0,7948 (43)	0,8463 (45)
Российская Федерация	0,8244	36	0,8176 (39)	0,7723 (49)	0,8833 (31)
Италия	0,8231	37	0,8294 (36)	0,7932 (44)	0,8466 (44)
Бахрейн	0,8213	38	0,7882 (45)	0,8319 (30)	0,8439 (46)

Составлено авторами по материалам исследования

В соответствии с данным индексом, Россия занимает 36-е место, уступая при этом ведущим странам в области цифровой трансформации: Дании, Республике Корея, Эстонии, Финляндии, Австралии. Индекс формируется на основании трех составляющих [8]:

- государственные онлайн-сервисы (39-е место в рейтинге);
- телекоммуникационная инфраструктура (49-е место в рейтинге);
- человеческий капитал (31-е место в рейтинге).

В настоящее время наблюдается серьезная проблема в области телекоммуникационной инфраструктуры на уровне регионов России, в том числе в Краснодарском крае. Лишь 10 % муниципальных образований отвечают установленным требованиям законодательства по уровню цифровизации.

На глобальном цифровом рынке самыми уязвимыми местами для конкурентоспособности России являются низкий уровень внедрения инноваций и, как следствие, неразвитость малого и среднего предпринимательства из-за неготовности страны к цифровой трансформации. Поэтому особое значение приобретает вложение инвестиций в инновационные технологии, наряду с развитием телекоммуникационной инфраструктуры и человеческого капитала в данной сфере.

Анализ динамики основных показателей инновационной активности Краснодарского края представлен в таблице 2.

Таблица 2

Динамика показателей инновационной активности Краснодарского края

Показатель, единицы измерения	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	Абсолютное отклонение ($\pm$)
Затраты на инновации, млрд руб.	9,7	47,4	11,6	28,2	54,7	45,0
Удельный вес затрат на инновации в общем объеме товаров, %	3,0	4,0	1,2	0,7	2,5	-0,5
Удельный вес инновационных товаров в общем объеме товаров, %	7,7	14,1	8,7	2,3	1,8	-5,9

Источник: [9]

Затраты региона на развитие инновационной деятельности являются значительными (прирост более чем в 5 раз). Подтверждающим фактором является то, что экономика Краснодарского края находится на стадии инновационного развития, что проявляется в производстве высококачественной продукции, необходимой для удовлетворения потребностей населения.

Инновационное развитие региона оказывает положительное влияние на устойчивость инвестиционной безопасности к внешним и внутренним вызовам угрозам. С этой целью Департамент инвестиций Краснодарского края содействует развитию инвестиционных проектов в области науки и технологий. Несмотря на значительные затраты, удельный вес инновационных товаров недостаточный.

Наблюдается отсутствие эффективной связи науки с производством, то есть финансирование инновационной деятельности не приносит должного экономического эффекта, что препятствует формированию механизмов обеспечения инвестиционной безопасности Краснодарского края в условиях цифровой трансформации.

СИСТЕМА МЕРОПРИЯТИЙ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ МЕХАНИЗМОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНВЕСТИЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Наличие реальных и потенциальных угроз формированию инвестиционной безопасности в условиях цифровой трансформации оказывает негативное влияние на обеспечение устойчивости и адаптивности системы экономической безопасности Краснодарского края. Основные угрозы, а также приоритетные направления по их минимизации, представлены в таблице 3.

Таблица 3

Мероприятия по совершенствованию механизмов обеспечения инвестиционной безопасности Краснодарского края в условиях цифровой трансформации

Угроза	Мероприятие	Результат
Недостаточный уровень инновационной активности	Создание Фонда НИОКР, а также исполнение подпрограммы «Государственная поддержка малого и среднего предпринимательства и стимулирование инновационной деятельности в Краснодарском крае» [10]	– повышается инновационный потенциал организаций; – происходит вовлечение предприятий края в инновационные процессы; – повышается спрос на перспективные в финансовом плане результаты научно-технической деятельности края

Угроза	Мероприятие	Результат
Недостаточная взаимосвязь науки с производством	Реализация программы «Развитие промышленности Краснодарского края и повышение ее конкурентоспособности» [11]	– стимулирование субъектов предпринимательской деятельности к внедрению новых технологий при осуществлении производственной деятельности; – обеспечение льготного доступа бизнеса к производственным площадям и помещениям в целях создания производственных и инновационных компаний на территории Краснодарского края
Низкий уровень коммерциализации инвестиций	Внедрение концепции «Умная специализация» [12]	– повышается уровень цифровизации, благодаря чему Краснодарский край становится инвестиционно и инновационно привлекательным; – повышается уровень эффективности системы проектного управления с помощью упрощенного взаимодействия между органами власти и бизнесом
Недостаточная распространенность среди граждан получения услуг в цифровом виде	Перевод социально значимых услуг в цифровой вид	– предоставление онлайн-услуг 24 часа в сутки и 7 дней в неделю в проактивном режиме, то есть без отдельных заявлений со стороны граждан, с использованием реестровой модели; – увеличивается не только доля населения, получающая информацию с сайтов государственных органов, но и доля цифровых услуг в целом
Недостаточный объем внедрения современных сквозных цифровых технологий в сфере регионального управления	Электронный документооборот / ЕМСЭД КК	– повышение качества электронных услуг за счет сокращения сроков обработки документов; – обеспечение электронного документооборота между органами власти края, местного самоуправления и подведомственными им учреждениями; – снижение расходов бюджета Краснодарского края за счет исключения избыточного дублирования данных в цифровом виде
Неразвитость цифровизации	Реализация Стратегии цифровой трансформации Краснодарского края [13]	– минимизация физических, административных и социальных барьеров с помощью развития цифровых технологий на территории Краснодарского края; – повышение качества предоставления цифровых услуг; – модернизация отдельных информационных систем и цифровых продуктов отрасли государственного управления
Геополитические риски	Осуществление программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [14]	– формируется цифровая экономика страны; – повышается конкурентоспособность на глобальном рынке экономики Российской Федерации; – происходит вложение инвестиций благодаря взаимодействию бизнеса, науки и региональных органов власти

НИОКР – научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы; ЕМСЭД КК – Единая межведомственная система электронного документооборота Краснодарского края

Составлено авторами по материалам исследования

Данные мероприятия по повышению эффективности формирования инвестиционной безопасности Краснодарского края в условиях цифровой трансформации позволят не только предотвратить реальные и потенциальные вызовы и угрозы, но и обеспечить устойчивость и адаптивность системы экономической безопасности региона.

Проведение экономического обоснования предложенных мероприятий направленно на:

- усиление взаимосвязи науки с производством и, как следствие, увеличение уровня инновационной активности;
- развитие цифровизации и процессов предоставления услуг в цифровом виде на всей территории Краснодарского края;
- формирование уникальной экосистемы цифровой экономики России и ее цифрового потенциала в целях усиленного развития цифровой трансформации.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ МЕРОПРИЯТИЙ

На сегодняшний день формирование инвестиционной безопасности в условиях цифровой трансформации выступает одной из ключевых задач развития Краснодарского края. Проведем экономическое обоснование ключевых мероприятий, способствующих улучшению инвестиционно-инновационного климата на территории Краснодарского края в условиях развития цифровизации (табл. 4). В настоящее время в целях улучшения взаимосвязи науки с производством активно реализуется программа «Развитие промышленности Краснодарского края и повышение ее конкурентоспособности» [11].

Таблица 4

Целевые показатели программы «Развитие промышленности Краснодарского края и повышение ее конкурентоспособности»

Показатель, единицы измерения	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	Абсолютное отклонение ($\pm$)
Объем инвестиций предприятий промышленности, млрд руб.	10,1	11,3	11,9	12,1	2,0
Производительность труда в промышленном производстве на одного работника в год, млн руб.	2,9	3,0	3,0	3,1	0,2
Прирост высокопроизводительных рабочих мест, к предыдущему году, %	103,0	103,5	104,0	104,5	1,5

Составлено авторами по материалам исследования

Как следует из таблицы 4, прогнозное значение объема инвестиций предприятий промышленности в результате реализации данной программы планируется увеличить на 2 млрд руб. При этом к 2024 г. значение показателя составит 12,1 млрд руб., что обеспечит внедрение новых технологий при осуществлении производственной деятельности и, как следствие, повысит уровень инновационной активности на территории Краснодарского края. Наряду с этим происходит увеличение высокопроизводительных рабочих мест (на 1,5 %), а также повышение производительности труда в промышленном производстве на 0,2 млн руб. к 2024 г.

Не менее значимой угрозой формирования инвестиционной безопасности Краснодарского края в условиях цифровой трансформации является неразвитость цифровизации и процессов предоставления услуг в электронном виде. С этой целью разрабатывается и внедряется Стратегия в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Краснодарского края [13]. Она предполагает достижение цифровой зрелости ключевых направлений цифровой трансформации субъекта. Прогнозные значения показателей Стратегии по основным сферам деятельности представлены в таблице 5.

Можно сказать, что по состоянию на 2021 г. Краснодарский край имеет средний уровень цифровой зрелости, что не в полной мере позволяет обеспечить формирование его инвестиционной безопасности в условиях цифровой трансформации.

К 2024 г. планируется стабильное увеличение значений показателей в области цифровизации. Перевод массовых социально значимых услуг в электронный вид позволит в перспективе увеличить долю сведений в информационных системах Краснодарского края, доступных в электронном виде, на 17 %.

**Прогнозные значения показателей Стратегии в области цифровой трансформации
отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления
Краснодарского края до 2024 г.**

Показатель	Значения по годам, %				
	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	Абсолютное отклонение(±)
<i>Перевод массовых социально значимых услуг в цифровой вид</i>					
Доля видов сведений в региональных информационных системах, доступных в цифровом виде	15	18	25	32	17
Сокращение регламентного времени предоставления государственных услуг в 3 раза при оказании услуг в цифровом виде	15	18	25	32	17
Доля социально значимых услуг, доступных в электронном виде	15	18	25	32	17
Степень удовлетворенности качеством предоставления услуг в цифровом виде	15	18	25	32	17
<i>Электронный документооборот</i>					
Доля органов власти, ведущих свою деятельность с использованием цифрового документооборота	40	43	47	100	60
Доля документооборота между органами власти и подведомственными им учреждениями в субъекте Российской Федерации	15	18	25	32	17
<i>Промышленность</i>					
Доля сформированных на платформе государственной информационной системы промышленности цифровых паспортов предприятий	20	25	50	85	65
Доля государственной поддержки для субъектов в сфере промышленности, предоставляемых в электронном виде	7	10	20	30	23

Составлено авторами по материалам исследования

Параллельно с этим сокращается регламентное время предоставления цифровых услуг не только населению в целом, но и малому и среднему предпринимательству в частности. В свою очередь, это способствует более эффективному взаимодействию бизнеса и государства в области привлечения инвестиций в экономику Краснодарского края.

Увеличение доли региональных органов государственной власти, которые ведут свою деятельность с использованием электронного документооборота на 60 % к 2024 г., позволит значительно сократить время предоставления государственной помощи на развитие инвестиционно-инновационных проектов Краснодарского края.

В сфере промышленности также планируется увеличить долю государственной поддержки в цифровом формате для субъектов предпринимательства на 23 % по сравнению с отчетным периодом, что благоприятно скажется на формировании инвестиционной безопасности Краснодарского края в условиях цифровой трансформации.

Минимизация геополитических рисков становится возможной благодаря реализации программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [14], позволяющей создать цифровую экономику субъектов, в том числе Краснодарского края.

Представленные в таблице 6 текущие и прогнозные значения показателей государственной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» характеризуют цифровой потенциал формирования цифровой экономики к 2024 г.

Таблица 6

**Текущие и прогнозные значения показателей исследований
в области цифровой экономики**

Показатели, единицы измерения	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	Абсолютное отклонение(±)
Удельный вес затрат на исследования в общем объеме внутренних затрат, %	4,0	4,1	4,2	4,2	4,3	0,3
Количество компаний-лидеров в области цифровизации, единиц	5	6	7	8	10	5
Количество проектов цифровой экономики (стоимостью не менее 100 млн руб.), единиц	5	10	15	20	30	25
Число патентных заявок (поданных в стране и за рубежом), единиц						
– телекоммуникационные технологии	550	580	605	625	650	100
– технологии цифровой связи	305	320	340	360	380	75
– компьютерные технологии	1 170	1 210	1 295	1 350	1 450	280

Составлено авторами по материалам исследования

Создать экосистему цифровой экономики позволит увеличение доли внутренних затрат на исследования сектора информационно-коммуникационных технологий на 0,3 % к 2024 г. В перспективе планируется увеличение количества компаний-лидеров в области цифровизации, являющихся конкурентоспособными на внешних рынках и, соответственно, количества осуществленных проектов цифровой экономики на 25 единиц к 2024 г.

Формированию конкурентоспособности Российской Федерации на глобальном рынке способствует увеличение числа патентных заявок по технологическим областям, среди которых необходимо выделить патентные заявки в области телекоммуникационных и компьютерных технологий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, наблюдается серьезная проблема в области телекоммуникационной инфраструктуры регионов, в том числе в Краснодарском крае (только 10 % отвечают установленным требованиям законодательства по уровню цифровизации). Однако формируемый на сегодняшний день цифровой потенциал России позволяет ей конкурировать с другими странами.

Внешние и внутренние вызовы и угрозы формирования инвестиционной безопасности Краснодарского края в условиях цифровой трансформации остаются на очень высоком уровне. Эти угрозы препятствуют развитию цифровизации субъектов. Как результат, происходит снижение инвестиционно-инновационной привлекательности Краснодарского края.

К ключевым угрозам формирования механизмов обеспечения инвестиционной безопасности Краснодарского края в условиях цифровой трансформации можно отнести низкую инновационную активность; непрочную взаимосвязь науки с производством; плохой уровень коммерциализации инвестиций; неудовлетворительный объем внедрения современных сквозных цифровых технологий в сфере регионального управления; неразвитость цифровизации.

Поэтому необходимо периодически разрабатывать приоритетные направления совершенствования механизмов обеспечения инвестиционной безопасности в условиях цифровой трансформации для минимизации угроз, а также обеспечения экономической безопасности региона.

Библиографический список

1. Законодательное Собрание Краснодарского края. Закон Краснодарского края от 21.12.2018 № 3930-КЗ «О стратегии социально-экономического развития Краснодарского края до 2030 года». <https://docs.cntd.ru/document/550301926> (дата обращения: 25.10.2022).
2. Щербakov В.Н., Балдин К.В., Дубровский А.В. *Инвестиции и инновации: учебник*. М.: Дашков и Ко; 2017. 658 с.
3. Воронцовский А.В. Цифровизация экономики и ее влияние на экономическое развитие и общественное благосостояние. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*. 2020;36(2):189–216. <https://doi.org/10.21638/spbu05.2020.202>

4. Бельтикова А.В. Оценка цифрового потенциала регионов России. В сб.: Емельянов Н.В. (ред.) *Научные исследования и инновации. Материалы VIII Международной научно-практической конференции, Саратов 12 июня 2021 г.* М.: КДУ, Добросвет; 2021. С. 82–93.
5. Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. *Приказ от 01.08.2018 № 428 «Об утверждении Разъяснений по разработке региональных проектов в рамках федеральных проектов национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации».* <https://rulings.ru/acts/Prikaz-Minkomsvyazi-Rossii-ot-01.08.2018-N-428/> (дата обращения: 25.10.2022).
6. Кошовец О.Б., Ганичев Н.А. Глобальная цифровая трансформация и ее цели: декларации, реальность и новый механизм роста. *Экономическая наука современной России.* 2018;4(83):126–143.
7. Киселева О.Н. Синергия инвестиционной и инновационной безопасности в аспекте национальной технологической инициативы. *Основы экономики, управления и права.* 2021;1(26):51–54. https://doi.org/10.51608/23058641_2021_1_51
8. Абдрахманова Г.И., Васильковский С.А., Вишневецкий К.О. и др. *Цифровая экономика: 2022: краткий статистический сборник.* М.: НИУ ВШЭ; 2022. 124 с. <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/552091260.pdf> (дата обращения: 27.10.2022).
9. Росстат. *Краснодарский край. Статистический ежегодник. 2020: Стат. сб.* Краснодар: Краснодарстат; 2021. 398 с.
10. Губернатор Краснодарского края. *Государственная программа «Социально-экономическое и инновационное развитие Краснодарского края» от 05.10.2013 № 943.* <https://docs.cntd.ru/document/432800197> (дата обращения: 26.10.2022).
11. Губернатор Краснодарского края. *Государственная программа «Развитие промышленности Краснодарского края и повышение ее конкурентоспособности» от 30.11.2015 № 1138.* <https://docs.cntd.ru/document/432810035> (дата обращения: 26.10.2022).
12. Оборин М.С. Роль регионов с «Умной специализацией» в социально-экономическом развитии России. *Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского.* 2020;4(60):23–30.
13. Губернатор Краснодарского края. *Стратегия в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Краснодарского края от 18.08.2021.* <https://digital.gov.ru/uploaded/files/d45503143.pdf> (дата обращения: 27.10.2022).
14. Правительство Российской Федерации. *Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации».* <http://static.government.ru/media/files/urKHm0gTPPnzJlaKw3M5cNLo6gczMkPF.pdf> (дата обращения: 21.10.2022).

References

1. Legislative Assembly of the Krasnodar Krai. *Law of the Krasnodar dated December 21, 2018 No. 3930-KZ “On the Strategy for the Social and Economic Development of the Krasnodar Krai until 2030”.* <https://docs.cntd.ru/document/550301926> (accessed 25.10.2022).
2. Shcherbakov V.N., Baldin K.V., Dubrovsky A.V. *Investments and innovations: textbook.* Moscow: Dashkov and Co.; 2017. (In Russian).
3. Vorontsovsky A.V. Digitalization of the economy and its impact on economic development and social welfare. *St Petersburg University Journal of Economic Studies.* 2020;36(2)189–216. <https://doi.org/10.21638/spbu05.2020.202>
4. Beltikova A.V. Assessment of the digital potential of Russian regions. In: Emelyanov N.V. (ed.) *Scientific research and innovation. Proceedings of the 8th International Scientific and Practical Conference, Saratov, June 12, 2021.* Moscow: KDU, Dobrosvet; 2021. (In Russian)
5. Ministry of digital development, communications and mass communications of the Russian Federation. *Order No. 428 dated August 1, 2018 “On Approval of Clarifications on the Development of Regional Projects within the Federal Projects of the National Program “Digital Economy of the Russian Federation”.* <https://rulings.ru/acts/Prikaz-Minkomsvyazi-Rossii-ot-08/01/2018-N-428/> (accessed 25.10.2022).
6. Koshovets O.B., Ganichev N.A. Global digital transformation and its goals: declarations, reality and a new growth mechanism. *Economic science of modern Russia.* 2018;4(83):126–143.
7. Kiseleva O.N. Investment and innovation security synergy in terms of the national technology initiative. *Economy, Governance and Law Basis.* 2021;1(26):51–54. https://doi.org/10.51608/23058641_2021_1_51
8. Abdrakhmanova G.I., Vasilkovsky S.A., Vishnevsky K.O., et al. *Digital Economy: 2022: a brief statistical collection.* Moscow: HSE University; 2022. <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/552091260.pdf> (accessed 27.10.2022).
9. Rosstat. *Krasnodar Krai. Statistical Yearbook. 2020.* Krasnodar: Krasnodarstat; 2021. (In Russian)
10. Governor of the Krasnodar Krai. *The state program “Socio-economic and innovative development of the Krasnodar Krai” dated October 5, 2013 No. 943.* <https://docs.cntd.ru/document/432800197> (accessed 26.10.2022).
11. Governor of the Krasnodar Krai. *State program “Development of the industry of the Krasnodar Krai and increasing its competitiveness” dated November 30, 2015 No. 1138.* <https://docs.cntd.ru/document/432810035> (accessed 26.10.2022).
12. Oborin M.S. The role of regions with “smart specialization” in the socio-economic development of Russia. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences.* 2020;4(60):23–30.
13. Governor of the Krasnodar Krai. *Strategy in the field of digital transformation of economic sectors, social sphere and public administration of the Krasnodar Krai dated August 18, 2021.* <https://digital.gov.ru/uploaded/files/d45503143.pdf> (accessed 27.10.2022).
14. The Government of the Russian Federation. *Passport of the national program “Digital Economy of the Russian Federation”.* <http://static.government.ru/media/files/urKHm0gTPPnzJlaKw3M5cNLo6gczMkPF.pdf> (accessed 21.10.2022).

Фискальная функция налогов, ее влияние на доходы бюджетов различных уровней

Зотиков Николай Зотикович

Канд. экон. наук, доц. каф. финансов, кредита и экономической безопасности
ORCID: 0000-0001-5631-9123, e-mail: zotikovcontrol@yandex.ru

Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова, г. Чебоксары, Россия

Аннотация

В настоящее время в экономической науке нет единой устоявшейся точки зрения на количество выполняемых налогами функций. При этом все исследователи едины во мнении, что главной является фискальная функция, согласно которой за счет налогов формируется доходная база бюджетов всех уровней. Все остальные функции: стимулирующая, регулирующая и другие тесно связаны с фискальной функцией. Эта функция используется государством при разработке налоговой политики на том или ином этапе экономического развития. В статье на основании официальных данных рассмотрено влияние фискальной функции налогов на формирование бюджетов бюджетной системы Российской Федерации за период с 2006 г. по 2021 г. Автором установлено, что государство в настоящее время проводит политику фискального федерализма, от которой образуется дисбаланс в доходной и расходной частях региональных и местных бюджетов.

Ключевые слова

Фискальная функция, налоговая политика, бюджетная система России, нефтегазовые доходы, косвенные налоги, собственные доходы бюджетов, безвозмездные поступления, дефицит бюджета

Для цитирования: Зотиков Н.З. Фискальная функция налогов, ее влияние на доходы бюджетов различных уровней // Вестник университета. 2023. № 1. С. 189–198.

Fiscal function of taxes, its impact on budget revenues at various levels

Nikolai Z. Zotikov

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Finance, Credit and Economic Security Department
ORCID: 0000-0001-5631-9123, e-mail: zotikovcontrol@yandex.ru

I.N. Ulianov Chuvash State University, Cheboksary, Russia

Abstract

Currently, in economics there is no single, well-established point of view on the number of functions performed by the tax. At the same time, all researchers are unanimous in their opinion that the main function is the fiscal function, according to which the revenue base of budgets of all levels is formed at the expense of taxes. All other functions: stimulating, regulating, etc. are closely related to the fiscal function. This function of taxes is used by the state in the development of tax policy at a particular stage of economic development. Based on official data, the article examines the impact of the fiscal function of taxes on the formation of budgets of the Russian Federation budget system for the period from 2006 to 2021. The author found that the state is currently pursuing a policy of fiscal federalism, which creates an imbalance in the revenue and expenditure parts of regional and local budgets.

Keywords

Fiscal function, tax policy, budget system of the Russian Federation, oil and gas revenues, indirect taxes, own budget revenues, gratuitous receipts, budget deficit

For citation: Zotikov N.Z. (2023) Fiscal function of taxes, its impact on budget revenues at various levels. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 189–198.

ВВЕДЕНИЕ

По мнению Е.О. Климовой [1], фискальная функция налогов проявляется следующим образом:

- 1) через формирование доходов посредством аккумуляции средств в бюджете и внебюджетных фондах;
- 2) перераспределяется часть валового внутреннего продукта (далее – ВВП) в территориальном, отраслевом разрезах;
- 3) применение фискальной функции ограничено;
- 4) в доходах консолидированного бюджета Российской Федерации (далее – РФ) значительна доля налогов;
- 5) в формировании доходов различна доля налогов, основные налоги: налог на добавленную стоимость (далее – НДС), налог на доходы физических лиц (далее – НДФЛ), налог на прибыль, акцизы.

Э.А. Тавядан [2] определяет следующие функции налогов:

- фискальная – формирование доходной части бюджетов;
- регулирующая – налогообложение сфер, территорий разными налогами;
- стимулирующая – развитие экономики.

Характеризуя налоговую систему Германии, А.Г. Ходов [3] приводит следующие функции:

- фискальная – финансирование государственных расходов;
- социальная функция – поддержание социального равновесия путем уменьшения неравенства между реальными доходами отдельных социальных групп населения;
- регулирующая – поддержание экономического роста, занятости, прогрессивности структурных изменений.

«Исторически сложилось, что финансовая наука в первую очередь выделяет фискальную функцию налогообложения и лишь во вторую рассматривает возможности регулирующей функции» [4, с. 53].

«В настоящее время налоговой системе России присущ преимущественно фискальный характер, что затрудняет реализацию заложенных в налоге стимулирующего и регулирующего начала» [5, с. 339].

«Конституционное совершенствование бюджетной системы предполагает достижение баланса между фискальной, стимулирующей и регулирующей функциями» [6, с. 307].

С.А. Ананьева [7] выделяет критерии, которым должна соответствовать реализация фискальной функции налогов:

- 1) налоги должны платить все субъекты экономической деятельности;
- 2) налоги должны быть распределены между субъектами в равной мере;
- 3) налоги должны быть просты и понятны всем плательщикам;
- 4) налоги должны поступать в бюджет равномерно;
- 5) налогоплательщики имеют право воспользоваться определенными льготами.

Функции налогов проявляются в проводимой государством налоговой политике.

«Налоговая политика – деятельность уполномоченных органов государственной власти и управления, реализуемая через комплекс мероприятий в сфере налогов и сборов как фискальных инструментов и регулирующих рычагов» [8, с. 32].

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Далее приведем данные бюджетов РФ различных уровней за период с 2006 г. по 2021 г. (таблицы 1, 2, 3, 4).

Таблица 1

Доходы федерального бюджета Российской Федерации

Годы	Доходы			Из доходов- косвенные		Расходы, млрд руб.	Дефицит (–), профицит (+), млрд руб.	Нефтега- зовый дефи- цит (–), млрд руб.
	Всего, млрд руб.	В том числе нефтегазовые		Всего, млрд руб.	%			
		млрд руб.	%					
2006	6 278,9	2 943,5	46,9	1 963,0	31,3	4 284,8	1 994,1	949,5
2007	7 781,1	2 897,4	37,2	2 884,5	37,1	5 986,6	1 794,6	1 102,8
2008	9 275,9	4 389,4	47,3	2 918,2	31,5	7 570,9	1 705,1	2 684,4

Годы	Доходы			Из доходов-косвенные		Расходы, млрд руб.	Дефицит (-), профицит (+), млрд руб.	Ненефтегазовый дефицит (-), млрд руб.
	Всего, млрд руб.	В том числе нефтегазовые		Всего, млрд руб.	%			
		млрд руб.	%					
2009	7 337,8	2 984,0	40,7	2 618,7	35,7	9 660,1	-2 322,3	5 306,3
2010	8 305,4	3 830,7	46,1	3 229,7	38,9	10 117,5	-1 812,0	5 642,7
2011	11 367,7	5 641,8	49,6	4 221,7	37,1	10 925,6	442,0	5 199,7
2012	12 855,5	6 453,2	50,2	4 673,8	36,4	12 895,0	-39,4	6 492,6
2013	13 019,9	6 534,0	50,2	4 747,2	36,5	13 342,9	-323,0	6 857,0
2014	14 496,9	7 433,8	51,3	5 176,5	35,7	14 831,6	-334,7	7 768,5
2015	13 659,2	5 862,7	42,9	5 380,6	39,4	15 620,3	-1 961,0	7 823,7
2016	13 460,0	4 844,0	36,0	5 829,2	43,3	16 416,4	-2 956,4	7 800,4
2017	15 088,9	5 971,9	39,6	6 708,1	44,4	16 420,3	-1 331,4	7 303,3
2018	19 454,4	9 017,8	46,3	7 646,8	39,3	16 713,0	2 741,4	6 276,4
2019	20 188,8	7 924,3	39,3	8 848,8	43,8	18 214,5	1 974,3	5 950,0
2020	18 719,1	5 235,2	28,0	8 917,7	47,6	22 821,6	-4102,5	9 337,7
2021	25 286,4	9 056,5	35,8	11 216,6	44,3	24 762,1	524,3	8 532,2
2021/ 2006, %	402,7	307,7	76,3	571,4	141,5	577,9	-	898,6
Среднего- довой темп роста, %	25,2	19,2	-	35,7	-	36,1	-	-

Источник: [9]

Как следует из приведенных в таблице 1 данных, в 2021 г. по сравнению с 2006 г.:

- доходы федерального бюджета увеличились в 4 раза при среднегодовом темпе роста в размере 25,2 %;
- нефтегазовые доходы увеличились в 3,07 раза, среднегодовой темп роста составил 19,2%;
- доля нефтегазовых доходов уменьшилась с 46,9 % в 2006 г. до 28,0 % в 2020 г., затем вновь увеличилась до 35,8 % в 2021 г., что связано с ростом цен на нефть и газ из-за введенных Западом санкций в отношении России.

Как указывает Ю.В. Мельникова, основной проблемой, связанной с налогообложением недропользователей, является отсутствие нормирования добычи. «Зависимость от мировых цен на нефть ведет к нерегулярному пополнению бюджета» [10, с. 105].

Ненефтегазовые доходы за указанный период увеличились в 4,86 раза, среднегодовые темпы роста составили 30,4 %; с увеличением косвенных налогов в 5,71 раза увеличилась их доля в доходах федерального бюджета с 31,3 % в 2006 г. до 44,3 % (или на 41,5 %); увеличение доли косвенных налогов до 43,8 % в 2019 г. связано с повышением ставки НДС с 18,0 % до 20,0 %; среднегодовой темп роста косвенных налогов в размере 35,7 % опережает соответствующий показатель роста всех доходов бюджета (25,2 %), нефтегазовых доходов (19,2 %), ненефтегазовых доходов (30,4 %); расходы федерального бюджета увеличились в 5,78 раза при среднегодовом их росте на 36,1 %.

В течение 9 из 16 лет федеральный бюджет имеет дефицит, ненефтегазовый дефицит (разность между доходами, не зависящими от нефти и газа, и расходами) в 2021 г. в сравнении с 2006 г. увеличился в 9 раз и составил 8 532,2 млрд руб.

Согласно данным таблицы 2, в 2021 г. по сравнению с 2006 г.:

- доходы консолидированных бюджетов субъектов РФ увеличились в 4,6 раза, в процентах от величины доходов федерального бюджета увеличились с 60,5 % в 2006 г. до 69,4 % в 2021 г.;
- собственные доходы увеличились в 4,3 раза.

Годы	Доходы					Расходы, млрд руб.	Дефицит (-), профицит (+)		
	Всего		В том числе						
	млрд руб.	% от доходов федерального бюджета	Собственные доходы, млрд руб.	Безвозмездные поступления					
				млрд руб.	% от доходов				
2006	3 797,3	60,5	3 215,5	581,8	15,3	3 657,8	139,6		
2007	4 828,5	62,0	4 201,1	627,3	13,0	4 790,5	38,0		
2008	6 198,8	66,8	5 066,2	1 132,6	18,3	6 253,1	-54,4		
2009	5 926,6	80,8	4 439,1	1 487,5	25,1	6 255,7	-329,1		
2010	6 537,3	78,7	5 138,5	1 398,9	21,4	6 636,9	-99,6		
2011	7 644,2	67,2	5 999,7	1 644,5	21,5	7 679,1	-34,9		
2012	8 064,5	62,7	6 440,2	1 624,4	20,1	8 343,2	-278,7		
2013	8 165,1	62,7	6 650,1	1 515,0	18,6	8 806,6	-641,5		
2014	8 905,7	61,4	7 234,9	1 670,8	18,8	9 353,3	-447,6		
2015	9 308,2	68,1	7 691,4	1 616,7	17,4	9 479,8	-171,6		
2016	9 923,8	73,7	8 345,7	1 578,1	15,9	9 936,4	-12,6		
2017	10 758,1	71,3	9 055,1	1 703,0	15,8	10 810,1	-51,9		
2018	12 392,4	63,7	10 307,2	2 085,2	16,8	11 882,2	510,3		
2019	13 572,3	67,2	11 119,3	2 453,1	18,1	13 567,6	4,7		
2020	14 901,2	79,6	11 125,2	3 776,0	25,3	15 577,7	-676,6		
2021	17 546,3	69,4	13 869,9	3 676,4	20,9	16 885,5	660,8		
2021/ 2006, %	462,1	114,7	431,3	631,9	136,6	461,6	-		
Средне- годовой темп ро- ста, %	28,9	-	26,9	39,5	-	28,8	-		

«Основой формирования налоговых доходов регионального бюджета выступают отчисления от федеральных налогов. Доля непосредственных региональных налогов незначительна» [12, с. 23].

В связи с переходом исчисления налога на имущество организаций, исходя из кадастровой стоимости, «оценка для многих налогоплательщиков превращается неизбежно в спорный вопрос» [13, с. 114].

Безвозмездные поступления увеличились в 6,3 раза при среднегодовом темпе роста в 39,5 %, их доля в доходах бюджета увеличилась с 15,3 % в 2006 г. до 20,9 % или на 36,6 %; расходы увеличились в 4,6 раза при среднегодовом темпе их роста в 28,8 %. С 2008 г. по 2017 г. и в 2020 г. консолидированные бюджеты субъектов РФ имели дефицит.

Таблица 3

Годы	Доходы							НДФЛ	Расходы
	Всего		Из них собственные						
	млрд руб.	% от КБС РФ	млрд руб.	В том числе					
				Налоговые		Неналоговые	МТ (без субвенций)		
				млрд руб.	% от доходов				
2006	1 521,6	40,1	1 084,1	467,1	30,7	171,3	445,7	286,4	1 511,4
2007	1 797,2	37,2	1 387,2	579,5	32,2	239,7	568,0	388,7	1 801,4

Годы	Доходы							НДФЛ	Расходы
	Всего		Из них собственные						
	мара руб.	% от КБС РФ	мара руб.	В том числе					
				Налоговые		Неналого- вые	МТ (без субвенций)		
				мара руб.	% от доходов				
2008	2 411,6	38,9	1 880,1	720,4	29,9	278,6	881,1	494,1	2 422,2
2009	2 388,0	40,3	1 805,3	719,8	30,1	243,5	842,0	494,6	2 440,3
2010	2 600,5	39,8	1 973,3	806,8	31,0	253,1	913,4	525,2	2 612,4
2011	2 961,1	38,7	2 249,7	879,0	29,7	279,0	1 086,8	583,5	2 975,8
2012	3 138,4	38,9	2 244,8	935,8	29,8	264,0	1 045,0	656,7	3 165,9
2013	3 386,7	41,5	2 442,9	1 042,7	30,8	275,0	1 125,2	729,0	3 428,9
2014	3 508,7	39,4	2 305,2	969,3	27,6	301,4	1 034,5	615,8	3 563,4
2015	3 497,1	37,5	2 258,4	999,3	28,6	279,1	980,0	617,1	3 560,3
2016	3 645,1	36,7	2 352,0	1 053,6	28,9	277,5	1 020,9	660,5	3 655,1
2017	3 845,7	35,7	2 504,8	1 122,9	29,2	269,9	1 112,0	701,2	3 882,2
2018	4 245,7	34,3	2 791,2	1 231,4	29,0	268,7	1 291,1	780,9	4 226,9
2019	4 722,8	34,8	3 176,7	1 340,8	28,4	267,0	1 568,9	850,4	4 733,6
2020	5 049,6	33,9	3 401,7	1 404,5	27,8	242,7	1 754,5	907,2	5 017,7
2021	5 536,0	31,6	3 751,7	1 569,8	28,4	298,9	1 883,0	988,9	5 480,0
2021/ 2006, % Сред- него- довой рост, %	363,8	78,8	346,1	336,1	92,5	174,5	422,5	345,3	362,6
	22,7	-	21,6	21,0	-	10,9	26,4	21,6	22,7

КБС РФ – консолидированные бюджеты субъектов Российской Федерации; МТ – межбюджетные трансферты; НДФЛ – налог на доходы физических лиц

Источник: [14]

Как следует из данных таблицы 3, в 2021 г. по сравнению с 2006 г.:

- доходы местных бюджетов РФ увеличились в 3,63 раза, из них собственные доходы – в 3,46 раза;
- из собственных доходов бюджетов налоговые доходы увеличились в 3,36 раза, неналоговые доходы – в 1,74 раза, межбюджетные трансферты – в 4,2 раза;
- доля налоговых доходов с 30,7 % в 2006 г. уменьшилась до 28,4 % в 2021 г. или на 7,5 %;
- в величине налоговых доходов доля НДФЛ увеличилась с 61,3 % до 63,0 % (или на 2,8 %).

«Налог на доходы физических лиц, как никакой другой, должен реализовывать свою распределительную функцию. Единая ставка налога эту задачу не выполняет, так как не способствует повышению налоговому изъятию с высоких личных доходов и их перераспределению» [15, с. 109–110], «не учитывает сложившегося положения социального и имущественного расслоения населения и сильной дифференциации доходов населения» [16, с. 87].

В 2006 г. местным бюджетам выделялись средства из консолидированных бюджетов субъектов РФ в размере 40,1 %, в 2021 г. – лишь 31,6 %, снижение составляет 21,2 %. Значительное место занимают межбюджетные трансферты: их доля (без субвенций) в 2006 г. составляла 29,3 %, в 2011 г. – 34,0 %, в абсолютном размере межбюджетные трансферты увеличились в 4,22 раза. Расходы местных бюджетов увеличились в 3,62 раза. За исключением 2006 г., 2018 г., 2020 г. и 2021 г., в другие периоды местные бюджеты были дефицитными.

Таблица 4

Доходы консолидированного бюджета Российской Федерации

Годы	Доходы			Расходы, млрд руб.	Дефицит (–), профи- цит, млрд руб.	Ненеф- тегазо- вый де- фицит (–)	ВВП, млрд руб.	Доля кон- солидиро- ванного бюджета в ВВП, %
	Всего, млрд руб.	в том числе нефтегазовые						
		млрд руб.	%					
2006	10 625,8	2 943,5	27,7	8 375,2	2 250,6	693,0	26 917,2	39,5
2007	13 368,3	2 897,4	21,7	11 376,6	1 989,7	907,7	33 247,5	40,2
2008	16 169,1	4 389,4	27,1	14 157,0	2 012,1	2 377,4	41 276,8	39,2
2009	13 599,7	2 984,0	21,9	16 048,3	–2 448,6	5 432,6	38 807,2	35,5
2010	16 031,9	3 830,7	23,9	17 616,7	–1 584,7	5 415,4	46 308,5	34,6
2011	20 855,4	5 641,8	27,1	19 994,6	860,7	4 781,0	60 114,0	34,7
2012	23 435,1	6 453,2	27,5	23 174,7	260,4	6 192,8	68 103,4	34,4
2013	24 442,7	6 534,0	26,7	25 290,9	–848,2	7 382,3	72 985,7	33,5
2014	26 766,1	7 433,8	27,8	27 611,7	–845,6	8 729,4	79 030,0	33,9
2015	26 922,0	5 862,7	21,8	29 741,5	–2 819,5	8 682,1	83 087,4	32,4
2016	28 181,5	4 844,0	17,2	31 323,7	–3 142,1	7 986,2	85 616,1	32,9
2017	31 046,7	5 971,9	19,2	32 395,7	–1 349,1	7 321,0	91 843,2	33,8
2018	37 320,3	9 017,8	24,2	34 284,7	3 035,6	5 982,2	103 861,7	35,9
2019	39 497,6	7 924,3	20,1	37 382,2	2 115,3	5 808,9	109 608,3	36,0
2020	38 205,7	5 235,2	13,7	42 503,0	–4 297,3	9 532,6	107 315,3	35,6
2021	48 118,4	9 056,5	18,8	47 072,7	1 045,7	8 010,8	131 015,0	36,7
2021/ 2006,%	452,8	307,7	67,9	562,0	-	115,6	486,7	92,9
Среднегодо- вой рост, %	28,3	19,2	-	35,1	-	-	30,4	-

ВВП – валовой внутренний продукт

Источники: [11; 17]

Согласно данным таблицы 4, в 2021 г. по сравнению с 2006 г.:

- доходы консолидированных бюджетов РФ увеличились в 4,52 раза, в том числе нефтегазовые доходы – в 3,07 раза, ненефтегазовые доходы – в 5,08 раза;
- доля нефтегазовых доходов уменьшилась с 27,7 % в 2006 г. до 13,7% в 2020 г., в 2021 г. она вновь увеличилась до 18,8 % в связи с ростом цен на энергоносители, вызванным санкциями Запада, в 2021 г. против 2006 г. доля нефтегазовых доходов уменьшилась на треть;
- расходы увеличились в 5,62 раза, что вызвало дефицит бюджета в течение 8 из 16 лет;
- величина ненефтегазового дефицита за указанный период увеличилась в 11 раз;
- в связи с ростом величины ВВП в 4,87 раза, превышающем рост величины доходов консолидированного бюджета РФ (в 4,52 раза), доля доходов консолидированного бюджета РФ в ВВП с 39,5 % в 2006 г. снизилась до 36,7 % в 2021 г., или на 7,1 %, причем за все годы, начиная с 2008 г., показатель был ниже показателя за 2006 г.

ОБСУЖДЕНИЕ

Как отмечалось выше, основную долю доходов в бюджетах занимают налоги, в связи с чем фискальную функцию налогов рассмотрим на основании данных Федеральной налоговой службы России (далее – ФНС России).

По данным отчета ф. №1-НМ [18]:

- поступления налоговых доходов, администрируемых ФНС России, в консолидированном бюджете РФ увеличились с 5 426,8 млрд руб. в 2006 г. до 28 124,2 млрд руб. в 2021 г. (рост в 5,18 раз) при среднегодовом темпе роста в 32,4 %;

- поступления налоговых доходов в федеральном бюджете увеличились с 2 681,2 млрд руб. в 2006 г. до 15 474,4 млрд руб. (рост в 5,77 раз) при среднегодовом темпе роста в 36,12 %;
- доля налоговых доходов федерального бюджета (2 681,2 млрд руб.) в величине налоговых доходов консолидированного бюджета РФ (5 426,8 млрд руб.) в 2006 г. составляет 49,4 %, она увеличилась в 2021 г. до 55,0 % или на 11,3 % (15 474,4 млрд руб. и 28 124,2 млрд руб. соответственно);
- налоговые доходы консолидированного бюджета субъектов РФ увеличились с 2 745,6 млрд руб. в 2006 г. до 12 649,8 млрд руб. в 2021 г., или в 4,6 раза (в среднем за год на 28,8 %);
- налоговые доходы местных бюджетов увеличились с 491,0 млрд руб. в 2006 г. до 1 522,1 млрд руб. в 2021 г., или в 3,1 раза (на 19,4 % в год);
- доля налоговых доходов местных бюджетов в доходах консолидированных бюджетов субъектов РФ уменьшилась с 17,9 % в 2006 г. до 12,0 % в 2021 г., или на 33,0 %.

Аналогичная ситуация наблюдается и в 2022 г.: в первом квартале из всей суммы налогов 58,4 % зачислено в федеральный бюджет, доля налоговых доходов местных бюджетов в доходах консолидированных бюджетов субъектов РФ составляет лишь 9,9 %.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как показало проведенное исследование, в 2021 г. по сравнению с 2006 г.:

- доходы федерального бюджета увеличились в 4 раза (по 25,2 % в год), консолидированных бюджетов субъектов РФ – в 4,6 раза (по 28,9 % в год), местных бюджетов – в 3,63 раза (по 22,7 % в год), консолидированных бюджетов РФ – в 4,52 раза (28,3 % в год);
- в доходах федерального бюджета, несмотря на тенденцию к снижению, остается значительной доля нефтегазовых доходов (в 2021 г. – 35,8 %), велика доля косвенных налогов (в 2006 г. – 31,3 %, 43,8 % в 2021 г.);
- в доходах консолидированных бюджетов субъектов РФ безвозмездные поступления имеют тенденцию к увеличению (15,3 % в 2006 г., 20,9 % в 2021 г.);
- уменьшается доля доходов, выделяемых местным бюджетам из консолидированных бюджетов субъектов РФ с 40,1 % в 2006 г. до 31,6 % в 2021 г., в связи с чем увеличивается доля межбюджетных трансфертов с 29,3 % до 34,0 %;
- рост ВВП превышает рост доходов консолидированного бюджета РФ, доля доходов бюджета в ВВП снизилась с 39,5 % до 36,7 %, что свидетельствует об ослаблении стимулирующей функции налогов.

Что касается налоговых доходов, то их величина за рассматриваемый период увеличилась:

- в консолидированном бюджете РФ – в 5,18 раз;
- в федеральном бюджете – в 5,77 раз;
- в консолидированном бюджете субъектов РФ – в 4,6 раза;
- в местных бюджетах – в 3,1 раза (доля налогов, выделяемых из консолидированных бюджетов субъектов РФ, уменьшилась на треть);
- доля налоговых доходов федерального бюджета в величине налоговых доходов консолидированного бюджета РФ увеличилась с 49,4 % до 55,0 %.

Приведенные данные свидетельствуют об усилении процесса бюджетного федерализма налоговой системы, что подтверждает следующие выводы:

- «действующий порядок распределения источников доходов между бюджетами можно квалифицировать как ориентированный на первоочередное удовлетворение фискальных потребностей федерального бюджета и не учитывающий интересы регионов, местных органов власти» [19, с. 3];
- «современная российская политика ориентирована в основном не на развитие регионов, а на их поддержку, что не гарантирует выхода регионов на траекторию устойчивого экономического роста и их бюджетной безопасности» [20, с. 412];
- «в рамках политики фискального федерализма государство стремится увеличить роль фискальной функции, с тем чтобы компенсировать выпадающие доходы от неблагоприятной внешнеэкономической конъюнктуры за счет внутреннего рынка. При этом начиная с 2012 г. федеральный бюджет перераспределил расходную нагрузку на региональные бюджеты, что вызвало у них серьезный дисбаланс в доходной и расходной частях» [5, с. 338].

Из проведенного исследования за рассматриваемый период бюджеты различных уровней, включая федеральный, были дефицитными.

Библиографический список

1. Климова Е.О. Каким образом фискальная функция налогов проявляется на практике? В сб.: *Наука сегодня. Сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции: в 4 частях. Научный центр «Диспут»*. Ч. 2. Вологда: Маркер; 2015. С. 32–34
2. Тавядан Э.А. Систематизация функций налогов в стране с трансформирующейся экономикой. В сб.: *Научный форум: экономика и менеджмент*. М.: Международный центр науки и образования; 2020. 46 с.
3. Ходов Л.Г. Какие налоги платят физические и юридические лица в ФРГ? Каковы функции этих налогов? *Горизонты экономики*. 2018; 6(46):130–135.
4. Насырова В.И. Проблемы реализации налогового стимулирования в Российской Федерации. В сб.: Гуляева Г.Ю. (ред.) *Современные проблемы управления и регулирования*. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение»; 2018. С. 53–62
5. Шмарина Ю.А. *Соотношение фискальной и регулирующей функции налогов на региональном уровне*. Елец: Елецкий госуниверситет имени И.А. Бунина; 2016. С. 337–340.
6. Ильин И.М. Суверенная фискальная политика России как конституционно определяющий фактор достижения ее суверенитета в бюджетно-финансовой сфере. *Современный ученый*. 2021;2:303–307.
7. Ананьева С.А. Роль фискальной функции налогов и ее реализация в современных условиях. В сб.: Турбина Н.М. (отв. ред.) *Теория и практика бухгалтерского учета и налогообложения. Материалы студенческого круглого стола, Тамбов 12 декабря 2016 г.* Тамбов: Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина; 2016. С. 7–11.
8. Гираев В.К. Социально-экономическая природа налоговой политики. *УЭПС: управление, экономика, политика, социология*. 2018;2:32–40.
9. Министерство финансов Российской Федерации. *Краткая информация об исполнении федерального бюджета*. <https://minfin.gov.ru/ru/statistics/fedbud/execute/> (дата обращения: 15.11.2022).
10. Мельникова Ю.В., Михалева Е.Н. Налоги за пользование ресурсами в экономике государства. *Экономика и социум*. 2017;1-2(32):103–107.
11. Министерство финансов Российской Федерации. *Краткая информация об исполнении консолидированного бюджета Российской Федерации*. <https://minfin.gov.ru/ru/statistics/conbud/execute/> (дата обращения: 15.11.2022).
12. Ахраменко А.С. Роль налоговых льгот в реализации фискальной функции налогов. В сб.: Бондарева С.А. (отв. ред.) *Безопасность в современном мире. Часть 1: материалы III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием*. Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС; 2021. С. 17–26. <https://docs.vlgr.ranepa.ru/podri/pc/elizd/Безопасность в современном мире.2021 Часть 1.pdf> (дата обращения: 15.11.2022).
13. Нурмуханова Д.Д. Проблемы и перспективы развития налогообложения имущества в России. В сб.: *Актуальные вопросы современной экономической науки. Материалы IX Международной научной конференции, Астрахань, 25 апреля 2019 г.* Астрахань: Астраханский государственный университет; 2019. С. 113–116.
14. Министерство финансов Российской Федерации. *Результаты мониторинга местных бюджетов*. https://minfin.gov.ru/ru/performance/regions/monitoring_results/Monitoring_local/results/ (дата обращения: 15.11.2022).
15. Белоусова С.Н., Рыкунова В.А., Хардикова Л.Н. Выполнение налогом на доходы физических лиц фискальной и регулирующей функций в современной налоговой системе. *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: экономика. Социология. Менеджмент*. 2017;7-3(24):107–112.
16. Сайдулаев Д.Д., Тарамова П.Х. Фискальная и социальная функции подоходного налога с физических лиц в государственном регулировании экономики России. В сб.: Нахаев М.Р. (отв.ред.) *Социально-экономические и финансовые аспекты развития Российской Федерации и ее регионов в современных условиях. Материалы I Всероссийской научно-практической конференции, Грозный, 23 апреля 2020 г.* Грозный: Чеченский государственный университет; 2020. С. 84–88. <http://dx.doi.org/10.36684/20-2020-1-84-88>
17. iFinance. ВВП России по годам: 1991 – 2022. Объем и динамика. <http://global-finances.ru/vvp-rossii-po-godam/> (дата обращения: 15.11.2022).
18. Федеральная налоговая служба России. Данные по формам статистической налоговой отчетности. *Отчет о начислении и поступлении налогов, сборов и иных обязательных платежей в бюджетную систему Российской Федерации. Отчет № 1-НМ*. https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/ (дата обращения: 15.11.2022).
19. Татаркин А.И., Гребенкин А.В., Татынов С.И. Искажение фискальной и регулятивной функций налогов в российской экономике и их влияние на региональные бюджеты. *Финансовая аналитика: проблемы и решения*. 2011;20(62):2–10.
20. Туаева Н.В. Роль фискальной функции налогов в целях бюджетной безопасности РСО-А. В сб.: *Вестник научных трудов молодых ученых*. Владикавказ: Горский государственный аграрный университет; 2021. С. 412–413.

References

1. Klimova E.O. How does the fiscal function of taxes manifest itself in practice? In: *Science today. Collection of scientific papers based on the materials of the international scientific-practical conference: in 4 parts. Dispute Scientific center. Part 2.* Vologda: Marker; 2015. (In Russian).
2. Tavyadan E.A. Systematization of the functions of taxes in a country with a transforming economy. In: *Economics and Management Scientific Forum.* Moscow: International Center for Science and Education; 2020. (In Russian).
3. Khodov L.G. What taxes are paid by individuals and legal entities in Germany? What are the functions of these taxes? *Horizons of the economy.* 2018;6(46):130–135.
4. Nasyrova V.I. Problems of implementation of tax incentives in the Russian Federation. In: Gulyaeva G.Yu. (ed.) *Modern problems of management and regulation.* Penza: International Center for Scientific Cooperation “Science and education”; 2018. (In Russian).
5. Shmarina Yu.A. *Correlation between the fiscal and regulatory functions of taxes at the regional level.* Yelets: I.A. Bunin Yelets State University Publishing House; 2016. (in Russian).
6. Ilyin I.M. Russia’s sovereign fiscal policy as a constitutionally determining factor in achieving its sovereignty in the fiscal sphere. *Modern scientist.* 2021;2:303–307.
7. Ananeva S.A. The role of the fiscal function of taxes and its implementation in modern conditions. In: Turbina N.M. (resp. ed.) *Theory and practice of accounting and taxation. Materials of the student round table, Tambov December 12, 2016.* Tambov: G.R. Derzhavin Tambov State University; 2016. (In Russian).
8. Giraev V.K. Socio-economic nature of tax policy. *UEPS: management, economics, politics, sociology.* 2018;2:32–40.
9. Ministry of Finance of the Russian Federation. *Brief information about the execution of the federal budget.* <https://minfin.gov.ru/ru/statistics/fedbud/execute/> (accessed 15.11.2022).
10. Melnikova Yu.V., Mikhaleva E.N. Taxes for the use of resources in the economy of the state. *Economics and society.* 2017;1-2(32):103–107.
11. Ministry of Finance of the Russian Federation. *Brief information on the execution of the consolidated budget of the Russian Federation.* <https://minfin.gov.ru/ru/statistics/conbud/execute/> (accessed 15.11.2022).
12. Akhramenko A.S. The role of tax incentives in the implementation of the fiscal function of taxes. In: Bondareva S.A. (resp. ed.) *Security in the modern world. Part 1: Proceedings of the III All-Russian scientific-practical conference with international participation.* Volgograd: Volgograd Institute of Management – a branch of the RANEPa Publishing House; 2021. Pp. 17–26. <https://docs.vlgr.ranepa.ru/podr/ipc/elizd/Безопасность в современном мире.2021 Часть 1.pdf> (accessed 15.11.2022).
13. Nurmukhanova D.D. Problems and prospects for the development of property taxation in Russia. In: *Topical issues of modern economic science. Proceedings of the IX International Scientific Conference, Astrakhan, April 25, 2019.* Astrakhan: Astrakhan State University; 2019. (In Russian).
14. Ministry of Finance of the Russian Federation. *Results of local budgets monitoring.* https://minfin.gov.ru/ru/performance/regions/monitoring_results/Monitoring_local/results (accessed 15.11.2022).
15. Belousova S.N., Rykunova V.L., Khardikova L.N. The implementation of the tax on personal income of fiscal and regulatory functions in the modern tax system. *News of the South-Western State University. Series: Economics. Sociology. Management.* 2017;7-3(24):107–112.
16. Saidulaev D.D., Taramova P.Kh. Fiscal and social functions of personal income tax in the state regulation of the Russian economy. In: Nakhaev M.R. (resp. ed.) *Socio-economic and financial aspects of the development of the Russian Federation and its regions in modern conditions. Proceedings of the I All-Russian Scientific and Practical Conference, Grozny, April 23, 2020.* Grozny: Chechen State University; 2020. (In Russian) <http://dx.doi.org/10.36684/20-2020-1-84-88>
17. iFinance. *Russian GDP by years: 1991 – 2022. Volume and dynamics.* <http://global-finances.ru/vvp-rossii-po-godam/> (accessed 15.11.2022).
18. Federal Tax Service of Russia. *Data on statistical tax reporting forms. Report on the accrual and receipt of taxes, fees and other mandatory payments to the budget system of the Russian Federation. Report No. 1-NM.* https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/ (accessed 15.11.2022).
19. Tatarkin A.I., Grebenkin A.V., Tatynov S.I. Distortion of the fiscal and regulatory functions of taxes in the Russian economy and their impact on regional budgets. *Financial Analytics: Problems and Solutions.* 2011;20(62):2–10.
20. Tuaeveva N.V. The role of the fiscal function of taxes for the purposes of budgetary security RNO-A. In: *Bulletin of scientific works of young scientists.* Vladikavkaz: Gorsky State Agrarian University; 2021. (In Russian).

Управление цифровой трансформацией образования как часть китайского национального проекта общества Всеобщего Единения

Захаров Михаил Юрьевич

Д-р филос. наук, зав. каф. философии
ORCID: 0000-0002-8796-6283, e-mail: m.u.zaharov@gmail.com

Шишкова Анастасия Викторовна

Канд. филос. наук, доц. каф. философии
ORCID: 0000-0002-0904-6705, e-mail: av_shishkova@guu.ru

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

В статье рассмотрен феномен цифровой трансформации китайского образовательного пространства как основной компонент системы управления знаниями в обществе Всеобщего, или Великого, Единения. С помощью историко-философского, компаративного и герменевтического методов авторами проанализированы три проблемные области – общественный идеал, прогнозирование будущего и национальное образование в Китае. Сделан вывод, что традиционный проект общества Великого Единения, то есть социальный идеал «Да тун» в конфуцианской концепции, может быть трансформирован в национальный форсайт-проект. Его ключевыми составляющими являются развитая образовательная система и равный доступ к образованию, причем цифровизация образования представляет собой важнейшее направление китайской образовательной реформы. С учетом результатов исследований, проведенных в ходе пандемии COVID-19, и других материалов, в статье описан ряд трендов текущего процесса цифровизации. Проанализированы исторические особенности и социокультурные предпосылки формирования образовательной системы, существующей сегодня в Китайской Народной Республике. Авторы приходят к заключению, что данная система опирается на прочный социокультурный фундамент и нацелена на цифровое будущее китайского общества.

Ключевые слова

Цифровая грамотность, цифровая компетентность, цифровизация образования, реформа образования, Китай, общественный идеал

Для цитирования: Захаров М.Ю., Шишкова А.В. Управление цифровой трансформацией образования как часть китайского национального проекта общества Всеобщего Единения // Вестник университета. 2023. № 1. С. 199–206.

Managing the digital transformation of education as part of the Chinese national project of a “Great Unity” society

Mikhail Yu. Zakharov

Dr. Sci. (Philos.), Head of the Philosophy Department
ORCID: 0000-0002-8796-6283, e-mail: m.u.zakharov@gmail.com

Anastasiya V. Shishkova

Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof. at the Philosophy Department
ORCID: 0000-0002-0904-6705, e-mail: av_shishkova@guu.ru

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

The article deals with the phenomenon of digital transformation of the Chinese educational space as the main component of knowledge management system in the society of “Great Unity”. Using the comparative, hermeneutic, historical and philosophical methods, the authors analyse three problem areas – social ideal, forecasting, and national education in China. The conclusion is made that the traditional project of a society of “Great Unity”, that is, the Confucian model of the ideal Datong society, can be transformed into a national foresight project. A well-developed educational system and equal access to education are the key components of this project, digitalization of education being the most important direction of the modern Chinese educational reform. Based on the findings of studies carried out during the COVID-19 pandemic and other materials, various trends in the current digitalization process are described. Historical features of and socio-cultural preconditions for the development of the educational system existing in China today are analysed. The authors conclude that the system rests on a solid socio-cultural foundation and is aimed towards the digital future of the Chinese society.

Keywords

Digital literacy, digital competence, digitalization of education, education reform, China, social ideal

For citation: Zakharov M.Yu., Shishkova A.V. (2023) Managing the digital transformation of education as part of the Chinese national project of a “Great Unity” society. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 199–206.

ВВЕДЕНИЕ

Человек имеет осознанное или неосознанное представление о том, что любой управляемый процесс лучше неуправляемого, хаотично развивающегося. Уже древние китайцы поняли необходимость «управления жизнью» и добились в этом значительных результатов. Управление практиковало и культивировало все население Поднебесной: император являлся самым эффективным государственным управленцем, и управленческое мастерство было даровано ему Небом; чиновники-управленцы стали успешны в жизни и добились своего высокого положения не без помощи образования; простые люди в ходе социализации становились мастерами жизни, умело управляя собой, своей семьей и всей жизнью в ее различных проявлениях. Исторический опыт китайской цивилизации позволяет по-новому взглянуть на соотношение «человек (общество) – знание», ведь за свою многотысячелетнюю историю Китай сформировал уникальное когнитивное пространство, где знания выступали одним из главных элементов всеобщей универсальной гармонии. Он создал устойчивую социокультурную традицию, позволявшую увидеть когнитивные основы любых изменений и, как следствие, приспособиться к изменениям окружающего мира.

Объектом данного исследования являются основные тренды цифровой трансформации китайской образовательной системы, а его предметом – некоторые аспекты формирования китайского цифрового образования как эффективного средства управления знаниями в обществе Всеобщего Единения. Цель работы заключается в описании специфики процесса цифровизации образовательного пространства Китая в контексте трансформации традиционного проекта общества Всеобщего, или Великого, Единения (конфуцианской концепции общественного идеала «Да тун») в современный национальный форсайт-проект.

МЕТОДЫ

В ходе исследования были использованы следующие теоретические методы социально-гуманитарных наук: историко-философский, компаративный и герменевтический. Историко-философский метод позволил проследить процесс возникновения и исторического становления представлений об общественном идеале в Китае и выявить качественные изменения китайского национального образовательного проекта, произошедшие с течением времени. С помощью компаративного метода были сопоставлены три проблемные области – общественный идеал, управление знаниями и национальное образование в Китае, – а также выявлены соответствующие причинно-следственные связи и функциональные зависимости. Герменевтический метод использовался для изучения и интерпретации идей и концепций рассматриваемого предметного поля в социально-политическом и культурном контексте.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

ТРАДИЦИОННОЕ КИТАЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК СРЕДСТВО УПРАВЛЕНИЯ ЗНАНИЯМИ

Человечество всегда пыталось регулировать свои отношения со знаниями, будь то их производство в процессе познавательной деятельности или управление готовой формой. Различные модели управленческой когнитивной практики существовали на всех этапах развития общества, и реализация этих моделей в определенной мере обеспечивала его жизнеспособность. Совокупность знаний, циркулирующих на определенном историческом этапе, всегда формировала когнитивный потенциал, которым социум был способен или не способен эффективно управлять. По мнению ряда исследователей, это позволяло обществу решать социально-технологические задачи определенного уровня, уничтожать или хотя бы минимизировать когнитивные опасности и угрозы.

Традиционное китайское образование является одним из важнейших средств управления когнитивной сферой, выполняет множество функций в обществе, имеет широчайшие возможности и необозримые границы, как полагают сами китайцы. В системе образования происходит два важнейших управленческих действия.

Первое действие – это концентрация знаний, доступных обществу на сегодняшний день, начиная с концентрации в руках одного человека или группы людей и заканчивая формированием социального института как результата длительного процесса институционализации социально значимой когнитивной потребности общества. Вторым действием является двухполюсная трансформация знаний, подразумевающая определенную систему отношений между учителем и учеником.

Итак, обучение было двусторонним, целенаправленным и особым образом организованным коммуникативным процессом, который в старом Китае реализовывался в двух формах:

- 1) через домашнее образование, в которое входило обучение правилам общественного поведения, алгоритму отправления ритуала, проявлениям почтительности по отношению к различным категориям старших;
- 2) через государственное образование, в рамках которого обучали классической китайской учености и связанными с ней нормами и правилами поведения.

Исследователи не находят термина «образование» в ранних китайских текстах, но отмечают, что в Китае периода становления письменности (3–2-е тыс. до н. э.) появились отдельные, разрозненные места обучения, которые с большой натяжкой можно назвать школами, поскольку для образования и воспитания выделялось особое пространство. В эпоху династии Шан (1554–1046 гг. до н. э.) в старом Китае возникло первое, возможно в целом мире, высшее учебное заведение «Да Сюэ», что дало толчок к формированию национальной сети учебных заведений. Разрастающийся административный аппарат империи Хань (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.) требовал новых управленцев; богатые слои населения также нуждались в грамотных людях, способных вести текущие дела. Обязанность по подготовке управленцев была возложена как на существовавшие классические школы общего обучения, так и на появившиеся частные школы. Основу обучения на долгие годы составило конфуцианство, и даже была утверждена степень знатока Пятиканония, или «У цзин». Период расцвета образовательной системы в истории старого Китая стали называть периодом развития «Ста школ и ста цветов», а выпускников включали в ученое сословие «ши». Им даже разрешали создавать свои профессиональные школы: так, император Цинь Шихуанди требовал, чтобы учитель назначался из профессиональных чиновников, имеющих опыт государственной службы. Сформированная система на долгие годы предопределила развитие китайского образования.

Наряду с расширением сети образовательных учреждений формировалась и соответствующая система управления. Общее административное руководство страны взяло на себя ведомство церемоний, а руководство самим образовательным процессом передали высшим учебным заведениям. Следует отметить, что вплоть до XI–XII вв. отсутствовали единые методические требования к обучению, то есть каждый преподаватель имел возможность самостоятельно выбирать методику и содержание передаваемого материала. При этом существовала определенная специализация преподавателей: они были знатоками конкретного конфуцианского канона, и лишь через некоторое время неоконфуцианец Чжу Си (1130–1200 гг.) привел канонические конфуцианские знания к универсальной, удобной для преподавания форме.

С годами система управления образованием совершенствовалась, конкретизировались ее административные, контрольные, экзаменационные и материальные функции. Данный процесс способствовал и тому, что при высших учебных заведениях стали создаваться крупные библиотеки, пробиваться ростки демократизации и математизации образования, а также были поддержаны смелые реформаторские идеи Ван Аньши (1021–1086 гг.), связанные с разделением учебного процесса внутри высших школ на ступени в зависимости от того, как обучаемые усваивали учебный материал (переход на высшую ступень был возможен только по результатам экзаменов).

В период с XV в. до середины XVII в. в Китае окончательно сформировалась национальная система высшего образования, основанная на территориальном делении. По разным сведениям, система объединила около 1 700 учебных заведений, более 4 тыс. преподавателей, почти 10 тыс. студентов центральных высших учебных заведений и 60–70 тыс. учащихся начальных школ в областях и уездах. Значительно повысился уровень преподавания: теперь использовались централизованные учебные программы, состоящие из 30 разделов и включающие в себя произведения философии, истории и литературы различных исторических эпох, а также усилилась практическая составляющая обучения. Налицо пример национальной системы образования, который с небольшими изменениями просуществовал до конца XIX в. Социалистическая система образования с китайской спецификой, сложившаяся в последующие годы, рассматривала образование как ключевой фактор экономического роста и ставила перед собой задачу дать ответ на требования научно-технической революции.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КИТАЙСКОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

В 1990-е гг. вышло несколько ключевых документов, среди которых «Программа реформы и развития образования в Китае» (1993 г.) и «Закон об образовании» (1995 г.), а в 1997 г. власти приняли политический курс, согласно которому наука и образование должны были привести страну к процветанию.

Таким образом Китай наметил план «перехватить инициативу в международном сотрудничестве и конкурентной борьбе» [1, с. 232], и вследствие существенных изменений образование превратилось из чисто государственной системы в государственно-общественную. Кроме того, после реструктуризации высшего образования в 1979 г. начали появляться программы современного управленческого образования – бакалавриат в области менеджмента и последовавшие за ним программы магистратуры и докторантуры. В настоящий момент на территории Китая расположено более 2 тыс. вузов, а структура высшего образования состоит из трех традиционных ступеней – бакалавриата, магистратуры и аспирантуры.

Основной причиной текущей трансформации системы образования является глобализация – создание единого экономического, образовательного, социального, правового и научного пространства. К настоящему времени Китай превратился из технологического аутсайдера в одну из крупнейших цифровых экономик мира, а индустрия цифровой культуры стала ключевым направлением развития индустрии культуры в целом и важной частью цифровой экономики. Современная китайская реформа национального образования также обозначает цифровизацию как ключевой тренд в трансформации образовательной системы.

Одним из существенных методов цифровизации признано электронное образование, причем Министерство образования Китайской Народной Республики (далее – КНР) начало уделять ему приоритетное внимание уже в начале 1999 г. Серьезным толчком к усилению роли данного метода стала пандемия COVID-19, которая потребовала от образовательных организаций в кратчайшие сроки интенсифицировать онлайн-процессы: весной 2020 г. вспышка заболевания заставила китайские университеты закрыть кампусы и начать онлайн-обучение. Данный «эксперимент», растянувшийся на несколько лет, позволил собрать и проанализировать огромное количество информации относительно возможностей подобного образования. Результаты демонстрируют, что за последние 30 лет Китай в основном обеспечил техническую базу для крупномасштабной системы онлайн-обучения, однако существуют некоторые проблемы в самом процессе его организации [2].

Основными факторами, влияющими на удовлетворенность пользователей платформ онлайн-обучения, являются доступность платформы, а также качество системы, взаимодействия и обслуживания. Наибольшую роль играет первый фактор; повышение уровня взаимодействия, в свою очередь, может усилить энтузиазм и концентрацию обучающихся. В традиционном классе существуют некоторые формы учебного взаимодействия (например, перевернутый класс, случайные вопросы, групповые доклады), которые не всегда доступны на конкретных онлайн-платформах, поэтому платформы должны активно развивать интерактивные форматы [3].

В одном из исследований [4] было представлено 5 принципов онлайн-обучения, дающих высокий эффект:

- 1) высокая связь между дизайном онлайн-системы и обучением студентов;
- 2) эффективное предоставление инструкций для онлайн-обучения;
- 3) адекватная поддержка студентов со стороны преподавателей и ассистентов;
- 4) высокое качество обратной связи для улучшения процесса обучения;
- 5) план действий на случай непредвиденных обстоятельств, связанных с работой образовательных платформ.

ОБЩЕСТВО ЕДИНЕНИЯ КАК КИТАЙСКИЙ ФОРСАЙТ-ПРОЕКТ

На основе многолетней китайской практики установлено, что значительная часть проблем развития и планирования научно-технической и инновационной деятельности может быть решена при использовании комплексных подходов к проведению мероприятий технологического форсайта, включая крупномасштабное обследование Дельфи, сценарный анализ, технологическую дорожную карту и библиометрию [5]. Положительно оценивается взаимодействие форсайта и управления знаниями. Во-первых, управление знаниями способно повысить эффективность стратегического предвидения: при разработке стратегического форсайта и применении его результатов управление знаниями может использоваться для качественного обеспечения действий и практик, ориентированных на будущее. Во-вторых, динамическое взаимодействие между стратегическим форсайтом и управлением знаниями необходимо для выявления новых технологий, которые используются как в экономической, так и в социальной сфере и могут быть применены в компаниях, а значит, оно стимулирует развитие в компаниях новых технологий [6]. Дополнительные возможности и эпистемическую ценность для методологии форсайта приносит анализ больших данных [7].

В государственном форсайте Китая (англ. China's Report of Technology Foresight, 2004–2005) просматривается не только модель японского форсайта, которая выросла из классической американской модели, но и традиционное «пред-знание»: будущее нельзя предсказать достоверно, любые попытки венаучного, парананаучного, эзотерического и других видов знания заглянуть в будущее позволяют лишь угадать его, получить вероятностное, недостоверное, непроверяемое знание. Сегодня можно проследить, как Коммунистическая партия Китая (далее – КПК) использовала традиционные национальные устремления, идеи о великом возрождении нации для оформления современной конструкции классической «китайской мечты», в полной мере наполнив ее духом официального конфуцианства. Стратегическую основу конструкции составили базовые точки роста Китая: сильное процветающее государство, возрождающаяся нация, счастье человека в обществе единения.

Само понятие «единение» было рождено древнекитайской философией, пытавшейся осмыслить природу единения. По мнению конфуцианских мыслителей, единение является не столько свойством, сколько самим существом, обязательным элементом идеального общества «Да тун». Термин «Да тун» (кит. 大同), который в отечественной синологии обычно переводится как «Великое Единение», впервые появился в произведении «Ши цзин» («Канон стихов», «Канон поэзии», «Книга песен»), а описание этого идеального состояния общества дается в конфуцианском трактате «Ли цзи» («Книга ритуалов», «Трактат о правилах поведения»). «Да тун» – это итоговая стадия развития китайского общества, состояние достатка и процветания, при котором людям возвращается «Великое Дао» и Поднебесная, несмотря на расхождение, неравенство и отсутствие абсолютной свободы, становится полноценной единой семьей [8].

В октябре 2017 г. 19-й Всекитайский съезд КПК объявил двухэтапный план на период 2020–2050 гг. Ожидается, что за первые 15 лет главным образом будет осуществлена социалистическая модернизация и полностью выстроится общество среднего достатка, а к 100-летию образования КНР решится задача создания богатого, цивилизованного, гармоничного социалистического государства, которое по праву может считаться державой образования. Таким образом, наблюдается трансформация традиционного проекта общества «Да тун» старого Китая в современный высокоэффективный национальный форсайт-проект.

ДИСКУССИЯ

Серьезной проблемой китайской образовательной системы является региональное неравенство – значительные региональные различия, к которым привели децентрализация системы и неравномерное экономическое развитие страны. Результаты недавнего исследования, предложившего новый многомерный индекс регионального образовательного преимущества (англ. Index of Regional Education Advantage, IREA), показали, что качество образования на северо-востоке Китая выше, чем на юго-западе. Это не соответствует макроразделению на восточные, средние и западные районы, принятому центральным правительством в качестве основы для реализации политики. Кроме того, к числу ключевых проблем, требующих внимания властей, относится образование детей-мигрантов и низкий уровень перевода в средние школы. В 2015 г. для унификации системы гарантий финансирования обязательного образования в городах и сельской местности были изданы уведомления о дальнейшем совершенствовании этой системы. Новая мера направлена на унификацию пропорций расходов на образование, распределяемых между центральным правительством и местными органами власти, в то время как ранее центральное правительство в основном поддерживало образование в сельских районах, а местные органы власти городских районов должны были брать на себя ответственность за финансирование собственных услуг обязательного образования. Кроме того, теперь унифицирован базовый стандарт государственных средств на одного ученика в год. Можно заключить, что центральное правительство уделяет значительное внимание обеспечению равенства в сфере образования путем поддержки неблагополучных групп и регионов. Политика последних 10 лет направлена не только на снижение региональных различий в образовании, но и на сокращение разрыва в образовании между городскими и сельскими районами. Однако к сожалению, региональное неравенство в образовании по-прежнему существует, и его пространственная структура не претерпела значительных изменений [9].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Управление знаниями – это не просто попытка понять и объяснить природу особого вида управления, но и обоснование методов, способов, приемов воздействия на знания в целях получения искомого

результата. Среди всего инструментария, имеющегося в распоряжении общества, особое место занимает образование. Оно представляет собой традиционное средство управления знаниями и позволяет определять конкретные целевые ориентиры, пути их достижения, возможные негативные последствия, а также минимизировать опасности и угрозы.

Методологически интересным представляется путь, избранный Китаем: за исходную точку принимается обращение к историческому управленческому опыту, и история выступает зеркалом, позволяющим и изучить прошлое, и, пожалуй, самое главное – получить проверенное основание для формирования будущего. Осознать эту особенность исторического знания – значит многое понять о природе управления современным китайским обществом. Ведь не зря в далеком прошлом император из династии Сун дал сводному труду по истории Китая название «Всеобщее зеркало, управлению помогающее».

Идеал единого образованного общества, в котором торжествует социальная справедливость, был востребован на всех переломных этапах развития Китая. После 1949 г., то есть в новом Китае, взявшем курс на строительство социалистической рыночной экономики, стал проявляться постоянный интерес к подобным идеям. Страна предприняла очередную историческую попытку увидеть будущее, сконструировать возможные сценарии стратегического развития, определить последовательность изменений, которые могут привести к искомому результату, а также соотнести образ желаемого будущего с набором конкретных социально-экономических показателей.

Цифровизация образования играет важнейшую роль в современном реформировании образовательной системы Китая. Облачные технологии, большие данные (англ. big data), искусственный интеллект, виртуальная реальность (англ. virtual reality, VR) и другие новации уже сегодня применяются в китайском образовании. По мере активного распространения сетей 5G будут возникать все более интерактивные форматы обучения, например такие, которые задействуют возможности тактильного Интернета. Применение искусственного интеллекта поспособствует развитию адаптивного обучения и созданию настоящего персонализированных образовательных траекторий, основанных на построении индивидуальных моделей поведения. Подобное развитие информационных технологий позволит, во-первых, продолжать интеграцию онлайн- и офлайн-подходов в образовании, а во-вторых, поможет компенсировать неравномерность государственных расходов: сегодня в китайских городах 1-го уровня они в несколько раз выше, чем в небольших городских центрах 3–4-го уровней [10].

Перечисленные явления расширяют охват населения образовательными услугами и тем самым способствуют более справедливому доступу к образовательным ресурсам, что является одним из ключевых принципов построения общества Всеобщего Единения, как было указано ранее. По планам китайского руководства, 2050 г. обретет особую важность для истории многовековой цивилизации и ознаменуется окончанием строительства общества «Да тун», превращением КНР в мирового лидера и воплощением «великой китайской мечты», когда качество жизни человека будет находиться в прямой зависимости от его знаний и образования в целом.

Библиографический список

1. Цзэминь Цз. *О социализме с китайской спецификой: сб. высказываний по темам*. Пер. с кит. Ю.М. Галенович и др. М.: Институт Дальнего Востока РАН; 2002. Т. 1. 395 с.
2. Zhou L., Wu Sh., Zhou M., Li F. 'School's out, but class' on', the largest online education in the world today: Taking China's practical exploration during the COVID-19 epidemic prevention and control as an example. *Best Evid Chin Edu*. 2020;4(2):501–519. <https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3555520>
3. Chen T., Peng L., Yin X., Rong J., Yang J., Cong G. Analysis of user satisfaction with online education platforms in China during the COVID-19 pandemic. *Healthcare*. 2020;8(3):200. <https://doi.org/10.3390/healthcare8030200>
4. Bao W. COVID-19 and online teaching in higher education: A case study of Peking University. *Human behavior and emerging technologies*. 2020;2:113–115. <https://doi.org/10.1002/hbe2.191>
5. Li N., Chen K., Kou M. Technology foresight in China: Academic studies, governmental practices and policy applications. *Technological forecasting and social change*. 2017;119:246–255. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2016.08.010>
6. Nascimento L. da S., Reichert F.M., Janissek-Muniz R., Zawislak P.A. Dynamic interactions among knowledge management, strategic foresight and emerging technologies. *Journal of knowledge management*. 2021;25(2), 275–297. <https://doi.org/10.1108/JKM-01-2020-0044>
7. Kayser V., Shala E. Scenario development using web mining for outlining technology futures. *Technological forecasting and social change*. 2020;156:120086. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2020.120086>

8. Захаров М.Ю. Общественный идеал «Да тун»: социальная утопия старого Китая, или современный форсайт-проект. *Вестник университета*. 2022;1:164–168. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2022-1-164-168>
9. Xiang L., Stillwell J., Burns L., Heppenstall A. Measuring and assessing regional education inequalities in China under changing policy regimes. *Applied spatial analysis and policy*. 2020;13:91–112. <https://doi.org/10.1007/s12061-019-09293-8>
10. Тошчаков А. Цифровая трансформация Китая: ключевые тренды одной из самых передовых экосистем в мире. *Huawei*. <https://www.huawei.ru/insights/tsifrovaya-tranformatsiya-kitaya-klyuchevye-trendy-odnoy-iz-samykh-peredovykh-eko-sistem-v-mire/> (дата обращения: 16.11.2022).

References

1. Zemin J. *On socialism with Chinese characteristics: a collection of statements on various topics*. Trans. from Chinese Yu.M. Galenovich et al. Moscow: Institute of Far Eastern Studies of the RAS; 2002. Vol. I. (In Russian).
2. Zhou L., Wu Sh., Zhou M., Li F. ‘School’s out, but class’ on’, the largest online education in the world today: Taking China’s practical exploration during the COVID-19 epidemic prevention and control as an example. *Best Evid Chin Edu*. 2020;4(2):501–519. <https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3555520>
3. Chen T., Peng L., Yin X., Rong J., Yang J., Cong G. Analysis of user satisfaction with online education platforms in China during the COVID-19 pandemic. *Healthcare*. 2020;8(3):200. <https://doi.org/10.3390/healthcare8030200>
4. Bao W. COVID-19 and online teaching in higher education: A case study of Peking University. *Human behavior and emerging technologies*. 2020;2:113–115. <https://doi.org/10.1002/hbe2.191>
5. Li N., Chen K., Kou M. Technology foresight in China: Academic studies, governmental practices and policy applications. *Technological forecasting and social change*. 2017;119:246–255. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2016.08.010>
6. Nascimento L. da S., Reichert F.M., Janissek-Muniz R., Zawislak P.A. Dynamic interactions among knowledge management, strategic foresight and emerging technologies. *Journal of knowledge management*. 2021;25(2), 275–297. <https://doi.org/10.1108/JKM-01-2020-0044>
7. Kayser V., Shala E. Scenario development using web mining for outlining technology futures. *Technological forecasting and social change*. 2020;156:120086. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2020.120086>
8. Zakharov M.Yu. The social ideal of “Datong”: ancient China social utopia, or modern foresight project. *Vestnik universiteta*. 2022;1:164–168. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2022-1-164-168>
9. Xiang L., Stillwell J., Burns L., Heppenstall A. Measuring and assessing regional education inequalities in China under changing policy regimes. *Applied spatial analysis and policy*. 2020;13:91–112. <https://doi.org/10.1007/s12061-019-09293-8>
10. Toshchakov A. China’s digital transformation: Key trends in one of the world’s most advanced ecosystems. *Huawei*. <https://www.huawei.ru/insights/tsifrovaya-tranformatsiya-kitaya-klyuchevye-trendy-odnoy-iz-samykh-peredovykh-eko-sistem-v-mire/> (accessed 16.11.2022).

Внедрение дистанционного обучения в систему профессионального образования как процесс самоорганизации и управления личными ресурсами обучающихся

Татаринова Елена Андреевна

Канд. экон. наук, ассист. преп. каф. иностранных языков
ORCID: 0000-0002-8233-6530, e-mail: ea_tatarinova@guu.ru

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы, связанные с программами дистанционного обучения. Автор обращает особое внимание на электронное обучение и освещает ограничения и проблемы, связанные с его реализацией. Уроки, извлеченные из опыта разработки дистанционных курсов, показывают, что такие факторы, как профилирование участников перед началом обучения, удобство технологии для пользователя, удовлетворение различных стилей обучения, поощрение и вознаграждение онлайн-обменов, приверженность модераторов курса, разнообразие учебных материалов и смешанные подходы к обучению могут способствовать успеху программ электронного обучения. В статье делается вывод о том, что повышение квалификации исследователей из развивающихся стран с помощью программ электронного обучения может расширить доступность обучения для тех, кто живет и работает в отдаленных и конфликтных районах, а также создать сеть профессионалов для взаимодействия и обмена опытом по общим проблемам и решениям.

Ключевые слова

Дистанционное обучение, смешанные подходы к обучению, электронное обучение, дистанционные курсы, доступность обучения

Для цитирования: Татаринова Е.А. Внедрение дистанционного обучения в систему профессионального образования как процесс самоорганизации и управления личными ресурсами обучающихся // Вестник университета. 2023. № 1. С. 207–212.

The introduction of distance learning into the system of vocational education as a process of self-organization and management of students' personal resources

Elena A. Tatarinova

Cand. Sci. (Econ.), Teaching Assistant at the Foreign Languages Department
ORCID: 0000-0002-8233-6530, e-mail: ea_tatarinova@guu.ru

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

The article examines issues related to distance learning programs, with a particular focus on e-learning, and highlights the limitations and challenges associated with their implementation. Lessons learned from developing distance courses show that factors such as profiling participants before starting training, technology friendliness for the user, accommodating different learning styles, encouraging and rewarding online exchanges, commitment of course moderators, variety of learning materials, and blended learning approaches contribute to the success of e-learning programs. The article concludes that enhancing the skills of researchers from developing countries through e-learning programs can increase the accessibility of learning for those who live and work in remote and conflict-prone areas, and bring together a network of professionals to interact and share experiences on common problems and solutions.

Keywords

Distance learning, blended learning approaches, e-learning, distance courses, accessibility of learning

For citation: Tatarinova E.A. (2023) The introduction of distance learning into the system of vocational education as a process of self-organization and management of students' personal resources. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 207–212.

ВВЕДЕНИЕ

В стратегиях развития человеческого потенциала эксперты все чаще признают, что охват большего числа участников посредством инновационного предоставления образовательных программ является жизненно важным для быстрого укрепления местного потенциала [1]. Успешные программы открытого дистанционного образования в последние три десятилетия вызвали повышенный интерес к использованию информационных и коммуникационных технологий (далее – ИКТ).

Однако с разных сторон возникают проблемы, связанные с расширением курсов и учебных программ до методов обучения, основанных на ИКТ. Скептики продолжают сомневаться в качестве образовательных услуг, предоставляемых электронным способом. Им не всегда ясно, как участники, получающие образование через онлайн-курсы, выигрывают в сравнении с теми, кто учится очно в официальных учебных заведениях.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В результате пандемии COVID-19 в 2020 г. многие сферы жизни начали функционировать совершенно по-другому. Так, в сфере образования многие страны частично или полностью перешли на дистанционный формат, чтобы не прерывать процесс получения знаний учащимися. Обеспечение безопасности и здоровья стало приоритетом, и дистанционное преподавание было единственным способом продолжить обучение.

Электронное образование известно и используется в мире уже давно. Оно обладает рядом преимуществ, таких как экономия времени, затрачиваемого на дорогу, сокращение связанных с этим расходов, адаптация темпа обучения к каждому студенту, хотя это в большей степени относится к курсам и тренингам, чем к обычным занятиям [2]. Доступ к образовательной платформе в любое время, независимо от того, находится ли человек на больничном, в карантине или в командировке, безусловно, является огромным преимуществом.

Электронное обучение представляет собой отличную форму получения знаний, однако оно требует большой вовлеченности со стороны преподавателей, поощрения студентов к расширению своих умений, а также самоконтроля и мотивации. Несмотря на то что у дистанционного образования есть свои недостатки, этот формат кажется оптимальным решением в эпоху пандемии. Проблемы, связанные с этим типом обучения, возникли из-за недостаточной подготовки студентов и преподавателей, а также нехватки времени на адаптацию занятий.

По мнению автора статьи, человечество пока не готово к полному переходу на постоянное электронное обучение. Традиционная форма преподавания все еще необходима, потому что внедрение современных технологий в образование должно сочетаться с подготовкой руководства по их использованию, чтобы стимулировать процесс саморегулирования обучения. Ведь из-за отсутствия прямого контакта и взаимодействия со студентами они часто не заинтересованы в обучении и приобретении знаний, несмотря на все усилия преподавателя.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЗОР

Дистанционное образование и образовательные платформы приносят очевидную пользу, обеспечивая быстрый и многократный доступ к учебным материалам, сокращая время, необходимое для ксерокопирования рабочих листов, раздачу бумаг и т.д. Тем не менее, это требует подготовки к занятиям, как и в случае традиционной формы обучения [3]. Существует множество положительных и отрицательных мнений преподавателей, студентов по обучению во время пандемии и сроков введения дистанционного обучения. Это зависит от ситуации, роли, в которой оказался тот или иной человек, а также от времени ее проявления. При онлайн-обучении необходимы средства и инфраструктура в виде ноутбуков, компьютеров, смартфонов и помощи интернет-сети. В дополнение к оборудованию и инфраструктуре преподаватель также должен уметь адаптироваться к ситуации учащихся, приспосабливаться к потребностям студентов.

Важно выделить следующие качества, необходимые для организации дистанционного процесса обучения [4–6].

1. Энтузиазм студента должен быть сильным или высоким для самостоятельной работы.
2. Компьютерная грамотность, знание и понимание ИКТ. Прежде чем приступить к онлайн-обучению, студенты должны освоить технологию, с которой они будут взаимодействовать. Инструментами для этого являются компьютеры, смартфоны и ноутбуки.

3. Навыки межличностного общения служат одним из условий успеха в онлайн-обучении. Межличностные навыки необходимы для того, чтобы устанавливать отношения и взаимодействовать с другими студентами. Ведь даже если онлайн-обучение осуществляется самостоятельно, у учащихся остается потребность в общении.

4. Сотрудничество – умение взаимодействовать, организовывать совместное обучение. Этот навык необходим, особенно когда у студентов возникают трудности с пониманием материала. Помимо этого, взаимодействие также важно поддерживать, чтобы дух индивидуализма и антисоциальности не сформировался у студентов.

5. Навыки самостоятельного обучения незаменимы при онлайн-обучении. Потому что в процессе получения знаний студенты будут искать, находить и делать выводы о том, чему они научились.

Для успешного самостоятельного обучения необходима мотивация. С изменением формата образовательного процесса на смену аудитории приходит виртуальное пространство, представленное различными системами управления обучением, интерактивными коммуникационными платформами и социальными сетями. Более того, роль преподавателя в цифровом веке должна измениться, что также обуславливает изменение роли учащегося: недостаточно просто потреблять информацию, нужно быть активным участником процесса.

Студенты, продолжающие дистанционное обучение, сталкиваются с многочисленными проблемами, начиная с институциональных, социальных и личных. Понимание вузами этих проблем необходимо для того, чтобы учебное заведение могло эффективно планировать образовательные программы, а также снизить нагрузку на студентов и преподавателей [7]. Доступность и своевременность соответствующей учебной поддержки является важным аспектом во время обучения. Помощь в обучении обычно предлагается в различных формах, включая подготовительные программы и поддержку в течение семестра. Тем не менее, уровень поддержки обучения, доступной студентам-заочникам, сильно варьируется и часто отсутствует. Студенты-заочники, как правило, вынуждены заниматься по вечерам и в выходные дни, когда академический персонал отсутствует. Невозможность получить своевременный практический вклад или обратную связь может привести к унынию и является часто упоминаемой причиной прекращения обучения.

Оценка – это двигатель процесса обучения. Способность понимать и справляться с требованиями к оценке является центром, вокруг которого концентрируются опасения и страхи студентов. Для взрослых студентов, испытывающих страх перед своей способностью добиться успеха, задания на оценку становятся основными «горячими точками» в их успеваемости. Однако в некоторых случаях вместо того, чтобы оценка была инструментом для развития навыков и уверенности, она становится средством подтверждения чувства несоответствия. Отсутствие доступа и уверенности в использовании компьютеров и других необходимых технологий может заметно усложнить процесс обучения.

Взрослые, поступающие в университет без предварительных навыков владения информационными технологиями, изначально находятся в значительном стрессе и зоне дискомфорта, отвлекающей от процесса обучения. Их способность преодолеть эти первоначальные препятствия будет тесно связана с уровнем понимания и практической поддержки, предлагаемой университетом. Успех дистанционного обучения часто зависит от поддержки со стороны партнера, который готов взять на себя большую долю домашних и финансовых обязанностей в течение часто длительного периода обучения. Исследования показывают, что поддержка в рамках партнерства чаще оказывается мужчинам, чем женщинам, что подчеркивает особую тяжесть положения женщин, возвращающихся к учебе при сохранении тяжелого домашнего бремени. Дистанционный формат обучения преобразует пассивное обучение в более активное, с мотивированным участием студента, ориентированное на открытие новых знаний [8; 9]. Переход от парадигмы обучения, основанной на преподавателе, к парадигме, ориентированной на студента, также характерен для очного формата. Это изменение активно продвигается образовательной политикой в системах образования с конца XX в.

Смена парадигмы становится более очевидной в электронном обучении. Это вызвано, в частности, изменениями в используемых образовательных ресурсах: текст и статичные изображения в классическом обучении заменяются гипертекстом и другими медиа (видео, аудио); вместо печатных материалов преподаватели и студенты становятся пользователями электронных ресурсов; принцип визуализации из классической дидактики (статический и иллюстративный) трансформируется в принцип интерактивной динамической визуализации в электронной дидактике. Способы и средства коммуникации

также подвергаются существенным изменениям: от устной речи – к письменной; от устных лекций в аудитории – к обмену идеями в письменной форме через онлайн-дискуссии, чаты и социальные сети; от традиционного преподавания и обучения – к видео- и скриншотам; от бумажных оценок – к оценкам, выставленным с помощью ИКТ, электронных портфолио и т.д. Наиболее существенные изменения связаны с доступом к информации: от ограниченного доступа к нескольким учебникам и преподавателя в традиционной дидактике – к открытому доступу к знаниям, хранящимся в неограниченных цифровых ресурсах в сетях [10; 11].

АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ

Международный опыт дистанционного обучения показывает две доминирующие тенденции. Во-первых, от классической педагогики, основанной на бумажных носителях информации, дистанционное обучение перешло к виртуальным и интерактивным процессам, которые представляют собой резкий сдвиг от измерения «пространства» в дистанционном обучении к измерению «времени». Во-вторых, использование традиционными вузами смешанных моделей, в которых новая педагогика дистанционного обучения используется в дополнение к классическому очному обучению.

Образование как ведущий социальный институт общества тесно связано с технологическими процессами, происходящими в нем. Цифровой образ образовательной реальности напрямую зависит от основных тенденций в области компьютеров и других технологий [11; 12]. Образовательная реальность претерпевает ряд трансформаций, реагируя на их интеграцию в практику обучения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сформированный тип образовательной реальности есть не что иное, как результат, проекция научного технологического прорыва, порождаемая каждой эпохой. Многосторонний анализ этапов внедрения компьютерных технологий в процесс обучения показал, что образовательная реальность прошла путь от тривиального и повсеместного внедрения национальной цифровой повестки компьютерных технологий в образовательный процесс до цифровой трансформации всей образовательной парадигмы. И если этот процесс вряд ли можно назвать цифровизацией, а скорее процифровыванием образования в первом случае, то в современном состоянии последний доминирует над преимуществами цифрового мира. Другими словами, представляется, что процесс трансформации образовательной реальности – это переход от процифровой эры к новой цифровой эре с точки зрения ее использования и охвата. Трансформационные процессы, происходящие в современной образовательной реальности, носят исключительно сетевой характер, охватывая пространство от образовательного процесса до управленческих решений.

Подводя итог, можно сказать, что образовательная реальность определяется научно-техническими тенденциями, а ее форма является ответом на их вызовы. Благодаря множеству инструментов и программ, которые предлагает технический прогресс, в дистанционном образовании повышается уровень коммуникации между студентами и их преподавателями, а также между студентами и их одногруппниками. Увеличение коммуникации в дистанционном образовании должно предоставить студентам как можно больше возможностей, которые они могли бы получить при очном обучении, имея возможность объединить новые мнения со своими собственными и создать прочную основу для обучения.

Библиографический список

1. Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики. *Информационное общество: востребованность информационно коммуникационных технологий населением России*, 2015. <https://www.hse.ru/data/2015/05/18/1098470791/Информационное общество востребованность...ых технологий населением России.pdf> (дата обращения: 10.11.2022)
2. Wiczorek T., Kolodziejczyk A., Ciulkowicz M., Maciaszek J., Misiak B., Rymaszewska J., Szczesniak D. Class of 2020 in Poland: Students' mental health during the COVID-19 outbreak in an academic setting. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2021;18(6):2884. <https://doi.org/10.3390%2Fijerph18062884>
3. Surma T., Kirschner P. Virtual special issue computers in human behavior technology enhanced distance learning should not forget how learning happens. *Computers in Human Behavior*. 2020;110:106390. <https://doi.org/10.1016%2Fj.chb.2020.106390>
4. Хабирова Т.Г. Мотивация студентов к процессу обучения: ВПУИЗ (вдохновение, польза, успех, интерес, внимательность) как модель академической мотивации. *Вестник Казанского технологического университета*. 2012;15(17):241–343.

5. Магомедова К.Т. Этапы развития электронного обучения и их влияние на появление новых технологических стандартов качества электронного обучения. *Вестник ЮУрГУ. Серия: Образование. Педагогические науки*. 2015;2:22–29.
6. Плужникова Н.Н. Цифровизация образования в период пандемии: социальные вызовы и риски. *Logos et Praxis*. 2021;20(1):15–22. <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.1.2>
7. Селиванова О.Г., Санникова Н.И. Корпоративное обучение педагогов как ресурс повышения профессиональной компетентности. *Концепт: Научно-методический электронный журнал*. 2020;9:14–24. <https://doi.org/10.24411/2304-120X-2020-11061>
8. Кегеян С.Э. Электронное образование в эпоху цифровой трансформации. В сб.: *Региональные вузы – драйверы пространственного развития России: материалы Всероссийской с международным участием научно-практической конференции, Ижевск, 19 ноября 2021 г.* Ижевск: Удмуртский государственный университет; 2021. С. 50–54.
9. Российская ассоциация электронных коммуникаций. *Экономика Рунета 2015–2016. Исследование экономики рынков интернет-сервисов и контента в России*. <http://old.raec.ru/upload/files/broshura2016.pdf> (дата обращения: 07.11.2022).
10. Gaebel M., Kupriyanova V., Morais R., Colucci E. *E-learning in European higher education institutions: Results of a mapping survey conducted in October–December 2013*. Brussels: European University Association Publications; 2014. 92 p.
11. Российская ассоциация электронных коммуникаций. *Интернет в России в 2016 г. Состояние, тенденции и перспективы развития*; 2017. <https://raec.ru/upload/files/171220-rif-report-2017.pdf> (дата обращения: 07.11.2022).
12. Колыхматов В.И. Образование будущего: технологии цифровизации. *Современное образование: содержание, технологии, качество*. 2019;1:12–15.

References

1. National Research University Higher School of Economics. *Information society: demand for the information and communication technologies by the population in Russia*; 2015. [https://www.hse.ru/data/2015/05/18/1098470791/Информационное общество востребованность...ых технологий населением России.pdf](https://www.hse.ru/data/2015/05/18/1098470791/Информационное%20общество%20востребованность%20технологий%20населением%20России.pdf) (accessed 10.11.2022)
2. Wiecezorek T., Kolodziejczyk A., Ciulkowicz M., Maciaszek J., Misiak B., Rymaszewska J., Szczesniak D. Class of 2020 in Poland: Students' mental health during the COVID-19 outbreak in an academic setting. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2021;18(6):2884. <https://doi.org/10.3390%2Fijerph18062884>
3. Surma T., Kirschner P. Virtual special issue computers in human behavior technology enhanced distance learning should not forget how learning happens. *Computers in Human Behavior*. 2020;110:106390. <https://doi.org/10.1016%2Fj.chb.2020.106390>
4. Khabirova T.G. Motivation of students to the learning process: VPUiZ (inspiration, benefit, success, interest, attention) as a model of academic motivation. *Bulletin of Kazan University of Technology*. 2012;15(17):341–343.
5. Magomedova K.T. Stages of e-learning development and their impact on the emergence of new technological standards of e-learning quality. *Bulletin of the South Ural State University. Education Series. Educational Sciences*. 2015;2:22–29.
6. Pluzhnikova N.N. Digitalization of education in the pandemic: social challenges and risks. *Logos et Praxis*. 2021;20(1):15–22. <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.1.2>
7. Selivanova O.G., Sannikova N.I. Corporate training of teachers as a resource Professional Competence Enhancement. *Concept: Scientific-Methodical Electronic Journal*. 2020;9:14–24. <https://doi.org/10.24411/2304-120X-2020-11061>
8. Kegeyan S.E. Electronic education in the era of digital transformation. In: *Regional universities – drivers of spatial development of Russia: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation, Izhevsk, November 19, 2021*. Izhevsk: Udmurt State University; 2021. (In Russian).
9. Russian Association of Electronic Communications. *Runet economy 2015–2016. Study of the economics of the markets of Internet services and content in Russia*. <http://old.raec.ru/upload/files/broshura2016.pdf> (accessed 07.11.2022).
10. Gaebel M., Kupriyanova V., Morais R., Colucci E. *E-learning in European higher education institutions: Results of a mapping survey conducted in October–December 2013*. Brussels: European University Association Publications; 2014. 92 p.
11. Russian Association of Electronic Communications. *Internet in Russia in 2016. State, trends and prospects for development*; 2017. <https://raec.ru/upload/files/171220-rif-report-2017.pdf> (accessed 07.11.2022).
12. Kolykhmatov V.I. Education of the future: digitalization technology. *Modern Education: content, technology, quality*. 2019;1:12–15.

Роль сети «Интернет» в современной жизни детей и подростков: анализ социологического опроса

Титор Светлана Евгеньевна

Канд. юр. наук, доц. каф. частного права
ORCID: 0000-0002-5930-9972, e-mail: setitor@mail.ru

Государственный университет управления, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация

Достижения в области технологий, выступающих основой становления современного информационного общества, привели к стремительному развитию глобальной компьютерной сети «Интернет». Интернет является средством социальной коммуникации и оказывает как положительное, так и негативное воздействие на мировое сообщество. Сегодня технологии занимают передовую позицию в жизни человека и зачастую переносят всю активность индивида в интернет-пространство, в связи с чем высокую актуальность обретает проблема защиты несовершеннолетних от деструктивного онлайн-контента. Информационная среда влияет на воспитание детей: они проводят в Интернете достаточно много времени и, используя эту возможность для игры и обучения, оказываются уязвимыми для негативного контента. Одним из следствий информатизации стало усиление роли средств массовой информации в жизни как национальных социумов, так и всего международного сообщества. Масс-медиа во многом заменили реальное общение в роли основного источника адаптивно-значимой информации для жителей развитых стран и, играя роль агентов социализации, оказывают определяющее влияние на мировоззрение людей. Ввиду текущих политических, экономических, моральных и нравственных трансформаций влияние информационной среды на юных пользователей особенно велико. Результаты исследования, посвященного данному влиянию и поведению детей и подростков в онлайн-пространстве в целом, представлены в статье.

Ключевые слова

Поведение подростков в Интернете, ответственность подростков, безопасность в Интернете, интернет-риски, деструктивный онлайн-контент, информационная среда, информатизация

Для цитирования: Титор С.Е. Роль сети «Интернет» в современной жизни детей и подростков: анализ социологического опроса // Вестник университета. 2023. № 1. С. 213–221.

The role of the Internet in the modern life of children and teenagers: analysis of a sociological survey

Svetlana E. Titor

Cand. Sci. (Jur.), Assoc. Prof. at the Private Law Department
ORCID: 0000-0002-5930-9972, e-mail: setitor@mail.ru

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

Achievements in the field of technology, which serve as the foundation of the emerging modern information society, have led to the rapid development of the Internet – a global computer network. The Internet is a mean of social communication that has both positive and negative effects on the global community. Technology has taken a leading position in people's lives, oftentimes transferring all activities of individuals into the online environment. This is why protection of minors from destructive online content is now becoming urgent. The information environment affects children's upbringing, as they spend a lot of time online and, by using this opportunity to play and learn, become exposed to negative content. One of the consequences of informatization has been the increasing role of mass media in the life of both national societies and the global community as a whole. For residents of developed countries, mass media have largely replaced interpersonal communication as the main source of adaptive and meaningful information and, serving as agents of socialisation, now play the key role in forming people's worldview. Due to current political, economic, moral, and ethical transformations, the level of influence that the information environment has on younger users, is especially high. The findings of the study devoted to the assessment of this influence as well as children and teenagers' behavior online in general are presented in the article.

Keywords

Teenagers' online behaviour, responsibility of teenagers, Internet safety, online risks, destructive online content, information environment, informatization

For citation: Titor S.E. (2023) The role of the Internet in the modern life of children and teenagers: analysis of a sociological survey. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 213–221.

ВВЕДЕНИЕ

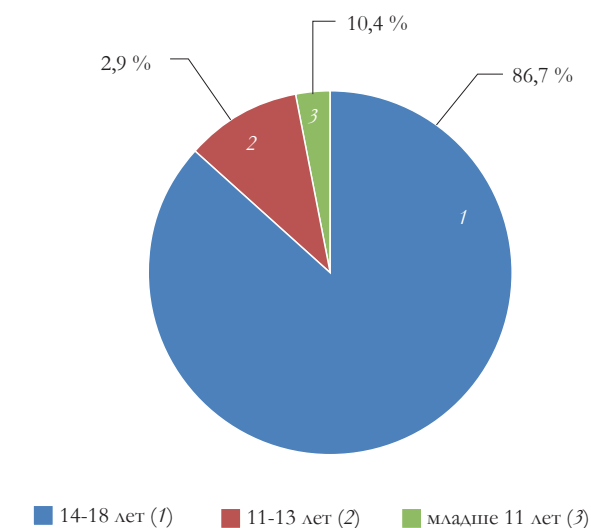
Социологическое исследование, посвященное влиянию деструктивной информационной среды на детей и подростков, проводилось августе – сентябре 2022 г. В блоке «Роль Интернета в современной жизни детей и подростков» приняли участие 26 580 респондентов в возрасте от 6 до 18 лет. Исследование в форме опроса охватило значительное количество населенных пунктов: в Пермском крае – Пермь, в Тверской области – Тверь, Старицу, Кимры, Красный Холм, д. Захоломье, Калязин, с. Редкино, Торопец; в Самарской области – Жигулевск, Чапаевск, Новокуйбышевск; в Оренбургской области – Оренбург, Бузулук; в Республике Бурятия – Северобайкальск, Улан-Удэ; в Республике Мордовии – Саранск, Атемар; в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре – Сургут; в Саратовской области – Саратов, Пугачев; в Белгородской области – Белгород; в Республике Чувашии – Чебоксары; в Новосибирской области – Новосибирск; в Волгоградской области – Волгоград; в Воронежской области – Воронеж; в Курской области – Курск; в Ярославской области – Ярославль; в Липецкой области – Липецк; в Республике Татарстан – Казань; в Брянской области – Брянск; в Ростовской области – Ростов; в Мурманской области – Мурманск и т. д. Исследование проводилось путем адресной рассылки специально разработанной анкеты, размещенной на сервисе «Яндекс.Формы».

АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ РЕСПОНДЕНТОВ

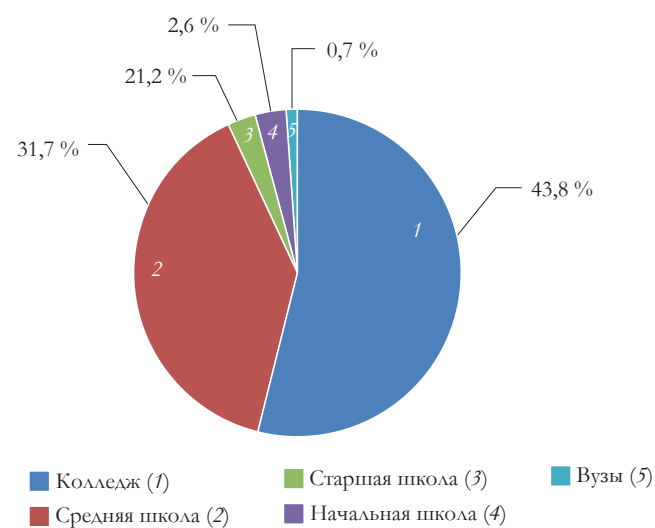
В социологическом опросе приняли участие 26 162 респондента: подростки в возрасте 14–18 лет (86,7 % от общего числа респондентов), подростки в возрасте 11–13 лет (10,4 %) и дети младше 11 лет (2,9 %). Распределение респондентов представлено на рисунке 1.

В исследовании приняли участие дети и подростки, обучающиеся в колледжах и техникумах (43,8 % опрошенных), старшей школе (21,2 %), средней школе (31,7 %), начальной школе (2,6 %) и вузах (0,7 %). Данное распределение наглядно представлено в виде диаграммы (рис. 2).

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 1. Распределение респондентов по возрасту

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 2. Распределение респондентов по уровню обучения

По данным Министерства здравоохранения Российской Федерации [1] и Федеральной службы государственной статистики (далее – Росстат) [2], наибольшему влиянию деструктивной информационной среды подвержены подростки в возрасте старше 14 лет. Согласно информации, опубликованной Росстатом [2], в 2017 г. показатель частоты завершенных суицидов несовершеннолетних в возрасте 10–14 лет был равен 1,6 на 100 000 человек, что в 2 раза больше значения среднемирового показателя. Среди лиц в возрасте 15–19 лет значение составило 8,4 на 100 000 человек (на 13,5 % больше, чем во всем мире). В сельской местности показатель был равен 2,3 на 100 000 населения, что превышает показатель

в городах почти в 3 раза (0,8 на 100 000 человек). В 2018 г. количество завершенных суицидов среди несовершеннолетних составило 788. В 2019 г. пытался совершить самоубийство каждый 12-й несовершеннолетний в возрасте 13–17 лет. В 2020 г. количество суицидов увеличилось в 3 раза [3].

Исследователи подчеркивают, что роль семьи в развитии личности несовершеннолетнего крайне велика [4]. Большинство детей и подростков, принявших участие в исследовании, а именно 76,3 %, указали, что воспитываются в полных семьях (табл. 1). Так, 51,3 % респондентов ответили, что проживают в расширенных семьях, то есть вместе с бабушками/дедушками, братьями/сестрами; 18,9 % – что воспитываются в нуклеарных семьях, то есть с обоими родителями, а также братьями/сестрами; 6,1 % опрошенных заявили, что являются единственным ребенком в полной семье.

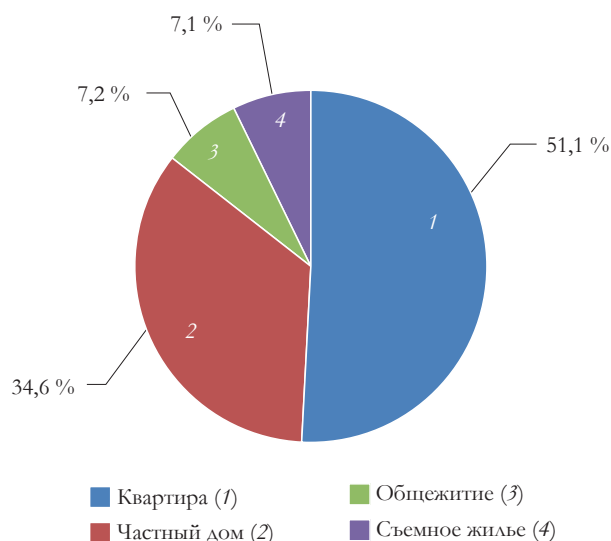
Чуть менее четверти опрошенных (23,7 %) заявили, что воспитываются в неполной семье или другими родственниками. Дети и подростки указывали, что проживают с мамой, бабушками/дедушками, сестрами/братьями (13,6 %), только мамой (5,8 %), другими родственниками (2,3 %), папой, бабушками/дедушками, сестрами/братьями (1,4 %), только папой (0,6 %).

Таблица 1

Распределение респондентов по полноте и составу семьи

Тип семьи по полноте	Состав семьи, в которой проживает респондент	Доля респондентов, %
Полная	Расширенная семья: оба родителя, бабушки/дедушки, братья/сестры	51,3
	Нуклеарная семья: оба родителя, братья/сестры	18,9
	Оба родителя	6,1
	Итого	76,3
Неполная	Большая семья без папы: мама, бабушки/дедушки, братья/сестры	13,6
	Только мама	5,8
	Другие родственники	2,3
	Большая семья без мамы: папа, бабушки/дедушки, братья/сестры	1,4
	Только папа	0,6
	Итого	23,7

Составлено автором по материалам исследования

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 3. Распределение респондентов в зависимости от условий проживания

Большинство респондентов имели удовлетворительные условия проживания: дети и подростки указали, что живут в квартирах родителей (51,1 %), частных домах (34,6 %), общежитиях (7,2 %) или снимают жилье (7,1 %). Соответствующие результаты опроса представлены на рисунке 3.

Что касается материального положения семьи, более половины респондентов (70,9 %) охарактеризовали уровень семейного дохода как средний: 56,6 % семей могут без труда приобретать товары длительного пользования, но с трудом покупают действительно дорогие вещи; у 14,3 % семей денег «хватает на продукты и одежду, но покупка вещей длительного пользования является... проблемой». По мнению 13,8 % респондентов, их семьи могут позволить себе достаточно дорогие покупки – автомобиль, дачу и т.п. При этом

5,1 % опрошенных отметили, что находятся в бедственном положении: «...недостаточно средств для нормального проживания, денег не хватает на покупку одежды, предметов необходимости»: 1,1 % респондентов указали, что «едва сводят концы с концами». Затруднились с оценкой уровня дохода своей семьи 10,2 % (табл. 2).

Таблица 2

Уровень семейного дохода респондентов

Ответ на вопрос об уровне семейного дохода	Доля респондентов, %
Достаток выше среднего	13,8
Средний достаток	70,9
Недостаточно средств	5,1
Затруднились ответить	10,2

Составлено автором по материалам исследования

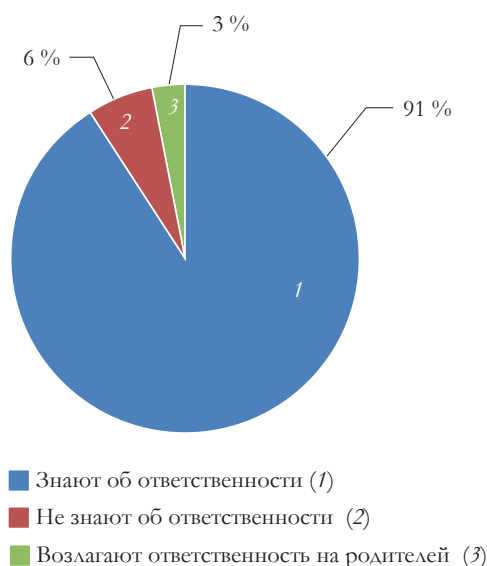
ПОВЕДЕНИЕ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ В СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»

Сеть «Интернет» (далее – Интернет) является неотъемлемой частью жизни современных детей и подростков. Почти все дети в возрасте от 6 лет используют Интернет, например через мобильный телефон, компьютер или планшет. Следовательно, им крайне важно понимать, с какими угрозами и опасностями можно столкнуться в сети, и уметь вести себя в сложных, непривычных ситуациях. В этой связи актуальным становится вопрос о знаниях и навыках безопасного поведения в интернет-среде. Результаты проведенного исследования показали, что 83 % опрошенных (возраст большинства составлял 12 и более лет) знают правила безопасного поведения в Интернете и при его использовании стараются не раскрывать личную информацию, например имена и должности родителей, адреса, коды банковских карт, пароли от социальных сетей. В то же время 3 % респондентов в возрасте 6–9 и 15–16 лет не считают необходимым использование мер предосторожности в Интернете. Не имеет никакого представления о безопасном поведении в Интернете 1 % участников опроса.

Респонденты признают опасность онлайн-среды (36 %) и отмечают, что «если... будут вести себя в Интернете осторожно, не посещать подозрительные сайты, то опасность для них Интернет представлять не будет» (61 %). Только 2 % опрошенных не видят в Интернете опасности для себя в будущем и сейчас, в то время как доля респондентов, не знающих, может ли Интернет быть опасен для них, составляет 1 %.

Из результатов опроса следует, что большинство детей и подростков осознают риски, видят опасность, которую таит в себе интернет-среда, и знают правила безопасного поведения [5]. Стоит обратить внимание на то, что среди опрошенных, не признающих небезопасность Интернета, были дети из неполных семей. 91 % респондентов сообщили, что осведомлены о личной ответственности за свое поведение, в том числе поведение в Интернете; 3 % считают, что за их действия отвечают родители; 6 % опрошенных не знают о своей ответственности за поведение в Интернете (рис. 4).

Современные дети и подростки проводят в Интернете достаточно много времени (табл. 3): 26 % опрошенных – более 5 часов в день, 24 % – от 4 до 5 часов, 20 % – от 2 до 4 часов, 12,5 % – менее 2 часов, и 17,5 % затруднились с ответом.

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 4. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Знаешь ли ты что-то об ответственности за свое поведение, в том числе в Интернете?»

Время, проводимое несовершеннолетними в сети «Интернет» ежедневно

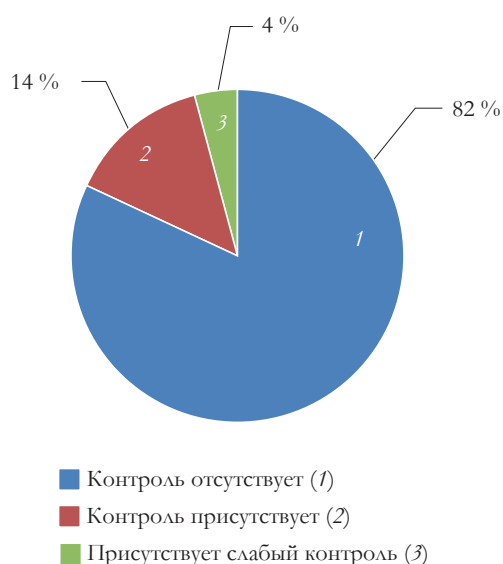
Ответ на вопрос о количестве времени, проводимого в Интернете	Доля респондентов, %
Более 5 часов	26,0
4–5 часов	24,0
2–4 часов	20,0
Менее 2 часов	12,5
Затрудняюсь ответить	17,5

Составлено автором по материалам исследования

Таким образом, результаты опроса свидетельствуют о значительной вовлеченности детей и подростков в виртуальную среду. Почти половина опрошенных проводят в Интернете более 4 часов в день (табл. 3). Представители данного поколения являются активными пользователями социальных сетей. Так, 76 % респондентов сообщили, что зарегистрированы в нескольких социальных сетях и родителям об этом известно, а 18 % указали, что пользуются социальными сетями, но не сообщают об этом родителям и считают регистрацию на подобных платформах своим личным делом. Сами родители регистрируют своих детей в 2,5 % случаев. Не интересуются социальными сетями 3,5 % опрошенных.

Более половины респондентов заявили, что открывают любые сайты на свое усмотрение (55 %); 13 % используют Интернет только для учебы; в 7 % случаев родители респондентов полностью контролируют контент, просматриваемый детьми, и присутствуют при использовании Интернета; 5 % подростков советуются с родителями или другими старшими родственниками о том, что лучше посмотреть в Интернете, причем возраст данной группы респондентов – до 14 лет.

Осознают и признают свою зависимость от Интернета 19 % опрошенных, однако они полагают, что в настоящее время их чрезмерное увлечение Интернетом – не более чем хобби. При этом 82 % респондентов считают, что родители полностью им доверяют и не контролируют их пользование Интернетом; 14 % опрошенных знают, что родители контролируют их действия в онлайн-пространстве; 4 % заявили, что умело скрывают, какие страницы просматривают в Интернете, несмотря на попытки родители установить контроль (рис. 5).

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 5. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Контролируют ли родители, как ты используешь Интернет?»

Любопытно и то, связаны ли с использованием Интернета какие-либо расходы опрошенных. В основном дети и подростки стараются не тратить свои карманные деньги на онлайн-развлечения (65,8 %). При этом 20,6 % респондентов тратят свои средства изредка, 2 % – регулярно, 5,4 % опрошенных подростков, наоборот, пытаются заработать через Интернет, а не имеют карманных денег 5,2 % респондентов.

Итак, большинство детей и подростков имеют возможность свободно пользоваться Интернетом и просматривать любой контент: родители фактически не контролируют время использования и содержание сайтов, посещаемых респондентами.

Проводя длительное время в Интернете, ребенок так или иначе столкнется с неприятными изображениями или схожим контентом, объем которого неуклонно растет [6]. По результатам опроса, 72 % респондентов уже встречались с нежелательным содержанием сайтов (рис. 6).

Многие участники опроса отметили, что старались не реагировать на негативную информацию,

не замечать ее (60 %). Четверть опрошенных признались, что смотрели сцены, содержащие насилие и оскорбления, а 7 % получали и принимали приглашения вступить в группы с соответствующим содержанием. В то же время 8 % опрошенных однозначно заявили, что сознательно не просматривают деструктивные сайты и картинки: подобный контент не интересен данной группе (табл. 4).

Таблица 4

Реакция несовершеннолетних на деструктивный интернет-контент

Реакция респондентов	Доля респондентов, %
Не реагировали	60
Не проявили интереса	8
Смотрели сцены, содержащие насилие и оскорбления	25
Проявили интерес к негативной информации	7

Составлено автором по материалам исследования

Почти половина респондентов (47 %) заявили, что в Интернете им предлагали попробовать запрещенные вещества, наркотики, сигареты, алкоголь или заработать, распространяя информацию о подобных объектах (рис. 7).

Большинство респондентов, сталкивавшихся с подобными негативными предложениями в Интернете, не заинтересовались ими (81 %). Однако 14 % опрошенных признались, что обращали внимание на предложения заработать, распространяя информацию о запрещенных веществах, наркотиках, сигаретах, алкоголе, а 5 % заинтересовались тем, что и зачем предлагают, и пытались получить более подробную информацию (табл. 5).

Таблица 5

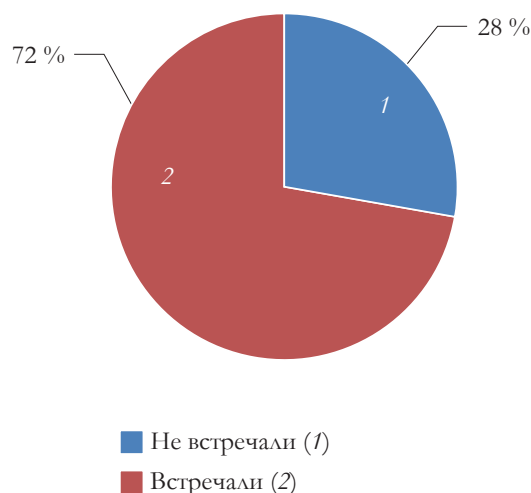
Реакция несовершеннолетних на предложения попробовать запрещенные и вредные вещества или заработать, распространяя информацию о них

Реакция респондентов	Доля респондентов, %
Не заинтересовались	81
Проявили интерес	5
Обратили внимание	14

Составлено автором по материалам исследования

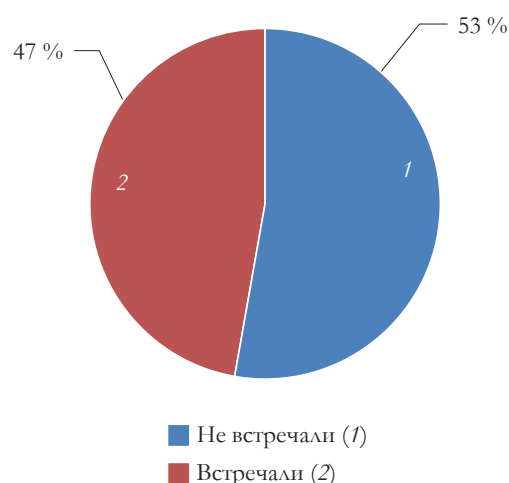
Встречались с угрозами и унижением со стороны знакомых из Интернета 28 % респондентов, а 14 % подростков, заявили, что осознают возможность возникновения подобных ситуаций и стараются их избегать (табл. 6).

Те дети и подростки, которые столкнулись с угрозами в свой адрес, используя Интернет, реагировали следующим образом: 50 % респондентов решили проблему самостоятельно, 38 % не отнеслись к угрозам серьезно, 9 % рассказали об угрозах родителям, старшим или учителям, а 3 % серьезно опасаются поступивших угроз (табл. 7).

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 6. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Приходилось ли встречаться с неприятным содержанием сайтов, картинок в Интернете?»

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 7. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Встречались ли в Интернете предложения попробовать запрещенные вещества, наркотики, сигареты, алкоголь или заработать, распространяя информацию о них?»

Таблица 6

Унижение и угрозы по отношению к несовершеннолетним со стороны их знакомых из Интернета

Ответ на вопрос об угрозах в Интернете	Доля респондентов, %
Не встречали угрозы	58
Избегали таких угроз	14
Встречались с угрозами	28

Составлено автором по материалам исследования

Таблица 7

Реакция несовершеннолетних на угрозы и унижения, поступающие из Интернета

Реакция респондентов	Доля респондентов, %
Решают проблемы самостоятельно	50
Не отнеслись к угрозам серьезно	38
Поставили в известность родителей	9
Опасаются угроз	3

Составлено автором по материалам исследования

Таким образом, используя Интернет, дети и подростки сталкиваются с деструктивным контентом: неприятными картинками и другим нежелательным содержанием сайтов (72 %), предложениями попробовать запрещенные вещества, наркотики, сигареты, алкоголь или заработать, распространяя информацию о подобных объектах (47 %), унижением и угрозами по отношению к себе и своим родственникам (28 %). Респонденты по-разному реагируют на подобный контент, но, как правило, стараются либо не замечать его, либо всячески избегать. Однако анализ результатов опроса также выявил у некоторого числа детей и подростков склонность вовлекаться в девиантные и делинквентные формы поведения, связанные с желанием заработать, попробовать запрещенные вещества, чувством страха, просмотром сцен насилия и т.д. Значительную часть данной группы респондентов составили подростки старше 14 лет, воспитывающиеся в семьях, испытывающих материальные трудности.

ЦЕННОСТИ, ТРАНСЛИРУЕМЫЕ ИНТЕРНЕТОМ

В современном обществе усиливается социокультурное влияние Интернета. Дети и подростки вовлечены в онлайн-пространство, и формат получаемых им знаний и информации принципиально отличается от прежнего. Как результат прогрессивного развития, Интернет предлагает уникальные возможности, имеет серьезные перспективы, и в то же время его социокультурная среда содержит определенные риски для системы традиционных ценностей [7].

Отвечая на вопрос о том, какие ценности пропагандируются в Интернете, 78,8 % подростков в возрасте от 14 лет признали, что в Интернете распространяются и негативные ценности, причем 5,6 % опрошенных полагают, что зачастую пропагандируется насилие, агрессия, «неправильная» жизнь. Однако 11 % респондентов не видят ничего плохого в онлайн-пространстве, а 4,6 % считают, что современный Интернет учит жить, зарабатывать и не важно, как именно.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, современные дети и подростки активно используют онлайн-пространство, и в ближайшее время их вовлеченность будет только расти. Юные пользователи осознают, что данная среда разнородна, а ценности, транслируемые в ее пределах, могут носить деструктивный характер. В то же время существует риск влияния подобных негативных ценностей на тех пользователей, которые не признают наличие угроз в Интернете и характеризуются низким уровнем рефлексии в отношении медиасреды. Среди детей и подростков наблюдается желание попробовать нечто новое, находящееся под запретом.

Юные пользователи осведомлены как о личной ответственности за поведение в Интернете, так и об ответственности, которую несут их родители. Однако у опрошенных не сформировано четкое представление о том, что именно является противоправным действием и может причинить ущерб. Важно отметить, что онлайн-среда выступает фактором, провоцирующим проявления девиантного, делинквентного поведения в молодежной среде: насилия, драк, нецензурной брани и т.д.

Библиографический список

1. Министерство здравоохранения Российской Федерации. *Письмо Министерства здравоохранения РФ от 06.03.2020 № 15-2/II/2-2645 «О методических рекомендациях „Суицидальное поведение несовершеннолетних (профилактические аспекты)“»*. <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74231984/#review> (дата обращения: 08.11.2022).
2. Федеральная служба государственной статистики. *Информация о социально-экономическом положении России. Январь – март 2020 года*. <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/oper-03-2020.pdf> (дата обращения: 08.11.2022).
3. Макашева М.Н. Сеть интернет и общая оценка ее влияния на личность несовершеннолетнего. *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2021;91:102–109. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2021-3-102-109>
4. Vargas Rubilar J., Lemos V., Richaud M.C. Programa de fortalecimiento parental en contextos de vulnerabilidad social: Una propuesta desde el ámbito escolar. *Interdisciplinaria*. 2017;34(1):157–172.
5. Романова Е.Н. Современные средства обеспечения безопасности детей в киберпространстве. *Ученые записки ИИО РАО*. 2017;64:125–128.
6. Кравченко Н.В. Влияние информационных интернет-ресурсов на современных подростков и молодежь. В кн.: Кобзарь П.Е. (общ. ред.) *Трансформация войны в условиях глобализации мира: материалы Всерос. науч. конф. с международ. участием, Омск, 23 апреля 2021 г.* Омск: Филиал Военной академии материально-технического обеспечения имени генерала армии А.В. Хрулёва Министерства обороны Российской Федерации в г. Омске; 2021. С. 152–157.
7. Исмаилова Н.П. Цифровизация образовательного процесса и обеспечение информационно-психологической безопасности. *Мир науки, культуры, образования*. 2020;80:61–62. <https://doi.org/10.24411/1991-5497-2020-00025>

References

1. Ministry of Health of the Russian Federation. *Letter of the Ministry of Health of the Russian Federation No. 15-2/I/2-2645 dated 6 March 2020 “On methodological recommendations ‘Suicidal behavior of minors (preventive aspects)’”*. <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74231984/#review> (accessed 08.11.2022).
2. Federal State Statistics Service. *Information on Russia’s socio-economic state. January–March 2020*. <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/oper-03-2020.pdf> (accessed 08.11.2022).
3. Makasheva M.N. The Internet and general assessment of its impact on the personality of a minor. *Vestnik of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2021;91:102–109. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2021-3-102-109>
4. Vargas Rubilar J., Lemos V., Richaud M.C. Programa de fortalecimiento parental en contextos de vulnerabilidad social: Una propuesta desde el ámbito escolar (Program of parental strengthening in contexts of social vulnerability: A proposal from the school environment). *Interdisciplinaria*, 2017;34(1):157–172. (In Spanish).
5. Romanova E.N. Modern means of ensuring the safety of children in cyberspace. *Scientific notes of IME RAE*. 2017. 2017;64:125–128.
6. Kravchenko N.V. Impact of Internet resources on modern teens and youth. In: Kobzar P.E. (ed.) *War’s Transformation in the Conditions of World Globalization: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference with International Participation, Omsk, April 23, 2021*. Omsk: Branch of Federal State-Owned Military School of Higher Professional Education “Khrulev Military Academy of Logistics” of the Ministry of Defense of the Russian Federation in Omsk; 2021. P. 152–157.
7. Ismailova N.P. Digitalization of the educational process and ensuring information and psychological security. *The world of science, culture and education*. 2020;80:61–62. <https://doi.org/10.24411/1991-5497-2020-00025>

Исследование проблем в постановке целей студентами

Осипова Лариса Васильевна¹

Канд. психол. наук, доц. каф. философии, психологии и культурологии

ORCID: 0000-0002-3319-1523, e-mail: larisa.osipova2011@yandex.ru

Чернякевич Елена Юрьевна²

Канд. психол. наук, доц. каф. истории и философии

ORCID: 0000-0002-6300-4354, e-mail: Chernik.72@mail.ru

¹Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С.О. Макарова, г. Санкт-Петербург, Россия

²Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация

В статье представлены результаты эмпирического исследования, раскрывающие проблемы поиска, осознания и постановки целей студентами первого курса. Актуальность исследования обусловлена изучением психологической природы качества жизни студентов в процессе их профессионального становления, так как отсутствие целей у учащихся связано с неудовлетворенностью жизнью. Изучены социально-психологические черты личности (Гиссенский тест), механизмы психологической защиты («Индекс жизненного стиля» Келлермана–Плутчика), способность ставить цели (методика «Смыслжизненные ориентации» Д.А. Леонтьева), дан анализ компонентов ценностно-смысловой сферы студентов (авторская анкета). Показано, что усиленно работающие механизмы психологической защиты, снижая осознание объективных событий, формируют черты, препятствующие процессу постановки целей, а, следовательно, и формированию зрелых черт личности. Выявлено, что наличие целей связано с положительной социальной репутацией студентов. Одновременное сочетание перспективных целей и субъективного благополучия личности качественно определяет взаимосвязь с ценностно-смысловой сферой: процессом жизни (интерес и эмоциональная насыщенность жизни), результативностью жизни (продуктивность и удовлетворенность самореализацией), локусом контроля, осмысленностью жизни.

Ключевые слова

Цель, благополучие, механизмы психологической защиты, смысложизненные ориентации, ценности, смысл

Для цитирования: Осипова Л.В., Чернякевич Е.Ю. Исследование проблем в постановке целей студентами // Вестник университета. 2023. № 1. С. 222–230.

Researching problems in setting goals by students

Larisa V. Osipova¹

Cand. Sci. (Psy.), Assoc. Prof. at the Philosophy, Psychology and Cultural Studies Department
ORCID: 0000-0002-3319-1523, e-mail: larisa.osipova2011@yandex.ru

Elena Yu. Chernyakevich²

Cand. Sci. (Psy.), Assoc. Prof. at the History and Philosophy Department
ORCID: 0000-0002-6300-4354, e-mail: chernik.72@mail.ru

¹Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping, Saint Petersburg, Russia

²Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, Saint Petersburg, Russia

Abstract

The article presents the results of an empirical study that reveals the problems of searching, understanding and setting goals by first year students. The study is relevant because it studies the psychological nature of the quality of students' life in the process of their professional development, since the lack of goals among students is associated with dissatisfaction with life. The socio-psychological personality traits (The Giessen test), psychological defense mechanisms (Kellerman–Plutchik's Life Style Index), the ability to set goals (D.A. Leontiev's "Meaningful Life Orientations" methodology) were studied. The authors also analyzed the components of the students' value-semantic sphere (author's questionnaire). It is shown that the intensively working mechanisms of psychological defense, reducing the awareness of objective events, form features that impede the process of setting goals, and, consequently, the formation of mature personality traits. It was revealed that the presence of goals is associated with a positive social reputation of students.

Keywords

Goal, well-being, mechanisms of psychological defense, meaningful life orientations, values, meaning

For citation: Osipova L.V., Chernyakevich E.Yu. (2023) Researching problems in setting goals by students. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 222–230.

ВВЕДЕНИЕ

Выбирая вуз для поступления, молодые люди ставят себе цели и начинают работать над ними, понимая, что от этого зависит исполнение задуманного и дальнейший жизненный путь. Поступив в учебное заведение, студент сталкивается со сложностями взрослой самостоятельной жизни и анализирует правильность своего профессионального выбора. В учебных буднях исчезает острота радости и появляется ощущение, что цель уже достигнута и желаний больше нет. Однако следует различать цель и желание: в первую очередь цель создает желания, а не наоборот [1].

Изучение проблем поиска, осознания и постановки целей студентами университета показало актуальность данной темы, так как 71,5 % опрошенных студентов первого курса ответили, что отсутствие цели приносит чувство неудовлетворения в их жизнь. Вместе с тем переживание субъективного благополучия является базовым субъективным конструктом, который отражает восприятие и оценку собственной деятельности и потенциальных возможностей человека [2]. В свою очередь, от наличия профессиональных целей зависит мотивация дальнейшего развития и повышение личной эффективности. В статье авторы рассматривают, какие личностные особенности студентов мешают им ставить цели.

В проблеме постановки целей психологи отводят особое место иерархии ценностей человека. Если жизненные цели и планы не реализуются, наличие ценностных регуляторов обеспечивает устойчивость личности в момент «кризиса нереализованности» [3]. Е.И. Головаха подчеркивает, что недостаточная сформированность представлений человека о своем будущем проявляется, прежде всего, в несогласованных ценностных ориентациях. Когда равные по значимости ценности конкурируют в сознании человека, ему трудно определить первоочередные направления деятельности [4, с. 260]. Постановка целей предполагает знание не только направления деятельности, но и ее идеального результата, которому соответствует определенное событие жизненного пути [5; 6].

Основным принципом теории постановки целей является то, что конкретные и сложные цели повышают производительность. Поэтому зарубежные авторы отмечают, что теория постановки целей является одной из наиболее практически применяемых теорий в области организационного поведения [7; 8]. Исследование китайских специалистов показало, что жизненная цель является эффективным значимым защитным фактором против интернет-зависимости, в то время как социальная поддержка может быть только косвенным [9]. По мнению К. Риффа, составление жизненного плана повышает качество достижения цели; тщательное и детальное планирование будущих целей также способствует возникновению субъективного благополучия [2]. Р. Эммонс в своем исследовании отношения между целями и субъективным благополучием заключает, что ориентация на счастье и на удовлетворение не являются первичными мотивациями, они вытекают из тех целей, которые человек ставит перед собой и к которым он привязан [10]. Согласно взглядам Э. Динера, мотивационная и эмоциональная сферы личности могут быть описаны с позиции того, к чему люди стремятся и чего стараются избежать в самых разнообразных сферах своей жизни [11]. Исследуя негативные события в жизни подростков, ученые пришли к выводу, что наличие определенной цели, максимальная идентификация с этой целью в подростковом возрасте способствуют удовлетворенности жизнью у подростков вне зависимости от гендерных особенностей и также являются профилактикой подростковой депрессии [12; 13]. По мнению К.М. Шелдона, именно конкордантные (соответствующие глубинному Я) цели являются естественным механизмом развития личности, обуславливающим ее переход на новый эволюционный уровень, так как их достижение сопровождается ростом психологического благополучия [14].

Размышляя над проблемой постановки целей, невозможно не затронуть проблему смысла в жизни и деятельности человека. Главным условием психического здоровья по В. Франклу является определенный уровень напряжения, возникающий между человеком и объективным смыслом во внешнем мире, который ему предстоит осуществить (через поставленную цель) [15]. В свою очередь, особенно интегрирующий нас и иллюстрирующий непосредственную связь цели и смысла подход М. Чиксентмихали связывает смыслообразование с созданием порядка в сознании через интеграцию своих действий в единое переживание потока. Порядок, по М. Чиксентмихали, достигается тремя путями [15]:

- первый – это наличие цели;
- второй – воплощение цели в действиях;
- третий, являющийся результатом первых двух, – внесение гармонии в сознание.

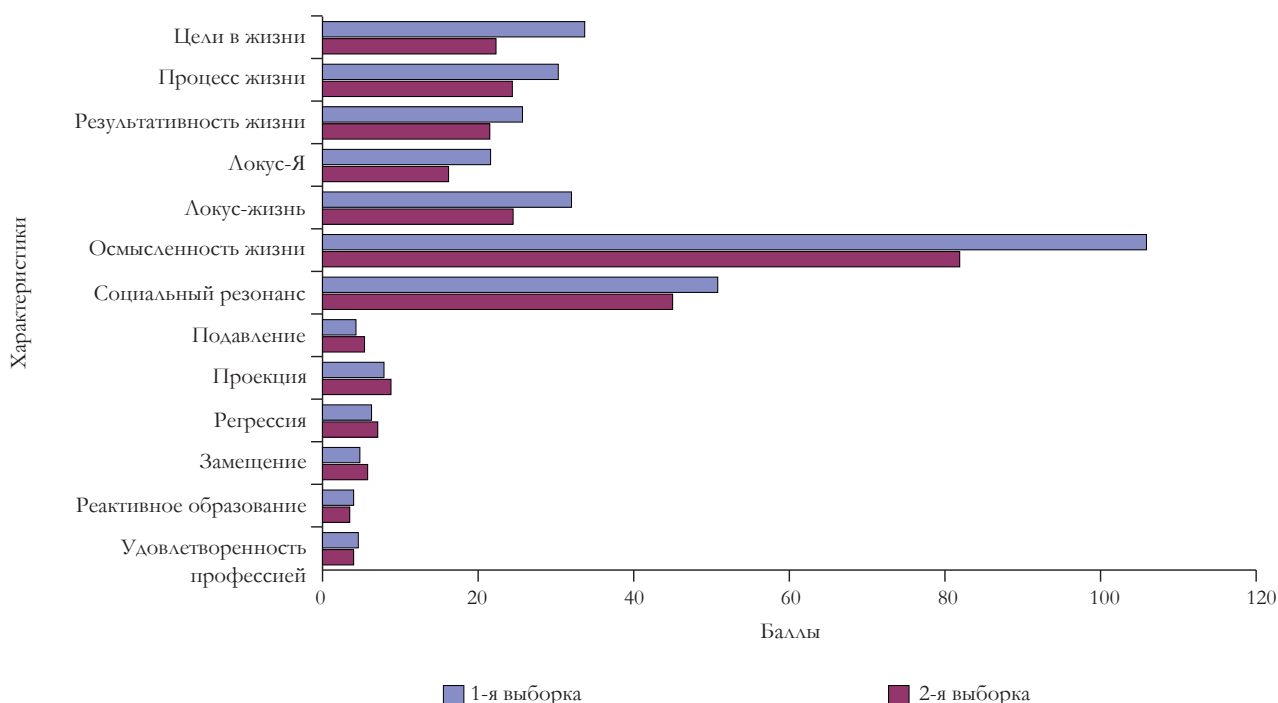
Целеустремленность в пожилом возрасте тоже является актуальным вопросом. Необходимо начиная со среднего возраста усиливать у людей тенденцию к получению жизненных смыслов и целей. Можно сказать, что целеустремленность, цели в жизни являются перспективными для изучения всех возрастов [16].

Авторами статьи выявлены некоторые факторы, положительно влияющие на постановку целей студентами, – это уровень эмоционального интеллекта, выявляющий способности понимать отношения, репрезентируемые в эмоциях, и управлять эмоциональной сферой на основе принятия решений. Снижает уровень эмоционального интеллекта, а также и способность ставить цели, наличие алекситимии – трудности в определении и описании собственных чувств, фокусировка на внешних событиях, а не на внутренних переживаниях [17]. Недостаток исследований, которые раскрывали бы причины неспособности ставить цели, обуславливает актуальность данной статьи.

МЕТОДЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В исследовании участвовали 130 студентов первого курса, 60 юношей и 70 девушек (от 19 до 22 лет). Цель исследования – выявление причин, препятствующих постановке целей студентами. Для изучения проблем постановки целей применялась авторская анкета. Методика «Смыслжизненные ориентации» (далее – СЖО) Д.А. Леонтьева использовалась для диагностики наличия целей [18], для диагностики механизмов психологической защиты был выбран тест «Индекс жизненного стиля» Келлермана–Плутчика (далее – ИЖС) [19]. Для исследования социально-психологических характеристик студентов использован Гиссенский личностный опросник [20].

Сравнительный анализ ценностных ориентаций юношей и девушек по тесту Д.А. Леонтьева «Смыслжизненные ориентации» показал, что интересующая нас характеристика «Цели в жизни» не имеет значимых различий между юношами ($\bar{X} = 29,3$) и девушками ($\bar{X} = 27,7$). Далее нами были сформированы две выборки относительно среднего значения шкалы «Цели в жизни», равного 28,46 баллам: испытуемые со значениями по шкале «Цели в жизни» 29 баллов и выше (1-я выборка) и со значениями 28 баллов и ниже (2-я выборка). На рисунке 1 представлены результаты сравнительного анализа этих двух выборок, имеющие статистически значимые различия.

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 1. Сравнительный анализ выборок с высокими и низкими значениями по шкале «Цели в жизни»

Отметим, что у студентов, которые принадлежат к выборке со значениями по параметру «Цели в жизни» выше среднего, шкалы СЖО имеют значения близкие и выше нормативных значений (рис. 1) [18]. У этих студентов выражена положительная социальная репутация, популярность, способность

добиваться поставленных целей, они уважаемы и ценимы другими людьми (по шкале Гиссенского теста «Социальный резонанс»). Механизмы психологической защиты имеют значимые различия по «подавлению» страха, «регрессии», «замещению», «реактивному образованию». Защитный механизм «подавление» ($\bar{X} = 4,27$) у студентов, имеющих цели в жизни, близок к нормативным значениям (3–4) [19]. Таким образом, в этой группе уровень тревожности скорее оптимальный, необходимый для продуктивной работоспособности, что побуждает студентов к размышлениям о наличии целей в жизни. Удовлетворенность выбором профессии (вопрос из авторской анкеты) в данной выборке выше ($\bar{X} = 4,56$), чем в группе студентов, имеющих цели в жизни ниже среднего значения.

Обнаружено также, что в группе студентов, имеющих значение параметра «Цели в жизни» ниже среднего, показатель «подавление» страха выше нормативного ($\bar{X} = 5,40$), это создает проблемы в осознании своих действий и поступков, что может отразиться и на осмыслении целей, снижая продуктивность личности. Эти респонденты имеют более высокую «регрессию» ($\bar{X} = 7,1$). Возможно, эти студенты имеют неустойчивое, импульсивное настроение и поведение, автоматически перекладывают ответственность на чужие плечи. Такой стиль поведения негативно сказывается на способности самостоятельно ставить цели. Исследуемой группе в целом свойственно высокое «замещение» гнева ($\bar{X} = 5,76$).

В группе студентов с показателями выше среднего по шкале «Цели в жизни» (1-я выборка) уровень агрессивных эмоций ($\bar{X} = 4,84$) ниже по сравнению со 2-й выборкой ($\bar{X} = 5,76$), хотя и несколько выше нормативных значений. Показатель «реактивное образование» 1-й группы в целом также выше нормы. Интересен факт, что в 1-й выборке студентов с показателями выше среднего по шкале «Цели в жизни» уровень «реактивного образования», к сожалению, усилился по сравнению со 2-й выборкой. Можно предположить, что такое нормативное поведение, старательность и прилежание, за которым стоит страх не соответствовать общепринятым нормам поведения, дисциплинирует студентов, помогая им держать в локусе контроля цели жизни.

ОБСУЖДЕНИЕ

Выше было сказано, что механизм психологической защиты «Регрессия» снижает волевой контроль студентов, их инициативу, формирует зависимое поведение, неспособность принимать самостоятельные решения и отвечать за них. Поэтому в ходе исследования нами были сформированы две выборки. В одну из них вошли студенты с «регрессией», соответствующей норме (до 5 баллов включительно), а в другую – студенты, «регрессия» которых выше нормы (выше 5 баллов). Был выполнен сравнительный анализ выборок с помощью *t*-критерия Стьюдента (табл. 1).

Таблица 1

Сравнительный анализ выборок с различным уровнем показателя «Регрессия»

Характеристики	Средний балл выборки «Регрессия в норме» (36 чел.)	Средний балл выборки «Регрессия выше нормы» (94 чел.)	<i>t</i> -критерий Стьюдента
<i>Смыслоразностные ориентации</i>			
Цели в жизни	31,20	27,74	0,010
Процесс жизни	29,03	26,95	0,082
Локус-Я	20,46	18,63	0,034
Локус-жизнь	30,60	28,08	0,046
Осмысленность жизни	100,86	92,23	0,032
<i>Механизмы психологической защиты</i>			
Компенсация	4,24	5,04	0,051
Проекция	6,77	8,95	4,55
Замещение	4,00	5,64	0,0004
Интеллектуализация	6,37	5,59	0,076
Реактивное образование	3,27	3,98	0,063

Составлено авторами по материалам исследования

Обращает внимание большое число «регрессивных» студентов – 72 %. Все перечисленные характеристики анализируемых групп в таблице 1 по тесту СЖО и опроснику ИЖС, имеют статистически значимые различия. Студенты с высоким уровнем регрессии имеют недостаточно развитые характеристики по шкалам теста СЖО «Цели в жизни», «Процесс жизни», «Локус-Я», «Локус-жизнь», «Осмысленность жизни». Механизмы психологической защиты у «регрессивных» студентов, кроме «интеллектуализации», работают более интенсивно.

Затем был выполнен анализ целей-смыслов студентов с различными уровнями механизма психологической защиты «Регрессия» (табл. 2).

Таблица 2

Анализ целей-смыслов студентов с различными уровнями механизма психологической защиты «Регрессия»

Цели-смыслы	Ранг	Средняя оценка ранга выборки «Регрессия в норме» (36 чел.)	Ранг	Средняя оценка ранга выборки «Регрессия выше нормы» (94 чел.)	t-критерий Стьюдента
Саморазвитие	1	1,97	2	2,47	0,0562*
Семья	2	2,05	1	1,75	0,1874
Карьера	3	2,70	3	2,74	0,8743
Друзья	4	3,08	4	3,00	0,7491
Статус	5	4,32	5	4,24	0,7362

Составлено авторами по материалам исследования

Из таблицы видно, что у «не регрессивных» студентов «саморазвитие» по рангу стоит на первом месте и значимо выше, чем у «регрессивных» студентов, далее идут следующие ранги – семья, карьера, друзья, статус. В свою очередь, «регрессивные» студенты на первое место ставят семью, саморазвитие – на второе место, что, возможно, подтверждает их психологическую зависимость от семьи, на помощь которой они надеются.

Далее авторов интересовал ответ студентов на вопрос: «Что (кто) помогает ставить цели?» (вопрос из анкеты). Учащиеся могли выбрать из нескольких вариантов ответа, а также предложить свой. Результаты представлены в таблице 3.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос анкеты: «Что (или кто) помогает ставить цели?»

Ответы студентов	Выборка «Регрессия в норме», % (количество человек)	Выборка «Регрессия выше нормы», % (количество человек)
Сами	63,9 (23)	50,0 (47)
Встречи	22,2 (8)	29,8 (28)
События	22,2 (8)	25,5 (24)
Родители	19,4 (7)	52,1 (49)
Друзья	16,7 (6)	31,9 (30)
Книги	16,7 (6)	28,7 (27)
Биографии великих людей	13,9 (5)	19,1 (18)
Свои варианты:	Кино – 2,8 (1); Музыка – 2,8 (1)	Кино – 2,1 (2); Вдохновение – 1,1 (1)
Всего	100,00 (36)	100,00 (94)

Составлено авторами по материалам исследования

Итак, в выборке студентов, у которых регрессия в норме ответ «сами» занимает первое место, на втором – «встречи» с интересными людьми и «события», а на третьем – «родители». В выборке «регрессия выше нормы» на первом месте – «родители», на втором – «сами» и на третьем – «друзья». Таким

образом, в выборке «регрессия в норме» преобладает самостоятельный подход в выборе и постановке целей, а в выборке студентов, у которых регрессия выше нормы, зачастую с целеполаганием помогают родители и друзья.

Проведенный корреляционный анализ позволил обнаружить отрицательные связи между показателями шкалы СЖО «цели в жизни» и механизмами психологической защиты – «подавлением» ($-0,22, p \leq 0,05$), «замещением» ($-0,22, p \leq 0,05$), «регрессией» ($-0,20, p \leq 0,05$). Отрицательная корреляционная связь показателей шкалы «цели в жизни» с «подавлением» выявляет наличие определенного (оптимального) уровня тревоги в виде беспокойства, что стимулирует респондентов к поиску нужных целей в жизни. Чем ниже значение по шкале «цели в жизни», тем выше «подавление» страха у респондентов. Поэтому вместо беспокойства – нарочитая бравада, невозмутимое спокойствие и дистанцированность от проблем [17]. В этом случае (отсутствие цели) эта корреляция обнаруживает отсутствие осознания студентами источника своего внутреннего неблагополучия. Таким образом, «подавление» имеет обратную корреляционную связь не только с «целями в жизни», но и, что логично, с «ощущением неблагополучия при отсутствии целей» ($0,20, p \leq 0,05$). Отрицательная корреляционная связь «целей в жизни» с «замещением» выявила агрессивное поведение у респондентов, которые испытывают затруднения при поиске целей в жизни. В основе «замещения» лежит недостаточно развитый волевой контроль. Агрессия – еще одна проблема, которая, лишает покоя, внутренней глубины, сосредоточения, снижает осознанное отношение к жизни. Отрицательная связь «целей в жизни» с «регрессией» выявляет несамостоятельность в принятии решений респондентами, у которых нет целей, неразвитый самоконтроль и ответственность за свою жизнь и поступки. «Регрессия» связана отрицательной корреляционной связью также и с другими шкалами СЖО: «процесс жизни» ($-0,22, p \leq 0,05$), «локус-Я» ($-0,27, p \leq 0,01$), «локус-жизнь» ($-0,27, p \leq 0,01$), «Осмысленность жизни» ($-0,26, p \leq 0,01$).

«Регрессию» можно считать самой яркой характеристикой исследования, она является интегративным показателем с максимальным количеством корреляционных связей (12): с «замещением» ($0,44, p \leq 0,001$), «проекцией» ($0,31, p \leq 0,001$), «компенсацией» ($0,19, p \leq 0,05$), «интеллектуализацией» ($-0,19, p \leq 0,05$) – одновременное сочетание регрессии и низкой «интеллектуализации» формирует поведение иррациональное и даже взбалмошное. Также авторами обнаружена положительная связь механизма психологической защиты «регрессия» с показателем «родители». Родители помогают ставить цели «регрессивным» студентам ($0,33, p \leq 0,001$). Для этой категории наиболее предпочтительной среди прочих целей-смыслов также становится «Семья» (положительная корреляционная связь с «регрессией» – $0,18, p \leq 0,05$). Все это подчеркивает зависимость студентов с высокой регрессией от семьи, родителей. А саморазвитие для этих студентов теряет свою ценность как цель и смысл, поэтому имеет отрицательную корреляционную связь с регрессией ($-0,20, p \leq 0,05$). Обратная связь регрессии с саморазвитием обусловлена генезисом развития регрессии, исключающим инициативу и творческий поиск, которые так необходимы для саморазвития личности. Шкала «Цели в жизни» имеет положительную корреляционную связь с вариантом ответа «сам/свои интересы» на вопрос анкеты о том, кто или что помогает студентам ставить цели. Это еще раз подчеркивает самостоятельность студентов, способных ставить цели в жизни.

ВЫВОДЫ

По результатам исследования получены следующие основные выводы.

1. Студенты, имеющие цели в жизни, обладают хорошей самооценкой, сопровождаемой положительной социальной репутацией, их уважают и ценят люди.
2. При одновременном сочетании наличия глобальных перспективных целей и субъективного благополучия у студентов наблюдается яркая выраженность показателей по всем шкалам смысловых ориентаций: «цели в жизни» (придающие жизни осмысленность), «процесс жизни» (интерес и эмоциональная насыщенность жизни), «результативность жизни» (продуктивность и удовлетворенность самореализацией), «локус контроля – Я» (сильной личности, отвечающей за воплощение своих целей), «локус контроля – жизнь» (отсутствие фатализма), «осмысленность жизни».
3. Наличие целей у студентов сопряжено с оптимальным уровнем тревоги и напряжения, необходимым для хорошей работоспособности («подавление»), с устойчивостью, самостоятельностью и ответственностью в принятии решений («регрессия»), более спокойным неагрессивным (вдумчивым) эмоциональным фоном настроения («замещение»).

4. Студентам, испытывающим проблемы в постановке целей, присуща чрезмерная интенсивность механизмов психологической защиты; искажая восприятие реального мира, они формируют определенный комплекс личностных черт:

- неустойчивое зависимое поведение, сниженный уровень ответственности, импульсивность, слабость эмоционально-волевого контроля и инициативы, несамостоятельность в принятии решений («регрессия»);
- дистанцированность от проблем, нарочито невозмутимое спокойствие, бравада, отсутствие осознания источника своего внутреннего неблагополучия, слабое осознание действий и поступков («подавление»);
- импульсивное, неуправляемое агрессивное поведение, недостаточно развитый волевой контроль эмоций гнева и ярости («замещение»).

5. Высокая регрессия студентов снижает их показатели по шкалам смысловых ориентаций: «цели в жизни», «процесс жизни», «локус контроля – Я», «локус контроля – жизнь», «осмысленность жизни».

6. Регрессивное поведение студентов, неспособных ставить цели, связано с механизмами психологической защиты: «проекция» (критицизм, подозрительность, мизантропия, внутренняя напряженность) и «замещение» (слабый волевой контроль при раздражительности и агрессивности), сниженная «интеллектуализация» (не логичное, иррациональное поведение), «компенсация» комплексов неполноценности, возможно, с помощью фантазии.

7. Регрессия, купируя самостоятельность, инициативу и творческий поиск, имеет обратную корреляционную связь с саморазвитием.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Механизм психологической защиты – регрессию – можно назвать одним из основных детерминантных факторов в исследовании. Отталкиваясь от него, можно объяснить такие явления, как зависимость студентов от семьи, нежелание нести ответственность за свое будущее, неспособность проявлять инициативу, самостоятельно принимать решения и многое другое. «Регрессия», купируя инициативу и творческий потенциал, препятствует саморазвитию личности. Это частично объясняет, почему человек не способен поставить для себя цели, почему у части студентов первого курса цели отсутствуют.

Полученные результаты дают понимание того, что работа с механизмами психологической защиты – это осознание их наличия у себя, способность честно ответить себе: чего я пытаюсь избежать в реальном мире, чем я недоволен, насколько разнообразны мои интересы, каковы привязанности и т.д. Результаты исследования позволят обратить внимание на внутриличностные процессы, для того чтобы в своей самостоятельной жизни студенты могли направить усилия на адекватное саморазвитие и самовоспитание. Полагаем, что для изучения психологической природы качества жизни необходимы дальнейшие экспериментальные исследования.

Библиографический список

1. Лебедева Е.А. Значение целей в жизни человека и в жизни организации. *International scientific review*. 2015;6(7):84–85.
2. Козлова Н.С., Комарова Е.Н. Особенности субъективного благополучия личности в зависимости от уровня ее образования. *Интеграция образования*. 2015;19-1(78):60–64.
3. Братусь Б.С. *Аномалии личности. Психологический подход*. М.: Никея; 2019. 912 с.
4. Головаха Е.И. Жизненная перспектива и ценностные ориентации личности. *Психология личности*. 2000;256–269.
5. Бодалев А.А. *Основы социально-психологической теории*. М.: Международная педагогическая академия; 1995. 419 с.
6. Deci E.L., Ryan R.M. The “what” and “why” of goal pursuits: Human needs and the self-determination of behavior. *Psychological Inquiry*. 2000;11(4):227–268.
7. Леонтьев Д.А., Сучков Д.Д. Постановка и достижение целей как фактор психологического благополучия. *Психологические исследования*. 2015;8-44:1.
8. Welsh D., Bush J., Thiel C., Bonner J. Reconceptualizing goal setting’s dark side: The ethical consequences of learning versus outcome goals. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. 2019; 150:14–27. <http://dx.doi.org/10.1016/j.obhdp.2018.11.001>
9. Meng Xuan Zhang, Xinrui Wang, Shu M. Yu, Anise M.S. Wu. Purpose in life, social support, and internet gaming disorder among Chinese university students: A 1-year follow-up study. *Addictive Behaviors*. 2019;99:Article 106070. <https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2019.106070>
10. Эммонс Р. *Психология высших устремлений: мотивация и духовность личности*. М.: Смысл; 2004, 416 с.

11. Diener E., Suh E.M., Lucas R.E., Smith H.L. Subjective well-being: Three decades of progress. *Psychological Bulletin*. 1999;125(2):276–302.
12. Chen H-Y., Cheng C-L. Developmental trajectory of purpose identification during adolescence: Links to life satisfaction and depressive symptoms. *Journal of Adolescence*. 2020;80:10–18 <https://doi.org/10.1016/j.adolescence.2020.01.013>
13. Malin H., Morton E., Nadal A., Smith K.A. Purpose and coping with adversity: A repeated measures, mixed-methods study with young adolescents. *Journal of Adolescence*. 2019;76:1–11.
14. Sheldon K.M., Kasser T. Coherence and congruence: Two aspects of personality integration. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1995;68(3):531–543.
15. Леонтьев Д.А. Психология смысла. Природа, строение и динамика смысловой реальности. 2-е изд., испр. М.: Смысл; 2003. 488 с.
16. Wingo A.P., Wingo Th.S., Fan W., Bergquist Sh., Alonso A., Marcus M., Levey A.I. , Lah J.J. Purpose in life is a robust protective factor of reported cognitive decline among late middle-aged adults: The Emory Healthy Aging Study. *Journal of Affective Disorders*. 2020;263;15:310–317 <https://doi.org/10.1016/j.jad.2019.11.124>
17. Осипова Л.В. Эмоциональная составляющая в проблемах постановки целей. *Сборник научных статей национальной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава ФГБОУ ВО «ГУМРФ имени адмирала С.О. Макарова»*. 2022;2:31–36.
18. Леонтьев Д.А. Тест смысло-жизненные ориентации (СЖО). 2-е изд. М.: Смысл; 2000. 18с.
19. Психологическая диагностика индекса жизненного стиля (пособие для врачей и психологов). Л.И. Вассермана (ред.). СПб.: ПНИ; 2005. 54 с.
20. Голынкина Е.А., Исурин Г.А., Кайдановская Е.В. и др. Гиссенский личностный опросник. СПб.: Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и неврологии имени В.М. Бехтерева; 1993. 22 с.

References

1. Lebedeva E.A. The value of goals in human life and in the life of an organization. *International scientific review*. 2015;6(7):84–85.
2. Kozlova N.S., Komarova E.N. Features of the subjective well-being of a person depending on the level of her education. *Education integration*. 2015;19-1(78):60–64.
3. Bratus B.S. *Personality anomalies. Psychological approach*. Moscow: Nikeya; 2019. (In Russian).
4. Golovakha E.I. Life perspective and value orientations of the individual. *Psychology of Personality*. 2000:256–269.
5. Bodalev A.A. *Fundamentals of socio-psychological theory*. Moscow: International Pedagogical Academy; 1995. (In Russian).
6. Deci E.L., Ryan R.M. The “what” and “why” of goal pursuits: Human needs and the self-determination of behavior. *Psychological Inquiry*. 2000;11(4):227–268.
7. Leontiev D.A., Suchkov D.D. Setting and achieving goals as a factor in psychological well-being. *Psychological research*. 2015;8-44:1.
8. Welsh D., Bush J., Thiel C., Bonner J. Reconceptualizing goal setting's dark side: The ethical consequences of learning versus outcome goals. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. 2019; 150:14–27. <http://dx.doi.org/10.1016/j.obhdp.2018.11.001>
9. Meng Xuan Zhang, Xinrui Wang, Shu M. Yu, Anise M.S. Wu. Purpose in life, social support, and internet gaming disorder among Chinese university students: A 1-year follow-up study. *Addictive Behaviors*. 2019;99:Article 106070. <https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2019.106070>
10. Emmons R. *Psychology of higher aspirations: motivation and spirituality of personality*. Moscow: Smysl; 2004. (In Russian).
11. Diener E., Suh E.M., Lucas R.E., Smith H.L. Subjective well-being: Three decades of progress. *Psychological Bulletin*. 1999;125(2):276–302.
12. Chen H-Y., Cheng C-L. Developmental trajectory of purpose identification during adolescence: Links to life satisfaction and depressive symptoms. *Journal of Adolescence*. 2020;80:10–18 <https://doi.org/10.1016/j.adolescence.2020.01.013>
13. Malin H., Morton E., Nadal A., Smith K.A. Purpose and coping with adversity: A repeated measures, mixed-methods study with young adolescents. *Journal of Adolescence*. 2019;76:1–11.
14. Sheldon K.M., Kasser T. Coherence and congruence: Two aspects of personality integration. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1995;68(3):531–543.
15. Leontiev D.A. *Psychology of meaning. Nature, structure and dynamics of semantic reality*. 2nd ed., rev. Moscow: Smysl; 2003. (In Russian).
16. Wingo A.P., Wingo Th.S., Fan W., Bergquist Sh., Alonso A., Marcus M., Levey A.I. , Lah J.J. Pur- pose in life is a robust protective factor of reported cognitive decline among late middle-aged adults: The Emory Healthy Aging Study. *Journal of Affective Disorders*. 2020;263;15:310–317. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2019.11.124>
17. Osipova L.V. Emotional component in the problems of setting goals. *Proceedings of the national scientific and practical conference of the Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping teaching staff*. 2022;2:31–36.
18. Leontiev D.A. *Meaningful life orientations test*. 2nd ed. Moscow: Smysl; 2000. (In Russian).
19. *Psychological diagnostics of the life style index (a manual for doctors and psychologists)*. L.I. Wasserman (ed.). St. Petersburg: PNI; 2005. (In Russian).
20. Golynkina E.A., Isurina G.L., Kaidanovskaya E.V. et al. *Giessen personality questionnaire*. St. Petersburg: Bekhterev Psychoneurological Institute; 1993. (In Russian).